

Российская Академия Наук
Институт философии

СВОБОДНОЕ СЛОВО

Интеллектуальная хроника

Альманах 2007/2008

Москва
2008

УДК 323.5
ББК 63.3(2)65
С 25

Составитель и ответственный редактор
доктор филос. наук *В.И. Толстых*

Ученый секретарь
М.Р. Буржете

Рецензенты
доктор филос. наук *В.Ж. Келле*
доктор филол. наук *Л.А. Софронова*

С 25 **Свободное слово. Интеллектуальная хроника: Альманах 2007/2008 [Текст] /** Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Сост. и отв. ред. *В.И. Толстых*. — М. : ИФРАН, 2008. — 342 с. ; 20 см. — 500 экз. — ISBN 978-5-9540-0130-3.

Альманах теоретического клуба Института философии РАН является одиннадцатой книгой публикаций сокращенных стенограмм клубных дискуссий, опубликованных ранее (1996–2007 гг.), в которых обсуждаются актуальные и злободневные вопросы социально – экономического и социокультурного развития современной России. Публикуются материалы, связанные с 20-лением клуба «Свободное слово».

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся проблемами развития постсоветской действительности.

От знания к пониманию. Памяти Александра Александровича Зиновьева	5
Украина и Россия. Диалог культур в прошлом и настоящем	41
Информационные процессы на постсоветском пространстве	86
Октябрь семнадцатого: что это было? К 90-летию Октябрьской революции	103
Ренессанс и советская культура: общность противоречий	151
Истина как проблема	181
Социалистическая перспектива XXI века и мир культуры. «Свободное слово» на 2-м Форуме социалистических партий.	
Президент-отель. Москва, 24 апреля 2008 г.	233
Желтый дом на Волхонке. К 80-летию Института философии	274
Авторы Альманаха 2007/2008	309
Двадцать лет «Свободного слова». Вместо отчета	311
Заседания и публикации Клуба: 1988–2008 гг.	317
Члены Клуба	338
Гости Клуба	340

ОТ ЗНАНИЯ К ПОНИМАНИЮ

Памяти Александра Александровича Зиновьева

23 мая 2007 г.

Толстых В.И.

Наше заседание посвящено памяти Александра Александровича Зиновьева, выдающегося мыслителя и гражданина. 10 мая на Новодевичьем кладбище был открыт памятник, красивый и точный по своему замыслу, что его друзья и поклонники оценили по достоинству. Но, конечно, лучше, чтобы Александр Александрович был бы сейчас здесь, и мы вместе с ним обсуждали проблему, которой посвящена его посмертная книга «Фактор понимания». Это проблема — одна из множества других, интересовавших Зиновьева.

Для клуба «Свободное слово» Зиновьев человек *свой*, давно и хорошо знакомый. В этом же зале, в 1991 г., произошла наша первая встреча с ним, в его отсутствие, когда он, высланный, находился за границей вместе с семьей. Говорили на тему «Советское общество и советский человек. Точка зрения Александра Зиновьева». Симптоматичен сам этот факт: ведь тогда под вопрос было поставлено само существование Советского Союза, и клуб обратился за советом именно к Александру Зиновьеву.

В 1993-м г. — что это был за год, вы помните — состоялась встреча с ним, во время его посещения Москвы, на Васильевской, 13, в конференц-зале Союза кинематографистов, на которой присутствовали многие из присутствующих здесь. И произошел многочасовой разговор, был жаркий спор, где Александр Александрович не отчитывался, а излагал свой взгляд и понимание происходящего в России. Разговор и спор освещены в нашем альманахе. А затем он выступил у нас с докладом, посвятив его идеологии будущего. Так что для нас и Клуба Александр Александрович — человек близкий, можно сказать, родной.

Лично я книгу «Фактор понимания» испещрил своими вопросами, вспомнил при этом своего давнего кумира — Александра Ивановича Герцена. В его тогда предсмертном произведении — «Письма к старому товарищу» — первое из писем посвящено как раз проблеме знания и понимания. И там сказано, что «знание и понимание не возьмешь никаким наскоком и переворотом». Просто нас бесит и душит сама медлительность и непредсказуемость исторического хода развития, и отсюда, по Герцену, тяга к насилию, ускорению самих событий, эта ненужная и вредная торопливость, мешающая и знанию, и пониманию. В то время как вся проблема заключается в объединении человеческих стремлений и деятельности, и в согласовании их для общего блага. Вот тогда проблема понимания и знания выступает своей конструктивной и продуктивной стороной.

Этим примером я хотел отметить уровень мыслительной постановки интересующей нас теоретического и жизненной проблемы, ибо совсем не случайно происходит историческая перекличка двух замечательных мыслителей и граждан России, ни кем не спланированная, но столь знаменательная и показательная. Лично для меня важнейшим признаком социальной, гражданской высоты и значимости интеллектуала современной России является его интерес и посильное участие в судьбе и будущем нашей страны.

В качестве ведущих я пригласил, во-первых, Андрея Ильича Фурсова, много и успешно занимавшегося творчеством Зиновьева. Да и сама формула нашего обсуждения «От знания к пониманию» принадлежит не мне, а именно Андрею Ильичу. Так была озаглавлена большая его статья в Литературке. Во-вторых, я, признаюсь, начал искать второго ведущего, который бы знал Зиновьев и был бы связан с Московским университетом. Мне подсказали, и я попросил стать ведущим профессора МГУ Юрия Васильевича Ивлева, и он любезно согласился. Ему я и предоставляю первое слово.

ИВЛЕВ Ю.В.

Существуют логические критерии научности познания. Это одна из составляющих критериев научности. С логической точки зрения, сначала следует придать смыслы (значения) выражениям «знание» и «понимание». Лучший способ придания смыслов выражениям — связать с ними возможные понятия. Если этого сделать не удастся (в обычной речи выражения расплывчаты — их употребляют как попало), то следует договориться (ввести номинальные определения). Иначе дискуссии не получится.

Далее следует сформулировать проблему. Что надо решать? При этом потребуются переопределение выражений, так как определение должно быть целесообразным, то есть предназначенным для решения поставленной проблемы; определение должно быть эффективным, то есть должен быть указан способ распознавания признаков, указанных в определяющем выражении.

Смыслы слова «знание»: (1-й) знание — суждение, концепция, решение, в истинности или правильности которого есть убеждение или мнение, или предположение, что данное положение может быть обосновано; (2-й) знание — это то, что полностью обосновано (доказано логически или фактуально).

Смыслы слова «понимание». Понимать (что-то) — значит знать и понимать, о чем идет речь. Если дано предложение, то для его понимания достаточно знать значения выражений, входящих в него. Это относится и к выражению «знание и понимание». Поскольку указать объекты, являющиеся значениями этих выражений нельзя, нужно, по крайней мере, привести примеры знания и понимания.

Пример. Россия стремится в ВТО. Это известно. Это выражение понятно. Мы это знаем и понимаем. При этом понимать способ обоснования положения — это знать, что послышки (аргументы) обоснованы и каждый переход от посылок к заключению правильный. Надо иметь аргументацию положения. Скажем, не всем известно, зачем идти в ВТО. Обычно не приводятся аргументы относительно выгодных и невыгодных последствий вступления в ВТО. Нет аргументации. Положение может быть аргументировано, даже доказано, но убеждения в его истинности может и не быть. Например, известные философы знали доказательство теоремы Пифагора, но убеждения в истинности утверждения теоремы у них не было.

Понимать — значит иметь убеждение в правильности (истинности, целесообразности и т.д.) положения. Иначе говоря, иметь объяснение правильности положения, объяснение явления и т.д. или иметь иллюстрацию (наглядность). Однако убеждения без аргументации недостаточно. Пример. Леонардо да Винчи пишет: «297. Здесь сделано будет заключение, что то, что светит у луны, есть вода, подобная воде наших морей и так же разлитая; и что то, что у неё не светит, суть острова и суша. 298. Луна собственного света не имеет, и лишь постольку, постольку солнце ее видит, постольку оно делает ее светлой, и этой светлостью видим мы столько, сколько светлости видит она у нас. И ночь ее получает столько блеска, сколько доставляют ей наши воды, отбрасывая отображение солнца, которое отражается во всех водах, видных солнцу и луне.

Покров, или, вернее, поверхность воды, из которой образуется море луны и море нашей земли, всегда испещрен складками, мало или много, больше или меньше, и складки эти являются причиной распространения бесчисленных образов солнца, отраженных на буграх и впадинах, на боковых и передних сторонах бесчисленных складок, т.е. во стольких различных местах каждой складки, сколько есть разных мест у наблюдающих их глаз. Это произойти не могло бы, если бы сфера воды, покрывающая луну, в значительной ее части была бы гладко закругленной, ибо тогда отображение солнца было бы для каждого глаза одним, и отражение было бы обособленным, и блеск всегда был бы шаровидным, как это ясно показывают золоченые шары на вершинах высоких зданий. Но если бы такие золоченые шары были морщинисты и состояли из мелких шаров, как тутовые ягоды, — черные плоды, состоящие из мелких круглых шариков, — тогда каждая из частей этого шара, видимая солнцу и глазу. Явила бы блеск, произведенный отражением солнца, и так в одном и том же теле видны были бы многие мельчайшие солнца, часто из-за большого расстояния соединяющиеся и кажущиеся слитными» [*Леонардо да Винчи*. Избр. произведения. Т. 1. СПб.—М., 1999. С. 228—229]. Однако, есть аргументация, и есть убеждение, к чему следует стремиться. В этом смысле говорит о понимании А.А.Зиновьев.

Все эти смыслы не единственные. Они выделены в аспекте сформулированной ниже проблемы. Для решения других проблем следует выделять другие смыслы. То есть можно употреблять слова «знание» и «понимание» соответственно как «положение, которое может быть обосновано» и как «положение, которое обосновано, и в этом есть убеждение».

Как сформулировать проблему «От знания к пониманию»?

Общая проблема: каков механизм перехода от положения, которое может быть обосновано, к положению, которое обосновано и в правильности (истинности, целесообразности и т.д.) которого есть убеждение?

Частные проблемы: как обосновать данное положение и выработать убеждение (собственное убеждение или убедить других) в его правильности?

Может ли быть книга А.А. Зиновьева «Фактор понимания» руководством в решении этих проблем?

— Только отчасти.

— Почему?

— А.А.Зиновьев — человек выдающийся. Он руководствовался не только предлагаемой им методологией, но и интуицией. Большинство людей — ремесленники. Им нужны технологии решения проблем.

Так что нужно разработать примерные технологии перехода от знания к пониманию, а потом каждый разработает на основе этих примерных технологий собственные технологии.

Фурсов А.И.

Не буду повторять то, что уже сам написал об Александре Александровиче Зиновьеве в статье «Великий вопрекист» (опубликовано в книге «Феномен Зиновьева», газетный вариант — в «Завтра»). Предыдущий выступавший говорил о соотношении знания и понимания, поэтому я не буду долго останавливаться на этом вопросе. Разумеется, знание невозможно без понимания, и наоборот. Тем не менее, это разные вещи. Например, древние считали, что Солнце вращается вокруг Земли, и эмпирические данные наблюдения это подтверждали. Но это было ошибочное знание.

Пример другого рода: древнеегипетские и вавилонские жрецы эмпирически знали, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов, но им не приходило в голову теоретически доказывать это, как это сделал Пифагор. Можно сказать, что понимание — это *знание причин*, и если речь идёт о сложных явлениях, то это всегда *теоретическое знание*.

Хочу поговорить о соотношении знания и понимания в науке об обществе и связанной с ней частью образования. Отставание знания от понимания — обычная вещь, норма. У Т.Куна есть такое понятие — «нормальная наука», т.е. наука, которая решает головоломки, но не видит тайн. Речь идёт о знании в рамках заданного, а потому не совершенствующегося понимания. Повторю: отставание понимания от знания — норма. Вопрос в том, отставание на сколько, на какой срок является нормальным? Разумеется, определение разрыва между пониманием и знанием будет носить в определённой степени импрессионистский характер. И всё же, работая, с одной стороны в Институте научной информации по общественным наукам РАН, т.е. анализируя мировые научные информпотоки, и в то же время работая в других научных и образовательных учреждениях, рискну утверждать о наличии у нас разрыва, во-первых, между научно-информационной средой обитания среднего научного сотрудника и преподавателя и мировым информпотоком; во-вторых, между знанием и пониманием, приблизительно в 20–30 лет. Это очень много. А если учесть, что именно за эти 20–30 лет произошёл *качественный сдвиг* в развитии мировой системы, то это катастрофически много.

Причин отставания несколько. Первая очевидна – мир меняется быстрее, чем мы успеваем это фиксировать и описывать (не говоря уже о том, чтобы объяснять). Крушение коммунизма, распад СССР, хаотизация мировой системы под маской монополярного мира, ослабление и/или упадок нации-государства и среднего класса, кризис привычных форм социокультурной идентичности, рост экономической поляризации, криминализация, неоварваризация и неоархаизация ряда сегментов мировой системы в целом и нашей страны в частности – от всего этого, действительно, можно погрузиться в непонимание.

Во-вторых, это катастрофа 1990-х гг., которая произвела разруху не только в экономике, но и в головах. Мало того, что большинство учёных не было готово к такому варианту развития страны, к нам хлынул мутный поток западных дисциплин – социологии, политологии, которые, переживая кризис у себя на Западе, потекли к нам, найдя здесь благоприятную почву, удобряемую грантами. Результат – формирование имитационного обществознания компрадорского типа, принципиально неспособного исследовать ни Россию, ни мир, рисующего такие картинки реальности, которые устраивают властных заказчиков и грантодателей.

В-третьих, кризис прогрессистских идеологий либерализма и марксизма, подрывающий не только эти идеологии, но и всю геокультуру Просвещения.

В-четвёртых, детеретизация знания, совпавшая, с одной стороны, с враждебным любой теории постмодернизмом, с другой, с превращением информационных факторов производства в решающие в самом материальном производстве, а следовательно подлежащие отчуждению. Отчуждение информационных (духовных) факторов производства, монополия на них в сфере науки об обществе проявляется в настроенном отношении власти к теории.

В-пятых, в обществе, называемом «информационным», «постиндустриальным» и т.п., возможности власти и корпораций манипулировать общественным сознанием, интеллектуальной сферой, превращая часть интеллигенции в медиаинтеллектуалов и культурбуржуазию, резко увеличиваются. Главная цель манипуляции – затруднить понимание происходящего, возможность представить цельную картину реальности, подменив её суммой разнокалиберных и плохо сочетаемых частностей.

Особо стоит сказать о таком факторе, как неадекватность современной дисциплинарной сетки наук об обществе нынешним социальным процессам. Современное обществознание оформилось в

1830–1930-е гг. как наука об определённом типе общества – буржуазном, североатлантическом ядре капиталистической системы. Как понятийный и дисциплинарное отражение этого типа общества и для его исследования. В буржуазном обществе власть отделена от собственности; социум довольно чётко разделен на экономическую («рынок»), социальную («гражданское общество») и политическую («политика», «государство») сферы. Соответственно этим сферам и для их анализа оформились экономика (базовая единица исследования – рынок), социология (базовая единица исследования – гражданское общество) и политическая наука (базовые единицы – политическая сфера, государство).

Вплоть до конца 1960-х гг. эта дисциплинарная сетка, её науки, их методологии и понятийный аппарат в целом удовлетворительно описывала и объясняла мир. Хотя XX в. преподнёс ей три сюрприза, которые она не только не смогла предвидеть, но и толком объяснить: коммунизм, фашизм и национально-освободительное движение. В послевоенный период со всем этим внешне справились, кое-как залатав концептуальные прорехи с помощью теорий «традиционного общества», «модернизации» и «тоталитаризма». Однако последняя треть XX в. принесла новые сюрпризы – глобализация, исламский фундаментализм, крах коммунизма и распад СССР, качественные изменения в капиталистической системе, связанные с научно-технической революцией, укреплением и выходом на первый план корпоратократии – молодой и хищной фракции мировой буржуазии и ряд других процессов.

Суть этих процессов заключалась в том, что базовые единицы исследования, по поводу которых социология и политическая наука конституировались как дисциплины, начали деформироваться, слабеть, таять. На Западе написано много работ об упадке нации-государства, о вытеснении политики комбинацией административной системы и шоу-бизнеса, об ослаблении гражданского общества. Иными словами, даже буржуазная реальность во всё меньшей степени помещалась в рамки конвенциональной науки об обществе (не случайно уже в 1970-е гг. делаются попытки создать если не альтернативные дисциплины, то по крайней мере новые эпистемологические поля – мир-системный анализ И.Валлерстайна, теории М.Фуко, Э.Саиды, Р.Гухи и др.). А что же говорить о *небуржуазной* реальности – докапиталистических и антикапиталистических обществах? Как с помощью конвенциональной науки, созданной для анализа такой социальной системы, где власть и собственность обособлены, исследовать системы, где социальное господство ещё не обособилось на

власть и собственность? Как быть с изучением обществ, где религия и политика, если пользоваться европейскими терминами, не выделены из некоего целого?

Например, мы часто слышим, что ислам — это недифференцированное единство религии и политики. Но если это недифференцированное единство, то откуда мы знаем, что это религия и политика? Получается, мы наблюдаем нечто, некую субстанцию, которая — с нашей точки зрения — функционирует как религия и политика и квалифицируем это нечто как единство, комбинацию и т.п. религии и политики. Это грубая логическая ошибка, причём двойная: во-первых, мы функцию отождествляем с субстанцией; во-вторых, саму эту субстанцию конструируем ошибочно — на западоцентричный манер.

Примеры неадекватного восприятия и концептуализации реальности посредством современной западоцентричной науки (которая по-своему демонстрирует не меньший разрыв между знанием и пониманием, чем советский истмат) можно множить. Сейчас имеет смысл взглянуть на то, какие попытки предпринимались в современной науке об обществе для сокращения разрыва между пониманием и знанием.

Прежде всего, междисциплинарные исследования. В этой сфере было достигнуто немало хороших результатов, однако у междисциплинарности (на практике это очень хорошо показывает история школы «Анналов») есть серьёзный ограничитель: как говорил один «любимец партии», из тысячи джонок не сделать одного броненосца, несколько разных дисциплин не превратить в нечто гомогенное, это всегда будет сумма с доминированием какой-то одной из дисциплин. Междисциплинарный анализ позволяет лучше, глубже понять части изучаемого целого, но не само целое. Попытки использовать междисциплинарный подход с применением дисциплин, отражающих реалии Запада, капитализма к незападным и некапиталистическим обществам, будь то традиционные азиатские общества или СССР, провалились. Здесь нужны не меж- и мультидисциплинарность, а дисциплина, адекватно отражающая объект исследования как целое. И если такой дисциплины нет, её надо создать. В противном случае междисциплинарность уводит в дурную бесконечность мелкотемья. То, что школа «Анналов» стартовала с широкомасштабных исследований целых эпох и регионов, а закончила структурами повседневности, социальной историей еды, праздников, жизни крестьян в одной, отдалённо взятой деревне, весьма символично.

Вторым вариантом решения проблем, возникающих в результате разрыва между знанием и пониманием, стал (особенно с 1980-х гг.) уход в эмпирические исследования. Эдакая неоидиография, второе (и сильно

ухудшенное) издание ранкеанства. Ясно, однако, что это тупик: эмпирическое исследование не даёт понимания ни самого исследуемого объекта, ни тем более системы, элементом которой он является; я уже не говорю о принципиальной ограниченности любого индуктивного знания.

Положительным и по сути единственно возможным способом (методом) преодоления разрыва между знанием и пониманием может быть *опережающее понимание*. Именно это мы часто видим в работах А.А.Зиновьева.

Опережающее понимание — не роскошь, а способ выхода из тех трудностей, в которых мы оказались. Ведь по сути мы должны констатировать, что неадекватно понимаем и плохо знаем:

что такое Россия как социальный организм, русская история как процесс и структура;

как устроен, как работает современный мир, как он управляется мировой «железной пятой»;

как функционирует Россия в современном мире, каково её реальное место в нём.

Более того, в связи с этим мы ставим ложные вопросы, плутаем среди ложных проблем. Например, не так давно я участвовал в «круглом столе», посвящённом проблеме нынешней властной элите. Главным вопросом был: какая элита нужна России? Но разве это главный вопрос? Ведь ясно, какая нужна элита — компетентная, честная и т.д. Вопрос в другом: какая властная элита возможна в РФ, во-первых, на основе тех социально-экономических отношений, которые сложились в 1990-е гг.; во-вторых, в том «коридоре возможностей» мирового порядка, в котором существует РФ. Но в том-то и дело, что ни «во-первых», ни «во-вторых» реально у нас не исследуется.

Весьма важным аспектом проблемы «знание — понимание» является социально-психологический. Каков субъект разрыва между знанием и пониманием, если этот разрыв материализуется в определённых структурах, практиках, типах отношений. Я не случайно назвал А.А.Зиновьева «вопрекистом» — пришлось придумать такое слово. Любой человек, который ставит себе задачу социального понимания, хочет он того или нет, объективно вступает в тройной конфликт.

Во-первых, он вступает в конфликт со своей профессиональной средой как с коллективным социальным индивидом, и чем он профессиональнее, тем острее конфликт.

Во-вторых, в конфликт с существующей организацией знания: как правило, ему в ней тесно и, начиная разрабатывать альтернативные подходы понимания реальности, он приходит к необходимости создания альтернативных дисциплин и альтернативных организационных форм.

В-третьих, в той или иной форме «пониматель» вступает в конфликт с социальной системой. Настоящее социальное понимание, каков бы ни был его объект — древний Рим, ацтеки или Франция XIX в. — предполагает прежде всего адекватное понимание системы, в которой живёшь. Я не верю ни в аналитические возможности, ни в способности понимания тех, кто пишет работы о других странах и временах, но не способен понять и проанализировать современность своей страны, даже если он не является специалистом по ней. Без секретов своей системы нельзя понять чужие. Пониматель — это универсальная «думательная машина» (термин А.А.Зиновьева), ей не важен объект; здесь важен субъект, который способен превратить в объект понимания любой предмет, включая себя самого.

Ergo: необходимое условие для научного социального понимания — это вопрекизм как произвольная социальная позиция по отношению к любым социальным индивидам, структурам и институтам, внеположенным процессу познания как понимания, т.е. *познания конечных причин*, вспомнив Маркса, его фразу о том, что быть радикальным значит идти до конца — причём ясно, что «до конца» в двух смыслах). Это произвольная позиция по отношению к профессиональной среде как социальному индивиду, к оргформам наличного знания, к социальной системе. По сути это позиция субъекта, постоянной субъектности как жизненной стратегии — штука очень нелёгкая, и не случайно в фильме о нём Александр Александрович говорит, что никому не рекомендует повторять его жизнебытийный эксперимент. Иными словами, научное понимание — это не только проблема научной стратегии, выбора теории и т.д., это проблема выбора жизненной стратегии — жизни и судьбы.

МЕЖУЕВ В.М.

Я не считаю себя знатоком творчества Зиновьева — ни как логика, ни как социолога. Не был его учеником, соратником и даже близким другом, хотя в течение всего нашего знакомства мы хорошо относились друг к другу и не сказали друг о друге ни одного худого слова. Разумеется, читал многое из написанного им (хотя, конечно, далеко не все), но воспринимал его книги, честно говоря, не столько как науку, а как своего рода социологическую публицистику, написанную с присущим Зиновьеву умом и талантом. Как всякий истинно русский мыслитель, он мыслил не столько в строго систематической форме теоретического знания с ее понятийным языком, сколько в форме литературных образов, метафор, иносказаний и пр. Его язык

полон придуманных им оксиморонов, которые он ввел в широкий оборот («зияющие высоты», «катастройка», «человеиник» и пр.). Да и он сам называл себя основоположником особого литературного жанра, названного им социологическим романом. Он, как мне кажется, обладал даром выдающегося сатирика и социального критика, способного улавливать в происходящем, прежде всего, его негативную, теневую сторону, порой предельно гиперболизируя ее в своем творчестве. Светлая, радостная, внушающая надежду и оптимизм сторона жизни его как-то интересовала меньше. Поэтому все написанное им выглядит как огромный памфлет на окружающий мир и современное человечество. Но, повторяю, я не берусь судить о реальном вкладе Зиновьева в логику и теоретическую социологию. Пусть это делают специалисты. И мне не совсем ясно, в каком отношении имя Зиновьева упоминается здесь в связи с проблемой соотношения знания и понимания. Никто пока еще не разъяснил мне, в чем состоит эта связь.

Мне кажется, для логиков типа Ильенкова и Зиновьева (при всей их полярности) проблемы понимания как особой проблемы, отличной от проблемы знания, просто не существовало. У Ильенкова есть статья, посвященная герменевтике, в которой он учинил последней настоящий разгром. Думаю, и для Зиновьева понимание — не столько особая мыслительная процедура, сколько другое название осуществляемой им теоретической работы, используемой им логики исследования. У меня сложилось впечатление, что и для участников нашего разговора проблема понимания сведена к какому-то типу логического рассуждения. На мой взгляд, это говорит о совершеннейшем непонимании проблемы понимания (простите, за такую тавтологию) в том ее виде, как она ставится и разрабатывается в современной гуманитарной и исторической науке.

Проблема понимания возникла как антитеза чисто логическому процессу познания мира. В отличие от логики (формальной или диалектической) как теории познания герменевтика (искусство понимания) возникла, прежде всего, как психологическая процедура истолкования и интерпретации чужой речи — устной и письменной. В этом смысле проблема понимания — нечто противоположное логической проблеме объяснения. Природу, как говорил Дильтей, мы объясняем, а человеческую жизнь, историю понимаем. Понимание также связано со знанием, но последнее есть нечто иное, чем просто логический вывод. Проблема понимания была разработана, прежде всего, на материале исторических наук, которые в отличие от наук о природе требуют вживания в чужую жизнь, в другие эпохи и культуры, обладающие собственным самосознанием и своим голосом.

Попытаюсь на простом примере пояснить условие вхождения в герменевтическую ситуацию, требующую не логического объяснения, а понимания. Когда я встречаю другого человека, с которым прямо не связан, но который мне почему-то интересен, первый вопрос, который я задаю себе, звучит следующим образом: кто он? Здесь я — субъект, поскольку сам задаю вопрос и сам же на него отвечаю, тогда как другой — всего лишь объект наблюдения, лишенный собственного голоса. Это и есть процедура объяснения. Она есть метод наук, изучающих природу и общество в качестве объектов знания. Но ведь перед другим человеком (эпохой, культурой) можно поставить и другой вопрос — кто ты? Здесь задача состоит в том, чтобы услышать и понять, что говорит о себе этот другой. Это и есть процедура понимания. На этом принципе работает вся гуманитарная наука, имеющая дело с письменными источниками, за каждым из которых стоит свой автор. Есть и третья процедура (М. Бахтин называл ее творческой герменевтикой), когда я спрашиваю у другого о том, как он понимает меня, кто я. Она лежит в основании диалога культур, позволяя рождать новые смыслы. Когда, например, режиссер ставит классическую пьесу на современной сцене, он должен понять не только то, что хотел сказать автор о себе и своем времени, но и чем его произведение может быть интересно нам, живущим в настоящем. Возникает процедура интерпретации, извлекающая из классического произведения новый смысл, благодаря чему оно только и живет в культуре. Это и есть *творческая герменевтика*. Понять можно только другого человека, мертвое тело понять нельзя, его можно только объяснить. Если логика имеет дело с объектом познания, так сказать, объективирует мир, то понимание пытается постигнуть живую человеческую личность в качестве не просто объекта, но самостоятельного и автономного субъекта. Скажу еще проще: логическое знание имеет дело с необходимостью — природной или социальной, понимание — со свободой.

Но и понимание столкнулось с проблемой, получившей название *герменевтического круга*, когда одно отсылает к другому, без наличия между ними какого-то опосредующего звена. Чтобы понять себя, я должен обратиться к другому, но другой может быть понят лишь в соотношении со мной. Как выйти из этого круга? Не буду воспроизводить здесь всю последующую полемику вокруг этой проблемы (от Хайдеггера до Гадамера — основоположника философской герменевтики). Могу только сказать, что логика понимания, если таковая имеется, есть не логика познания, а логика общения, диалога, человеческой коммуникации, к которой и приковано сегодня основное внимание всех, пишущих на данную тему. Понять другого (а,

следовательно, и себя) — значит, вступить в такой межчеловеческий, межиндивидуальный контакт, в котором каждый — не просто объект познания и управления со стороны другого, а свободно мыслящий и самостоятельно действующий субъект.

Мне кажется, что Зиновьев рисует прямо противоположную картину современного мира, причем довольно реалистическую, в которой нет места человеческой субъективности, а, следовательно, и пониманию людьми друг друга. Этот мир может быть теоретически познан, он может стать объектом самого строгого социологического знания (на что, собственно, и претендовал, сам Зиновьев), но он совершенно закрыт для человеческого взаимопонимания. В какой-то мере в своей манере мыслить, говорить и писать он сам демонстрировал эту закрытость. Он и жил, похоже, с сознанием своей интеллектуальной обособленности, своей невозможности идентифицировать себя (теоретически идентифицировать) хоть с каким-то научным сообществом. Социум предстает в его сочинениях исключительно как объект внешнего наблюдения и описания, в котором уже нет ничего, с чем можно себя отождествить, назвать своим и близким. Я назвал бы эту позицию позицией трагического одиночества в мире, в котором интеллект способен выжить лишь за счет своей самоизоляции и способности к беспристрастному анализу.

Может быть, в своей оценке сложившейся ситуации и своего собственного места в ней, он и прав, но при чем здесь проблема понимания?

Федотова В.Г.

В науке существуют две основные исследовательские программы. Одна — натуралистическая, которая рассматривает любой изучаемый объект как вещь, то есть объективируя его, и апологетов такого подхода очень много. И есть концепция инаучности, культуроцентристская программа, которая говорит, что мы рассматриваем социальные предметы не как вещи, а как субъекты, обладающие собственными способностями. Ф.Хайек, как ни странно, предлагает такую программу. Но обе они становятся в XX в. общенаучными. Оказывается, что можно социологию построить по Т.Парсонсу, по Р.Мертону, а можно по А.Шуцу, можно герменевтическую социологию сделать, где проблема понимания будет ведущей проблемой и где понимание не может быть представлено как логическая процедура. Культуроцентристская программа дает способность показать другому, кто он такой и самому встать на место другого. И понимание в ней дает способность продолжить деятельность. Если люди не понимают

друг друга, они не могут продолжить общение. Если они понимают друг друга, они могут продолжить общение. И, кстати, в советской литературе, как ни странно, где была марксистская доминанта на такие натуралистические программы, проблема понимания возникла в физике. Почему? Было обнаружено, что в условиях, когда нет наглядности, как в квантовой механике, открытие новых частиц происходит путем онтологизации математических объектов. Помню, я работала в Физтехе, когда открыли кварк. Физики не знали, что такое кварк. Как математический объект они ввели его для того, чтобы продолжить деятельность, ради понимания, а не объяснения. И когда Н. Бор говорит о корпускулярном волновом дуализме — это всего лишь попытка продолжить деятельность за счет компромисса на уровне восприятия.

В докладе Андрея Ильича кризис социальных наук хорошо показан, и он касается как гуманитарных наук, понимающих в этой программе, так и других наук. И.Валлерстайн прав, толкуя имеющееся разделение наук как результат господства в XIX в. либеральной традиции, которая отделила общество от государства и экономику от общества. Сегодня в междисциплинарных исследованиях, например, я знаю его Гульбекианскую программу для Стэндфордского университета, Валлерстайн показывает, что надо изучать проблему и учиться взаимодействовать при исследовании проблем.

Но когда мы говорим о Зиновьеве, мы имеем в виду не это. Это не та проблема, которая могла вызвать его страсть. Он говорит о том, что много знающих, и мало понимающих. Появляются научные экспертизы, основанные не на понимании, а на знании. Например, такие, в которых технические эксперты берутся подтвердить какие-то политические решения. Т.Рузвельт, В Вильсон поражались этому и противились экспертизам. А Франклин Рузвельт это уже принимал. Позже Дж.Гэлбрейт говорил о технократии как форме власти, основанной на использовании знаний экспертов. В случае Зиновьева, он работает просто как ученый, призывает к пониманию, работать с картиной мира и считает возможным выйти за пределы технократической ограниченности. И потому он великий вопрошник.

Раскин И.А.

Меня зовут Илья Раскин. Я вернусь к проблеме знания и понимания... Был такой у нас философ — Борис Грязнов. Надеюсь, многие из присутствующих его знали в свое время. Однажды он сделал доклад на тему — как возможно понимающее естествознание. Доклад не опубли-

кован, и поэтому воспроизвожу по памяти и тезисно его основную логику. Основные позиции такие. Знание отвечает на вопросы — «что?», «как?» и «почему?». Понимание отвечает преимущественно на вопрос «зачем?». Соответственно, три основные функции науки — понимание, объяснение и доказательство соответствуют ответу на вопросы — «что?», «как?» и «почему?». Понимание — это отдельная функция, которая всегда отвечает на вопрос «зачем?». Вопрос «зачем?» в естествознании запрещен, как известно. И можно предположить понимающее естествознание — «зачем такая природа?» при той гипотезе, что природу целесообразно кто-то создал. Когда мы отвечаем на вопрос «какие цели преследовал Создатель?», мы получаем понимающее естествознание.

Реплика. — Это кантовское представление.

Раскин И.А. — Да, он был кантианцем. Поэтому понимающим естествознанием занимаются либо религиозно ориентированные естествовники, или естественнонаучно ориентированные теологи, скажем так.

Реплика. — Метафизики.

Раскин И.А. — Да. То же самое можно отнести к гуманитарным и общественным наукам. Их, конечно, приходится делить на общественные и гуманитарные, это понятно. Что касается такой гуманитарной науки, как история, то понимающей она может быть тоже с большой натяжкой. Историю человечества можно понять, если предположить наличие цели в истории. Давайте предположим, что история человечества строится сознательно, — кем, интересно? — тогда мы будем понимать историю человечества. Но у человечества нет такой цели, как выживание, по крайней мере, всеми разделяемой, целесообразно преследуемой. Мы можем знать, какая Россия сегодня, почему она такая получилась. Но, пытаясь понять эту логику, мы начинаем задумываться о цели, зачем ее сделали вот такой. И тут начинаются всякого рода теории заговора. Без этого понимание здесь недостижимо.

В той же логике о понимании можно говорить только там, где есть сообразно действующий субъект. У человечества такого нету, это не ООН, не всемирное правительство и не совокупность монополий. Ровно в той мере, в какой мы имеем целесообразно действующего субъекта, преследующего свои цели, и мы можем говорить о понимании. Понимание связано с усвоением смысла, ибо смысл есть отношение к цели. Отношение к цели есть отношение части и целого, и так мы попадаем в герменевтический круг.

Межуев В.М. — Понимание возникло, все-таки, тогда, когда история была истолкована не как единый целевой процесс, а как сумма индивидуальных образований.

Раскин И.А. — Разве что так. Я не думаю, что понимание в герменевтическом смысле применимо только к письменным текстам. Ведь живопись, музыка тоже подлежат пониманию...

ЦАРЕВ В.Ю.

Александр Александрович Зиновьев — русский крестьянский парень, костромской. Это соль русской земли — костромская земля. Костромские русские — это русские из русских. А мы говорим о нем как о каком-нибудь средневековом монахе-схоласте, который извлекал эссенции из квинтэссенции. В России понимание — это вообще-то не извлечение логических смыслов из данности. Это не логические развертки. Понимать, по-русски, — это прилепиться к душе. Когда лицо — *полное взаимопонимание*. Это не значит, что люди проверили друг друга по мерилам логики, это значит, что они почувствовали сродство душ. Русское понимание — это не андестендинг, это юманитинг, то есть *единодушие, душевное согласие*. И в этом смысле у нас знание, то есть складывание представления о ком-нибудь или о чем-нибудь, но особенно о ком-нибудь, начинается с понимания, то есть с предварительного душевного согласия. Если этого согласия нет, то человека, или чего-то еще, просто как бы и не существует. Тут и зеленый виноград лафонтеновский, и многие другие вещи. Всегда знание, накопление представления есть результат душевного влечения. Вот так уж это складывается у нас в обиходе. И если нам что-то не нравится — человек, общество, государственный уклад или что-то другое, мы отговариваемся формулами заклинания — *что русскому хорошо, то немцу смерть*, и так далее. А в результате всегда получается так, что того, кого мы знаем, мы знаем предварительно. И лишнее знание о нем — оно даже как бы ни к чему, потому что есть понимание.

Сам Зиновьев — трагическая фигура, и потому понимать его тяжело. То есть к нему трудно прилепиться душой. Конечно, кто-то находит к нему этот душевный, тонкий или многоходовой и широкий подход, а кто-то и не находит этого пути. Это несправедливо и в этом трагизм такого большого в полном смысле этого слова человека. Человек приходит в мир незащищенным и уходит из мира незащищенным. Это вроде бы понятно. Но когда в промежутке между приходом и уходом человек делает так много, как сделал Александр Зиновьев, его начальная и конечная незащищенность — это несправедливо. Здесь собрались люди, по крайней мере, знающие, и в общем-то чувствующие масштаб этого человека.

Межуев В.М. — Но не понимающие...

Царев В.Ю. — С другой стороны, посмотрите, что в последние годы делается вокруг его имени в том же Интернете. В так называемом «Русском журнале» о Зиновьеве говорится с чувством недоброжелательности, Даже не хочу называть фамилии жутких уродов... Но вернусь к трудному преодолимому пространству между доброжелателями Зиновьева и самим Зиновьевым. Он, все-таки, человек противительный. В России историки описывали таких людей, вспомним эдельмановскую книгу о Лунине. Был замечательно выписанный персонаж неправильно забытым русским писателем Николаем Ивановичем Наумовым. Русский крестьянский, что стоит на своем, не как Лютер, а по-русски, то есть не просто отстаивает свое мнение, даже словно бы подталкивает других людей на сопротивление своему мнению, а идет на прямую и опасную атаку. Так было и с Зиновьевым. В том человеке было много душевных сил, несработанных, оставшихся сил, большой запас преодоления. Другое дело, что этот запас мог бы быть и перенаправлен, переустроен. Я даже думаю, что так бы оно и должно было быть, потому что помимо того, что вот эта внутренняя душевная организованность, вот эта сила, которой тесно в оболочке личности одной, и которая выходит наружу и сталкивается с другими волеями и вызывает сопротивление, это понятно, это никуда не деть. Но с другой стороны трагическое в судьбе Зиновьева, как я думаю, связано с особым нашим душевным укладом. Дело в том, что атаки со стороны бессмысленных, не помнящих никакого — ни умственного, ни прочего родства, людей на всякую достойную уважения личность, связаны еще и с тем, что личность как бы не озабочилась пространством сохранения вокруг себя.

Вот завтра будет день памяти Алексея Федоровича Лосева. Я вхожу в близкий круг людей, близких к Азе Алибековне, и тем, кому дорога память Лосева. И вместе с тем наблюдаю, как близость, это понимание разветвляется. С одной стороны, понимание и действительно искреннее, сердечное уважение, но без глубокого знания предмета того, что сделал Лосев. С другой стороны, наше обязательное, тоже русское, неподдельное сектантство, суеверие, наверное, в защиту от возможных атак, даже несостоявшихся. Эта замкнутость, сектантство — на случай внутренних передрыг и задрыгов.

Когда человек не оставляет после себя истинных последователей, настоящих учеников, а мне кажется, что Александр Александрович, как большинство больших русских людей, русских мыслителей, этого тоже не сделал. Он ушел один, единственный и неповторимый. То, что он сделал, осталось как бы наедине со всевозможными вандалами и варварами, для которых покушение на что-то достой-

ное — это какая-то необходимость изломанной души. Не жене и дочкам же защищать этого большущего человека?! Не им же одним брать на себя всю заботу о сохранении имени? Что же будет со страной и с нами, если даже такие люди, как Зиновьев, уходят незащищенными. К чему и к кому будем прилепляться душой?

Так вот, Зиновьев — предупреждение для всех. В России недостаточно быть великим человеком, нужно утеплить своим великим существованием существование и других, не малых сих, но достойных, то есть тогда великий велик, когда он воспитал, поддержал, продвинул достойных, чтобы их сердечное влечение переходило, как добрая болезнь, к другим людям, то есть заражало.

Лобастов Г.В.

В умах философской публики уже не первый раз возникает проблема отношения знания и понимания. За этой проблемой лежит какая-то объективная ситуация, а не только путаница внутри научных представлений. И не только школа, которая всех нас учила знаниям, умениям и навыкам, и потому деятельно «намекала» на различие между пониманием и знанием. Но для ученого сознания было бы, конечно, оскорбительным думать, что оно и на вершине научных высот отягощено наследием школьных представлений: не это, естественно, выступает побудительным мотивом разобраться во взаимосвязях знания и понимания. А скорее тот обнажившийся тупик сознания, в котором объективно-внешняя форма его обнаружения и субъективная способность удержания смысла оказались настолько разведенными, что первое обесмыслилось, а второе погрузилось в иррациональную тьму едва осознаваемой чувственности.

Этот тупик, конечно же, есть отражение социального культурно-исторического бытия человека, безличные и отчужденные формы движения которого представляются не только мало связанными, но прямо противоречащими человеческому смыслу существования. Внутри индивидуальной субъективности этот факт и начинает принимать шизофреническую форму противоречия безличных абстрактно-вербальных определений, заселившихся в сознании, и ограниченной способности их смыслового наполнения. Естественно, что эта шизофрения в бытии и в сознании не могла не получить и свое «теоретическое» выражение: концепций, выражающих разные позиции этой шизофренической ситуации, и по пальцам не пересчитаешь. Тут и «теории» бессознательного, подсознательного, надсознательного, сверхсознательного, старой и новой рациональности, глубинных и

поверхностных слоев сознания, рациональной и мистической иррациональности и т.д. Не обходится здесь и без религиозной духовности, генетических кодов, теории информации и, конечно же, «рассогласованной» деятельности полушарий головного мозга: «перепутались» аксоны с синапсами в левом полушарии — и потерял человек логическую вразумительность; а случилось это в правом — и нет больше эмоционально-смыслового содержания сознания, остались только тождества да следования формальных структур.

Не обнаружив единой природы сознательно-субъективной деятельности человека, вряд ли можно и школе помочь в ее попытках «вдолбить» смысл в вербально-формальные определения учебного материала. Как тут перестать рассчитывать на божественное провидение, акты откровения и материальные поля имматериального сознания! Поэтому ученый ум и задумывается, как бы это найти переход от знания к пониманию? А то ведь начинают жить «по понятиям», а в этих понятиях никакого знания, то бишь истины, и нет!

Формальная логика, сооружая контур своего понятия, откровенно признает, что без содержательной стороны она обойтись не может, и — одновременно — что эта содержательная сторона не есть компетенция логики. То есть она полностью «левополушарная». Содержание — из опыта, как чувственно-эмпирического, так и опыта сознания. И ничто мне не мешает включать и исключать любой признак, определяя содержание. Этот процесс подчиняется не логике, а всецело «правому полушарию». Тут уж не только Березовский, а и масштабом поменьше задумаются, можно ли жить по понятиям или надо жестко-правовой формой предопределить любой возможный акт поведения, продумав технологию перехода от абстрактных правовых принципов до интимно-единичных проявлений человеческого бытия. Тогда и отпадет даже охота понимать понимание как ненужную функцию субъективного сознания. Пусть оно самоудовлетворяется космическими энергиями правого полушария, спрятавшись в уютном уголке буржуазного мирка! И не задумывается даже о герменевтике формальных структур и технологий правовых форм. Ибо общечеловеческая субъектность и субъективность давно, умно и справедливо, погружены в них, в эти правовые формы, и судить о содержании любого субъективного проявления может только суд. А суд судит не по понятиям: ведь и для него понятия (конечно же, в полноте их истины) давно воплощены в системе права. Оставайтесь законопослушными, знайте законный порядок, а если захотите в своих делах что-либо понять, купите адвоката и положите эту понимающую способность себе в карман!

Образ расщепленного сознания — это далеко не только шизофрения, достаточно легко фиксируемая в быту и в медицине, это не только раздвоение личности как болезнь и как форма нравственного бытия; это вполне определенное, почти зеркальное, отражение факта раздвоенности, внутренней противоречивости самой субстанции человеческого способа существования: обособление всеобщих форм в культурно-исторической предметности, редукция их до символа и знака, их псевдосамостоятельное бытие в движении общественного производства человеком самого себя. Этот безличный образ всеобщего и противостоит субъективной единичности, осуществляющейся в условиях разделения труда как частичная функция сложнейшего, многообразно расчлененного внутри себя, общественного «организма». Индивид в этих условиях ведет себя по логике объективно-формальных структур, анонимно господствующих над ним и определяющих его поведение, но логике смысла индивидуальной субъективности не подчиняющихся. Даже в попытках интерпретации.

Не подчиняющихся не только усилиям обыденного сознания, но, как видим по сегодняшнему собранию, и научно-философского. Философия тут настолько отчаялась что-либо понять, что лишила себя статуса науки, т.е. претензии на постижение истины, и определила себя как форму интеллектуальной деятельности, обсуждающую бытийные проблемы, представленные в наличном сознании. И дело ее — конструкция и деконструкция его образов.

А разделение труда внутри интеллектуальной деятельности сделало «профессиональный кретинизм» (К.Маркс) нормой и в сфере науки. И даже в философии. Позиция частичного знания стала господствующей, и понятие (понимание) обнаруживает себя лишь в этой области частичного знания. Здесь нет противоречия между знанием и пониманием.

Но эта ситуация — тождество знания и понимания — обнаруживает себя только там, где индивид выступает субъектом своего собственного дела — будь то дело науки или практики. Любая же исполнительская функция требует не понимания, а всего лишь инструктирующего знания сколь угодно тонких поведенческих форм. Это так называемое прикладное знание, за которое бизнес платит деньги, не желая давать их на развитие понимающей способности. Ибо понимать не есть дело всех: отдал голос (в политике) или получил деньги (в экономике) и исполняя дело по той форме (формальное знание), которую определяю я. Ум, понимающая способность — страшное дело, особенно в условиях политических свобод, где над ним утрачивается тотальный контроль. Ибо понятие, как это великолепно показал Гегель, есть субъект — начало и самоорганизация деятельности.

Потому, исключая субъектность, исключают и понимание. Лишь в быту любая общественно проявляемая частичная функция субъектности не обнаруживает своей противоречивости, ибо не мешает обыденному сознанию быть всеобщим условием быта, быть его определяющим началом. Каково бытие, таково и сознание. Поэтому и «понимающая деятельность» философии предпочитает не идти дальше проблем обыденного сознания, его иллюзий и предрассудков, его самоуверенности и его страхов. Сколь бы она ни талдычила о высоком и прекрасном, о добром и умном, схемы ее движения есть схемы движения воздействующих форм общественной действительности на это обыденное сознание.

Однако ясно, что через это сознание действительность увидеть нельзя. Поставить же вопрос об отношении этого сознания к действительности (т.е. вопрос о том, откуда растет смысловая сторона человеческого бытия, иначе говоря, собственно понимающее сознание) — это значит выйти на позицию науки. Но философия не желает, повторю, быть наукой. Ибо наука ею мыслится только как рациональное знание со своими теряющими субъективность структурами. Да и у умствующего сегодняшнего интеллигента сам этот вопрос вызывает отрыжку недавней самозадавленности.

А.А.Зиновьев же, вокруг которого сегодня речь, свободный внутри любых обстоятельств, этот вопрос не только ставит, но и решает. Но решает так — уже в первой своей диссертации — что неминуемо обрекает себя на формальную логику с ее логично-последовательной утратой содержательных смыслов. И все его последующие попытки разобратся в объективных основаниях человеческого бытия не выходят, к сожалению, за рамки «правого полушария», в бурную активность которого он пытается внести схематизмы «левого»: противопоставление субъективного объективному отчетливо проходит через все его исследование логики восхождения от абстрактного к конкретному. При всех попытках показать, что этим движением воспроизводится действительность. Мысль, по Зиновьеву, должна иметь специфику [см.: *Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному* (на материале «Капитала» К.Маркса). М., 2002. С. 65]. А с признанием этой специфики он объективно отказывается от Маркса, метод которого пытается исследовать. Эта «специфика» и приводит А.А.Зиновьева в формальную логику, где он, как говорят, достиг больших успехов.

Вне сомнения, мыслительная работа внутри формальной логики требует понимания, но для «профессионального кретина» из другой области ее формулы, выраженные в соответствующей символической, лишь номинально выступают знанием.

Выпадение в обыденное сознание – акт вполне закономерный: понимающая способность здесь отчетливо представлена в деле и ясно проявлена в самосознании. За пределами же сферы, внутри которой сознание выступает определяющим моментом, моментом, обеспечивающим свободу, эта способность наталкивается на свой собственный предел. Предел этот обнаруживается там, где заканчивается интерпретирующая возможность здравого смысла. Именно поэтому вузовские курсы философии и не несли собой понимающей формы: с претензией на науку они науку оставляли позади себя. Обыденные представления не перерабатывались в форму понятия, наоборот, «абстрактные истины» «научной философии» пытались осмыслить в схематизмах обыденного сознания. А потому и связи знания с пониманием никак не получалось. Такая же ситуация и во всех прочих науках.

Так где же корень зла, как преодолеть разрыв знания и понимания?

Чтобы какой-либо материал (включая знаемый, известный; помните гегелевское «не все известное есть понятое»?) переработать в форму понятия, надо, разумеется, эту форму понятия – в свою очередь – знать. Очевидно, что это не есть образ понятия, представленный в формальной логике. И не менее очевидно для введенного в содержательный контекст классической философии, что форма понятия есть внутренняя всеобщее-необходимая форма саморазвития самой вещи. И выявляется она путем движения от абстрактного к конкретному, анализу которого посвятил свое первое серьезное исследование А.А. Зиновьев.

Славин Б.Ф.

Я отличаюсь от многих учеников Зиновьева тем, что просто читал его книги. Вот тут один из учеников Зиновьева приводил пример о том, как Зиновьев прореагировал на попытку пьяного человека поднять свою шляпу. Сам ученик смотрел и размышлял, подымет ли шляпу или нет, Зиновьев, напротив, решительно поднял эту шляпу и отдал пьяному человеку. Этот факт говорит о многом, в том числе о том, чем Зиновьев отличался от своих учеников: не только умом, но и воспитанием, элементарным чувством гуманизма. Насколько ученики нередко бывают ниже своего учителя, говорит прозвучавшая из их уст сугубо негативная оценка Маркса, связанная с тем, что он якобы повинен в том, в СССР были уничтожены миллионы людей. Подобную несуряцицу в свое время писал Ципико, но, по своим нынешним взглядам никакого отношения к Марксу не имеет. Маркс был великим гуманистом. Его конечная цель – создание общества «реального гуманизма» – была и целью Александра Зиновьева. Как

известно, сам Зиновьев очень ценил Маркса как теоретика и революционера. Об этом можно прочитать в одной из его последних книг под названием «Конец Утопии». Конечно, он как ученый не во всем соглашался с Марксом, но саму идею коммунизма он у него заимствовал. По его мнению, конец утопии означает окончание коммунизма как реального общества, построенного в СССР, о чем он очень сожалел и много писал. В узких кругах он говорил, что если бы он знал, чем закончится советский эксперимент, то он бы не стал писать свои первые книги с критикой советского режима власти. Я думаю, что он считал себя в науке своеобразным вторым Марксом.

Нельзя понять Александра Александровича, не зная его мировоззрения, точнее, его основной общесоциологической идеи. В этой связи, напомним, что по Зиновьеву в истории человечества изначально существует две фундаментальные и взаимно противоположные тенденции. Это коммунистическая (коллективистская) тенденция и «западнизм», выражающий сугубо индивидуалистическую частнособственническую тенденцию. В борьбе этих двух тенденций и совершается ход истории.

К сожалению, «западнизм», с его точки зрения, сегодня доминирует в мире, и мы поэтому переживаем сложный, даже трагический период. Падение советского общества началось с перестройки, которую он образно называл «катастрофкой». Причину этой «катастрофки» он видел в предательстве вождей. По его мнению, надо не радоваться концу утопии, а глубоко сожалеть. Он считал, что пройдет, может быть, сто, может быть, двести лет, когда эта утопия снова станет реальностью. И все это нужно хорошо понимать. «Понять» современное общество для Зиновьева означало понять проявление в нем глубинной диалектики открытых им общесоциологических законов, о которых я уже говорил. Отталкиваясь от такого понимания, он считал в идейном плане наше современное общество своеобразной смесью доминирующего западнизма и остатков коммунизма советских времен. По его мнению западнизм будет делать все от него зависящее, чтобы окончательно добить коммунизм в любых его проявлениях. Не остановится он и перед возможностью начать еще одну мировую войну.

Теперь несколько слов о том, как следует понимать *понимание*. Я не считаю, что нужно разрывать между собой такие понятия, как «знание» и «понимание». Понять, говорили древние, это значит сделать. Отсюда понимающее знание, или знающее понимание. Человек, который знает, как сделать стул или знает, как сделать корабль, или знает, как сделать двигатель, одновременно понимает, что он делает. Я, положим, могу прочитать тысячу брошюр о том, как нужно

уметь плавать, но с помощью такого знания не поплыву: мне будет не хватать понимания процесса плавания, которое я могу получить только при одном условии — полезть в воду и начать в ней двигаться. Есть нечто такое, что связано с конкретными действиями человека в процессе плавания, с определенным опытом движения в воде. Лишь имея такой опыт, ко мне приходит понимание того, как нужно уметь плавать. Знание, оторванное от понимания, не есть подлинное знание, не есть мудрость, к которой человек приходит лишь благодаря практике, благодаря своему жизненному опыту. Отсюда и известное изречение древних: *многознание уму не научает*. Можно много знать «что», «где», «когда», и не быть умным человеком. О чем свидетельствует соответствующая популярная игра на телевидении.

Мне кажется, Зиновьев придерживался именно такого понимания предмета социологии, описывая советское общество, или создавая картину будущего западного общества. Его социология коммунизма раз была *понимающим знанием*, ибо исходила из знания общесоциологических законов и советского опыта. Не случайно, кажется, Раймон Арон называл Александра Александровича «последним теоретиком коммунизма». И хотя я не согласен с применением слова «коммунизм» к советской эпохе, понять ее без научной теории коммунизма тоже невозможно. Зиновьев считал себя ученым, социологом потому, что описывал не выдуманное, а реальное общество. Если Маркс, говоря о коммунизме, предполагал будущее общество, то Зиновьев считал себя первым аналитиком реального коммунистического общества, каким оно сложилась в СССР.

Когда мы обращаемся к творчеству Зиновьева, нужно знать, все-таки, что он написал в последние 20 лет. На мой взгляд, его волновали две проблемы в связи с теми общеисторическими тенденциями, которые он, по его словам, открыл. Это проблема коммунизма, которой он посвятил книгу «Коммунизм как реальность», «Кризис коммунизма» и «Конец Утопии», и проблема западнизма, которая наиболее ярко и полно нашла свое отражение в книге «Глобальный человек». Если вы прочтете книгу известного американского политолога Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска», то поймете, как можно с совершенно разных позиций рассказать фактически об одном и том же — о будущей модели мирового глобального общества. Но книга Бжезинского в нашей стране получала широкий резонанс, а книга Зиновьева у нас фактически замолчала. А ведь эта книга теоретически и прогностически гораздо выше книги Бжезинского. В ней наглядно говорится о складывании в современном мире глобальной сверхимперии, или, по его терминологии, *сверхоб-*

щества, которое следует называть «Глобальным человеиником» по аналогии с муравейником, где одна страна будет господствовать над всем остальным миром, в том числе с помощью силы. Он писал о движении разных стран мира к этому сверх — обществу, которое будет складываться путем различных вооруженных конфликтов и войн. Он совершенно прозрачно рассказал о том, как будет проходить возможная четвертая, уже не холодная, а горячая война. В этом смысле он полностью предвидел то, что произошло в мире в последние годы: и превращение США в сверхобщество, или сверхимперию, ее военное вторжение в Афганистан, на Балканы, в Ирак и т.п.

Мне кажется, именно в этом заключается научная ценность и величие Зиновьева как ученого. Логика и философское понимание изучаемого явления были для Зиновьева не мыслительной схоластикой, а рациональными инструментами, с помощью которых он пытался осмыслить историю и перспективы развития человечества. В этом плане его многое роднит с Эвальдом Ильенковым, товарищем и коллегой которого он был в Институте философии.

Эвальд Ильенков, как и Зиновьев, также пытался понять противоречия развития советского общества. Я недавно перечитал его переписку с экономистом и ректором Ростовского университета Ю.Ждановым, в которой они обсуждали проблему утопии в становлении реального социализма. Считая, что многие недостатки советского общества проистекают от недостатка реального обобществления экономики. По их мнению, для того, чтобы приблизиться на деле к осуществлению марксовской «утопии» реального гуманизма, надо превратить формальное обобществление в реальное, то есть создать более развитые и современные производительные силы, отвечающие всем требованиям научно-технической революции, в которой мы уже тогда начали отставать от Запада. Между Зиновьевым и Ильенковым я вижу много схожего. Это люди одного поколения, прошедшие войну, люди до конца своих дней верящих в воспитательную и преобразовательную силу науки, люди с кристально чистой совестью и оригинальным глубоким умом. Я не знаю, как они лично друг к другу относились. Одни говорят, что они иногда конфликтовали, другие говорят, что были близки... Но мне кажется, что по духу своему, по культуре своей это были люди социалистического типа в лучшем его понимании. И я очень рад, что мне пришлось с ними встретиться и беседовать.

В заключение расскажу об одной такой встрече с Александром Александровичем в газете «Правде» в начале 1990-х гг. Я тогда работал в газете завотделом политологии. Ради встречи с Зиновьевым собрался почти весь коллектив газеты. Александр Александрович сначала рас-

сказал о своем понимании ситуации в стране, возникшей после окончания перестройки. Он изложил свою пессимистическую точку зрения на будущее развитие страны, считая, что после перестройки ничего хорошего в России не будет. После выступления посыпались разные вопросы. Я, в частности, спросил: «Как же так, вы ученый, а говорите, что никаких хороших перспектив у нашей страны не может быть? Это какой-то фатализм. Ведь должен быть какой-то выход?». На этот вопрос он отвечал так: «Пока социологическая наука ничего позитивного предложить не может: западнизм одержал победу на коммунизмом и это надолго. Конечно, есть одна возможность изменить ситуацию — это всем восстать против существующего властного режима. Нужно сделать то, что мы делали во время войны в, казалось, безвыходной ситуации. Например, когда мы были в окружении, и когда, казалось, что конец всему, появлялись люди, которые прорывали кольцо с оружием в руках и выходили к свободе, к своим. Нечто подобное нужно делать и сейчас, но я пока не вижу тех, кто на это способен».

Насколько я знаю, в последнее время он пытался на своих научных семинарах и в лекциях формировать подобных людей. Он искал их в бывшем Молодежном институте, в МГУ и даже в нашем клубе «Свободное слово». Так в последнем своем выступлении на заседании клуба он говорил, что для изменения сложившейся в стране ситуации нужна новая идеология и люди, которые бы ее реализовали. Мне кажется, что выработкой такой идеологии он и был занят последние годы своей жизни. Все это лишний раз доказывает, что Александр Александрович Зиновьев был не только человеком теории, не только мыслителем, но человеком, который считал, что верная мысль должна рано или поздно привести к улучшению жизни людей. Таким образом, он до конца своих дней был гражданином России в самом высоком значении этого слова.

ДЗАРАСОВ С.С.

Поскольку я экономист, то я не могу вести разговор на заданном высоком философском уровне. Но я взял слово, чтобы объяснить, почему я здесь. Зиновьев представляет для меня некоторую загадку, и я надеялся, что здесь с вашей помощью разберусь в ней. А загадка состоит в том, что Зиновьев, с которым я не был лично знаком, но которого я знал со времени, когда он был выслан или изгнан, и получил известность. Надо сказать, что он один из очень немногих, нашел баланс между критикой советского коммунистического общества и признанием достоинств этого общества. Этот баланс не равен

обществу в целом, нашему обществу. И произошло таким образом, что все, или в основном все, не ощутили эту грань между критикой советского общества и поношением своей страны и осквернением, оплевыванием своего советского прошлого. Это началось 15 или 20 лет назад и продолжается нарастающим образом. Некоторые, когда они поносят свое общество, получают от этого солидное наслаждение, и это можно видеть на их лицах. Не далее, чем третьего дня, в соседнем здании совершенно не в церковном духе, выступавший человек говорил, что прошедшие 70 лет в нашей стране были господством банды разбойников. Банда разбойников господствовала 70 лет? Ну, от банды разбойников ничего хорошего ждать нельзя. Никакого экономического прогресса и ни какого культурного прогресса — ничего хорошего. Иные утверждают, что коммунисты составляют разновидность фашизма, и есть такие, кто это утверждение подхватывают. Давайте скажем прямо — Россия полностью потеряла свой международный авторитет. Это неприятно, но так. Потому что за рубежом, на Западе говорить о России дурно — это хороший тон, и сказать что — то хорошее никто не решается. Дело не только в том, что эстонцы убрали памятник, а теперь то же самое хотят сделать поляки. И чего обижаться? Если мы фашистское государство, и не мы освободили Европу, а фашистская оккупация ничуть не лучше коммунистической оккупации, то чего же тут на них обижаться?

Мой исходный тезис состоит, в том, что Зиновьев нашел баланс, а все остальные — нет. Русские поносят себя на чем свет стоит, зато другие все возносят себя. Мы поносим свою страну, и нечего обелять себя. Украина доказывает, что это центр, что самые лучшие люди — это украинцы, что самая лучшая литература — украинская, и все земли вообще украинские, и не только Крым, но и все Приазовье украинское. И что литература создана украинцами. И что формула «Киев — мать городов русских» означает, что русские тут не причем. Поезжайте в Грузию и услышите, что грузины тоже самые лучшие. И что вы думаете, Христос был иудей? Нет, он был грузин! И что все самые лучшие люди в истории — либо грузины, либо грузинского происхождения. И путешествуйте вы по всему миру, и вы будете слышать от всех народов одно и то же. Вот сопоставьте это с тем, что вы слышите от русских про русских, и вы встанете перед величайшим вопросом — отчего так? Мы живем в этой стране, или нет? Та что нечего жаловаться на зеркало, коль рожа крива. И ни при чем тут средства массовой информации. Это мы сами — средства массовой информации, и мы ответственны за свою страну, а не какой-то дядя, где-то сидящий. Мы хозяева страны, если действительно хозяева.

И возвращаясь к Зиновьеву, Александр Александрович не только имеет отношения к этой проблеме, а один из немногих, кто против этой тенденции боролся. И я подумал, что, может быть, действительно, проблема заключается в знании и понимании и философы осознают это. И что может быть это потому Зиновьеву удалось, что он знал советское общество и понимал его, в то время, как, может быть, другие не знали и не понимали. Может быть в этом все дело? Экономисты почти все до единого, критикуют результаты наших реформ. Но выводы не делают. Констатируют факты В тех исследованиях, о которых Андрей Ильич говорил, картина воспроизведена правильно. Но обобщений и выводов из них нет. *Значит, знание есть, а понимания — нету.*

А проблема эта есть, Борис Федорович. Энгельс говорил об этом на примере — орел с высоты видит все, и, следовательно, он знает и понимает. Человек не видит всего, но понимает. А разница между орлом и человеком — это и есть разница между знанием и пониманием. Заканчивая тему, скажу, что если у нас будет больше и знания, и понимания, Может быть, тогда мы не будем так поголовно отрицать свою историю.

Толстых В.И.

Хочу напомнить тем, кто не знает или не помнит это. В Клубе у нас несколько лет тому назад состоялась дискуссия на тему «Нужна ли Россия русским?». Говорили и на тему «Существует ли в России еврейский вопрос?». Мы не боялись эти вопросы обсуждать. И на одном, и на другом заседании пришли к выводу, что в России существует один вопрос — *русский вопрос*. Это и вопрос о том, что сами русские думают о себе, как себя видят со стороны, и что позволяют о себе говорить другим. Называться *титульной нацией*, иметь за спиной огромную многовековую историю — это надо осознать и чувствовать буквально кожей, всем нутром. И быть достойным своего прошлого, своих отцов и прадедов. Вот что значит быть настоящим русским. Знать и любить свой язык, не разбавляя его заимствованным сленгом и матом. Совсем не обязательно быть националистом. Например, я прожил с азербайджанцами, армянами, евреями и украинцами больше половины своей жизни, и утверждаю, что еврейский национализм, русский национализм, украинский национализм — как две капли похожи один на другой. Поэтому проблема русского человека, знания и понимания самого себя — это острейшая проблема современной России.

Фурсов А.И.

Здесь было высказано немало интересного. Я не ставлю себе задачу всем ответить и обобщить сказанное другими. Затрону лишь то, что затрагивает мои научные интересы.

Прежде всего хочу возразить Вадиму Михайловичу. Думаю, его противопоставление понимания и объяснения — ложное и надуманное. Существует реально различие в объекте понимания в естественных и социальных науках. Эйнштейн однажды заметил, что природа коварна, но не злонамеренна, и, в отличие от человека с его интересами, представлениями и ценностями, природа врать не будет.

Социальные науки, кстати, изучают не только индивидуальные объекты, т.е. индивида с его сознанием, но и коллективные. Например, социальные системы, которые вовсе не являются совокупностью индивидов, а представляют собой наиндивидуальные образования. Не имея индивидуального сознания, социальные системы сами за себя сказать не могут. Поэтому когда мы говорим о социальных науках самих по себе, вне противопоставления их естественным, мы должны сказать, что для них характерны два принципиально разных типа понимания: субъектно-системный (или индивидуально-системный, причём этот тип даёт результаты только при изучении европейской цивилизации) и чисто системный (он адекватен любой цивилизации, включая европейскую). Вообще же неясно, как можно понимать вещь, не объясняя, или объяснять, не понимая. Это похоже на словесную эквилибристику.

Второй момент. Когда мы говорим о социальном понимании, думаю самое важное — это понимание не столько ценностей, целей или как теперь модно говорить, «ментальности», а интереса или интересов, прежде всего групповых — социальных, классовых. Как заметил И.Валлерстайн, ценности становятся весьма эластичными, когда на кону — власть и прибыль.

Профессор Дзарасов здесь говорил о том, что наши экономисты описывают наше общество. Но обратите внимание на то, что наши экономисты и социологи вообще не описывают — у нас почти нет толковых работ о господствующих группах постсоветского общества, о механизме их возникновения и функционирования в РФ, и в качестве слоя-сегмента мировой верхушки, об их классовой природе, их базовых противоречиях в отношениях с другими слоями нашего общества, обществом в целом и с другими сегментами мировых господствующих групп — буквально ни «гу-гу». Вот главные проблемы для понимания нашей реальности, упирающиеся в тему «классовый интерес», но ими не занимаются — произвольной позиции не хватает.

И последнее — о герменевтике. Я по исходной профессии востоковед. Отдел Азии и Африки ИНИОН РАН — одно из мест, где я работаю — в течение последних десятилетий подготовил немало реферативных сборников, представляющих новейшие западные исследования культуры, религии, социальной психологии, этнического характера и т.п. афроазиатских народов. У герменевтики хватает достижений и успехов. Когда читаешь работы, посвященные Античности или Средневековью, это особенно видно. Как только начинаем удаляться от Европы, успехов становится меньше, а с какого-то момента вообще начинается заплыв с ядрами на ногах. Я что-то не слышал об особых успехах герменевтики в исследовании, например, конфуцианской или исламской культур.

Американский китаист Шрекер заметил: никому не дано выпрыгнуть из своей социокультурной шкуры, но надо всегда помнить о её существовании. У герменевтики есть свой предел возможностей. Будучи сугубо европейским интеллектуальным артефактом, она вовсе не результативна в исследовании неевропейских обществ и в значительно большей степени рассказывает о мыслительном процессе субъекта исследования, воспроизводит его трудности, чем об исследуемом объекте. И не надо себя обманывать в духе геокультуры Просвещения и её форм — *vixerunt*.

ЗИНОВЬЕВА О.М.

Приветствую вас и хочу поблагодарить всех, кто пришел сюда по тернистому пути восхождения от абстрактного понимания к конкретному знанию. Мы все пытаемся подойти к главному, к тому свечению и центру, коим является Зиновьев. Могу и согласиться, могу и возразить тем, кто обеспокоен, что у Александра Александровича нет учеников. У него есть ученики. У него есть ученики и в младенческом возрасте, пятилетние, шестилетние дети, которые с ним находили общий язык, понимали его лучше, чем многие ученые мужи. У него есть его ученики — Юрий Солодухин, Галина Щеголькова, Анастасия Федина, Валерий Локтионов, Любовь Боброва, Хорст Вессель, Клаус Вуттих, Соня Андерсон, Вячеслав Бочаров, Вернер Штельцнер, Сергей Павлов, Александр Ивин, рядом сидит Юрий Ивлев, и многие другие, в том числе и присутствующие в этом зале. Присутствуют те, кто знал Александра Александровича не только в последние 40 лет, как его знала я, но кто прошел с ним большую жизнь, кто знал его после войны.

На вопрос, принимал ли он участие в войне, отвечу: он воевал с самого начала и до самого конца. Во фронтовой гимнастике пришел на философский факультет МГУ в 1946 г. Причем воевал на несколь-

ких фронтах. Кроме всеми пережитой Великой Отечественной войны, он вел свою собственную, неизвестную, т.н. аналитическую войну, которая началась в 1939-м г., когда он столкнулся с проблемами общества, в котором жил. Прекрасная идея построения общества всеобщей справедливости на его глазах превращалась в какую-то страшную, не похожую на сказку, реальность. И вот познавать разверзающую пропасть этой реальности, находить ее законы, это-то и было, действительно, его войной за истину и за понимание истины до последней минуты его жизни — до 10 мая 2006 г.

Понимание — орудие действенное, связанное с активной позицией и в науке и в жизни. Понимание не допускает безразличия. Люди, которые отделиваются от проблемы формулами, характеристиками, ссылками на других авторов, тем самым, может быть, лишают себя самой сокровенной способности, данной нам всем от рождения, — пользоваться своим разумом. Александр Александрович неоднократно говорил об этом, призывал к этому — пользуйтесь собственным умом, пользуйтесь собственной головой, не позволяйте никаким идеологиям завладеть вашим сознанием, старайтесь понимать, понимать во что бы то ни стало. Он боролся за это всю жизнь.

Я хочу еще добавить, что он не остался один, он и не был по сути один. Одиночество — это то состояние, в котором пребывал он всю свою интеллектуальную жизнь, но он не был один. У него были друзья, у него были близкие. Его ближайшим учеником я могу назвать Салама Керимовича Гусейнова, директора Института философии. Я назову Карла Моисеевича Кантора. Он тоже его ученик. Он оставил после себя людей, он оставил после себя учеников, понимающих, сочувствующих, переживающих за него и вместе с ним. Весь этот год я это ощущала и в очень активном режиме (пожалуй, как никогда раньше), помощь и понимание близких по духу учеников и последователей. Я должна была принять эстафету, которую он мне доверил, и сейчас возглавляю Исследовательский центр имени Александра Александровича в том самом Московском гуманитарном университете, где в 1999 г. ректор, профессор Игорь Михайлович Ильинский создал первую академическую и исследовательскую площадку для него, т.к. Зиновьев возвращался в Россию, чтобы работать и дальше. Наш исследовательский центр занимается тем, чем занимался Александр Зиновьев до 10 мая прошлого года, но только в отсутствие Александра Александровича, что, конечно, во много крат усложняет нашу деятельность. Его интеллектуальное обаяние и творческая яркость, помноженные на нечеловеческую трудоспособность и мудрость, — пожалуй, наиболее привлекатель-

ные личностные и профессиональные черты, которые так притягивали слушателей на его лекции. Заменить его невозможно никем ни в отдельности, ни в совокупности.

Мы за это время издали три книги, издали «Фактор понимания», последнюю книгу, над которой работал Александр Александрович в чудовищно трудных, драматических условиях. Последние фразы, последние штрихи к этой книге он сделал 3 мая, т.е. за неделю до кончины. Я обязана была опубликовать эту книгу во что бы то ни стало. И она вышла в свет 3 ноября 2006 г.; в прошлом же году состоялась презентация этой книги в галерее Александра Шилова. Была вторая издана книга, вернее, это переиздание «Иди на Голгофу» в замечательной, очень красивой серии «Великая отечественная литература» издательства «Эксмо». Была переиздана «Логическая социология». Первоначально она была издана в МосГУ небольшим тиражом, потом была переиздана в декабре 2006 г. Готовятся к изданию две книги — сборник интервью ведущих российских журналистов с Александром Александровичем. Важно не скатываться до того порнографического уровня, который бытует у нас в средствах массовой информации, на безбрежных просторах неуправляемого Интернета.

Работа продолжается. Салам Керимович Гусейнов заканчивает книгу, посвященную Александру Александровичу, она выходит в серии «Выдающиеся русские философы второй половины 20 века». В этой серии около 20 книг запланировано. Готовятся к изданию книги об Эвальде Ильенкове, о Леве Митрохине, о Геннадии Щедровицком. То есть о тех людях, которые представляли главную направляющую в советской философии, я не боюсь этого термина, потому как существовал такой феномен в научной жизни Советского Союза — советская философия. Мы родились не до революции. Все присутствующие в этом зале родились уже после нее. Нравится нам это или нет, но мы есть результат развития советской истории, мы получили все преимущества советского образования, и отнекиваться от этого, говорить, что есть русскоязычная философия или русскоязычная история — это нонсенс по содержанию и соглашательство по общественно-исторической позиции, потому что мы живем не в «этой стране», а мы живем в «нашей стране». И когда Александр Александрович после 21-летней вынужденной эмиграции возвращался в Россию, он возвращался не в «эту страну», он возвращался к себе домой. Правда, дом изменил свое обличье, нравы и идеологию. И не вина Зиновьева, что произошло то, что произошло.

Очевидно, я говорю довольно сбивчиво, но хочу только вас заверить — он вместе с нами: проходят встречи, дискуссии, энное количество разноплановых российских и международных мероприятий при

участии его учеников, наших помощников и единомышленников. Валентин Иванович Толстых, Салам Керимович Гусейнов, Игорь Михайлович Ильинский, Вячеслав Семенович Стёпин, Владислав Александрович Лекторский, — это те люди, это те знаковые фигуры в нашей отечественной философии, которые разделяют мою боль и все то ответственнейшее бремя, которое возлагает на меня творческое наследие моего мужа — профессора Александра Зиновьева. Я не считаю себя забытой и бессловесной вдовой. Я не вдова, я — жена Зиновьева.

Толстых В.И.

Несколько слов в продолжение того, что говорила Ольга Мионовна. Не буду говорить о своих дружеских отношениях с Зиновьевым, которым ни много, ни мало, целых 42 года. Горжусь тем, что был одним из тех, и он об этом публично говорил, кто его уговорил вернуться сюда обратно, потому что... Вернулся он, конечно, не потому, что я его уговаривал. Просто такие, как Александр Зиновьев, нужны дома, без них плохо, а ему самому надо ощущать кожей то, что происходит на родине. Информации одной мало, и знаний тоже, а нам полезно иметь и знать его понимание. И он хорошо сделал, что вернулся и окунулся с головой в нашу российскую действительность, занял в ней совершенно четкие позиции, человеческие, гражданские, иногда вопреки своим личным интересам. И многое испытал, прямо скажем, не сладких минут... Зиновьев был с нами, не раз встречался с Клубом, к которому хорошо, тепло относился.

Два слова об отношениях Зиновьева с Ильенковым. Тут много ерунды наслоилось. Я хорошо знал обоих, и могу с чистой совестью сказать, что, несмотря на разногласия чисто философского порядка (в понимании предмета логики или марксизма), отношения эти были товарищескими, а когда они вместе делали газету «Философ», то и дружескими. При мне Ильенков говорил о Зиновьеве только с восхищением, я бы сказал, даже трепетно. Поэтому не слушайте никого, кто хотел бы рассорить их после смерти.

С тем, что говорил Солтан Сафарбиевич, полностью согласен — это абсолютнейшая правда. Сейчас появились люди, причем целое скопище, сделавших своим любимым занятием по делу и без дела, по просьбе и без просьб поношение прошлого, всего советского. Их даже никто не просит, да в этом нет и особой нужды, поскольку у нового режима и правящего класса столько вопросов и проблем, что сейчас им не до прошлого. Но когда надо найти «козла отпущения», чтобы оправдать свое безделье или бездарность, некоторые из них начина-

ют «валить» все на коммунистов, которые им, кстати, оставили те самые две трубы, усевшись на которые, они, мало что делая сами, живут припеваючи. В условиях нашей свободы без ответственности до поры до времени это проходит. Но, думаю, придет пора знания, а с ним, глядишь, и понимание. И люди разберутся, что к чему и почему.

Мне же, сыну простого плотника, потом с помощью «рабфака» – прораба и инженера-строителя, советская цивилизация дала буквально всё. Забыть это? Как и моим братьям и сестре, получившим высшее образование. Пусть нынешние рабочие и инженеры дадут своим детям нечто подобное, тогда и сопоставим, сравним социумы и цивилизации.

Благодаря работам Зиновьева, получившим массовые тиражи, кое-что важное проясняется, он хорошо прочищает мозги от разной накипи, и с его помощью станет больше людей, понимающих, что на самом деле происходит, и какую Россию мы обрели взамен прежней, советской. И за это Зиновьеву большое спасибо.

ИВЛЕВ Ю.В

Скажу об Александре Александровиче, каким я его знал. Прежде всего как преподавателя, педагога. Я слушал его курс символической логики в МГУ. У нас это был основной курс. Кроме того, работал в практикуме по этому курсу. Мы решали задачи по учебнику А.Черча. Многие задачи являются проблемами. Мне пришлось затратить на их решение два года. Решил практически все задачи. Александр Александрович умел так организовать работу, что занятия вызвали удовольствие, создавалась атмосфера соревнования. После отъезда Зиновьева я два раза пытался проводить практикум по книге Черча. Первый раз задачи решал только один студент – В.И.Шалак, он здесь работает, в Институте философии. Второй раз никто из студентов не решил почти ни одной задачи. Пришлось такие занятия прекратить. У Александра Александровича был какой-то особенный талант организатора и какая-то внутренняя простота. С ним можно было посоветоваться, и по научной работе, и даже личным проблемам.

Недостаток нашего обсуждения, по моему мнению, заключается в том, что оно не всегда соответствовало критериям научности. Во-первых, не была сформулирована проблема. В аспекте сформулированной проблемы следовало бы ввести понятия *знания и понимания*. Понятия должны соответствовать критериям целесообразности. Для решения какой проблемы вводятся понятия? Говорили, что

в физике под пониманием понимается то-то, поэтому так нужно понимать понимание. В герменевтике под этим понимается то-то. У философов свое толкование этих понятий. Но логика не создает понятий для других наук. Она лишь разработала само понятие *понятия*. Что такое понятие? Зачем формулировать понятия? На эти и другие вопросы отвечает логика. Нет никаких формально-логических понятий и не формально-логических понятий одних и тех же предметов. Вспоминаю дискуссию с биологом. Он говорил, что формально-логического понятия лошади недостаточно. Имея такое понятие лошади, нельзя ответить на вопросы об экстерьере конкретной лошади. Нужно иметь диалектико-логическое понятие лошади. На вопрос: «Вы имеете такое (диалектико-логическое) понятие лошади?» ответил: «Да». Ему задали вопрос: «Какова длина гривы Буцефала (любимого коня Александра Македонского)?». Не ответил. Тут не происходит различия между понятиями вида «лошадь», лошади как индивида и др. Можно заметить, что современные ученые не понимают труды классиков науки, потому что у последних логическая культура зачастую была выше.

Дискуссия показала, что логическая культура не всегда является высокой. Это вызвано рядом причин. Назову некоторые из них.

В развитии логики можно выделить два больших этапа: *традиционную логику и современную*. Традиционная логика основана Аристотелем. Учение последнего, во многом дополненное, развитое и отчасти искаженное, существовало до начала XX в. Когда произошла своеобразная научная революция, связанная с широким применением для исследования отношений между мыслями по логическим формам методов так называемой *символической* (математической) логики. (Символическая логика начала разрабатываться с середины XIX в., и сначала не находила широкого применения.) Иногда традиционную логику несправедливо подвергают критике. При этом под традиционной имеют в виду логику, изложенную в некоторых учебниках, изданных в СССР в конце сороковых и в пятидесятых годах, а также и позже. В этот период появились учебники, в которых не учитывались не только достижения современной логики, но и традиционной. Авторы этих учебников, в силу объективных причин, не знали ни символической, ни традиционной логики, поэтому излагали проблемы логики упрощенно и искаженно. Такую логику естественно называть *суррогатной*. По-видимому, единственным учебником по собственно традиционной логике, изданным в СССР в этот период, является учебник В.Ф.Асмуса. Полагаю, не способствует повышению логической культуры и изучение логики по суррогатным учебникам.

В современных исследованиях по логике естественно выделить два направления: собственно логику и подражание логике, или имитацию логики. Собственно логика (далее — логика) имеет своим предметом *формы мысли*. Имитация логики — это некоторая конструкция, например алгебраическая, которая в каком-то отношении сходна с логикой, то есть с эмпирическим или теоретическим описанием логических форм мыслей (может быть сходна даже только в отношении некоторых значков), но не имеет никакого отношения к логическим формам мыслей. Чаще всего такие конструкции строятся путем «модернизации» логических систем. Например, исходя из содержательных соображений (на основе интуитивно-содержательного подхода) для уточнения понятия логического следования К.И.Льюисом были построены аксиоматическим методом логические системы. Модернизация (преобразование) логических систем путем добавления (убавления) аксиом или правил вывода, а также другими способами, позволила (на основе формального подхода) образовать большое количество новых конструкций, имитаций логических систем, которые тоже иногда называют логическими системами. Сложилось даже понимание логики как науки о преобразованиях логических систем и их имитаций и об отношениях между имитациями логических систем. При таком понимании логики она наука, конечно, исследует формы мыслей. То есть является наукой о преобразованиях логических систем (в последнем смысле этого выражения) и об отношениях между системами. Те, кто работают в области имитации логических систем, относятся к исследователям, считающим, что задача науки — не изучение природы, общественной жизни или процессов познания, а сличение текстов. Изучение имитационных систем вместо логики — вторая причина недостаточно высокой логической культуры членов нашего научного сообщества.

В заключение отмечу, что основная идея работ А.А.Зиновьева, таких как «Логическая физика», «Логическая социология» и др. — применение логических знаний к исследованию научных проблем. Чем он и занимался сам в своих философских и социологических работах.

Толстых В.И. — Спасибо всем за участие в обсуждении важной и сложной темы. Зиновьев это целый мир тем, проблем и предложений, которые нуждаются в серьезном осмыслении. Мы сделали лишь скромную попытку разобраться в одной из поднятых им проблем.

УКРАИНА И РОССИЯ

Диалог культур в прошлом и настоящем

7 сентября 2007 г.

Матковская И.Я.

Уважаемые коллеги, друзья! Мы рады приветствовать вас на одесской земле, в нашем Национальном университете, на философском факультете. Предстоящий диалог культур двух наших стран для нас — очень важное и редкое мероприятие. Тем более, с участием такой представительной делегации из Института философии России, которая здесь присутствует. Её представит Валентин Иванович Толстых — почему он, вам станет ясно самим, а я ограничусь лишь кратким вводным словом.

Наверное, Одесса выбрана для такой встречи не потому, что у нас теплое море. А как признание того, что у Одессы есть свои философские традиции. Счет этим традициям идет с древнегреческих поселений. Собственно преподавание и философское образование в Одессе имеет своим началом XVIII в., а университет наш, императорский и новороссийский, родился в 1865 г., и тоже имеет свои философские традиции. Новейшая его история — это рождение в 2000 г. философского факультета, первого и пока единственного на юге Украины учреждения, где обучают людей по специальности «философия». К сведению наших гостей, факультет популярен, и все годы его существования имеет самый высокий конкурс абитуриентов.

Но передаю слово Валентину Ивановичу Толстых.

Толстых В.И.

Шановні друзі! Начну с личного признания и заявления. Ровно 60 лет тому назад — месяц в месяц и год в год — я стал студентом первого курса филологического факультета Одесского государственного

университета имени Ильи Ильича Мечникова. Закончил его, как говорят сейчас, с красным дипломом в 1952 г., прошел аспирантуру по кафедре философии, до срока написал диссертацию «Проблема типического в эстетике реализма», которую защитил в 1957 г. в Киеве, на большом совете Отделения общественных наук Украинской академии наук. Горд тем, что первым оппонентом у меня был поэт-академик Максим Фадеевич Рыльский. Так что для меня Одесский университет — это моя «альма-матер», а пребывание в нем — самая счастливая пора всей моей жизни. Сохранил (с разрешения) и покажу вам мою зачетную книжку, где проставлены оценки за все пять лет учебы (сплошь «відмінно» и «добре»), просто как знак памяти.

Очень хорошо помню преподавателей, учивших меня уму-разуму, снабдивших запасом знаний и навыков, которыегодились в моей дальнейшей жизни и деятельности. Помню прекрасные лекции Букатевича, Шайкевича, Збандуто, Цукерман, Берловской, Бабайцевой, Недзведского, Данилко, Левченко, блистательного психолога Элькина. Подружился с удивительным домом Бориса Александровича Шайкевича и Берты Яковлевны Барской, замечательными преподавателями и прекрасными людьми. Помню многих моих сокурсников по имени и фамилии (Ирина Яковлевна это может подтвердить). И сама она стала моим близким другом и родным человеком на всю жизнь, и я ей за дружбу и постоянство очень благодарен.

Люблю Одессу, её дух и жителей, и нравы её мне были по нутру, близки настолько, что потом в своей московской жизни я долго и трудно от них отвыкал. Любил театры Одессы, и в двух из них был членом худсовета. Дружил с Сашей Чернявским, режиссером театра им. Иванова, талантливым человеком и настоящим другом. Всего один год, но я его запомнил, был ассистентом знаменитой Мореходки, затем старшим преподавателем философии пединститута имени К.Д.Ушинского, по приглашению читал эстетику в Одесской консерватории, а затем, «по велению партии», стал художником, начальником сценарного отдела Одесской киностудии в те самые годы, когда Марлен Хуциев снимал «Два Федора» с Василием Шукшиным в заглавной роли, а Евгений Ташков, по сценарию Григория Поженяна — «Жажду».

Здесь, в Одессе рос, жил и вырос, закончил университет и став уже в Москве доктором психологических наук, мой сын — Саша Толстых. Наконец, прямо у памятника Дюку я познакомился со своей будущей женой, изумительной русской женщиной, Кирой Канаевой, с которой прожил многие счастливые годы и собираюсь через год-полтора отпраздновать «золотую свадьбу». Теперь вы понимаете, *что такое и что значит для меня Одесса?!*

Скажу несколько слов по теме нашей встречи. Инициатива принадлежит Одессе, университету и вашему факультету, прежде всего, в лице Ирины Яковлевны Матковской. Мы солидарны с нею в одном и в самом главном — в том, что Украина и Россия, несмотря на «две большие разницы», что их отличают и характеризуют, народы и страны братские, близкие по духу и культуре, по своей славянской и православной принадлежности. И все недомолвки и наслоения, споры и обиды в их нынешних отношениях — явление временное, преходящее, и исторически им друг от друга никуда не деться. Уж слишком многое глубокое и выстраданное их объединяет, чтобы политиканам обеих стран удалось их столкнуть и обречь на противоборство. Украина не Россия, и Россия не Украина, но друг без друга им ни обойтись. Это мое личное ощущение и убеждение.

В своем оптимизме я исхожу из того фундаментального основания и принципа, что культурное родство и историческая судьба есть скрепы более надежные и крепкие, чем цены на газ и даже проблемы собственности. И угрозы у нас по сути одни и те же — не утратить свою самость, свое лицо, не перепутать ценности и цены, не дать сбить себя с толку, породив вместо цивилизованного рынка рыночное общество, в котором «всё покупается и всё продается», и привить полноценную демократию, не потеряв собственное, «суверенное», лицо. В разрешении вот этих вопросов и проблем мы можем и посоревноваться, и помочь друг другу.

Могу признать и сказать, что родной моей России еще не удалось, несмотря на некоторые сдвиги и достижения, создать ни полноценного цивилизованного рынка, где обмена было бы больше, чем обмана, ни самоутвердиться в демократическом укладе и образе жизни, гарантирующих не только справедливые выборы (к чему, конечно же, демократия не сводится), но и участие людей в управлении государством и общественными делами. У нас, и у вас многое строится «сверху», и мало что — «снизу». И еще предстоит разрешить труднейший, заковыристый вопрос о ценностях. Начиная с вопроса о том, какое общество мы строим — вы у себя, в Украине, а мы — в России. И что реально скрывается за понятиями, которыми мы пользуемся — рынок, демократия, гражданское общество и т.д. Вот об этом давайте поговорим и поспорим.

Представлю, как просила Ирина Яковлевна, своих коллег и друзей, каждый из которых достоин отдельной рубрики и места.

Начну с академика РАН Стёпина Вячеслава Семеновича, который ныне возглавляет Отделение философии, социологии и психологии в президиуме нашей Российской академии наук. Выдающийся

теоретик в области науки и техники, автор фундаментального труда, переведенного и изданного на многих языках — «Теоретическое знание», он является и ветераном Клуба «Свободное слово».

Рядом с ним сидит Салам Керимович Гусейнов, действительный член Академии наук Российской Федерации, директор нашего Института философии и профессор МГУ, как лично я его именую, «главный российский философ—этик», автор ряда широко известных философских трудов и учебников.

Представляю вам крупного и известного специалиста по философии культуры, доктора философских наук, главного научного сотрудника нашего института Вадима Михайловича Межуева. Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, руководитель сектора синергетических исследований института философии. Борис Федорович Славин — доктор философских наук, профессор, не скрывающий своих левых убеждений, чем он мне особенно дорог. В настоящее время является советником М.С.Горбачева по фонду, созданного экс — президентом СССР (в котором, кстати, по совместительству я проработал последние двенадцать лет в качестве советника по культуре).

С особым чувством представляю нашего русского Шевченко Владимира Николаевича, доктора философских наук, профессора, зав. сектором философии политики Института философии. Рядом с ним сидит Михаил Николаевич Громов, доктор философских наук, профессор, руководитель сектора истории русской философии. Представляю вам и Ирину Алексееву, доктора философских наук, профессора, специалиста и просто женщину-умницу. У нас бы ничего не получилось с поездкой, если бы её организацией с российской стороны не занялась научная сотрудница Института, хороший организатор — Марина Бургете.

Отдельной строкой представляю Мирослава Владимировича Поповича — директора Украинского института философии имени Григория Сковороды, доктора философских наук, академика, нашего давнего и хорошего друга, с которым мы все любим встречаться (и часто встречались в разные годы) и спорить по самым разным вопросам. До сих пор помню, как в 90-х годах на встрече в Киеве, где мы вместе с Карлом Кантором участвовали в одной из дискуссий, я сказал тебе, Мирослав, что мы же соседи и должны научиться жить по-соседски, а ты возмущенно ответил мне — «какие же мы соседи, мы — братья, причем равные и кровные». И я с тобой полностью тогда согласился...

Об отношениях Украины и России мы в клубе «Свободное слово», членами которого являются все приехавшие на встречу с вами философы, часто говорим и дискутируем. Как и о том, что же про-

изошло и происходит на постсоветском пространстве после того, как распался Советский Союз. За двадцать лет существования Клуба на его заседаниях не было ни одного (!) антиукраинского выступления. У нас в Клубе не в чести любой национализм. Могу сослаться на дискуссию, проведенную в клубе еще в ноябре 2002 г. по теме «Что нас объединяет и что разъединяет?». Поясняя, почему этот вопрос был поставлен на обсуждение, я в своем вступительном слове, в частности, сказал: «Вопрос сегодня стоит так: почему мы не можем наладить наши взаимоотношения, которые с годами становятся не лучше, а в каком-то смысле хуже? И это в то время, когда в мире идет мощный процесс интеграции — народы, страны, этносы объединяются, соединяются под флагом глобализации или даже не думая о ней...». Этот вопрос я бы задал сегодня и здесь, на нашей встрече.

Несколько слов о Клубе, который мы здесь представляем. В недавно законченной книге я посвятил ему целую главу. И не случайно озаглавил её так — «Когда и старость в радость». Пишу о счастливом совпадении момента вступления в пенсионную пору с появлением клуба «Свободное слово», который был создан 31 октября 1988 г. Он появился в самый разгар перестройки, и был коллективным детищем. Создан активными усилиями ряда людей и даже учреждений: помимо Института философии в его появлении сыграли важную роль Конфедерация союзов кинематографистов СССР, «Киноцентр» и Школа культурной политики Петра Щедровицкого, конкретные люди, в частности, присутствующие здесь Гусейнов, Межуев, Стёпин. А я взял на себя трудное, но приятное бремя быть председателем клуба, и с тех пор его нес.

Почти за двадцать лет существования и деятельности Клуба мы провели около 160 заседаний — встреч и дискуссий, на которых рассматривались и обсуждались почти все актуальные проблемы и вопросы, которыми волновали нас до и после распада СССР. Обсуждали и оценивали их в свободной манере, не случайно назвавшись «Свободным словом». Свободное, но с серьезным условием — ограничением: *ответственность за сказанное слово и уважение личности оппонента*. Без фиксированного членства, в клубе собирались и высказывались люди самых разных убеждений, пристрастий и позиций: социалисты, марксисты, анти-марксисты, либералы и демократы, настоящие и поддельные, в том числе и я, не раскаявшийся марксист и консерватор в своих политических симпатиях и предпочтениях. Могу без упрека в преувеличении сказать, что наш Клуб в Москве — *долгожитель*, и все эти «окаянные годы» (использую определение Бунина) жил и вел себя честно, не юлил в позиции и не

лебезил перед властью, в чем можно убедиться, почитав десять книг альманаха «Свободное слово. Интеллектуальная хроника», которые были изданы.

В клубе выступали многие известные деятели нашей науки, политики, культуры. Заседания посвящались самым острыми темами и проблемам, вроде таких, назову лишь некоторые: «Нужна ли Россия русским?», «Существует ли в России еврейский вопрос?», «Чем Россия лучше СССР?», «О природе российской власти», «Идолы и идеалы современности», «Культура и государство», «Какая демократия нам нужна, какая демократия у нас возможна», и многие — многие другие. Мы привезли и передали декану вашего факультета книги и публикации Клуба для библиотеки. В том числе и недавнюю книжку «Диалог цивилизаций. Повестка дня» (под моей редакцией), в которой опубликованы статьи ряда присутствующих здесь авторов.

Вот, пожалуй, самое главное, что можно и следует кратко сказать о клубе. Кто возьмет слово?

МЕЖУЕВ В.М.

Я так понимаю, что мы находимся здесь не для того, чтобы спорить друг с другом на тему российско-украинских межгосударственных отношений, а как люди одной профессии, давно и хорошо знающие друг друга. Среди нас нет политиков, и я лично не отождествляю себя со всем, что происходит сегодня в российской политике. Я вообще не считаю политику подходящей площадкой для культурного диалога, ради которого мы сюда и приехали. Политики, естественно, защищают национальные интересы своей страны, и пусть они спорят между собой по вопросам политических и экономических взаимоотношений между нашими государствами. Но никакая политика не заменяет необходимости культурного диалога, который ведется все же по иным правилам, чем дипломатические переговоры на разных уровнях. Диалог культур — это диалог между людьми, представляющими культуры своих народов: он может вестись не только писателями и художниками, но и философами, ибо философия для меня — важнейшая составная часть как вашей, так и нашей культуры. Вот и давайте говорить друг с другом как философы, как люди культуры, избегая по возможности излишней политизации нашего разговора.

Здесь, как я понимаю, собрались в основном философы. Я когда-то хорошо знал украинских философов, дружил со многими (к сожалению, некоторых из них уже нет в живых), часто приезжал в Киев, участвовал в школах и конференциях, которые организовыва-

лись украинским Институтом философии. Об этих встречах у меня сохранились самые лучшие воспоминания. Сейчас эта связь во многом потеряна, мы плохо информированы о том, чем сегодня занимаются ваши философы, какие темы их интересуют, в каком направлении развивается философская мысль в Украине. Думаю, и вы плохо осведомлены о том, что происходит сегодня в российской философии. Вот об этом и хотелось бы поговорить в первую очередь. Было бы интересно сопоставить результаты проделанной вами и нами за это время философской работы. Меня, например, интересует вопрос о состоянии философского образования в современной Украине, что и как преподается по этой части в ваших вузах, какие направления современной философии у вас наиболее востребованы и популярны.

Когда встречаются люди одной профессии, они, видимо, обсуждают проблемы, волнующие все профессиональное сообщество, причем независимо от страны, которую они представляют. Такие проблемы, очевидно, есть и в философии. Любого ныне живущего философа интересует, куда движется современный мир, какое место в нем занимает философия, чем вообще она является и может быть в ситуации нашего времени. У нас много говорят и пишут о кризисе философского знания, о спаде его влияния на всю область образования и культуры. В системе гуманитарного образования и духовной жизни философия как бы вытесняется на периферию: с одной стороны, ее теснит религия, разного рода донаучные формы сознания, с другой — на роль духовных лидеров претендуют сегодня социологи, политологи, экономисты, а то и просто журналисты. Что же остается на долю философии? Интересно, что на этот счет думают украинские философы? Как они понимают роль и значение философии в собственной стране? Чем может и должна быть философия в мире глобальных связей и коммуникаций? Или у каждого народа своя философия? У нас эти вопросы постоянно обсуждаются. Хотелось бы и здесь поговорить на эти темы.

Попович М.В.

Я хотел бы начать с таких вещей, которые, может быть, раздражают или вносят какой-то диссонанс в отношения именно культурной жизни и сферы. Ибо не хочу сводить проблему взаимоотношений Украины и России к отношениям государственным, тем более, экономическим. Впрочем, это легко декларировать, но реально не всегда так получается, потому что наше отношение к государству (любому!) зависит и от того, как это государство борется за утверждение таких ценностей, как демократия, свобода, справедливость, солидар-

ность. Думаю, мысль моя понятна. Поэтому не буду говорить о самолетах, ракетах, газе, нефти и прочих вещах. А преимущественно о культурных процессах, и о том, что нам мешает наладить нормальные, хорошие отношения.

Действительно, сложившуюся ситуацию нельзя считать нормальной. Я бываю в Польше столько раз в году, сколько я когда-то бывал в Москве. А в Москве теперь бываю столько, сколько когда-то бывал в Польше. И это ненормально. У меня хорошие отношения с польскими друзьями, коллегами, единомышленниками. Но, извините, это встречи людей разных культур. Вот с культуры я бы и хотел начать. Я действительно отношусь к нашей встрече как к встрече братьев, а не соседей и даже единомышленников. Братья не обязательно должны быть единомышленниками. Но столь же решительно я хочу отмежеваться и от такого понимания, которое втолковывал мне когда-то, не буду называть фамилию, один хороший московский товарищ — «мы же с вами русские люди». Вот этого я абсолютно не приемлю! Для меня братство основано не на том, что мы где-то по крови или, если еще по каким-то сусекам потрусить, якобы русские люди — это для меня абсолютно неприемлемая вещь. Братство — это братство по ценностям и по оружию, если уж на то пошло. Вот это мне хотелось подчеркнуть.

Но я обещал начать с какого-то раздражающего фактора. Прочитую вам сейчас кусочек из Пушкина, из поэмы «Полтава», характеристику Мазепы. Это как раз один из пунктов, где легко найти раздражающие факторы в прошлом, поскольку у нас один из национальных героев, как считают в России — это Мазепа... Я отнюдь не в восторге от личности Мазепы, в котором много всего намешено, в том числе и мерзкого, как во всех сильных людях, которые с оружием решали какие-то большие вопросы. Но не об этом речь. Прочитаю, что и как Пушкин говорит о Мазепе.

Что дух его неукротим \\ Что рад и честно и бесчестно \\ Вредить он недругам своим \\ Что ни единой он обиды \\ С тех пор, как жив, не забывал \\ Что он не ведает святыни \\ Что он не любит ничего \\ Что презирает он свободу \\ Что нет отчизны для него.

Это удивительная характеристика, поскольку Пушкину не свойственно такое плоскостное изображение исторических персонажей, того же Кочубея и прочих. Достаточно вспомнить «Капитанскую дочку». Пушкин не был человеком, для которого было только плохое и хорошее. Почему плох Мазепа? Все дело в этой последней фразе, что нет отчизны у него. Я понял смысл этой фразы, когда изучал материалы третьего Отделения по кирилло-мефодиевскому делу. Там у графа

Орлова сидели очень интеллигентные советники, и в заключении графа по этому поводу прямо сказано, что всякие любования стариной могут привести к тому, что народы России будут мечтать о государственной независимости. В чистовик доклада эта фраза не попала, она выглядела так — будут мечтать о самобытности. Хотя официально при Николае I — термин Малороссия не употреблялся, а в переписке у жандармов употребляется слово Украина, украинский и так далее.

Так вот, в этих документах есть разъяснение, как надо понимать отчизну и родину. Не отрицалось, что у Шевченко, Костомарова и других есть своя родина, как, например, Флоренция малая родина, или Падуя, или Сицилия — это малая родина в Италии. Отчизна же — это выше, чем совокупность малых родин. Что касается поляков, то и в общественном сознании, и в государственной политике исходили из того, что поляков надо держать в узде. Но однажды государь сказал, что он может отпустить поляков, потому что у поляков есть своя отчизна. А у украинцев не было своей отчизны, отчизна должна быть одна — великая Россия. Что за этим стоит? Кое-что стоит. Что реально общей для Украины и России была и культура. Русский язык — это язык империи, на котором говорили все. И большая часть украинской культуры создавалась на русском языке. Не принимая концепции отчизны и родины, я хотел бы сказать, что мы находимся в ситуации, когда можем потерять ту общую часть культуры, которая была сформулирована, может быть, даже и на украинском языке, в данном случае это неважно. Для нас это опасность, больше, чем даже для России. Не в том дело, что мы не можем отдать Гоголя, речь идет о том, что мы не можем отдать часть своего собственного самосознания.

По своим взглядам я человек левых убеждений, просто партии для меня такой нет в Украине, потому что наши социал-демократы проворовались и связались с тоталитарными силами, другие тоже не лучшие социалисты. В общем, разгром левого фланга в политике — это, наверное, и у нас, и у вас, к сожалению, свершившийся факт, и все хотят быть правыми. Это когда встают на тот путь, что просто объявляют всё хорошее плохим, всё плохое хорошим. И такое сознание объявляют и называют правым.

Короче, если мы потеряем ориентацию, которая нас всех делает братьями, я имею в виду все нации, включая одесскую, считая ее малой родиной... Ведь я ехал сюда и не знал, куда я еду, то ли еду к москвичам, которых пригласили на украинскую землю, то ли к Толстым в Одессу? Вот так хотел бы и закончить. Такая позиция возлагает на нас большую ответственность, на всех нас, украинскую интеллигенцию в том числе, к которой я принадлежу, и отстаивать такие взгляды

нелегко. Хотя должен сказать, что, в общем-то, все-таки, это не только я здесь в узком кругу говорю, люди об этом говорят громко, другое дело, что мало кем это принимается во внимание. Будем надеяться, что наши голоса станут звучать громче.

Славин Б.Ф.

Я был в Одессе, когда Германа Титова запустили в Космос. Вспоминаю отношение одесситов ко мне. Я ехал на трамвае по направлению к Сегетской улице. Спросил окружающую меня публику, когда и на какой остановке мне лучше выйти? По меньшей мере, половина вагона приняло участие в обсуждении этого вопроса. Причем каждый из попутчиков нередко говорил прямо противоположное другому. Прислушиваясь к спору, я чуть не проехал свою остановку. Таково было мое первое впечатление об одесситах — людей с развитым собственным мнением и доброжелательным отношением к незнакомцам. Фактически это было мое первое участие в русско-украинском диалоге. Оно показало, что никаких препятствий в общении простых людей, принадлежащих разным городам и республикам, не существует.

К сожалению, сегодня в русско-украинских отношениях много политически наносного и не нужного. Например, я слышал, что собираются переводить на украинский язык Гоголя. Само по себе это неплохо, но нельзя забывать, что это будет происходить в условиях, когда почти все украинцы могут свободно читать Гоголя в подлиннике. Вот и сегодня один из выступающих в этом зале доказывал, что Достоевский по своему национальному происхождению ближе к Украине и Польше, чем к России. Но разве это так важно для понимания его творчества, которое в равной степени принадлежит всем: и русским, и украинцам, и белорусам, и полякам?

Дело в том, что достижения литературного творчества, как и любые достижения подлинной культуры, в принципе невозможно приватизировать: они носят всеобщий характер, то есть принадлежат всем людям, без различия расы, национальности, пола и социального происхождения. Можно приватизировать средства производства, можно приватизировать машины, трамваи, дома, землю и т.д., но невозможно приватизировать научные открытия, например, закон всемирного тяготения, открытого Ньютоном, или теорию относительности Эйнштейна. Нельзя приватизировать и результаты творчества таких писателей, как Достоевский, Толстой, Пушкин, Шекспир, или талантливо сыгранные роли артистами, оригинальную картину, написанную известным художником и т.д.

Здесь могут возразить, что картины великих художников нередко находятся в частной собственности коллекционеров, их страхуют при перевозках, покупают для музеев и т.д. Все художественные аукционы типа Сотсби построены именно на этом принципе, т.е. на принципе приватизации того, что должно принадлежать всем. Но допустим на минуту, что при перевозке через океан (из Италии в Америку) утонула, или сгорела застрахованная на десятки миллионов долларов «Джоконда» Леонардо да Винчи. Разве эти миллионы могут возместить культурную и художественную ценность утраченного оригинала? Конечно, нет. Дело в том, что подлинно культурные ценности, в принципе, не измеряются денежным эквивалентом. Не случайно они и занесены в каталоги различных культурных организаций государственного и международного уровня для того, чтобы их нельзя было безнаказанно воровать, тем более, на них наживаться.

К чему я веду этот разговор? Когда мы задумываемся о смысле бытия и собственной жизни, когда дискутируем о характере будущего общества, которое хотели бы иметь, всегда возникает вопрос — а на каких основах будет строиться такое общество? Будет ли оно базироваться на идее приватизации всего и вся, или оно будет основано на таких общественных отношениях, где сфера науки, культуры и образования будет принадлежать всем без исключения. К сожалению, сегодня мы живем в обществе, где пытаются приватизировать буквально все: не только машины, дома и землю, но и социальную сферу, науку, здравоохранение, образование и даже эстрадное искусство, превращая последнее в одну из разновидностей «шоу».

Но означает ли уникальность результатов духовного и культурного творчества невозможности диалога между людьми разной культуры и национальности? Думаю, нет. Правда, существует мнение, что такой диалог невозможен. Один из моих коллег, приехавших в Одессу, некоторое время назад убеждал меня, что подобный диалог невозможен, как невозможен диалог по базовым ценностям религии. Христиане никогда не откажутся от своих духовных ценностей в пользу ценностей, например, ислама, и наоборот. Тем не менее, я думаю, что диалог возможен в любой сфере, в том числе и в религии, если его участники имеют между собой нечто общее, т.е. то, что нельзя разделить. Например, для всех основных религий мира таковым общим является вера в единого бога. Есть общее у религиозного человека и атеиста, например ряд общих нравственных ценностей, отношение к экологической проблеме и т.д. Общими для всех людей являются и общечеловеческие ценности, включая в них подлинные ценности

культуры, науки и искусства. В этом смысле и различные религии имеют свою культурно-историческую ценность, которую следует знать и понимать.

Однако, пока существующий мир больше базируется не на идее объединения человеческого сообщества, а на идее разделения по странам, национальностям, социальным и культурным перегородкам, что не может продолжаться вечно. Необходимость экономической интеграции, возникновение глобальных проблем, связанных с исчерпанием традиционных энергетических ресурсов, потеплением климата Земли, с борьбой против массовых эпидемий, освоением космоса и др. актуальными проблемами, толкают разные народы и страны к взаимному объединению. И оно уже началось на основе современных средств коммуникации, компьютерной техники, и Интернета.

Человек по своей природе сугубо социальное, общественное существо, следовательно, объединение, а не разделение людей должно и может стать их общим смыслом жизни. Прав был Антуан де Сент Экзюпери, считавший общение людей высшей духовной ценностью, «роскошью». Мы можем расходиться друг с другом на основе разного понимания истории, политики, идеологии, религии, но мы вынуждены жить вместе и должны искать общий язык общения друг с другом в прямом и переносном смысле слова.

К сожалению, человечество пока не имеет общего естественно сложившегося языка для прямого общения людей и народов. Функцию такого языка выполняет язык той нации или того государства, которое в экономической и других сферах общественной жизни является наиболее развитой. В частности, таким языком сегодня является язык английский. Думаю, по мере все более интенсивного общения стран и народов постепенно будет складываться и единый язык общечеловеческого общения. На мой взгляд, он не будет искусственно изобретен, а сложится естественно в процессе глобального общения миллионов людей. Думаю, он вберет в себя элементы всех существующих национальных языков. Ключевую роль в этом глобальном процессе будут, безусловно, играть духовные ценности каждой национальной культуры.

В этой связи все возрастающую роль приобретает общение и диалог культур разных наций и народов. Особенно нужно возрождать диалог на постсоветском пространстве, и, прежде всего, между близкими друг другу русским и украинским народами. После крушения СССР многие люди наших стран потеряли смысл жизни, общие культурные и духовные ориентиры. Своеобразная духовная аномия поразила миллионы людей. В этой связи общение философов наших стран должно помочь в преодолении этой болезни.

Здесь отдельные выступающие говорили о своих левых взглядах, я тоже отношу себя к этой категории лиц. В этой связи считаю, что обращение к таким левым ценностям, как интернационализм, свобода, справедливость, солидарность и гуманизм, может сыграть свою положительную роль и в диалоге культур. Эти ценности являются общим достоянием наших народов, и не только их. Они не поддаются национальной и тем более частной приватизации. Поэтому, какие бы события негативного плана не существовали в отношениях между нашими государствами, родственные народы сохранят то общее духовное поле, те общие исторические и культурные ценности, которые придадут высокий смысл жизни каждому отдельному человеку.

Вопросы всестороннего осмысления названных и других культурных ценностей, думаю, могут стать одним из предметов нашего совместного обсуждения в вашем гостеприимном университете, в других местах вашего неповторимого города.

Надо видеть и понять, что наступила другая историческая эпоха. Начинается грандиозная мировая борьба за природные ресурсы. Так кому выгоден сейчас распад могущественных государств на маленькие страны? Ведь им, маленьким, ничего не светит! Светит только великим и сильным державам. Вот откуда проистекает имперское мышление в современной России. С этим ничего не поделаешь. Это и есть современный мир. Россия находится сейчас на перепутье, в ней существует много разных проектов дальнейшего развития. Хотелось бы узнать, что думают и пишут на Украине по этим проблемам, и как мы будем искать взаимопонимание. Ведь от решения этих проблем в значительной мере зависит наше будущее, наши с вами отношения. Давайте встречаться, давайте обсуждать, давайте вместе думать о будущем, которое нас ожидает.

ШЕВЧЕНКО В.Н.

Думаю, все-таки, нельзя отделять и противопоставлять друг другу культуру и политику. Они в интересующей нас теме довольно тесно связаны.

Я познакомился с литературой, изданной в последние годы в России по проблемам диалога культур наших двух стран. Она делится на два вида. Первый — это книги идеологического характера, в частности, имперской направленности, публикуемые в Москве издательством «Имперское возрождение». Среди книг последних лет — сборник «Украинская болезнь русской нации». (М., 2005); монография харьковского ученого А.Каревина «Русь нерусская» (М., 2006).;

переиздание книги А.Щеголева, впервые опубликованной в 1912 г., «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма» (М., 2006), целый сборник «Имперское возрождение» (М., 2007), имеющий раздел «преодоление украинства», и ряд других. О главной идее этой и подобной литературы говорят сами названия. Существует также партийная печать компартий и других левых сил Украины и России. Одни авторы выступают за воссоединение двух ныне независимых государств (точнее, трех славянских государств, включая Белоруссию) в единое государство, другие отстаивают независимость и суверенитет Украины, подвергают резкой критике любые посягательства на них.

Второй тип изданий — книги и статьи научного характера. Весьма удачными я нахожу первые номера журнала «Литературное обозрение» за 2007 г., широко охватывающие украинскую проблематику. В российской политической периодике наиболее значимые проблемы связаны с ходом политических событий последних лет — это «оранжевая» революция, выборы 2003 и 2007 гг., прогнозирование политической ситуации (характерный пример — первый номер журнала «Политические исследования» за 2005 г.), газовая тема, и, наконец, натовская проблематика. Среди немногочисленных книг научного характера выделяются книги А.Миллера «Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века)» (СПб., 2000). Его же. Империя Романовых и национализм. (М., 2006).

В целом же общественное сознание в России сравнительно мало интересуется проблемами диалога культур России и Украины, поисками решений спорных проблем. А их накопились за последние годы немало. Причины здесь разные. Одна — озабоченность как россиян, так и украинцев своими собственными проблемами. Другая, на мой взгляд, главная — связана с различной трактовкой обеими сторонами реалий, сложившихся за последние 15–20 лет. Очевидно отсутствие необходимой культуры диалога, неумение отделять реальные проблемы от надуманных и заведомо ложных проблем.

На двух работах я хотел бы остановиться подробнее.

Одна из самых острых проблем, которая сформулирована украинской стороной очень конкретно, звучит так: *кто кому и что должен?* Именно так ставит вопрос в книге «Почему Украина не Россия» её автор-составитель А.А.Кокотюха (Харьков, 2005): «так кто же для чьего становления и развития больше сделал: Украина для России или наоборот? Этот спор в ближайшие несколько десятков лет обещает стать постоянным». Оказывается, еще до Переяславской Рады украинцам предлагали в России достаточно высокие должности, а после

так называемого воссоединения отток «у далеку Московію» стал непрерывным. Украинец Семен Полоцкий с 1664 г. обучал царевичей Алексея, Федора, царевну Софью, царевича Петра. Украинцы основывают в Москве Славяно-греко-латинскую академию по образцу Киево-Могилянской. Профессорский состав академии состоит почти полностью из выходцев с Украины. Царь Петр приглашал ученых и специалистов из других стран, но у них был равный статус с украинцами. Украинское влияние на внутреннюю жизнь и развитие России того периода ощущалось не только на ниве просветительства. Выходцы с Украины развивали российское строительство, музыку, изобразительное искусство, законотворчество. Украинцы дают начало развитию театров в России. Представители духовенства и знати ездят в украинских бривках. Украинцы – лучшие российские проповедники.

Украинская волна кончилась тем, что их «начали притеснять, превращая их постепенно в «малороссов», вторичных представителей великой Российской империи». Так дословно пишут авторы книги «Почему Украина не Россия».

Первый серьезный перелом в отношениях к украинцам произошел после так называемой «измены» Мазепы, когда Екатерина II отдает приказ о ликвидации Запорожской Сечи. А в советские времена «Украинская ССР кормит Советский Союз, причем не весь, а основную его территорию. Конкретно – РСФСР, Россию» (С. 251). Вывод такой: Россия «без украинцев фактически не состоялась бы в том качестве, в котором она всем известна. Ясно, что ни о какой пользе для украинцев и Украины здесь и речи быть не может» (С. 239).

Другая книга написана Л.Кучмой, бывшим президентом Украины. Под названием «Украина не Россия» (М., 2003), она широко рекламировалась на Московской книжной ярмарке в сентябре 2003 г. В книге содержится послание, «месседж», нашему государству, его руководителям, но, прежде всего, российской интеллигенции, деятелям культуры. К сожалению, идеи, высказанные Л.Кучмой, не были услышаны и не получили должного осмысления. А он пишет: «Я уже не раз возвращался в этой книге к тому, какую мощную подпитку давала Украина России на протяжении трех с половиной столетий. Одного этого фактора достаточно, чтобы признать: Россия – наша должница. Не в каком-то юридическом смысле, *но в моральном*. ... Мне кажется, осознание этого долга не включает в себе ничего оскорбительного для России» (С. 453).

Но с этим в России никто не согласится. Не испытываю никакого чувства морального долга перед Украиной. Известно, что в становлении и развитии российской державы и культуры участвовали

представители всех национальностей, живших на территории Российского государства. К примеру, в российской литературе хорошо показано, чем страна обязана немцам. Когда-то Немецкая слобода на Яузе в Москве была островком в море русской жизни. Начиная с Петра I, культура, технология, военное искусство, наука, немецкий стиль правления, да и сами немцы, оказавшиеся на всех ступенях общественной пирамиды — от царской семьи и царского двора до пекарей, булочников, сапожников, управляющих имениями, — становятся постоянным и важным элементом русской жизни. С середины XIX в. немецкая тема вызывает жаркие споры среди русских мыслителей. А. Герцен и М. Бакунин, славянофилы видели в немецком влиянии бедствие для России, приведшее к искажению ее внутренней сущности. И. Тургенев напротив считал, что немецкая культура способствовала одухотворению русской души, русской ментальности. И. Гончаров полагал наличие немцев в стране благом для воспитания русского характера.

О татаро-монгольском наследии в российской истории и культуре тоже хорошо знают даже школьники. А ведь было и обратное воздействие русской власти и культуры, русской армии на жизнь и выживание, что важно подчеркнуть, на многие народы и этносы Российского государства, в том числе и украинского народа. Так что в вопросе о моральном долге можно долго разбираться. И стоило бы подумать, насколько правомерна сама постановка такого вопроса. Интересно, что Л. Кучма, несмотря на высказанные претензии морального свойства, в целом предлагает вполне приемлемое решение вопроса о взаимодействии культур народов России и Украины. «Украина была частью имперской метрополии», а украинцы частью имперской нации. Поэтому, по его словам, «историческая справедливый, разумным и просто спасающим положение стал бы заключенный прилюдно и торжественно культурный пакт, в соответствии с которым Украина и Россия (и Белоруссия!) признали бы все духовные ценности, созданные во все века, проведенные под одной государственной крышей, общим и не подлежащим дележу наследием» (С. 322). Он прав и в том, когда говорит, что соседние страны должны согласовывать школьные учебники истории. «Без такого согласования прочное сближение народов, (народов, получающих поголовное школьное образование), сильно затрудняется. Сегодня имеется мощное оружие, именуемое политкорректностью. Правда, многие факты истории приобретут под ее давлением сглаженный и обтекаемый вид, утратят часть колорита, но как показывает опыт Европы, это не слишком большая плата за исчезновение вражды, за взаимное дружелюбие и терпимость» (С. 145–146).

В качестве обобщающей теоретической и политической основы этих положений и выводов Л.Кучма предлагает считать, что «советский большевизм был нашим совместным творчеством, именно совместным «наивным и злосчастным порывом к светлому будущему» (С. 124). В чем тверд как камень Л.Кучма, так это в том, что «украинцы и русские хоть и родственные, но отдельные народы. Что никакое обратное воссоединение невозможно. Что Украина — это уже навсегда. Тогда возможны сколь угодно дружественные отношения. Но не может быть и речи о каких-то территориальных претензиях друг к другу. Украина не Россия» — (С. 141). И с этим также следует согласиться, несмотря на призывы некоторых российских государственных деятелей считать существование их как отдельных государств явлением временным, хотя вряд ли можно запрещать или осуждать иную точку зрения и доводы, в ней содержащиеся в пользу воссоединения двух государств и народов.

Можно сказать, что определенные шаги навстречу друг другу в последнее время делаются с обеих сторон. Важно признать, что совместное историческое, политическое и культурное творчество двух народов накладывает на обе стороны общую моральную обязанность дать приемлемое, справедливое для обеих культур решение конкретных вопросов, например, как трактовать художественное наследие Н.В.Гоголя или философа П.Д.Юркевича. Все это непростые проблемы, но вполне решаемые при доброй воле и разумном подходе двух сторон.

Как же должны в современных условиях строиться отношения между двумя странами и культурами? Главное условие, скорее всего, состоит в том, что два государства должно объединять какое-то общее видение их будущего, не говоря уже о новых формах взаимовыгодной интеграции. А что получится, если страны пойдут в разные стороны? Можно ли будет тогда выстроить общую основу для диалога в сфере культуры? Но независимо от дальнейшего развития отношений, российским ученым необходимо для самих себя решить ряд важных вопросов, без чего диалог двух культур вряд ли даст ощутимые результаты, а то и станет просто невозможным.

Первый вопрос — это отношение к марксизму, к советскому прошлому, к социализму как к идее и общественной практике. Хотя пещерный антикоммунизм Ельцина ушел в прошлое, но и сегодня по-прежнему наблюдается раскол в российском общественном мнении, в культуре и общественных науках. И я пока не вижу здесь возможность достижения общенационального согласия. Исторический опыт Запада показал, что идеи социализма, как и идеи либерализма, неус-

транимы из общественного сознания и общественной практики, правда, как и их сближение и взаимообогащение. В России такие тенденции пока не просматриваются.

Второй вопрос — роль православия и других конфессий в прошлом и настоящем в развитии российского общества, государства и культуры, выстраивание сегодня правильных отношений между властью и церковью в рамках светского государства. Религиозные духовные ценности и религиозная культура — это важная часть нашего общего культурного наследия, но у нас, как мне кажется, неважно идут дела со строительством светского государства. Надо признать, что страна с большими трудностями преодолевает наследие воинствующего атеизма.

Но важно не впасть и в другую крайность. Как пишут некоторые авторы, наука потому и пришла к кризису, что отошла от религии, и чтобы теперь этот кризис преодолеть, она должна пойти на союз с религией, на союз с христианством. Такое «лобовое» решение вопроса об отношениях между религией и наукой мне кажется неверным. Православие, как и любая другая мировая религия, неизменна в своих догматах. Вот что пишет православный ученый. «Весь мир имеет для Христианина смысл, поскольку Учение Христа дает полное знание о мире, начиная со дня его творения Богом и заканчивая последними днями и Страшным судом. Христианство как Истина содержит в себе полноту знания по любому вопросу, дает основу для ответов на любые проблемы насущного бытия человека. ... В основе своей светская наука представляет не что иное, как измененное, искаженное христианское миропонимание» (*Величко А. М. Философия русской государственности*. СПб., 2001. С. 24, 27). По мнению автора, науки постепенно, одна за другой, возвращаются в лоно христианского мировоззрения. Какие катастрофические последствия это может вызвать, можно судить по таким высказываниям, например, священника Тимофея в книге «Православное мировоззрение и современное естествознание» (кстати, учебного пособия для школ), где говорится: «Учащимся желательно сразу уяснить, что теория эволюции это предмет веры, а не непреложный научный факт. Вера же может быть истинной или ложной. Считая веру в эволюцию глубоким заблуждением... креационная наука не боится выводов, что воспитательная система во всем современном обществе сознательно ориентирована на формирование эволюционно-гуманистического мировоззрения со всеми вытекающими из него моральными установками» (С. 5–6).

Сегодня, как мы видим, в стране происходит мощное ретроградное наступление на науку, которое, я не знаю, где, на каких рубежах остановится. Как сказал мне в беседе один богослов: «неужели вам не стыдно, когда вы говорите, что человек произошел от волосатой обезьяны?». Известно, что православные богословы стремятся внести ученые степени кандидата и доктора богословских наук в список научных специальностей государственного ВАКа и работать в нем на равных со светскими учеными. Богословы пытаются дискредитировать науку, сделать ее в очередной раз служанкой веры.

Короче, принцип светского государства подвергается в России серьезным испытаниям. К сожалению, доминирующей тенденцией становится все более глубокое вращение церкви в государственные институты – в армию, в исполнительную власть, в культуру, в школы и вузы. Столкновение полярных точек зрения в отношении идущих здесь процессов достигло предельного напряжения. Одно ясно – отставание сегодня позиций светского ученого, гражданина светского государства нередко требует принципиальности и мужества.

И, наконец, до сих пор не получили внятного теоретического решения многие этнические проблемы в стране. Скажем, действительно ли есть проблема разделенного существования русских, русской нации после распада Советского Союза. Да, в той мере, в какой русские становятся в Украине людьми второго сорта, когда запрещается обучение на русском языке, и не только обучение, но и общение, когда притесняется русский язык и русская культура и т.д. Поэтому можно понять имперскую позицию многих российских авторов, когда они защищают право русской нации на воссоединение и приводят в качестве примера существование разделенной немецкой нации на протяжении почти пятидесяти лет. Силы (не будем уточнять, где и какие они были), стремившиеся к государственному объединению двух германских государств, много и упорно работали, как правило, в правовых рамках, искали пути к объединению. Большую роль сыграла идеологическая пропаганда. Украинские коллеги могут сетовать на то, что ведется большая пропагандистская работа, направленная на защиту права русских на воссоединение ныне пребывающей разделенной русской нации. Если украинские коллеги не согласны, пусть выдвигают свои аргументы, пусть опровергают те факты, о которых выше шла речь, дают им другую интерпретацию. Иного пути нет.

Давайте еще раз подумаем над тем, идет ли в России становление мононационального государства в смысле становления гражданской нации по европейскому образцу, или здесь наблюдаются другие процессы? С моей точки зрения, путь становления либерального (бур-

жуазного) национального государства для России закрыт. Возьмите, к примеру, этническую карту Европы начала XIX в. и сегодняшних дней. Либеральный каток сминает все этносы, разрушает и перемешивает их. Повторить этот путь в нашей многонациональной стране сегодня нельзя. Мы в этом смысле опоздали, и опоздали во всемирно историческом смысле. Перед страной стоят иные задачи и цели развития. Движение к политической демократии, к рынку, национальному государству, к политической, гражданской нации — реализация всех этих целей и задач в обозримом будущем — непосильное для нас историческое бремя.

Легко быть кантианцем и указывать всем народам и государствам, что они отступают от универсального европейского идеала. Сейчас другая эпоха. Начинается грандиозная мировая битва за природные ресурсы. Кому выгоден распад могущественных государств на маленькие страны? Ведь маленьким государствам ничего не достанется в этой борьбе. Им ничего не светит. Светит только тем, которые являются — не хотите слова «империя» — могущественными державами. Поэтому и возникает непростой вопрос — является ли обретение Россией державной мощи и возвращение к адекватному государственному устройству неизбежным или нет

Да, в России есть тяготение к имперскому, державному мышлению, оно существует, ничего с этим поделать нельзя. Есть и другие тенденции и предпочтения. Как россияне решат проблему исторического выбора, остается пока неясным. Но определяться пора. У нас нет больше исторического времени для неспешных раздумий. Я полностью согласен с позицией В.И. Толстых, который высказал ее предельно лаконично и ясно при обсуждении на одном из заседаний «Свободного слова» темы «Что нас объединяет и что разъединяет?»: «Пусть русские выяснят, разберутся в том, нужна ли им самим Россия, и какая именно — и все станет на свое место». Видимо, только тогда российская мысль обретет нужную идейную и теоретическую базу для продуктивного диалога с деятелями культуры Украины и появится настоящее желание разобраться в нерешенных вопросах. Но в любом случае по всем вопросам нам надо искать взаимопонимание, находить общие точки зрения и подходы к решению непростых и запутанных проблем.

Гусейнов А.А.

Мое отношение к Одессе определяется сегодня просто. Мы слышали, как Валентин Иванович знает и любит Одессу. А я могу сказать, что я очень знаю и люблю Валентина Ивановича. И вот через

него опосредованно формируется мое теплое отношение к вашему городу. И, конечно, в голове крутится фольклорный образ Одессы, запечатленный в анекдотах, песнях, фильмах.

Теперь что касается обсуждаемой нами проблемы. Мне бы хотелось, собственно, затронуть только один вопрос. Он непосредственно не касается отношений Украины и России, скорее, носит методологический характер. Мы говорим о диалоге культур, цивилизаций. Сейчас не будем касаться различия между этими понятиями, возьмем культуру в значении соразмерном цивилизации. Мы говорим о диалоге между ними так, как будто это какие-то эмпирические объекты. А ведь на самом деле это абстрактные понятия очень высокого уровня, они являются обобщением очень многих, практически неисчислимых эмпирических объектов. Это миллионы индивидов, объединений людей, социальных организаций, институтов, государств. И вот когда мы говорим о диалоге культур, цивилизаций, конкретные группы людей по поводу совершенно конкретных проблем, которые имеют свое предметное содержание, свои границы. И по поводу них действительно можно вести какой-то продуктивный разговор.

В противном случае всегда есть опасность вопросы поставить таким образом, что они обязательно приведут если не к раздорам, то к тупику. Возьмите даже постановку вопроса о том, что нас объединяет и что разъединяет. Не в каком-то конкретном вопросе или аспекте, а вообще, что нас объединяет и что разъединяет — не того или иного конкретного человека, а вообще Украину и Россию. К чему же можно придти при такой постановке вопроса. Да ни к чему. По крайней мере, ни к чему хорошему. Даже если представить себе двух человек, двух друзей, которые начинают обсуждать, что их объединяет и их разъединяет. Ну и до чего они договорятся? И обязательно сама эта постановка вопроса будет их стимулировать к фиксации каких-то моментов в их истории, биографии, где между ними возникали конфликты. И потом сама такая ситуация, когда сидят два человека и ведут такой разговор — разве она нормальная? Да ничего в ней нормального нет. Или давайте рассмотрим набившую оскомину постановку вопроса об отношении Востока и Запада — сойдутся они или не сойдутся? Какой Восток, какой Запад? Христианство — это Восток или Запад? Япония современная — Восток или Запад? Далее, что значит «сойдутся или не сойдутся»? Абсолютно пустая и опасная постановка вопроса. Чего им сходитьсь? Они уже давно сошлись! Миллионы людей востока и запада создали общие семьи. Да и духовно они переплетены. На ум приходит персидский цикл стихов Есенина, «Восточный диван» Гете. Или возьмите Толстого, который вообще жил

последние годы текстами восточных мыслителей. А «Тысяча и одна ночь» — на какой европейский язык она не переведена? А какие толпы людей запада, которые ездят на восток в качестве туристов, в другом качестве? И наоборот. Так что же дает нам вот эта общая абстрактная постановка — Восток и Запад, сойдутся или не сойдутся.

Словом, первый мой тезис состоит в том, что формулировку вопроса о диалоге культур нельзя понимать в прямом смысле, как если бы культуры сами по себе обладали субъективностью. Встречаются не культуры, а люди, и встречаются по поводу конкретных проблем, которые их взаимно интересуют и взаимно связывают. Отсюда — следующие два вопроса. Первый: существуют ли среди множества людей, представляющих определенную культуру те, кто имеют исключительное или преимущественное право говорить от ее имени? Второй: существуют ли среди множества проблем, возникающих между людьми, принадлежащими к разным культурам, такие проблемы, различные подходы к которым исключительно или по преимуществу определяются различием культур?

Отвечая на первый вопрос, следует сказать, что каждая культура представлена таким большим и разнообразным числом людей и их объединений, позиции и мнения которых по разным вопросам, в том числе и по вопросу о сущности и потребностях своей культуры, так глубоко и необозримо противостоят друг другу, что никто из них не может полно представить свою культуру и говорить от ее имени. Иногда считают, что от имени культуры могут выступать так называемые деятели культуры — писатели, философы, музыканты и т.п. И они часто это, к сожалению, делают, присваивая себе право, которое им никто не давал. В самом деле, кто, например, может выступать от имени России, ее духа, интересов и т.д.? Достоевский или Горький? Лев Толстой или Иван Ильин? Столыпин или Ленин? Чубайс или Проханов? Конечно, можно было бы сказать, что каждый человек, принадлежащий к той или иной культуре, может говорить от ее имени, так как каждый русский может говорить от имени России. Но это как раз и означает, что никто не имеет преимущественного права делать это. Каждый, кто так поступает, выходит за рамки своих интеллектуальных и общественных компетенций, покидает твердую почву индивидуально-ответственных суждений и вступает на зыбкую почву демагогии.

Ответ на второй вопрос, на мой взгляд, должен быть приблизительно таким же, как и на первый. Среди многочисленного множества практических, каждый раз конкретных вопросов, которые приводят в соприкосновение, завязывают отношения между людьми, при-

надлежащими к разным культурам, есть только несколько, практически только два-три вопроса, по отношению к которым мнения и позиции людей определяются их культурно-цивилизационной принадлежностью. Это — территориальный суверенитет и свобода культурного самовыражения, прежде всего государственный статус языка. За этими пределами факт цивилизационной принадлежности индивидов в сознательном мотивировании их общественного поведения и личных взаимоотношений не является решающим. К примеру, взять вопрос о сотрудничестве философов и философских учреждений наших стран. Разве он должен определяться чем-то еще, помимо профессиональной целесообразности, научной продуктивности и технической (материальной) возможности такого сотрудничества?!

Еще один вопрос мне хотелось бы поставить для обсуждения, скорее для моих коллег московских. Господствует мнение, будто вопрос о диалоге культур, цивилизаций, культурно-цивилизационной идентичности является очень острым для бывших советских республик помимо России. Но мне кажется, он на самом деле является очень острым и проблемным также и для России, я бы сказал, прежде всего для России. Россия находится перед большим историческим вызовом. И еще не факт, что она сможет адекватно на него ответить. В чем этот вызов состоит? Вот у нас спорят — каков цивилизационный статус России? Это Европа? Евразия? Очень широко распространено, уже почти общим местом стало утверждение, что мы — особая российская цивилизация. Энциклопедии такие есть, учебники. Ведь цивилизация — это всегда обобщенная характеристика многих государств. Правильно? Нет такого вообще, чтобы цивилизация и государство совпадали.

Межуев В.М. — Нет, есть — Китай!

Гусейнов А.А. — Нет! Нет! Когда формировалась китайская цивилизация, Китай представлял собой совокупность многих государств, мы знаем по биографии Конфуция: его выгнали из своего государства, он колесил по многим другим. Это, во-первых. Во-вторых, китайская цивилизация, если взять такие очевидные её признаки, как конфуцианская этика и иероглифическое письмо — это не только Китай. В-третьих, если даже признать, что в случае Китая цивилизация и государство совпадают, то следует заметить, что мы говорим о Европе, которая уже почти 500 лет развивается по пути и в форме национальных государств. И Россия в этом отношении пошла или ее принудили пойти по европейскому пути, а в чем же иначе состоит исторический смысл распада СССР?! Цивилизация — это родовое понятие по отношению к национальным государствам. Цивилизация шире

государства. Внутри цивилизации европейской формировались Франция, Германия и другие страны. Так это произошло и в мусульманском мире. Это общее правило. И поэтому говорить о российской цивилизации как особой цивилизации применительно к истории России, как она развивалась до сих пор, конечно, не имеет никакого смысла. Это было российское государство, у него была своя история, великое государство с великой историей, драмами, достижениями и т.д. А вот сейчас, когда она распалась, вот теперь она оказалась перед вызовом и должна доказывать свою способность быть самостоятельной цивилизацией. И пробный камень здесь – сможет ли она стать центром притяжения, образовать вокруг себя особую цивилизационную зону. Это вызов. И я думаю, что где-то интеллектуалы российские это понимают, но формулируют в каких-то превращенных формах. Действительно России, ее культуре, великой культуре брошен историей очень большой вызов. И поэтому когда эти вопросы ставятся, возникают напряжения, надо понимать, что цивилизационной идентификации перед Россией тоже стоят и, может быть, в каком-то смысле даже в более обостренной форме.

МЕЖУЕВ В.М.

Я хотел бы высказаться по поводу выступления Мирослава. Я с большой симпатией отношусь к нему, считаю его замечательным философом, умным и обаятельным человеком. Мы когда-то довольно часто общались друг с другом. Но согласиться со всем, что он здесь говорил, не могу. Мы, видимо, по-разному понимаем то, что он называл распадом империи. Да, империя под названием СССР развалилась, но он, как и многие, думают, что развалилась русская империя, а я думаю, что рухнуло нечто большее. Когда ушла Прибалтика – это можно было понять. Уход Средней Азии – тоже естественный процесс. Когда ушло Закавказье – жалко старой дружбы, но тоже вполне объяснимо: все-таки разные народы, традиции, культуры. Ну, почему все они должны жить в одном государстве? Но уход Украины и Белоруссии – это не просто конец империи, это нечто совсем другое. Вы заметьте, кем был инициирован распад, кто подписал Беловежские соглашения – это были руководители трех славянских государств. В их лице три не просто дружественных, но глубоко родственных народа заявили, что больше не хотят жить вместе. Именно они, а не казахи, грузины, армяне или другие неславянские народы, решили пустить под откос огромную страну. Примерно тоже произошло в Югославии, когда поссорились между собой южнославянские

народы, прежде всего, сербы и хорваты. Важно даже не то, что распалось государство, а что окончательно распалось славянское единство, образующее в Европе в течение многих столетий свой особый мир, наряду с романским, германским и англосаксонским. Славянство, которое, по мнению всех славянофилов, образует особый культурно-исторический тип, ушло в прошлое, в область исторических преданий. Распад страны стал историческим поражением, можно сказать, концом славянского мира. Русские, украинцы, сербы будут жить, конечно, и дальше, но, подобно чехам и полякам, в границах уже не славянского, а иного мира, в котором они либо в лучшем случае станут провинцией, либо — в худшем — вынуждены будут поменять свою культурную идентичность. Ибо уже нет государства, которое служило гарантом такой идентичности. Раньше в целях сохранения единства страны требовалось знание русского языка, что многих раздражало, теперь в обязательном порядке учим английский. Посмотрим, какой из них больше соответствует славянской идентичности.

Я никого не осуждаю, а только призываю понять, что произошло. Кто-то может и считает, что отказ от славянского родства — вполне приемлемая плата за право считаться европейским народом (как будто славяне до сих пор не были европейцами), кого-то просто привлекает жизнь среднеобеспеченного западноевропейского бургера, кто-то грезит о национально-государственном возрождении. Но в современном мире нельзя жить в одиночку, с кем-то все равно придется объединяться. И если ты не можешь никого объединить вокруг себя, то вынужден объединяться с другими — более сильными и богатыми — причем, разумеется, на их условиях. А поскольку в той части Европы, куда мы все устремились, тон задают ценности иной культуры и даже веры, будем работать теперь на их потребу, пренебрегая собственными. Никого там особенно не интересует славянская «душа» с ее метаниями, запросами и ожиданиями. В России засилье идущих с Запада (особенно из США) образовательных и культурных стандартов уже сейчас дает о себе знать в полной мере. Не думаю, что и Украина сможет избежать той же участи. Так что мечта о национальном возрождении в результате распада общеславянского государства, каким в сущности и была Россия с ее Большой, Малой и Белой Русью, — похоже, чистая утопия. Давайте честно признаемся: мы отказались от своего этнического первородства и культурной близости ради вхождения в иную, не нами созданную, хотя пока и более успешно развивающуюся цивилизацию. Создать что-то свое в плане совместной жизни нам не удалось. Поэтому романская, германская, англосаксонская культуры будут

продолжать существовать, а славянская исчезнет. Возможно, это и есть историческая судьба славянства — умереть как особое культурное образование, чтобы дать жить другим.

И русским, и украинцам надо понять, что кончается эпоха не русофилизма, а славянофильства, сменяясь, к сожалению, эпохой этнонационализма — русского, украинского и пр. — с их взаимно направленными фобиями. Каждый из них ищет опору в себе, а не в союзе с другими славянскими народами. Политический разрыв влечет за собой и культурную обособленность. При таком обособлении приходится интегрироваться в европейский мир поодиночке, ослабляя тем самым свою приверженность славянскому братству, а, следовательно, самим себе. Но, может быть, разговор о таком братстве — чистый миф? Ведь не секрет, что некоторые славянские народы не всегда дружили, а иногда и просто враждовали друг с другом (сербы и хорваты, русские и поляки). О «споре славян между собой» еще Пушкин писал. Можно, конечно, забыть о своем историческом и культурном первородстве, искать свою родословную не в славянских племенах, заселивших когда-то часть европейской территории, а среди разных и чуждых друг другу народов, но это не только не согласуется с исторической правдой, но кладет конец истории славянства как единого культурно-исторического типа. Кого устраивает такой исход, тот и дальше будет гнуть линию на размежевание — государственное и культурное — наших народов. При этом надо ясно осознавать, что подобное размежевание приведет не к возрождению, а к разрушению славянских национальных культур, к культурному обезличиванию славянских народов, ибо вне своей общеславянской идентичности они существовать не могут.

ГРОМОВ М.Н.

В Одессе мы видим не только живописный южный город на берегу теплого Черного моря, о котором так проникновенно пел его уроженец и патриот Леонид Утесов. Одесса, названная в память древнегреческого полиса Одессос, представляет собой место встречи разных культур и традиций. Имена Суворова, Воронцова, Де Рибас, Ришелье, Лонжерона, Потоцкого и многих иных знаменитых деятелей прошлого связаны с историей ее становления. Этот город средиземноморского типа, вроде Марселя и Барселоны, открыт южному цивилизационному влиянию и если Санкт-Петербург, Северная Пальмира, явился окном в Северную Европу, то Одесса, Южная Пальмира, стала окном в Южную Европу, а заодно в Малую Азию, Северную Африку и другие края.

В Одессе всегда жил и живет дух вольности: и в царские, и в советские, и в нынешние времена. Необходимость контактов между людьми разных языков, вер, укладов требовала, с одной стороны, умения отстаивать свои интересы и ценности, а с другой, вступать во взаимный диалог, уважать иные привычки и традиции, воспитывать то, что ныне принято называть толерантностью. Об этом хотелось бы сейчас поговорить и выслушать разные точки зрения.

В современном обществе, не только российском или украинском, но и в европейском, американском, африканском, азиатском, даже в странах с одиозными фундаменталистскими режимами, существует проблема взаимодействия вер, идеологий, традиций, которая принимает характер межцивилизационного противостояния. И от нас, реальных участников происходящих процессов, в немалой степени зависит, примет ли данное противостояние конфликтный, разрушительный вариант реализации или нам удастся превратить его в созидательное, взаимообогащающее, созыательное развитие.

В XXI в., равно как в любые прошлые периоды человеческой истории, мы видим массу социальных, политических, экономических конфликтов, но конфликты межрелигиозные, межконфессиональные, межцивилизационные являются самыми сложными и трудно разрешимыми. И их необходимо научиться их разрешать, иначе человечество впадет в пучину ужасающих по своим последствиям потрясений.

В свое время русский философ Николай Бердяев выдвинул тезис о наступлении эпохи «нового средневековья». Минувший XX в. подтвердил его пророчество. Самые жестокие, бесчеловечные войны, революции, катаклизмы принимали характер идеологического противостояния, истребления людей во имя идей, людей живых и реальных во имя идей призрачных и иллюзорных. Фанатизм нашего времени едва ли не превзошел фанатизм прошлых эпох. Памятуя эти печальные уроки, мы должны сделать всё возможное для ослабления межцивилизационных напряжений, их перевода от деструктивной конфронтации к конструктивному взаимодействию.

Позицию толерантного отношения и уважительного диалога с иными культурами не следует отождествлять с изменой своей собственной сущности, с отказом от национальной самобытности, с пренебрежением к родной вере и укоренившимся традициям. Необходимо находить ту позицию, при которой мудро сочетаются национальные и общечеловеческие ценности. Крайние подходы в данном случае неизбежно ведут к обострению, а не разрешению ситуации.

В связи с этим хотелось бы напомнить еще об одной проблеме, широко обсуждаемой ныне во всем мире. Это проблема всеобщей глобализации со всеми вытекающими из неё последствиями. Сам процесс глобализации, как бы мы к нему не относились, объективен, неизбежен и закономерен, подобно промышленной революции прошлых веков. Было бы ошибкой считать его фатально негативным, равно как и лучезарно позитивным. Как раньше сеть железных дорог стала покрывать все континенты, так сегодня сеть Интернета опутывает все страны, проникая не только в офисы и учреждения, но даже в жилище отдельного человека. Можно выделять в этом процессе разные аспекты, но в целом нельзя не признать его необходимости и всё возрастающего универсального воздействия.

Полезно, впрочем, вспомнить, как развитие индустриального общества в Европе XIX в. породило в качестве естественного противовеса бурный рост национальных культур, возрождение полузабытых традиций, углубление интереса к давно прошедшим эпохам, обращение к первоисточкам. Тогда в разных местах Европы, в рамках национального возрождения, стали возникать неоготический, неороманский, необалканский, неовизантийский, неорусский стили. В Кёльне достраивался крупнейший в Германии готический собор, а в России возводится белокаменный храм Христа Спасителя в Москве. И тот, и другой — на фоне фабричных труб, при шуме трамвайного и железнодорожного транспорта. Рискну предположить, что нечто подобное нас ожидает в ближайшие десятилетия — активное возрождение национальных культур при нарастающем нивелирующем внешнем воздействии процесса глобализации.

Собственно говоря, данный процесс уже идет полным ходом, в том числе в России. Это особенно видно на примере Москвы, которая, с одной стороны, всё более превращается в огромный космополитический мегаполис, а с другой, в ней восстанавливаются утраченные памятники национальной культуры и создаются новые в подражание им. Сейчас можно говорить даже о возникновении неорусского стиля. Его примерами могут служить недавно возведенный Инженерный корпус Третьяковской галереи, сочетающий элементы современной архитектуры и тактично вписывающийся в общий ансамбль, где доминирует главное здание с фасадом неорусского стиля, созданным по проекту художника Виктора Васнецова, и храм во имя святого Георгия Победоносца на Поклонной горе, аналогов которому еще не было в нашей архитектуре.

Вместе с тем в Москве, где издавна жили представители разных народов, формируются культурные и религиозные центры различных вер и наций. Нечто подобное издавна было в Северной Америке и

сейчас происходит в Европе. Российская столица в своем динамичном развитии отражает как местные, так и мировые тенденции общего эволюционного процесса. Ей уготована роль быть одним из центров современного глобализирующегося мира, подобно Лондону, Токио, Берлину. И этого не надо бояться, но следует использовать в интересах страны, как это делают англичане, японцы и немцы.

Наступивший XXI в. предстает информационным веком, когда ни одни лишь машинные ресурсы, а прежде всего интеллектуальная мощь, управляющая любыми системами, станет вытеснять грубые политические, военные, насильственные методы воздействия. И здесь, при всей нашей отечественной технологической отсталости, у нас есть ресурс куда более важный, чем тающие запасы углеводородов и ветшающее ядерное оружие, а именно — совокупный российский интеллектуальный потенциал населяющих страну народов.

Человеческий интеллект является тончайшим продуктом всего длительного предшествующего пути развития. Чем древней народ и развитей цивилизация, тем более высоким интеллектуальным потенциалом обладают его и ее представители, тем большим богатством генетической памяти они располагают, тем значительнее возможности творческого комбинаторного мышления, которые имеются в их распоряжении. Поэтому так важно знать генезис, историю, достижения каждой отдельной культуры и каждого отдельного народа в общей симфонии человечества.

Древняя Русь, ставшая колыбелью русского, украинского, белорусского народов, приняла после крещения основные ценности православной культуры, через ее посредство вошла в семью народов христианской Европы, с их помощью создала основы своей собственной неповторимой культуры. Однако в фундаменте этой культуры были заложены ранее краугольные камни местных, автохтонных, дохристианских традиций, без учета которых нельзя понять, объяснить, адекватно интерпретировать отечественную историю и культуру.

В XIX в. довольно широкое распространение получил термин «двоеверие». При всей его условности и уязвимости со стороны принципиальных критиков (полагавших, что можно говорить лишь об элементах деградировавшей прошлой веры на уровне бытовых традиций), он отражал реальный факт: наличие в недрах господствовавшего много веков и казавшегося незыблемым православного общества дохристианских, внеправославных, удивительно живучих при несомненной их архаичности явлений.

Язычество, казалось бы, давно сошедшее с исторической арены, похороненное после крещения Руси, продолжало жить своей потаенной жизнью в народных традициях, в глубинах сознания (или под-

сознания), в социальной практике. Это был не жалкий рудимент, а мощная, скрывавшаяся до времени, сила, которая проявит себя позднее. Ее демоны будут вызваны ненавистниками старой России, они будут разрушать храмы, глумиться над святынями, опрокидывать кресты и торжествовать победу после свершившегося много веков назад поражения, когда христианские неопиты разоряли языческие святилища и валили наземь еще вчера почитаемых идолов.

Революция в России, помимо всех иных значений и смыслов, явилась своего рода историческим реваншем язычества над православием (равно как над другими религиями). Эту коллизию и исход не смогли предвидеть ученые скептики, считавшие язычество сказкой былых времен, предчувствовали некоторые деятели эпохи «серебряного века». Религиозный мыслитель и писатель Д.С.Мережковский отобразил противостояние и сложную суть взаимоотношений язычества и христианства в своей трилогии «Христос и Антихрист».

Обратившись к реальным историческим эпохам и персонажам, он в образной и символической форме показал языческий переворот при римском императоре Юлиане Отступнике, правившем после утвердившего христианство Константина Великого; вскрыл неоязыческий характер эпохи Возрождения на примере мировоззрения того времени и творчества крупнейших деятелей культуры, в том числе великого Леонардо да Винчи; описал неопантеизм созданной Петром Великим государственной машины с имперской идеологией, где Церковь низводилась до роли послушного механизма молоха государства, которое стало объектом всеобщего поклонения и в жертву которому он принес своего единственного сына царевича Алексея. Петр Первый, упразднив патриаршество, стал не только верховным политиком, но и верховным понтификом, восстановив тот механизм языческой империи, который был создан в Древнем Риме. Разумеется, император всероссийский не смог восприниматься обществом как первосвященник, но тенденция его мифологизации и сакрализации, особенно средствами официальной пропаганды, явственно проступает в XVIII–XIX вв.

Мережковский мечтал о гармоническом соединении язычества и христианства, но в реальности это был симбиоз глубоко различных по сути и вместе с тем тесно связанных исторически и генетически духовных систем. Возникшее в лоне язычества историческое, реальное, земное христианство использовало его как свой противовес, опору для отталкивания, постоянного оппонента и олицетворение того тварного мира, стихиям и кумирам которого не пристало поклоняться христианину. Как нет света без тьмы, дня без ночи, духа без плоти,

так нет христианства без язычества. Потому их противостояние и взаимодополнение носят непреходящий, вечный, сущностный характер, и отнюдь не сводятся к обрядно-бытовой, рудиментарно-архаической, семантико-лингвистической или иным частным формам оппозиции.

Само язычество, понимаемое как традиционная, естественная, натуралистическая вера, как поклонение явлениям тварного мира, неуничтожима, пока существует этот вещный, тварный, материальный мир. Языческий тип мировоззрения постоянно воспроизводится в нашем сознании и в нашей жизни, ориентированным на природные циклы. Круговая, циклическая, возвратная модель бытия, отличающая языческий тип его интерпретации, может продуцироваться и наукой, фетишизирующей выявленные ею закономерности.

Строго говоря, непризнание в качестве первоосновы бытия духовной субстанции можно квалифицировать как одну из разновидностей языческого, натуралистического, вечно ориентированного сознания. Подобная атрибуция может показаться странной и даже несостоятельной (ибо современный человек, несмотря на весь неопантеизм своего существования, склонен обижаться при именовании его язычником, поскольку в традиционных мировых религиях, не только в христианстве, это слово много веков использовалось в ругательном смысле), но она небеспочвенна.

Христианство, создав (и отчасти заимствовав из Ветхого Завета) развернутую, векторную, эсхатологическую модель бытия, внесло в нее идею развития, совершенствования, роста как индивида, так и общества. Динамичное фаустовское сознание создало европейскую христианскую цивилизацию, вариантом которой является восточнохристианская её разновидность. На этой же основе возникает позднее идея прогресса, трактуемая в социальном или технологическом смысле.

И как некогда в недрах языческого мира возникло исподволь христианство, так в недрах христианского мира возникла новая вера, новая религия, новая идеология, получившая название социалистической или коммунистической. Хотя ее апологеты всячески подчеркивали, внушали, настаивали на ее научном характере, она явилась одним из грандиозных мифов новейшего времени. Наука же использовалась в качестве орудия против конкурирующих идеологий, и как фетишизированный феномен scientистского сознания эпохи промышленной революции. От науки был взят не столько точный инструментарий мышления, сколько заимствована наивная вера в ее всемогущество, которой страдали не только полуграмотные пропагандисты, но и некоторые великие ученые.

Новая коммунистическая вера причудливо соединила и элементы ветхозаветного мессианизма, и пафос раннеевангельского равенства всех униженных и оскорбленных, и универсализм вселенского сознания без национального и социального различия, и скрытое торжество языческого реванша, одержавшего в тысячелетней борьбе долгожданную победу. Она стала распространяться по всему свету (став, заметим в скобках, одним из предшественников глобалистского сознания), создавая вымышленные или реальные модели европейской, азиатской, американской ее модификаций. При всех местных различиях новая идеология несла в себе единую родовую идею титанизма, насильственного переустройства социума путем безжалостного слома старого мира, казавшегося безнадежно отжившим, и радостного созидания нового, представлявшегося в самых радужных тонах.

Мы прекрасно помним о триединой задаче построения коммунизма — создании нового общества, новой природы и нового человека. Сейчас на руинах советского периода можно подвести итоги невиданного титанического и богоборческого эксперимента: разрушено создававшееся веками традиционное общество, обезображена и истощена природа, вырос действительно новый человек без веры и исторической памяти, тот манкурт, социальный робот, манипулируемый индивид, о котором мечтали тираны всех времен и народов.

Нельзя перечеркивать целиком весь советский период (как перечеркивали в свое время «темное средневековье»), нельзя высмеивать энтузиазм и надежду людей на построение, наконец-то, на грешной земле праведного царства, нельзя отрицать достижений, порою великих и замечательных, той эпохи. Но нужно и должно показывать искривления и деформации, явившиеся результатом постановки иллюзорных целей, ради мнимого достижения которых были принесены идолу квазинаучной веры бесчисленные жертвы тоталитарного прошлого.

И сейчас есть немало последователей марксистской веры, в том числе искренних и молодых. Главным источником её неумирания и оживления в наших странах является современный дикий российский и украинский капитализм. Вопиющее неравенство и беззаконие, политический цинизм и алчная погоня за прибылью, сотни тысяч сирот и бездомных не могут не возмущать любого здравомыслящего человека. Однако возвращение к прежней уравниловке периода относительно благополучного «брежневского застоя», не говоря уж об эпохе «сталинской конституции», было бы новой исторической ошибкой.

Вместе с тем нельзя не признать, что социалистическая или (как крайний ее вариант) коммунистическая вера неистребима, пока существует социальное неравенство и живёт надежда на его устране-

ние, то есть она так же вечна, как языческая вера. Как языческое сознание постоянно воспроизводится действием циклически повторяющихся природных процессов, так коммунистическое сознание постоянно инициируется наличием социального неравенства, и чем оно больше, тем в большей степени. Столь же неистребима христианская вера, обильно политая в XX веке кровью новомучеников.

Поэтому в ситуации наступившего века и тысячелетия приходится говорить о «троеверии» современного общества. Введение в научный оборот и общественное сознание этого термина, во многом условного подобно термину «двоеверие», как нам представляется, поможет адекватнее оценить и лучше идентифицировать взбудораженное состояние нынешнего постсоветского общества, находящегося в глубоком кризисе и мучительно пытающегося осознать самое себя.

Заключая сказанное, хотел бы заметить, что прошедшая дискуссия, в которой каждый имел право высказать свою позицию, ибо никто не обладает монополией на истинное суждение, а обмен мнениями полезен для всех участников, прошла интересно и плодотворно. Хотелось бы продолжить подобные встречи, особенно в таком прекрасном городе как Одесса, где до сих пор витает дух вольности и веет ветром иных цивилизаций.

Степин В.С.

Взаимодействие культур — это один из важнейших источников их развития, источник великих культурных инноваций. «Греческое чудо» античного мира во многом было связано с открытостью к достижениям других культур. Греки ассимилировали достижения математики и астрономии Востока (Вавилона, Египта), переработали их, создавая свою науку — великую математику и философию.

К России эта закономерность имеет прямое отношение. Великие достижения российской культуры обязаны прививками на традиционалистскую российскую почву западной, европейской культуры. Прививки такого типа были включены в процессы великих российских реформ. Петр I заимствовал не только западные технологии (кораблестроение, металлургия), не только организацию армии, но и самые современные по тем временам научные знания. Была создана Российская Академия наук, основой которой стали приехавшие в Россию известные ученые Европы. Да и сам проект академии был разработан великим Г.Лейбницем, который, как известно, имел должность тайного советника Петра I и получал соответствующее жалование. Была проведена реформа

образования. Возникло светское образование с ориентацией на изучение наук, тогда как в допетровскую эпоху доминировало церковное образование.

Одновременно происходила ломка традиционных привычек. Высшая власть насаждала городской образ жизни вплоть до мелочей: брить бороды, носить парики, пить кофе по утрам. И все это вместе обеспечивало прививку западной культуры на русскую почву. Но после того, как две разные культурные традиции встретились, они долгое время взаимно адаптировались друг к другу. Я напомним замечательное высказывание А.И.Герцена: на реформы Петра Россия ответила своеобразно, она ответила гением А.Пушкина. Весь золотой век русской культуры был результатом встречи этих двух культур и их взаимодействия. Произошло формирование литературного русского языка, и это великое изобретение имело великих творцов. Это не только Пушкин, но и Гоголь, и все великие русские поэты и писатели XIX в. Они создали великую русскую литературу. Н.Бердяев, продолжая мысль Герцена, писал, что серебряный век русской культуры тоже был ответом на реформы Петра I. И русская наука XIX – начала XX в. была во многом результатом встречи разных культур и их взаимной адаптации.

Исторический опыт показывает, что культурная изоляция, искусственно возводимые барьеры, мешающие взаимодействию культур, даже когда они создаются во имя самоидентичности, в перспективе приводит к негативным последствиям снижения творческого потенциала культуры.

Рассматривая проблему взаимодействия культур важно зафиксировать сущностное определение культуры как системы надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения). Динамическое многообразие этих программ (знаний, предписаний, идей, образцов поведения и деятельности, обычаев, верований, целей, ценностей и т.п.) составляет исторически развивающийся социальный опыт. Культура закрепляет и транслирует этот опыт в качестве традиции. Но она способна и творчески генерировать новые программы деятельности, поведения и общения до того, как они «впечатываются» в ткань социальной жизни. Адресуя их будущему, культура тем самым заранее готовит возможные будущие социальные изменения.

Надбиологические программы, регулирующие социальную жизнь, закрепляются и транслируются в форме знаковых систем, имеющих смысл и значение. В качестве таких систем могут выступать любые компоненты человеческой деятельности (орудия труда,

образцы операций, продукты деятельности, опредмечивающие ее цели, сами индивиды, выступающие как носители некоторых социальных норм и образцов поведения и деятельности, естественный язык, различные виды искусственных языков и т.д.).

Огромное многообразие различных культурных феноменов образует системную целостность. И в глубинах культуры есть такие структуры, которые выступают ее системообразующими основаниями. Их называют по-разному: категориями культуры, концептами, идеями. О.Шпенглер их называл эпифеноменами культуры. Я использую для их обозначения термин «мировоззренческие универсалии» Это те жизненные смыслы, которые фиксируют категории *человек, природа, бытие, мир, пространство, время, я, другие, свобода, справедливость, совесть, труд и т.п.* Мировоззренческие универсалии программируют деятельность людей, их поступки, определяют не только понимание и рациональное осмысление мира, но и его переживание. Мировоззренческие универсалии не следует отождествлять философскими категориями, хотя они обозначаются одними и теми же терминами.

Мировоззренческие универсалии выступают базисными ценностями культуры. Они могут объединять людей, но могут вызывать и напряжение, приводить к конфронтации индивидов и социальных групп, если в универсалии вкладываются кардинально различные смыслы. К тому же политика и идеология могут воздвигать искусственные барьеры, препятствующие взаимодействию культур.

В нашей предшествующей истории мы не раз были свидетелями таких барьеров, вплоть до «железного занавеса» сталинских времен. Характерно, что попытки получить более высокий уровень социальной сплоченности за счет искусственной изоляции и поиска внешнего врага всегда приводили к упрощению культуры, введению в ней «запретных зон», к многократному пересмотру исторических фактов в угоду текущей политики. В сталинскую эпоху был под запретом весь период российской культуры Серебряного века, в сознание людей внедрялось негативное отношение ко многим достижениям советской культуры 1920–1930-х гг. (конструктивизм в архитектуре, новые направления живописи, поэзия С.Есенина, Б.Пастернака, М.Цветаевой, А.Ахматовой и т.п.). В философии объявлялись реакционными и по существу табуировались труды великих русских философов конца XIX – начала XX в. (Соловьева, Флоренского, Бердяева, Булгакова, Франка, Ильина, Шпета и др.). Периодически пересматривалась оценка событий отечественной истории. Я вспоминаю, как в школе в 1950-х гг. в процессе обуче-

ния по несколько раз менялась трактовка Шамиля — от борца с царским режимом за свободу до английского шпиона, который «натравливал» народы Кавказа на русский народ.

Все эти «колебания историков вместе с линией партии», да и другие уроки радикального изоляционизма, не следует забывать и в наше время. К сожалению, в постсоветской истории новых независимых государств наблюдаются, хотя и в меньших масштабах, многие весьма сходные с прошлым сюжеты культурной политики.

Современные процессы взаимодействия культур протекают в контексте процессов глобализации. Глобализация характеризуется повышением уровня системной целостности мировых процессов. Это касается всех трех ее основных составляющих — мирового рынка, мировой политики и взаимодействия культур. Можно выделить две соперничающих тенденции, соответственно, две стратегии глобализации. Первая — стремление США и экономически развитых стран доминировать в мировой экономике, контролируя финансовые потоки и мировые ресурсы. Что ведет к нарушениям международного права (Ирак, Сербия) и ограничению суверенитета. А в аспекте взаимодействия культур акцентируются ценности массовой культуры современных западных обществ, порождая в качестве ответной реакции одностороннюю прививку западных ценностей, в частности, доминирование западного идеала и варианта цивилизационного развития — потребительского общества.

Существует и альтернативная стратегия глобализации, набирающая вес в мировом политическом и цивилизационном процессе. Её представляют такие страны, как Россия, Китай и Индия, приверженные идее многополярного мира. Она базируется на взаимодействии культур, на потребности в выявлении общих культурных смыслов, сбалансирования мировых экономико-политических процессов с позиций общечеловеческих ценностей (защита природной среды, борьба с бедностью, предотвращение техногенных катастроф, выход из ситуаций антропологического кризиса). Взаимодействие культур выступает в этой ситуации как их диалог, позволяющего его участникам селективный отбор с учетом собственной культурной традиции. Вместо копирования западного опыта — селективное отношение к этому опыту с учетом собственных культурных ценностей.

В нашей истории современных реформ, в начале 90-х годов мы шли по пути копирования. Провозгласили и в России, и в Украине основной целью переход к демократии и рыночной экономике. Но у нас в 90-е годы возник дикий рынок, где доминировали спекулятивно-грабительские тенденции, и это во многом было обусловлено тем,

что игнорировались особенности наших культурных традиций. Плюс нарушались или игнорировались правила, нормы и идеалы правового поведения. В России эти идеалы и нормы не были укоренены, и многие народы, присоединяясь к России, продолжали жить не по общим законам, а по своим обычаям.

Сложная история России сформировала особое понимание закона и права. В архетипах российского сознания закон и право не имеют самоценного значения, и лишь тогда выступают ценностью, когда к ним добавлено прилагательное «справедливый». Справедливость таким образом ставилась выше права, и это было не просто сохранением в российской жизни традиционно-общинных форм социальной регуляции, но и своеобразной нравственной самозащитой личности в неправовом социальном пространстве. На практике это означает, что мы мысленно делим все законы на справедливые и несправедливые, и считаем, что справедливые законы мы выполнять будем, а несправедливые не будем. Особо отметим, что правовая культура не сводится только к выработке справедливых законов, хотя и предполагает их. Она требует готовности граждан выполнять законы, признавать главенство закона принципом жизни. А такая готовность формируется под воздействием образцов правового поведения, которые становятся культурными кодами поведенческих актов. Все это, конечно, возникает не сразу и требует целенаправленных усилий общества. Эффективность этих усилий во многом будет зависеть от соединения принципов демократии и сильной государственной власти, которая сегодня ассоциируется нами не с авторитарной, а с демократической формой управления обществом.

Взаимодействие культур в эпоху глобализации, кроме учета культурных традиций, имеет еще одно измерение. Просматривается сложная проблема функционирования демократии в условиях информационного общества, которое обладает мощнейшими средствами воздействия на сознание людей и открывает колоссальные возможности для манипуляции сознанием, возможности, которых раньше вообще не было. Если демократия будет основываться на усиливающих манипуляциях сознанием, то в какой мере это будет демократией? Это проблема, которую нужно очень внимательно анализировать и обсуждать. Какие здесь возможны защитные механизмы? Предполагает ли это усиление контроля за средствами массовой информации, электронными СМИ со стороны общественности, со стороны гражданского общества? Но тогда возникают новые вопросы. Определяя сегодня стратегию демократических реформ, недостаточно учитывать только западный опыт и национальную культурную традицию. Не-

обходимо также принять во внимание тенденции тех перемен, которые происходят на современном этапе развития цивилизации в системе ее базисных ценностей.

АЛЕКСЕЕВА И.Ю.

Я работаю в Институте философии РАН, но название подразделения, сотрудником которого являюсь, выглядит не вполне философским. Оно звучит так: «Сектор междисциплинарных проблем научно-технического развития». Тематика моих собственных исследований — социогуманитарные аспекты информационно-коммуникационных технологий. Изучая возникающие здесь проблемы, мы вынуждены принимать во внимание тексты, на первый взгляд, не относящиеся к сфере интересов философа. Речь идёт о продуктах чиновничьего труда, в числе которых — официальные декларации, концептуальные документы и программы, характеризующие усилия регионов, государств и международных организаций, направленные на создание благоприятной среды для развития и все более широкого использования соответствующих технологий. В качестве примеров можно упомянуть «Хартию глобального информационного общества», подписанную в 2000 г. лидерами стран «Группы восьми», «Концепцию движения Москвы к информационному обществу», утвержденную мэром Москвы в 2001 г., подготовленную Еврокомиссией программу «Электронная Европа 2005» и одноименный план действий, к настоящему времени выполненный.

25 июля 2007 г. в нашей стране произошло знаменательное событие. На состоявшемся в Кремле под председательством В.В.Путина заседании Совета Безопасности РФ была одобрена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации. Цифры, содержащиеся в данном политическом документе, впечатляют. Предполагается, что к 2015 г. Россия войдет в число двадцати лидирующих стран мира по международным рейтингам развития информационного общества, не менее семидесяти пяти процентов семей будут иметь компьютеры с выходом в Интернет, не менее пятидесяти процентов фондов общедоступных библиотек будут переведены в электронную форму. Есть и другие, не менее интересные цифры, в том числе характеризующие финансирование исследований и разработок в сфере информационных и телекоммуникационных технологий. Действия, призванные обеспечить достижение этих показателей, должны быть конкретизированы в соответствующих программах в ближайшее время.

Факт принятия Стратегии — событие, роль которого в развитии страны может и должна быть положительной. Разумеется, при условии, что идеи политического документа найдут выражение в разумных программах и планах, и что эти планы будут успешно выполнены. И все же успехи в обеспечении доступа к информационным технологиям не гарантируют того, что эти технологии будут использоваться исключительно на благо человека, способствуя развитию личности и ни в коем случае — деградации, что прогресс коммуникаций, открывая новые возможности сотрудничества людей, живущих в разных странах, не будет служить разжиганию вражды.

Тема использования возможностей инфокоммуникационных технологий имеет прямое отношение к обсуждаемой здесь проблеме диалога культур. Если бы реальность полностью соответствовала идеологическими установками энтузиастов информационного общества, то совершенствование инфокоммуникационных систем и сетей и обеспечение доступа к ним населения в России и Украине открывало бы самые радужные перспективы культурного диалога и взаимного духовного обогащения российского и украинского народов. К сожалению, существующая практика общения с использованием этих самых систем и сетей заставляет в радужных перспективах усомниться. Какие образы России и Украины создаются сегодня на интернетовских форумах и в блогах? Люди — а в большинстве своем, это молодые люди — не проявляют заметной склонности к тому, чтобы создать положительный образ собственной страны, зато не жалеют сил и средств для создания отрицательного образа страны-соседа. Российская молодежь рисует отрицательный образ Украины, украинская — отрицательный образ России. При этом используется богатый набор изобразительно-выразительных средств. Какие красочные здесь можно найти эпитеты, метафоры! Какие гиперболы! Гиперболы встречаются практически в каждом предложении. Похоже, это основной метод живописания братьев-соседей. Разумеется, цитировать результаты такого рода творчества в приличной аудитории невозможно. Предположим, задачи по обеспечению доступа к Интернету, поставленные сегодня российскими политиками, будут успешно выполнены. Предположим, сходные задачи ставятся политиками украинскими и также будут успешно выполнены. Шире будет доступ, большее количество информации будет передаваться в единицу времени, больше будет ругани. Последнее, конечно же, не вдохновляет.

Уместно в связи со сказанным вспомнить одну из идей выдающегося русского философа Владимира Сергеевича Соловьева — идею нравственной подготовки человека к тому, что сегодня называют рас-

ширением коммуникационных возможностей. Выделяя три основные формы организации общества – «родовую форму», «национально-государственный строй» и, наконец, «всемирное общение жизни», В.С.Соловьев полагал, что выход за пределы предшествующей формы в последующую становится возможным при условии нравственного совершенствования человека и человечества. «Всемирное общение жизни» при этом виделось как идеал, связанный с установлением «действительного нравственного порядка», когда человечество природное преобразуется в человечество духовное. Как далеко от этого идеала «всемирное общение жизни», достигнутое сегодня благодаря развитию коммуникаций – как транспортных, так и информационных! Развитие техники не ждет нравственного прогресса, оно подчиняется собственной логике и открывает возможности для проявления не только добрых начал, но и пороков человеческой природы.

Возможности реализации положительного потенциала, в том числе и в электронно опосредованном российско-украинском диалоге, осуществляются сегодня далеко не в полной мере. Разумеется, компьютерные сети широко используются в деловом взаимодействии, когда партнеры заинтересованы в достижении общих целей, а такой целью может быть и получение прибыли. Здесь действуют правила деловой этики, как писанные, так и неписанные. Конечно же, есть серьезные информационные сайты, дающие представление о том, что происходит в одной или другой стране. И все же простор для инициатив конструктивного общения, в том числе и общения молодежи, огромен. Рискну привести такое соображение. Ландшафт российско-украинского информационного взаимодействия выиграл бы от появления сайтов, где представители двух братских стран рассказывали бы о достижениях, о жизни людей, о событиях «местного значения» (которые, как правило, бывают интереснее и важнее для человека, чем события «государственного масштаба»), в том числе о событиях в культурной жизни. «Рассказать» в данном случае – не значит ограничиться текстом, – здесь уместно было бы самое широкое использование изображений, фото-, аудио-, видеоматериалов. Это – абстрактное соображение, но возможности, предоставляемые современными технологиями для воплощения в жизнь подобных идей, вполне реальны.

Матковская И.Я.

Хочу отметить, что мы с вами вышли за рамки конкретной темы, хотя, конечно, обсуждаемая проблема диалога культур достаточна универсальна по охвату вопросов, которые относятся к данной теме.

Но я хотела бы вернуться к формулировке темы «Диалог культур – украинской и российской: в прошлом и настоящем». Что предполагает и возвращение в прошлое, и обобщение его, и размышление над общим итогом, каким он видится с разных точек зрения, в какой-то мере определяя и будущее, а также наши решения тех или иных проблем сегодня.

Возвращаясь к прошлому, к истории вопроса, я бы обратила внимание на недавно вышедшее в свет второе издание книги Мирослава Владимировича Поповича «Красное столетие» – «Червонное столетие». В ней привлекает именно философская постановка интересующей нас темы, составляя её главное содержание – о национальных смыслах истории, диалектике каждого смысла и динамике его переосмысления. Книга интересная, по-моему, прежде всего по постановке вопроса.

И вот что я хотела бы сказать, тоже обращаясь к Пушкину. Мы, действительно, должны выделять определенного рода сознательные движения, культурологические, политические, общеполитические, а как они реализуются – это уже другой вопрос. С другой стороны, следует учитывать и некоторый стихийный протест против тех или иных взаимодействий и диалоговых проблем. Приведу факты, касающийся истории взаимоотношений России и Украины. Хорошо известно, что в начале XIX в. в Украине открывается первое высшее учебное заведение на всем восточно-европейском пространстве, Академия, и любой заинтересованный культурным процессом на Украине, приезжая в Киев, знакомится с профессорами академии, с характером процесса преподавания в нем и увозит отсюда, насколько я знаю, в ту же Англию, а то и в Россию, выпускников или преподавателей, чтобы они воспроизвели то же самое на российской почве. Тех самых мыслителей и культурных деятелей, которые в значительной степени теоретически обосновали и практически реализовали всю культурную реформу Петра. Здесь украинские кадры поработали и сделали очень много. Я не о роли гениальной украинской культуры в этом процессе, а лишь констатирую факт взаимодействия, результат сознательно принимаемых решений.

Мой второй пример связан со стихийными процессами, тем не менее очень значимых для развития тех или иных культурных процессов и аспектов духовной культуры. Известно, что Федор Михайлович Достоевский безусловно принадлежит российской культуре. Исследовательская практика достоевковедения на различных языках свидетельствует именно об этом в первую очередь. Однако я хотела бы обратить внимание на некоторые возможности биографи-

ческого метода, который открывает перед нами новые просторы для понимания национальной принадлежности того или иного деятеля культуры, тех или иных культурных явлений. Дело в том, что дед Достоевского по отцу был католическим священником, и данное обстоятельство определенным образом отразилось на характере творчества и личности Достоевского. Каким образом? Через отца. Дело в том, что отец Андрей Достоевский, католический священник, требовал, чтобы все его сыновья стали католическими священниками. И они действительно ими стали, кроме одного сына – Михаила, который не согласился с решением отца, больше того, бежал из дому в Москву и поступил, согласно своей мечте, в медицинскую академию, стал врачом высокой квалификации и прошел как военный врач войну 1812 г. Он многократно обращался к семье, писал, но ему не отвечали. Известна такая точка зрения, что отец якобы проклял Михаила Достоевского. Так это или не так, но сама семья, которую он построил и в которой пришлось расти и воспитываться будущему писателю, несла на себе отпечаток этой истории. Как и отец, Федор Михайлович, безусловно, нес в своем духовном развитии отпечаток драмы отца, которая повлияла на всю семью и на будущего писателя, в частности. Известно, как яростно Достоевский отстаивал православие. В то время, как Константин Леонтьев упрекал его (а у Леонтьева был острый нюх на ересь) упрекал его за выход за пределы православия и за измену православным догмам. И, в частности, указывал на идею всемирности как одну из важнейших принципиальных для Достоевского идей. Как известно, эта идея активно развивается именно в католическом варианте христианства. Хотя католицизмом Достоевский не был заражен, но её влияние было одной из тайн Федора Михайловича. Таким образом, оказалось, что греко-католицизм, который был исконно украинским духовным явлением, оказал определенное влияние, видимо, достаточно сильное, на творчество, духовный облик и мировосприятие исконно русского писателя Федора Михайловича Достоевского. Это еще один из примеров, свидетельствующих о том, что диалог культур, в частности, русской и украинской, может принимать самые разные, неожиданные формы.

Подобные примеры можно было бы умножить, чего я делать не буду. Замечу только, что в достоевсковедческой литературе эта проблематика почти не разработана. Думаю, что одна из причин этого то, что влияние на Достоевского тех или иных национальных культур и веяний не исследуется и не учитывается. Что же касается украинцев, то они его считают стопроцентным российским писате-

лем и деятелем культуры, и потому не трогают его. Но факт сам по себе любопытный и интересный как раз в культурного диалога России и Украины.

Думаю, мы сегодня с вами хорошо, плодотворно поработали. Мне кажется, что опыт нашего общения очень полезный, перспективный, и мы, надеюсь, будем встречаться и дальше, продолжать наши философские беседы. Убеждает меня в этом и собравшаяся на разговор аудитория: то, что мы сейчас обсуждаем, интересно и студентам философского факультета, которые здесь присутствуют.

Толстых В.И. — Спасибо. Слово для реплики просит Маргарита Степановна Дмитриева, доктор философских наук, руководитель местного объединения философского общества.

Дмитриева М.С. — В рамках обсуждения возможностей взаимодействия двух культур уместно сообщить, что среди присутствующих находятся члены одесского отделения российского философского общества. Организационно после конгресса 2005 г. появилась возможность образовать такое отделение, с сохранением тех традиций философского общества еще Советского Союза. У нас около двадцати аспирантов и студентов, свыше двадцати докторов наук, включившихся в работу этого общества. Увы, есть и такие, кому вступление в общество представляется антигезой, чуть ли не «изменой» национальным интересам. Это я в разговорах почувствовала. Сошлюсь на авторитет Вернадского, и скажу, что как наука, так и философия не могут быть чем-то сугубо национальным. Думаю, именно на одесской русскоязычной почве больше всего возможностей и тенденций осуществлять это взаимодействие. Надеюсь, мы и в следующем году будем иметь возможность организационно и всеми имеющимися силами украинской философской мысли принимать высокочтимых гостей из России.

Толстых В.И.

Коллеги, друзья! Мы заканчиваем работу первого дня. Меня попросили сказать несколько слов в заключение. Что ж, спасибо всем, кто выступили, спасибо и вам, кто слушал, участвовал в дискуссии. Признаюсь, впечатление лично у меня сложилось противоречивое. Дело в том, что диалогам культур, как я давно заметил, вообще-то не везет в реальных встречах и разговорах. Причем не везет часто и в самых разных аудиториях. Наверное, потому что, как правило, сталкиваются разные системы ценностей и традиций, не говоря уже об обычаях, привычках и предрассудках, которых в любом социуме и культуре предостаточно. А может быть, ситуация еще хуже и, прости-

те, проще — диалог вести намного труднее, чем произносить монологи, настаивая на своих излюбленных идеях и упиваясь собственным красноречием. Диалогическая форма общения, конечно, намного труднее и хлопотнее, тут, помимо элементарной честности и выдержки, необходимо *умение слушать и слышать* другого, даже если это неприятно или, ну никак, не хочется признать правоту собеседника. Вполне возможен и такой вариант человеческого общения, когда количество препятствий и недоверие оказываются сильнее потребности взаимопонимания (уточняю — взаимного понимания). Надеюсь, это не наш случай. Тогда почему же я так обостренно говорю об этом?

Конечно же, диалог предполагает, и Вадим Межуев верно это заметил и отметил, что нормальный диалог получается, когда обе стороны заинтересованы в его успехе, и есть, как минимум, желание понять друг друга, и совсем хорошо, если они готовы при этом что-то разумное предложить и предпринять. Мне кажется, объективно такая возможность существует, она, как ни странно, заложена в самом историческом прошлом обеих стран и двух народов. Но что-то мешает эту возможность превратить в реальную действительность. На мой взгляд, проблема в том, что диалог культур стал жертвой вмешательства в него политики, неких интересов и амбиций политических сил и деятелей, в силу чего диалог оборачивается элементарным торгом, от которого заинтересованные в его успехе народы ничего не выигрывают. А потеряют — уже теряют! — очень многое. Никакой обмен взаимными бедами и обидами никому ничего не докажет по той простой причине, что они были общими и одинаково прискорбными. И достижения вместе с победами тоже были общими, их надо знать, помнить и уважать, чего бы это ни стоило.

В подтверждение сошлюсь на конкретный пример. В Москве есть давно известный литературный журнал «Новое литературное обозрение». Так вот, третий и четвертый номер журнала этого года посвящены проблематике именно диалога культур, в частности, отношений россиян с Украиной. Материал большой и был опубликован под названием «Далеким близким украинцам». Выяснилось, что в большинстве заданных вопросах, которые задавались русским и украинцам (в России живут несколько миллионов), отношения между двумя нациями оценивались как вполне благоприятные и дружеские. Во всяком случае, проблемы взаимопонимания между ними нет. Мы вместе пережили тягостный времена 1990-х гг., и боюсь предрекать, нечто подобное сейчас переживает Украина. Потому что мы строили демократическое общество, а недавно пришли к выводу, что демократия получилась у нас недостаточно суверенная, и вместо полноценной

рыночной экономики и социального государства стали явочным порядком возводить «рыночное общество», что совсем не одно и то же. От того выбора, который в подобной ситуации сделает и Украина, во многом зависит не только её благосостояние и процветание, но и судьба наших с вами взаимоотношений. Нехай Мирослав Владимирович ездит в Польшу так, как он сейчас ездит, но пусть вернется в прошлое и почаще, как бывало, посещает Россию, а наш директор Института философии посещает Украину. Единственный минус нашей дискуссии точно подметил Михаил Николаевич Громов: все-таки, это был диалог президиума с залом, который сидел, внимал, но сам еще не высказался. На следующий раз этот недостаток надо бы учесть и преодолеть.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

8 сентября 2007 г.

Голубович И.В.

Дорогие участники Круглого стола! Мы рады приветствовать вас в этом зале. Я, доцент философского факультета университета, хочу представить инициаторов сегодняшней встречи и попробую объяснить её цель. В рамках управления информации Одесского горисполкома в течение трех лет проводится уникальная акция – семинары в поддержку развития региональных СМИ. Для участия в этих семинарах приглашаются лучшие интеллектуальные силы не только Одессы, но и Украины. Встреча с вами является не финалом, но неким итогом ряда встреч. Они посвящались, например, таким темам и проблемам, как Язык власти и власть языка, или Новостийное сознание и СМИ. Мы надеемся, что сегодняшнее заседание даст новый импульс этой интересной акции. Короче, это наше одесское ноу-хау, и мы благодарны вам за поддержку своим присутствием и участием в разговоре.

Предоставляю слово для ведения сегодняшнего заседания профессору кафедры философии одесской консерватории, главе научно-просветительского общества «Одесская гуманитарная традиция» Алексею Николаевичу Раджеро.

Роджеро А.Н.

Прежде всего хочу выразить радость от того, что встретился с коллегами и друзьями из Москвы, с которыми давно не виделся, а также из Киева, который ближе, чем Москва, но встречаемся мы тоже довольно редко. Такова особенность нынешнего социального пространства – самый короткий путь из Киева в Москву пролегает через Одессу. Инна Владимировна уже пояснила особенность нашей встре-

чи. Интересно узнать взгляд и позицию философов в отношении тех социальных, культурных условий и связанных с ними процессов, в которых мы вынуждены сегодня существовать. Я хотел бы представить только некоторые точки зрения, на мой взгляд, наиболее существенные, касающиеся современных информационных процессов.

Когда информационное общество рассматривается как новая социальная фаза производства информации, которая приобретает определяющую роль, то, думаю, не надо упускать из виду и прежние, все еще действующие механизмы трансляции и производства ценностей, которые существовали в истории культуры и продолжают существовать. К ним относится, в первую очередь миф, на смену которому приходит идеология, а затем и технология. Эта классификация какой-то степени напоминает контовское разграничение эпохи, когда господствовала теология, на смену которой пришла эпоха господства метафизики и затем уже науки. С точки зрения Конта каждая следующая ступень была как бы сбросом предыдущей, вроде ступени космической ракеты, что отстреливается, давая возможность работать следующей ступени. Все прежние ступени сохраняются и сегодня: действуют механизмы и средства мифа, и средства идеологии, и технология. Последняя работает непосредственно с понятием информации в большей степени, чем с какими-то идеями или архетипами, или с социальными задачами, которые обслуживают мифология и идеология. Информация толкуется как точное и объективное воспроизведение событий, как некая объективная сторона самого сообщения. Это и некое сообщение, и, с другой стороны, некое разъяснение того, что дает то или иное сообщение. С этой точки зрения, как мне представляется, чрезвычайно важно в сегодняшней культурных процессах выстраивать паритет того, что в информации представляет и характеризует объективное положение вещей, с одной стороны, а с другой — предполагает некую оценку или интерпретацию самой познавательной ситуации. Я не разделяю, скажем, точку зрения Ницше, что интерпретация есть ядро самого бытия, и вообще все есть только интерпретация, и нет якобы у нее никаких объективных оснований.

Но, конечно, только слепой не видит того, что от интерпретации многое зависит и движение самой информации. Поясню свою мысль на таком примере. С точки зрения христианства, второму пришествию Иисуса Христа должно предшествовать неоднократное появление Антихриста. Особенность Антихриста такова, что хотя за ним стоит дьявол, Антихрист рядится в личину Христа и сулит человечеству различные искушения, благоденствия и так далее. И ставится вопрос — как же отличить появление Антихриста и появление Хрис-

та? В церкви, особенно в православной традиции, предложено такое различие — когда появится Антихрист, пойдут различные разговоры, слухи вокруг этого, и возникнет необходимость устанавливать, кто же это пришел. А появление Христа не нуждается в разъяснении и никаких слухов и истолкований не последует. Само это событие будет очевидностью того, что пришел никто иной, а именно Христос. Тут событие и его интерпретация совпадают. Конечно, ожидать, что в нашей социальной действительности такое возможно — трудно. Но, тем не менее, я думаю, что и в прессе, и специалистам в различных областях знания, общественной деятельности, управления и так далее, такие вещи различать очень важно.

Не так давно мне довелось познакомиться в одной из газет с точкой зрения, высказанной в своем интервью, секретарем отделения химии национальной академии Украины Владиславом Гончаруком. По поводу тех событий, которые недавно происходили в Украине и которые связаны были с возгоранием, очень небезопасным, фосфора под Львовом, Он сказал, что чрезвычайно важно дать оценку и интерпретацию этому событию, потому что оно породило огромные негативные явления, какие-то слухи, панику, воздействие на сознание местных жителей, всего населения Украины и даже других стран. В одном из первых сообщений это событие сравнивалось с чернобыльской катастрофой, чем была задана некоторая точка отсчета. С моей точки зрения, проблема интерпретации и выделения в ней некоего объективного ядра, того, что будет подлежать интерпретации, является одним из важных моментов эффективности и ценности, продуктивности деятельности информационных систем и механизмов.

Благодарю за внимание и предоставляю слово для выступления нашему гостю, доктору философских наук, ведущему научному сотруднику Российской академии наук Ирине Юрьевне Алексеевой. Тему своего выступления она сама огласит.

АЛЕКСЕЕВА И.Ю.

Тема моего выступления — *«Идеология информационного общества и информационные процессы на постсоветском пространстве»*.

Какой вклад мы, философы, можем внести сегодня в изучение информационных процессов на постсоветском пространстве? Следует подчеркнуть, что речь идет о вкладе профессиональном и потому логично предположить использование философом специфических концептуальных средств и методов, отличных от тех, которые характерны для журналиста или пиарщика.

Ответ на вопрос о том, какие существующие сегодня теоретические построения содержат концептуальные основания для философского анализа информационных процессов, на первый взгляд, очевиден: «Конечно же, это концепции информационного общества». Первые идеи информационного общества были предложены в Японии в конце 60-х гг. XX в. К 1980-м произошла конвергенция этих идей с идеями постиндустриализма, которые развивались с 1960-х гг., прежде всего, в США и первоначально были связаны с именем социолога Дэниела Белла. До 1990-х гг. концепции информационного общества воспринимались в мире, в том числе и в нашей стране, главным образом как футурологические построения, однако в XXI в. человечество вступило с осознанием того, что информационное общество стало реальностью, на которую можно и необходимо теми или иными способами влиять, обеспечивая развитие в желаемом направлении. Соответствующие усилия государств, администраций регионов, международных организаций отражены сегодня во множестве политических документов, программ и планов действий. Летом 2007 г. на состоявшемся в Кремле под председательством В.В.Путина заседании Совета Безопасности РФ была одобрена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации. Вместе с тем, феномен информационного общества продолжает оставаться объектом теоретического интереса, растет массив научных публикаций по соответствующей тематике, в том числе публикаций, авторами которых являются философы.

Что же могут дать имеющиеся концепции информационного общества для описания и понимания информационных процессов, протекающих в странах, ещё недавно имевших статус советских республик, для анализа информационных взаимодействий между этими странами? К сожалению, возможности упомянутых концепций в данном случае весьма и весьма ограничены. Между тем, актуальность означенной проблематики и необходимость ее философского осмысления несомненна. Нам не хватает «всего лишь» инструментария, функционально аналогичного тому, что социологи называют теориями среднего уровня.

Что понимают, как правило, под информационным обществом? Оговорюсь сразу, что если информационным считать общество, где большую роль играет информация, то любое человеческое общество, даже на ранних стадиях развития, можно называть обществом информационным. Однако в этом случае выделение информационного общества как особой стадии или типа становится невозможным и ненужным. Начиная с конца 60-х гг. XX в. под информационным об-

ществом понимается нечто иное. За период, охватывающий почти четыре десятилетия, предложено множество толкований того, что такое информационное общество. При всём разнообразии акцентов, степени внимания, уделяемого тем или иным технологическим, экономическим или социальным процессам, информационное общество рассматривается в рамках основных концепций как обладающее, по крайней мере, следующими характеристиками. Первое – высокий уровень развития компьютерной техники, информационных и телекоммуникационных технологий, наличие мощной информационной инфраструктуры. Второе (вытекающее из первого) – увеличение возможностей доступа к информации для всё более широкого круга людей. Третье – осознание роли информации и знаний, которые в информационную эпоху становятся стратегическим ресурсом общества, сопоставимым по значению с ресурсами природными, людскими и финансовыми. Третья из указанных особенностей информационного общества представляет, быть может, наибольший интерес для философских исследований, однако сегодня дело обстоит таким образом, что информация и знания как ресурс рассматриваются преимущественно в экономическом аспекте. Взгляд экономический видит, прежде всего, рынок информации и знаний, сопоставимый по своему значению с рынками природных ресурсов, труда и капитала. Разумеется, рынок – вещь серьезная, в том числе рынок информационный. Но если рынок становится идеологией и, более того, религией, то и философ смотрит на информационное общество сквозь рыночные очки, оставляя без внимания важные собственно философские проблемы.

Пытаясь использовать представления об информационном обществе как целом в анализе информационных процессов на постсоветском пространстве, – скажем, на пространстве, охватываемом Россией и Украиной, мы обнаруживаем ряд концептуальных проблем.

Прежде всего, следует иметь в виду, что информационный процесс – широкое понятие. Оно включает технические и технологические аспекты, экономические, а также политические, социальные, культурные. Информационные процессы предполагают разного рода взаимодействия, в том числе конструктивные и конфронтационные. Конструктивное информационное взаимодействие между Россией и Украиной, конечно же, имеет место. Более того, основные объемы информации, вовлеченной в информационное взаимодействие в целом, используются как раз в конструктивных целях. Я имею в виду, прежде всего, взаимодействие экономическое, научное, культурное. Тем не менее, ситуация далека от той, которая соответствовала бы

общим представлениям о вкладе современных средств электронно опосредованной коммуникации в развитие контактов и взаимопонимания между людьми в разных странах. Общие представления, о которых идет в данном случае речь, предполагают, что расширение доступа к информационным технологиям и средствам телекоммуникационной связи становится существенным фактором предотвращения конфликтов, поскольку позволяет людям в разных странах, получая больше информации друг о друге, достигать взаимопонимания. Несколько лет назад мне довелось участвовать в проекте британского издательства Макмиллан — я выступала в качестве одного из комментаторов («комментирующих авторов», часть замечаний которых публиковалась) при подготовке коллективной монографии «Этика Интернета». Один из моих комментариев содержал как раз возражения по поводу оптимистических прогнозов подобного рода. К сожалению, сегодняшняя практика использования информационно-коммуникационных средств для формирования образа соседних постсоветских стран подтверждает те, относительно давние, возражения.

Выступая вчера в Одесском университете, я говорила о манере обсуждения российско-украинских отношений на интернетовских форумах, в блогах, да и других сегментах Интернета, где принимает участие, главным образом, молодежь. Представители и той, и другой стороны используют новейшие коммуникационные средства не для того, чтобы рассказать что-то хорошее о своей родине, а для того, чтобы создать отрицательный образ соседей. И весьма преуспевают в последнем. Если судить о наших странах по информации, полученной их этих сегментов сети, то впечатление складывается самое неблагоприятное: и Россия, и Украина — страны плохие и жить там невозможно; русские (россияне) и украинцы — народы ужасные, непонятно, как земля их носит.

Что дает идеология информационного общества для определения перспектив информационного взаимодействия постсоветских стран? Окинавская хартия глобального информационного общества, подписанная в 2000 г. лидерами «восьмерки», в числе которых был и Президент Российской Федерации, выражает (и это видно уже из названия) идеологию глобализации. Документ выдержан в либерально-экономическом духе, благополучие человека связывается здесь с возможностью получать работу в зарубежных фирмах (не выезжая при этом из собственной страны) или, имея собственное небольшое предприятие, получать заказы из других стран, находить новые возможности сбыта своей продукции. Все это конечно, важно. Как, впрочем, и удобства дистанционного обучения, и новые возможности для

инвалидов, о чем здесь также говорится. Вместе с тем, глобалистские устремления сегодня охватывают самый широкий спектр явлений и процессов общественной жизни.

Можно предположить, что, поскольку перспектива всех постсоветских стран, в том числе России и Украины — принадлежность к глобальному информационному обществу, то и их информационные пространства должны объединяться. Со всеми вытекающими последствиями. Как это будет выглядеть на практике? О чем свидетельствуют современные информационные процессы? Может быть, скорее о противоположном: о тенденциях к изоляции — во всяком случае, в сфере культуры? И здесь имеющиеся концептуальные средства оказываются недостаточными для анализа реальных информационных процессов.

Было бы несправедливо представлять дело так, будто информационное общество описывается его теоретиками исключительно как рай на земле. Конечно же, наличие проблем и опасных тенденций признается. К числу наиболее широко обсуждаемых относится проблема информационного колониализма и информационного неравенства. Что же дает опыт дискуссий по этой тематике для понимания информационных процессов на постсоветском пространстве? Можем ли мы говорить, что Россия является информационной колонией Украины? Или наоборот — Украина является информационной колонией России? Что касается статуса Украины в информационной сфере, то его определение — дело, прежде всего, тех, кто живет в этой стране. О России же могу утверждать, что она сегодня имеет существенные признаки информационной колонии другого государства — Соединенных Штатов Америки. Можно обсуждать особенности поведения данной колонии, проявляемой ею строптивость. Но эти особенности не отменяют информационно-колониальной зависимости как таковой. Признаки информационно-колониальной зависимости от США ощущаются, с большей или меньшей степенью болезненности, и в европейских странах, в том числе (прежде всего!) странах так называемой старой Европы. Что же касается теоретических исследований проблемы информационного колониализма, то они сконцентрированы на плоскости «колония — метрополия», не уделяя должного внимания плоскости «колония- колония» или «колония — не колония (и не метрополия)».

В работах российских теоретиков информационного общества информация рассматривается преимущественно как экономическая категория — то есть в соответствии с подходом, характерным для Д. Белла. Между тем, французские авторы уже в 1970-е гг. критиковали Д. Белла за то, что он создает образ успокоенного («транквилизо-

ванного») информационного общества, игнорируя неизбежные здесь культурные конфликты. Симон Нора и Алан Минк писали, что в информационном обществе будет идти борьба за язык, что язык (в широком смысле, не сводимом к языку национальному) становится ставкой культуры. То, что происходит сегодня на постсоветском пространстве, подтверждает правоту подобных прогнозов.

Развитие информационно-коммуникационных технологий и соответствующей инфраструктуры сегодня воспринимается как необходимость и неизбежность. Задачи содействия такому развитию, создания благоприятных условий ставят перед собой правительства и общественность стран, имеющих разную историю, разные политические и социальные уклады, разную жизненную философию. В начале выступления я упоминала о Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации. Реализация стратегии предполагает, что к 2015 г. Россия должна войти в число двадцати лидирующих стран мира по международным рейтингам развития информационного общества, уровень доступности населению базовых услуг в сфере ИКТ должен достигнуть 100%, не менее 75% семей будут иметь компьютеры с выходом в Интернет, не менее 20% архивных фондов и не менее 50% фондов общедоступных библиотек будут переведены в электронную форму. Для нас, ученых, перевод в электронную форму библиотечных фондов, доступность их в разных городах – конечно же, благо. Даже те, кто живет в крупных научных центрах, с удовольствием пользуются доступом к имеющимся в городе библиотечным фондам из дома или с рабочего места в институте. Но было бы наивно полагать, что развитие и распространение технико-технологических средств само по себе позволит преодолеть негативные тенденции в информационной сфере.

Предположим, задачи по обеспечению доступа к Интернету, поставленные сегодня российскими политиками, будут успешно выполнены. Предположим, сходные задачи ставятся политиками украинскими и также будут успешно выполнены. Больше информации будет передаваться в единицу времени, улучшится качество изображений на экранах наших компьютеров и телевизоров. Интенсифицируются информационные взаимодействия между Россией и Украиной. Но каково будет содержание таких взаимодействий? Будут ли развиваться тенденции неуважительного отношения к соседу, которые сегодня проявляются не только в анонимном (или «псевдонимном») общении в Интернете, но и в информационной политике серьезных телеканалов? Сегодня модной становится позиция – не выражать на международных форумах негативного отношения к про-

исходящему в собственной стране. Думаю, отступления от этого правила не только возможны, но в определенных случаях и необходимы. У меня, например, есть серьезные претензии к тому, в какой манере подаются сегодня события на Украине, в каком пренебрежительном тоне позволяют себе отзываться о происходящем в этом государстве журналисты и появляющиеся на экране политологи. Обсуждая такие вопросы с друзьями, я всегда обращаю внимание на одно очень важное обстоятельство — при всех коллизиях политической жизни и экономических трудностях политикам и народу Украины удастся избежать кровопролития. Прежде, чем занять позицию превосходства в отношении украинских властей, «несолидно» себя ведущих, следовало бы вспомнить о том, что происходило в Москве осенью 1993 г. Танковый обстрел здания тогдашнего Верховного Совета выглядел, конечно, очень «солидно». Но та ли эта солидность, которую мы могли бы пожелать своим соседям и братьям? По-человечески естественно было бы порадоваться за жителей Украины, которым удастся избежать подобной солидности, и пожелать, чтобы и впредь ее не было.

Завершая свое выступление, подчеркну настоящую потребность в разработке теоретических средств «среднего уровня», связанных с общими идеями информационного общества, но пригодных для анализа реальных процессов в информационной сфере. Алексей Николаевич в своем выступлении удачно попытался связать философские соображения с информационной реальностью. Интересные перспективы открывает использование идей информационной онтологии или оцифрованного субъекта, развиваемых немецким философом Рафаэлем Капуру. Что представляют собой разные страны как оцифрованные субъекты? Так или иначе, развитие информационной сферы несет новые теоретические вызовы для философии.

И еще одно соображение — практического характера. Многие из нас преподают в вузах, имеют дело с молодежью. Стоит подумать о возможностях создания российско-украинских сайтов и порталов, где были бы представлены примеры позитивного, уважительного общения. Сегодня происходит взаимное отдаление российской и украинской молодежи. Они не имеют той общей базы знаний, которую имели мы в их возрасте, не понимают друг друга. Я понимаю, что задача — из разряда тех, о которых говорят: «Легко сказать, да трудно сделать». Но трудно — не значит невозможно.

Межуев В.М. — Мне интересно, как Вы относитесь к концепции сетевого общества? К теории той культуры, которая является в сетях, культуре реально-виртуальной? С Вашей точки зрения — это прогресс или деградация?

Алексеева И.Ю. — С моей точки зрения — это реакция, которую оценить как прогресс и как деградацию однозначно невозможно. Может быть и то, и другое.

Толстых В.И. Ирина Юрьевна, а теоретики видят какие-то контуры постинформационного общества? Оно возможно или нет?

Алексеева И.Ю. — Помню, слышала такое выражение — постпостиндустриальное общество...

Толстых В.И. — Я спросил не ради шутки, мне кажется, высказываются предположения насчет того, что человечество должно бороться с информационными процессами, поскольку они сами порождают определенный шум.

ШЕВЧЕНКО В.Н.

Прежде всего благодарю организаторов и руководителей конференции за возможность принять участие и выступить здесь с докладом, дать некоторую информационную справку о современном состоянии книжно-журнального дела. Я вступаю на тонкую и опасную стезю, которая связана с тем, что я буду анализировать книжно-журнальную продукцию в рамках отведенного времени, посвященную российско-украинским отношениям, российско-украинским культурным связям и так далее.

Конечно, Интернет дает возможность доступа ко многим библиотечным сайтам и снимает книжно-журнальный голод. И здесь надо сказать, многие и даже среди наших ученых, не только среднего и старшего возраста, но и сравнительно молодых, все-таки с довольно малой эффективностью используют эти информационные сайты. Но все это не отменяет самостоятельного анализа журнально-книжной продукции, более того, выявляет растущую роль и значимость этого вида информации для современной жизни.

В целом сама по себе информация бесполезна, противоречива, даже опасна для использования. И философия и культура должны указать реперные точки, на тот же мейнстрим в развитии философской, культурологической и иных гуманитарных направлений. То есть отделить маргинальные явления от некоторых тенденций, которые набирают силу, становятся все более значимыми. Это то самое, о чем говорил здесь Алексей Николаевич, — проблема выделения того объективного ядра, которое позволяет давать определенную интерпретацию тех или иных событий прошлого, настоящего и возможного будущего.

Два направления книжно-журнальной продукции в современной России я хотел бы выделить. прежде всего, стремясь подчеркнуть, что существует объективно-научное направление. И наши разработки в этой области далеки, скажем, от односторонности изложения украинских событий, украинской мысли. Я в качестве примера могу привести журнал «Политические исследования» 2005 г., который посвятил целых пять статей именно проблеме интерпретации. Особенно в статье Пастухова «Украина не с Россией. Причины и последствия стратегических просчетов российской политики по отношению к Украине», где дается жесткий анализ поведения российских политиков, политтехнологов, которые приезжали в Украину, и характеристика всего информационного фона в связи с недавними событиями 2003 г. И так далее. Это совсем интерпретация некоторых не очень продвинутых журналистов, это совсем не пророссийская точка зрения, это совсем не осуждение, это совсем не критика — это критика своей собственной власти, своих собственных установок идеологических, политико-практических, политтехнологических. И это не единственный случай. И я могу сказать, что в целом это направление объективно-научное далеко от ангажированности, от реализации каких-то определенных властных установок, хотя существуют различные мировоззренческие и даже идеологические позиции у российских авторов. Но это, я повторяю, чрезвычайно большое направление (не единственное, конечно) книжно-журнальной нашей продукции. Я могу сказать о прекрасном номере журнала «Новое литературное обозрение», первый номер, вышедший в марте 2007 г., и следующая за ним часть второго номера посвящена созданию, как здесь говорили, образа Украины в российской общественно-культурной среде. И я скажу, что это вопрос довольно объективный, всесторонний и далек от тех обвинений, который часто выдвигаются в адрес российских ученых, российских деятелей, которые не видят ничего хорошего, положительного в развитии событий и тенденций, процессов на Украине последние 15 лет. Почитайте, посмотрите!... Это очень важно для улучшения нашего взаимного понимания, потому что в основном и в целом философская и культурологическая мысль свободна от таких конъюнктурных установок.

Но мы очень плохо информированы о современном состоянии философской и культурологической мысли. Вот, скажем, в отличие от Китая. В мае 2007 г. журнал «Вопросы философии» посвятил целый номер современному состоянию китайской философской мысли. Журнал вызвал огромный неподдельный интерес среди всех, кто занимается этими вопросами. И почему бы не выпустить специаль-

ный номер журнала «Вопросы философии», который был бы посвящен современному состоянию украинской философской, социологической, культурологической мысли? И я не имею таких полномочий, но мы находимся почти в полном неведении относительно того, что происходит здесь в украинской общественной мысли.

Второй тип — это, конечно, идеологически ангажированный. И это книги имперской направленности. Я привез вам не в качестве дара, а в качестве некоторых информационных материалов то, что в качестве примера «украинская болезнь русской нации». Наверное, далеко не все знают об издательстве, которое у нас работает и которое называется «Имперское возрождение», Православного фонда имперских исследований. Здесь также многочисленные журналы и книги, которые связаны с украинской болезнью, преодолением украинства. Харьковчанин Карелин издал «Русь нерусская», огромный сборник 2006 г.; Щедров — «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма 1912 года» переиздано. Книжки пользуются большой популярностью не среди ученых, а среди тех, кто интересуется современной жизнью. И читаются с большим удовольствием, вниманием. Спросите — это мейнстрим? Я бы ответил — нет, скорее, некое маргинальное явление. Здесь нужно не плакать, не смеяться, а понимать, чем подпитывается такая позиция. Прежде всего, угрозой. идущей от борьбы цивилизаций. Сегодня, как удачно пошутил однажды Вадим Михайлович на заседании клуба «Свободное слово», *все спасают Россию*. Одна из книжек, которую я с собой привез, «Россия delete 2030? Борьба мировых цивилизаций за природные ресурсы». Мы недооцениваем этой проблемы. Если читать этого рода литературу, то она обращена в будущее на десятилетия, и они видят только в этом выход. И он диктуется не только вот этими внешними обстоятельствами, но он диктуется еще и внутренними обстоятельствами. Внешними — это то, как к нам будут относиться, как нам выстраивать отношения с нашими соседями по СНГ, с кем они будут в этой всемирной схватке цивилизаций за природные ресурсы. А второе — это, конечно, наши собственные процессы, которые далеко не сводятся, конечно, к этой проблеме взаимоотношений с бывшими союзными республиками, со странами СНГ. Это проблема нашего государства, это этно-демографические проблемы. Я могу сказать, что выстраивание государства правового, демократического, рыночного, основанного на западных ценностях, для нас очевидно, по крайней мере, для меня, что это утопическая конструкция, которая все больше и больше расходится с потребностями дальнейшего развития России. И это, прежде всего, связано с наличием многочисленных

этносов, живущих на территории России, и невозможностью выстроить их в оду линейку по либеральным ценностям. Я просидел десять лет в диссертационном совете, и какой я вывод сделал? Вывод очень простой — почему бунтует Кавказ? Вот с моей точки зрения, хотя здесь есть директор института Салам Керимович Гусейнов, он может со мной не согласиться, но у меня сложилось твердое убеждение одно — совершенно не подходят либеральные ценности, либеральные установки для решения современных проблем Кавказа. Ну, не понимают они всего этого, и нет там никакой ни политической, ни экономической, ни культурной почвы. И каждый раз, когда защищается диссертация, они... ведущая идея такая — дистанцироваться от России, потому что Россия и Москва — это тот центр, который навязывает всей России либеральные ценности так, как они навязывались особенно в первой половине 1990-х гг., до Путина.

Я не знаю, можно ли подарить такого рода книги, но, по крайней мере, я хочу вам отдать в пользование, чтобы вы их не боялись, смотрели, читали, потому что это то информационное событие, от которого нельзя открититься.

Вяткина Н.Б.

Хочу поблагодарить организаторов семинара, который для Киева почти невозможен, если это не связано с выборами, с каким-то политическим скандалом. Поэтому я люблю одесскую атмосферу, особенно атмосферу именно этой компании людей, ориентирующихся на спокойное доверительное обсуждение. И спасибо человеческое за то, что можно встретиться со своими коллегами из России, что стало в наше время уж очень редким явлением.

Предыдущие докладчики осветили вопросы интерпретации информационного общества. Мне бы хотелось коснуться темы исторических этапов освоения информационного пространства, с акцентом на те же моменты, но уже в жизненном их воплощении.

В 1992-м г. мы организовали в Киеве знаменитое совещание на корабле, который был пришвартован у речного вокзала, и провели два совещания: «Шаг навстречу-1:Россия-Украина» и «Шаг навстречу-2», которые вел Мирослав Владимирович Попович. Собирали известных, нынче уже знаменитых политологов из России, диссидентов, которые тогда только вышли на арену. В том числе и Глеб Павловский был, тогда наш закадычный друг. И от Украины было немало людей, которые сейчас сами являются крупными фигурами или советниками крупных политических лидеров. И на корабле, в кают-

компании, происходили встречи, и мы предвидели, было какое-то понимание того, что вот-вот разойдутся эти берега. И было такое, может быть, наивное представление, что интеллигенты и интеллектуалы двух стран должны установить тот мостик, ту дорогу жизни, чтобы могли свободно общаться, даже несмотря на свою ангажированность. Но первое же заседание закончилась скандалом между двумя диссидентами — между Симоном Корсунским и Владимиром Маленковичем. Поссорились как раз те люди, которые должны были понимать друг друга, были знакомы сто лет и общие судьбы свели их вместе. И в первых публикациях журнала «Философско-социологическая мысль», который выходил еще на двух языках, был еще жив люк общения и обмена мыслями. Сейчас он выходит только на украинском языке, и мы встречаемся друг с другом эпизодично, как сейчас.

Конечно, мы понимали, что должны не дать распасться тому единству, которое у нас было, но не предвидели масштабов возможного разобщения и той цены, которую придется заплатить политологам и философам за это. Мы стали расходиться и до сих пор расходимся по противоположным сторонам. Еще в горбачевские времена мы дружили, создали какие-то клубы депутатские, советы экспертов, писали какие-то законопроекты, создали газету при философском обществе «Украинский обозреватель», которую я редактировала три года. Потом это дело оставила, потому что все, что зародилось в перестроечные годы, оно с уходом перестройки ушло в небытие. В том числе и газета, которая не запятнала себя ни одной грязной публикацией. Народ политизировался, партии консолидировались, и уже никто не мог быть нейтральным — никто бы просто денег не дал, а если даст, то только под какие-то идейные установки. Как в этих условиях сохранить какую-то солидарность, какое-то общение между собой, не окрашенное политически?

Тогда-то и вспомнилась бердяевская фраза — философская санкция. Мне кажется, что бы не происходило в теоретической сфере, как бы мы не понимали информационное общество, но когда к тебе обращаются за теоретическим обоснованием той или иной позиции, человек либо идет на это, либо нет. Дает ли он санкцию тому, чтобы публиковалась концепция имперская, пророссийская или проукраинская и т.д. Вот от этой санкции очень многое зависит, и поэтому, что бы ни случилось, надо сохранять собственную позицию. Разумеется, если она есть...Её отсутствие не заменить никакими словами. Почему Поповича вчера склоняли за то, что он сказал, что ездит больше в Польшу? Но ведь в Польше есть национальный совет, я не помню, как он называется, и его приглашают в этот совет, а туда при-

глашают избранных людей из разных стран. Вот от Украины он один. Они присуждают какие-то премии, независимые, собираются где-то в горах, там и заседают. А Россия не приглашает Поповича в какой-то такой совет, может быть, неформальный, но интеллигентский или интеллектуальный, в котором он мог бы высказать свое мнение, к чему то присоединить свой голос. Вот мы еще сохранили возможность приглашать оппонентов из России, и не только из России, слава богу. приезжают наши коллеги на защиту диссертаций. Но я что-то не помню, чтобы последнее время кого-то из наших философов пригласили в Россию, например, в качестве официального оппонента. Этого взаимобмена вообще не существует. А он был вполне возможен, хотя бы в режиме информационного оповещения и обмена. Между тем, бывший институт российско-украинских отношений превратился... в институт международной безопасности. Так вот и строятся барьеры в сфере гражданского общения.

Слава Богу, еще нет виз, но общение уже затруднено. и если мы говорим, например, об обмене литературой научной, я могу вам сказать и все коллеги с Украины подтвердят, то мы, конечно, испытываем огромную необходимость постоянно получать эту литературу. Как-то выворачиваемся, выходим из положения: едем на рынок, у нас в Киеве Петровка — знаменитый книжный рынок, и есть такие торговцы, просто профессора своего дела, в курсе того, что вышло по логике, философии, этике, эстетике, и что нужно — закупают. Это лучше всякого книжного супермаркета. Цены, конечно, высокие, но если хочешь иметь книгу, можно её приобрести. Ведь в интернете выложены не все книги, и нет свежей литературы.

Виталий Коротич в интервью одной нашей газете сказал, что ходит на Петровку, когда приезжает в Киев, и спрашивает, что вы посоветуете из украиноязычной литературы. И все откровенно говорят — да ничего. Хотя появилось поколение авторов, писателей. Есть и украинские переводы, но я, например, с трудом читаю перевод философского трактата на украинском языке, хотя переводчик по фамилии Попович. Есть такой лингвист. Это не перевод, а нечто непонятное. Есть и нелепости, вроде того, что перевели «Тараса Бульбу» Гоголя на украинский язык. Или переводят Пушкина. Что переведен на украинский язык «Декамерон», это акт и факт нашей культуры. Но когда речь идет о Пушкине и украинской поэзии, то у нас есть коллеги, которые читают украинскую поэзию, литературу, давно читают и очень рады, когда мы им что-то дарим. Поэтому надо наводить мосты — личностные. Если это институты философии, то и между институтами, почему бы нет. Спасибо Наташе Куценко за то, что она

будоражит народ, добивается и организует, чтобы в Киев и Одессу приезжали российские философы. Хотелось бы, чтобы и нас позвали, пригласили, ибо как-то неуютно стало. Я заметила, приезжаешь в Москву и украинские проблемы уже никого не интересуют. И ты ходишь одиноко, не та уже и атмосфера. Ну, зачем вы отделились? Не надо было отделяться.

Кроме негативных моментов есть, безусловно, какие-то интересные вещи. В академии, например, большой интерес к средневековой философии, причем у той части студентов, которые занимаются логикой, методологией науки. На философском факультете в университете имени Шевченко интерес более слабый. Вчера мне сказали, что в Новосибирске была конференция, на которой обсуждались тоже проблемы средневековой философии, притом на хорошем уровне и там были молодые философы из Москвы. Хорошо бы общаться со своими бывшими сотрудниками, друзьями, которые поезжали, разлетелись по всему миру, и с которыми мы по Интернету общаемся чуть ли не каждый день. Есть идея сделать такой интернет-журнал, в который можно было бы по личностному принципу подобрать участников и публиковать какие-то такие сборники, журналы и так далее. Вот это, пожалуй, реальный выход из ситуации путем перепрыгивания через границу там, где такая возможность есть и её можно использовать. Это был бы реальный продукт нашего информационного единения.

Толстых В.И. Немного послесловия...

Так получилось, что в записи разговора произошел сбой его «концовки», в частности, оказалось опущенным мое выступление второго дня, в котором был важный фрагмент по проблеме «двуязычия». Точнее, темы судьбы русского языка в современной Украине. По памяти воспроизведу высказанную тогда мысль, которая кажется мне актуальной и достойной внимания. Она сводилась к следующему тезису и суждению.

Решение проблемы простое и ясное. Все, кто живет в Украине, безусловно, должны знать и понимать язык титульной нации и культуру страны проживания. Но никто не должен добиваться этого насильем, чтобы не оказаться похожими на «проклятуших коммуняк». Сошлюсь в подтверждение на свой биографический опыт. Когда я жил в Баку, где родился и жил до 15 лет, я учил азербайджанский язык в школе № 157 поселка Монтана, посещал оперный театр Мирза Фатали Ахундова, спектакли Узеира Гаджибекова «Кер-Оглы» и «Шах

Сенем». А когда вместе с семьей в конце войны переехал в Николаев (отца-инженера-коммуниста послали восстанавливать разрушенное хозяйство Украины), я получил право в 8 классе не сдавать экзамена по украинскому языку и литературе, но, сразу полюбив украинские стихи и песни, начал его изучать и сдавал экзамен на «аттестат». Изучал в университете, наряду с зарубежной и русской классикой, также и украинскую литературу, позже подружился с актерами знаменитого театра Франка, общался с Натальей Михайловной Ужвий, Евгеном Пономаренко и Михаилом Заднипровским, и друг друга отлично знали и понимали, говоря каждый на своем родном языке. Так что негоже и глупо брать на вооружение «силовые» приемы сплошной «украинизации» населения, забыв о корнях родства и давних традициях...

Я очень доволен нашей сегодняшней встречей и разговором, и тоже надеюсь на то, что мы скоро встретимся снова. Спасибо, всего вам доброго, нехай вам щастить!

ОКТАБРЬ СЕМНАДЦАТОГО: ЧТО ЭТО БЫЛО?

К 90-летию Октябрьской революции

31 октября 2007 г.

Толстых В.И.

90-летие Октября 17 года – хороший повод вернуться к обсуждению темы, до сих пор вызывающей ожесточенные споры и взаимоисключающие оценки. Выскажу свой подход к ней и сформулирую вопросы-тезисы, которые меня задевают и интересуют.

Начну со ссылки на известный афоризм Чжоу Эньлая, китайского премьера, который сказал по поводу Французской буржуазной революции, что прошло мало времени, чтобы давать ей оценку. Эволюция и нынешнее состояние Европы, детища и продукта этой революции, таковы, что, несмотря на все свои достижения, континент очевидно испытывает глубокий кризис выработанных здесь христианских ценностей и цивилизационных устоев. Думаю, не надо торопиться и с оценкой Октябрьской революции. Почему и в каком смысле – скажу в конце своего вступительного слова.

На этой неделе нам придется отметить (отпраздновать – целых три дня!) День народного согласия и единства, придуманный и введенный в замену 7 Ноября, который мы отмечали – с энтузиазмом, парадом и демонстрациями – подряд несколько десятилетий. Те, кто не забыл прошлого, смогут сравнить настроение, поведение людей и атрибутику прежнего и нового праздника. И убедиться в том, что тут, как говорят в любимой моей Одессе, две большие разницы.

Но мы собрались обсуждать не праздники, а смысл и суть самого исторического события, именуемого ОКТАБРЬ 17-го. Давайте без восторгов, всхлипов и ругани попытаемся ответить на давно сформулированные реальной историей вопросы. Лично меня задевают и интересуют нижеследующие.

Первый — увы, расхожий, для многих, увы, оказавшийся «контрольным». Итак, все-таки, чем был и оказался Октябрь 17-го — РЕВОЛЮЦИЕЙ, или всего-навсего ПЕРЕВОРОТОМ, то есть верхушечным, к тому же «однодневным», захватом власти группой авантюристов, самозванцев, вернувшихся в Россию в plombированном вагоне на «заемные деньги»? Неужели это событие никаких основ — ни в экономике, ни в государственности и управлении, ни в сфере человеческих отношений и в жизненном укладе — не потрясло и не изменило, и происшедшее в стране и обществе никак не аукнулось в мире? Не ясно тогда, почему кто-то продолжает голосить по России, которую мы потеряли, не ясно, за что сражались и проливали кровь белые и красные в Гражданскую войну, и как тогда следует оценить появление на географической карте Советского Союза — сверхдержавы или монстра, «империи зла», как кому будет угодно его называть.

Мой ответ на этот сакраментальный вопрос: это была самая настоящая революция, а не переворот, потрясшая основы и ликвидировавшая режим и строй 300-го господства царского самодержавия. И произошло она совсем не случайно и не в один день, а было подготовлена такими событиями, как поражение России в русско-японской войне, революцией 1905 г., треволнениями столыпинской реформы и участием империи в первой мировой войне (о чем хорошо рассказано в статье Владлена Логинова в «ЛГ», в ходе развернувшейся там дискуссии по поводу 90-летия Октября 17 года).

Попутно добавлю, что и события Октября 1991—1993 гг. в Москве тоже были не просто переворотом, а настоящей КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ — не в ругательном, а в содержательном смысле — по отношению к тому, что произошло в октябре 17 года и позднее.

Мой второй вопрос касается темы *перерождения и поражения* Октябрьской революции: когда это началось и как это произошло в реальной практике строительства социализма, который в результате получил превращенную *казарменную* форму, что, кстати, предвидел еще Столыпин, наблюдая зигзаги и судороги эволюции общинного уклада крестьянства в ходе «хуторской реформы» (с подачи Владлена Сироткина мы эту тему поднимали в Клубе в начале 1990-х). Я думаю, не верно проблему перерождения революции сводить исключительно к краху идеи «мировой пролетарской революции», к политической борьбе с троцкистами, «правыми уклонистами» и прочими «врагами социализма» (в кавычках и без кавычек). Хотя все эти моменты и мотивы имели место быть, не они определили суть и смысл сталинистского перерождения идеалов и целей Октябрьской революции после смерти Ленина.

На мой взгляд, решающим фактором политического выбора и борьбы стала дилемма и проблема — СОЦИАЛИЗМ или МОДЕРНИЗАЦИЯ, которую Сталин решил в пользу «модернизации», считая, что дело революции и социализма потерпит крах, если стране не удастся за 10 лет догнать передовые капиталистические страны. Со сплошной коллективизации и сталинских пятилеток и началась модернизация России, успехи и прорехи которой выдавались за «полное» и «окончательное» построение социализма в СССР. Модернизация проводилась с истинно русским — петровским! — замахом и размахом, по принципу «за ценой не постоим».

Тем, кто упивается сталинскими достижениями и победами в модернизации страны и Великой Отечественной войне, надо все-таки набраться ума и совести понять, что ничто не может оправдать принесенные жертвы, и Гулаг остается Гулагом, а «построенный в боях социализм» — казарменным. Тем, кто сводит результаты Октябрьской революции к Гулагу и «37-му году», а Сталина превращает в «маньяка», советую внимательно изучить «кровавые страницы» Английской и Французской буржуазных революции (со всеми их «кромвелями», «Робеспьерами», «наполеонами» и «коммунами»). Многое проявится в голове и станет на свое место.

И кратко мой третий вопрос, видимо, наиболее спорный. Не буду говорить о том, какое воздействие оказала Октябрьская революция и существование Советского Союза на весь мир: на национально-освободительную борьбу народов, защиту классовых интересов трудящихся капиталистических стран, против нацизма и терроризма.

Для меня Октябрьская революция стала особым, эксклюзивным событием мировой истории в целом. Мыслители и светлые головы почти всех стран и континентов, чем дальше — тем настойчивее, фиксируют глубокий кризис всей социальной эволюции человечества, достигшего невероятных успехов и достижений в развитии науки, техники, технологии и искусства, и вместе с тем неспособного, опираясь на созданную им культуру и цивилизацию, справиться со своими собственными инстинктами и рефлексам, порождающими чудовищные формы дикости и варварства. Надеюсь, доказательства верности и трезвости этого тезиса и вывода от меня никто не потребует.

Английская и французская революции доказали и подтвердили, что порожденный ими капитализм является жизнеустройством, наиболее адекватным природе человека и человечества. Природе амбивалентной и греховной со всех точек зрения, и светских, и религиозных. Чем, собственно, и объясняется живучесть капитализма. Но кто сказал, что капитализм есть конец истории, и человечество выживет, что оно не обречено на поражение?

Октябрьская революция была попыткой человека и человечества как-то изменить ход и направление своей истории. Попытка оказалась неудачной или тщетной?! Но проблема преодоления ошибки в эволюции человека остается. Еще не вечер, и потому другие «ОКТЯБРИ» не за горами.

МЕЖУЕВ В.М.

Прежде чем дать историческую оценку Октябрьской революции, необходимо определиться в своем отношении к революции вообще, в понимании ее места и роли в человеческой истории. Революцию трудно предвидеть и, тем более, предотвратить. Но раз она случилась, бессмысленно предъявлять ей моральный счет, обвинять в жестокости и негуманности. С таким же успехом можно осуждать войны, рабство, эксплуатацию — этим не решишь проблему их существования в истории. Революция по сути своей — действие не моральное или правовое, а силовое, Добрых, не кровавых революций не бывает. Насилие, террор, гражданская война — все, что ставится ей в вину — вполне легитимные, с революционной точки зрения, средства достижения ее целей. Осуждая Октябрьскую революцию, надо осудить тогда все революционное движение в России, охватившее собой все поколения русской интеллигенции, а заодно и всю русскую историю, ставшую для этого движения питательной почвой. Если почва рождает революцию, последняя рано или поздно напоит ее кровью.

Уже Великая французская революция поставила перед человечеством проблему, на которую пытались потом ответить лучшие европейские умы: почему любая революция начинается с требования свободы, а заканчивается террором? Почему свобода порождает террор? Русская революция не стала исключением из этого правила. Она как бы описала полную дугу от короткой, по словам Питирима Сорокина, «демократической увертюры» до грозного финала однопартийной диктатуры. Таков закон любой революции. Не большевики, а начавшаяся в России революция предредила подобный финал. Бердяев бы прав, называя большевиков не творцами, а орудием революции, которая всегда идет до конца.

Любая революция имеет характер не конструктивного, а деструктивного действия. Итогом ее является не созидание, а разрушение. Это и понятно, так как абсолютная или самодержавная власть, против которой она направлена, не уходит с исторической сцены по собственной воле, и может быть устранена только насильственным путем. Но всякое насилие, осуществляемое снизу, имеет своим следст-

вием не свободу, а анархию, победить которую можно с помощью только нового насилия, но уже сверху. Масштаб и длительность этого насилия во многом определяются социальным составом вовлекаемых в революцию общественных классов и слоев.

В революции, как правило, участвуют низы, не имеющие в большинстве своем опыта жизни в политической и экономической свободе, сохраняющие привычки и представления традиционного общества с его делением людей на рабов и господ. Если свободный человек не хочет быть ни рабом, ни господином, то человек с психологией раба мечтает, как правило, стать господином. Такова логика рабского сознания во все времена. Люди, лишённые сознания собственной свободы, могут разрушить старое общество, но не могут построить на его месте более свободное общество. То, что они выдают за новый порядок, почему-то до боли напоминает старый. Об этом когда-то писал Токвиль в своей книге «Старый порядок и революция».

Подобный возврат к старому порядку (я называю его самовластием), пусть в модифицированной форме, свойственен и Октябрю. Для одних он — торжество исторической справедливости, для других — национальная катастрофа. Кто здесь прав? Не думаю, что наше время может поставить окончательную точку в этом споре. Как теперь ясно, русская революция, начавшаяся в Феврале, не завершилась с победой большевиков, и как бы вновь продолжилась после краха советской системы. Поэтому судить об Октябре на основании только его большевистской версии, к чему так склонны и противники, и защитники большевизма, вряд ли правильно.

Возможно, большевики, непосредственно участвовавшие в октябрьском перевороте, искренне думали, что открывают новую страницу в истории человечества — его переход от капитализма к социализму. Эта версия и нуждается сегодня в существенной корректировке. Октябрьский переворот, несомненно, имел антибуржуазную направленность, но отсюда никак не следует, что его следствием стала победа социализма. Возникший в результате победы большевиков политический режим, получивший название «военного коммунизма», даже по признанию Ленина, сделанному им чуть позже, не имел с социализмом ничего общего. В равной мере он не был демократическим, представляя собой не ограниченную никаким законом диктатуру даже не пролетариата в лице Советов, а одной партии в лице ее вождей. Предпринятая Лениным в последние годы его жизни попытка как-то скорректировать этот режим посредством введения новой экономической политики и организации Рабкрина, как известно, не

увенчалась успехом: после его смерти методы командного управления экономикой в сочетании с единоличной властью «отца всех народов» возьмут вверх. Ничего, конечно, социалистического и пролетарского в таком режиме быть не могло.

Социальной опорой режима стала крестьянская беднота, вышедшая из нее солдатская и полупролетарская масса, из которой и черпались кадры новой управленческой и интеллектуальной элиты. Ни к какой самоорганизации и самоуправлению эта элита, естественно, была неспособна. Революция в России оказалась в итоге не буржуазно-демократической и даже не пролетарской, а крестьянской, возродившей старый порядок в форме, правда, уже не сословно-дворянской и монархической, а бюрократически-централизованной власти, подмявшей под себя общество целиком и без остатка. Если это социализм, то какой-то архаический, деревенский, восточно-деспотический, отделенный от европейского (городского) социализма примерно тем же расстоянием, какое отделяет докапиталистическое общество от посткапиталистического.

Даже Маркс думал, что революция, если она произойдет в России, может быть только крестьянской и, следовательно, далекой от всякой демократии. «Настанет русский 1793 год, — предупреждал он, — господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории». В том же духе высказывался и Энгельс: «Она (русская революция. — *В.М.*) начнется, вопреки предсказаниям Бакунина, сверху, во дворце. Но раз начавшись, она увлечет за собой крестьян, и тогда вы увидите такие сцены, перед которыми побледнеют сцены 93 года». Уже в конце 1990-х гг. в одном из писем к русскому корреспонденту, Энгельс писал, что переворот в отсталой стране с многочисленным крестьянским населением может быть осуществлен «ценой страшных страданий и потрясений».

Деревенский социализм — это социализм без свободы и демократии. Но может ли он быть иным в стране с преобладающим большинством крестьянского населения? В такой стране революция, начавшаяся под буржуазно-демократическими лозунгами, быстро перерастает в свою противоположность — в революцию антибуржуазную и антидемократическую. Большевики, однако, — не причина, а следствие недемократичности страны. Демократия отвергалась ими в силу не идеологических убеждений, а по сугубо объективным обстоятельствам — по причине отсутствия у всех форм демократии ответа на два коренных вопроса русской истории, которые в европейских странах были решены задолго до наступления там демократической эпохи.

Первый вопрос — *крестьянский*. Большая часть русского крестьянства жила в условиях общинно-патриархальной деревни, более государства привязывающей Россию к традиционному укладу жизни, служившей основным препятствием на пути ее промышленной и городской модернизации. Можно ли демократическими средствами сломить сопротивление общины? Даже реформа Столыпина, направленная на хуторизацию и фермеризацию сельского населения, носила во многом насильственный характер, поскольку добровольный выход из общины, как показывает мировая практика, затянулся бы на многие века.

Второй вопрос — *национальный*. Не в том дело, что Россия — многонациональная страна (таких стран много), а в том, что каждый народ живет здесь на своей собственной территории, сохраняет связь со своими богами, языком, традициями и культурой, так и не успевшими переплавиться в одном общем котле. Какая демократия может заставить эти народы жить вместе, в одном государстве? Опыт СССР, ставший наиболее грандиозной в XX в. попыткой сохранить целостность государства при наличии множества образующих его народов, также был не слишком демократическим, учитывая сохраняющуюся в нем руководящую роль партии.

Наличие этих двух нерешенных в русской истории проблем стало причиной *перерождения буржуазно-демократической революции в свою противоположность*. Победивший в ее итоге якобы социализм явился на деле лишь новым витком начатой царями модернизации страны — ее индустриализации и урбанизации, причем традиционными для России средствами мобилизационной экономики и государственной власти, даже более деспотической, чем прежняя. Кому хочется называть то время социализмом, пусть называет. В действительности оно означало полный разрыв с социализмом в его сколько-нибудь научном понимании, особенно после провозглашения курса на построение социализма в одной отдельно взятой стране. Национальный, или суверенный, социализм, построенный в СССР, имел с социализмом не больше общего, чем наша суверенная демократия — с демократией, как она понимается во всем мире.

И все-таки победу большевиков в русской революции нельзя назвать ни случайной, ни даже напрасной. Никто больше них не сделал для модернизации страны, пусть в режиме недемократической власти. Предложенная ими модель развития была для России начала XX века, очевидно, единственно возможной, хотя в настоящее время полностью исчерпала себя. Говорю об этом не с целью оправдания большевистского террора, вызванного неготовностью России — ее

народа и власти — к демократическим переменам (она и сейчас во многом не готова к ним), а ради сохранения того позитивного, что принес с собой Октябрь и что не может отрицать ни один объективно мыслящий историк.

Главным результатом Октября стало превращение России из аграрной страны в индустриальную державу, ее переход в фазу индустриального развития. Последствия этого перехода дали о себе знать в качественном изменении социального и профессионального состава работающего населения, в огромном прогрессе техники, науки, образования, в повышении обороноспособности страны. Не только в целях исторической истины, но в интересах дальнейшей судьбы России нельзя пренебрегать этими результатами. Отречение от них в период ельцинизма геополитически и экономически отбросило Россию далеко назад — не в Петербургскую даже, а в Московскую Русь. Тогда торговали с границей пушниной и пенькой, теперь нефтью и газом — вот и вся разница. *Поэтому единственно правильное отношение к Октябрю — не его абсолютизация в качестве высшей и заключительной фазы всего революционного процесса, а возвращение с сохранением достигнутого к тому, ради чего, собственно, эта революция и затевалась — к построению в России демократического и социально справедливого общества. Не дореволюционная или советская, а новая демократическая Россия станет историческим оправданием той реальной революции, которая 90 лет назад разыгралась на ее просторах.*

ШЕВЧЕНКО В.Н.

В Москве работает историко-документальная выставка «1917 год. Мифы революций» в помещении выставочного зала федеральных архивов. Пожалуй, это все, чем встречает юбилей Октября официальная Москва.

Выставка оформлена в мрачных, в основном, в черно — красных тонах.

На входе вас встречают цитаты из Краткого курса ВКП (б) и из книги эмигранта А.Некрича «Утопия у власти».

С.В.Мироненко, А.П.Ненароков — авторы каталога, выпущенного на выставке, ставят следующие вопросы:

«Можно ли назвать революцией насильственную реализацию ту-пиковых идей, обернувшихся в итоге трагедией для страны и народа?»

Можно ли считать пролетарскую диктатуру, обернувшейся банальной однопартийной диктатурой, сведшейся, в конце концов, к деспотизму коммунистической бюрократии, в том числе, и по отношению к пролетариату?

Можно ли считать социалистическими призывы к обострению классовой борьбы «вплоть до уничтожения одного класса другим», уничтожению частной собственности, попранию прав человека?

Вопросы поставлены, пишут далее авторы. Ответы в итоге будут даны всеми вместе. Как теми, кто уже начал свой путь к пересмотру привычных мифов, так и теми, кто пока не готов к этому».

Выставка идеологически строго выстроена. Оказывается, Октябрьская революция, ни с какой стороны, позитивно не интересна сегодня. Последовательно и настойчиво мифы времен «Краткого курса» заменяются на другие мифы, идеологически значимые по сегодняшним временам. На стендах выставки разные документы и карикатуры, в связи с давно избитыми обвинениями в адрес большевиков. Например, о том, что большевиков пропустили в опечатанном вагоне с тем, чтобы они работали с весны 1917 г. на германский генштаб. Что Керенский 24 октября назвал Ленина «государственным преступником». Что большевики брали немецкие деньги, но не хотели, в частности, отдавать их некоему Карлу Моору. На стенде мы видим документы, говорящие о том, что в 1922 г. К. Моор сидит в Москве, ждет свои 80.000 с небольшим тысяч долларов, а руководители партии ведут секретную переписку насчет того, отдавать или не отдавать ему деньги. Что художник Юон в 1927 г. нарисовал на известной картине, что рядом с Лениным, провозглашающим Советскую власть, стоят одни вожди, а в 1935 г. на более поздней копии – совсем другие.

Разумеется, на выставке нет ни единого слова о триумфальном шествии революции по стране, а кинохроника кончается показом празднования 60-летия Октября, выходом всей нашей тогдашней геронтократии и молодым В.Лановым, читающим стихи. Правда, звука не дали.

Но за декоративным флером, который должен вызывать чувство естественного, равнодушного пренебрежения, скрыта метафизическая глубина, огромная потребность власти в новой идеологии. Вот о ней я как раз и хочу сказать несколько слов.

Выставка наглядно показывает всю остроту различия между объективно научным, философско-историческим подходом и идеологией нынешней власти.

На мой взгляд, ценностная установка на восприятие Октября сегодня и с философской, и с конкретно-научной точек зрения должна оставаться в целом положительной. Нельзя так лихо расправляться с историей, как это делают устроители выставки. Любая революция – это не заговор, не терроризм, не безумие толпы. Это неправильно по существу, Революция – это одновременно и праздник, и драма, и трагедия, но только не начало черной дыры в истории страны.

Первая причина, почему я стою за положительную оценку Октября: революция указала направление выхода страны из исторического тупика. Мы недостаточно обращаем внимания на решающую роль внешних условий в выборе страной нового вектора развития в Октябре 17 года. В России на протяжении столетий складывалась и развивалась модель периферийного зависимого капитализма. Еще раз хочу подчеркнуть – не отсталого капитализма, а *зависимого*. Это совершенно разные траектории развития. Сегодняшняя ситуация во многом аналогична тогдашней ситуации, вплоть до мелочей. Сегодня мы имеем дело с новой исторической формой *зависимого развития* периферийной капиталистической страны.

Интересно, что в послании Путина Федеральному собранию РФ в 2001 г., говорится следующее. В отличие от прошлых лет, и далее цитата: «согласовав в целом программу бюджетной, денежно-кредитной и структурной политики, правительство приняло на себя обязательство по ее выполнению без заключения формального соглашения с МВФ». А мы все удивляемся, почему мы так странно распоряжаемся своими финансами, почему стабилизационный фонд идет за границу, почему такая несправедливая у нас бюджетная политика. Первый документ, в котором были сформулированы командой Е.Гайдара новые приоритеты экономической политики, стал «Меморандум» 27 февраля 1992 г., адресованный руководству МВФ в Вашингтоне и получивший от него полное одобрение.

100 лет назад было выгодно вывозить хлеб. Недоедим, но вывезем. Отсюда голод в России в те времена, особенно в годы неурожая. Не отсюда ли хлебные очереди в Петрограде накануне Февральской революции?

Выгодно было при Брежневе вывозить нефть и газ. Сегодня особенно выгодно для правящей элиты. Структурная перестройка промышленности и тогда, и сейчас становится излишней.

В основе модели зависимого капитализма лежит закон общественного разделения труда. В XVIII–XIX вв. у них развивается индустриальный капитализм, у нас вторичное закрепощение крестьян, и работа сельской сферы производства на внешний рынок. Отсюда борьба с Польшей и Османской империей, как нашими стратегическими конкурентами по продаже зерна на Запад, с которыми нам удалось справиться.

В промышленности эффективно развиваются только те отрасли, которые выгодны Западу. Туда в основном идут инвестиции, как тогда, так, впрочем, и сейчас. Поэтому, те, кто за полуколониальную модель капитализма, те, кому это выгодно (20–25% населения вы-

годно) будут говорить устами своей прессы об Октябрьской революции как о террористической революции, о Ленине как о террористе. Так пишет, например, из года в год умеренно правая либеральная газета «Время Новостей».

Вторая причина. Россия ждала освободительную революцию со времен декабристов. Прекрасная работа М.Лифшица «Нравственное значение Октябрьской революции» была написана им к 50-летию Октября, но появилась в печати только в 1985 г. Радикально злое по Канту, пишет он, — накапливается в человеке в том случае, если общество закрыло все пути для осуществления его самодеятельности, если оно не в состоянии проявить свою самость. Проклятая Россия, расколота Россия — это отсюда. Революция и есть средство борьбы с радикально злым. Она переплавляет этот радикализм в той мере, в какой реализуется человеческая самость, т. е. эта переплавка возможна, но только с помощью радикальных мер преобразования. Отсюда радикализм революций. Октябрь 17 г. — это взрыв и социальной, и психоментальной энергии, который потряс весь мир, в том числе и колониальный. Этот мир по-прежнему испытывает благодарность к ней, но как же можно сегодня в нашем обществе положительно вспоминать об Октябре, когда столько накопилось в обществе радикально злого. Нет, нет, только не революция, говорят сегодня официальные идеологи. А как же быть с вопиющей несправедливостью, царящей в нашей стране сегодня.

Босячество стало в России в начале XX в. национальным бедствием. Кто произносит давно забытые слова «Человек — это звучит гордо»? У нас не любят об этом вспоминать, вспоминают о «Вехах». Когда мы несколько лет назад обсуждали в нашем клубе «Вехи», почти все выступавшие были на стороне веховцев. Об историческом возмездии стараются не вспоминать.

Но ведь это реальность — две нации, две культуры, и тогда, и сегодня. Те, которые обслуживают Запад, живут западными стандартами, имеют приличную зарплату в долларах и смотрят с презрением на тех, кто живет в нищете и бедности и которых процентов 60, не менее.

Сегодня такая же модель. Но исход будет другим. Новой Октябрьской революции не будет. Не потому, что 100 лет назад в Лондоне сидел Ленин, а сегодня в Лондоне Березовский, а потому, что финансовая удавка на шею страны так плотно затянута, что разорвать ее сможет только уникальная ситуация, аналогичная 1917 г. Но уникальные ситуации не повторяются.

Приход к власти большевиков помог собрать страну. Собрали. Она опять распалась. Некоторые республики, которые входили в Союз, сегодня объявляют о том, что Россия их должник. Кто-то тре-

бует денег, вроде прибалтов. А Украина, та говорит о моральном долге России. Интересно – за что. Оказывается, Российская империя, Советский Союз без украинцев фактически не состоялись бы в том качестве, в котором они всем известны. Но при этом, ни о какой пользе для украинцев и Украины и речи быть не может. Л.Кучма не раз говорил о том, какую мощную подпитку давала Украина России на протяжении трех с половиной столетий. Одного этого фактора достаточно, по его мнению, чтобы признать Россию «нашей должницей». Не в каком-то юридическом смысле, *но в моральном*. И, напротив, ни о какой исторической помощи Украине со стороны России говорить не приходится. Не было такой. Точка.

Не только украинцы, но и многие народы внутри страны не скрывают своих многочисленных, и, как правило, ничем не обоснованных исторических претензий к Центру, к русским. Сегодня никого уже не пугают разговоры о вполне вероятном распаде РФ в ближайшие десять-пятнадцать лет, несмотря на бодрые заверения властей. В Сибири новый, китайско-русский этногенез – десятки тысяч смешанных браков, сотни тысяч детей от этих браков. Таковы невеселые последствия политики власти, перед которой мы абсолютно беспомощны.

Третья причина, по которой следует положительно оценивать Октябрь. Социалистический вектор развития страны обозначился, в общем-то, сразу после прихода большевиков к власти. Почему социализм? Потому, что вся Европа тогда только и говорила о социализме. Известный теоретик либерализма Ф.Хайек в своей работе «Дорога к рабству» пишет, что все отвернулись от либерализма в Европе в начале XX в. Что было у нас – социализм или его утопия? Это не очень работающая дилемма. Китай проявил прагматизм в использовании марксистского учения и марксистской терминологии. Социализм – это не только экономика, но и культурная традиция. Наш опыт показывает, что нет правильного или неправильного социализма. Печально, но мы сделали нашу модель универсальной, не смогли во время это осознать и жестоко за это поплатились. Особенно в 60–70-е гг. XX в. стало ясно, что появились неклассические формы социализма – от кубинского и китайского до арабского и африканского. Все эти формы подвергались критике и непризнанию со стороны наших партийных вождей.

В 1917 г. у страны не было исторического выхода – либо полукOLONиальный капитализм, либо свой собственный социализм. Мы строили социализм от имени Маркса, но не по европейской модели Маркса. Наш социализм был кривой, косой, но это был социализм. Но – социализм сверху. Другого пути к нему не могло быть. Соци-

лизм строит партия — государство, партия, которая является единственной силой, способной выстроить основные государственные институты, всю систему общественных отношений.

Сколько высказано критики по этому поводу, а, например, у Б.Чичерина, самого образованного нашего консервативного либерала. Много раз говорилось о сильной государственной власти, единственно способной выпестовать гражданское общество и обуздать стихийные силы, препятствующие его созданию.

Я сначала удивился, будучи в Китае, почему так они почитают руководителя Китайской революции Сун Ятсена, как национального вождя и героя. Я его внимательно почитал, и все стало понятным. Хотел бы напомнить одну важную мысль, высказанную Сун Ятсеном в 1918 г. — о том, что «революционная партия, приступающая к созданию китайского государства на совершенно новой основе, должна выполнить свой долг (...), должна помочь подлинному хозяину республики стать на ноги, а основе государства укрепиться. Хозяина нашей республики (народ) можно сравнить с новорожденным, а нашу революционную партию с его матерью. Вот почему наша революционная программа устанавливает специальный период политического характера, чтобы взрастить и воспитать этого хозяина и вернуть ему власть, когда он станет совершеннолетним».

Так вот, в начале перестройки, прежде чем отменять 6 статью Конституции СССР, следовало бы подумать в первую очередь о реальных сроках создания другого, более совершенного механизма эффективного управления государством и обществом, нежели однопартийная система, которая к тому времени действительно себя полностью исчерпала.

В Китае не один раз мне задавали вопрос, возможна ли социал-демократизация нынешней Компартии Китая. Да, отвечал я, при условии, если сначала вы отдадите власть в руки крупного капитала, а затем будете с ним бороться за политические и социальные права людей наемного труда строго правовыми методами. И будете столетиями, как на западе, за них бороться с переменным успехом.

Но российский социализм сверху, как и российский капитализм сверху, никогда не будут прочными. В социализме сверху заключается источник драмы и трагедии государственного, административного социализма. Нужно, чтобы он был дополнен снизу. Проблематичность социализма снизу — это не только проблема нищеты и бедности. Для России это и проблема этнического многообразия, экономического отставания, иной ментальности, всевластия бюрократии. Но также и проблема безусловной победы города над деревней. Тогда возникает

европейский капитализм, а не социализм. Нужен высокий уровень общественного разделения труда, преодоление натурального хозяйства и натурального образа жизни, развитые и богатые общественные отношения. О каком правовом государстве может идти речь, если деревня, умирая, ушла в город и сделала город большой деревней.

Октябрь ждали 100 лет со времен декабристов. Вся передовая общественная мысль в условиях периферийного капитализма искала альтернативу. Державное сознание, как сознание великого народа великой страны, никогда не было согласно на полуколониальный статус своего отечества.

И последняя — *четвертая причина*. Октябрь 17 года — это пример социального освобождения. На недавнем учредительном съезде общества социал-демократии М. Горбачев сказал, что новая социал-демократия будет действовать в духе социальной терпимости и социального партнерства, что она против разжигания социальной борьбы. Но такая социал-демократия и через 100 лет не сделает никаких шагов вперед.

Насчет метафизики сегодняшней идеологии. Россия выстраивается в единую колонну для осуществления очередного мобилизационного витка развития, национальной модернизации. Обязательным закономерным условием такого рывка является энергичный разрыв с прошлым и последовательное целенаправленное формирование нового национального лидера. Можно вспомнить, как Советский Союз на протяжении десятилетий черпал позитивную энергию из противопоставления себя гнивающей Российской империи.

Нынешняя форма государственного устройства — это либеральная держава (империя), сословно-иерархический принцип свободы. Не хватает свободы, двигайтесь вверх строго в соответствии с законами иерархии. Эти законы российской истории надличностны, как тогда, так и сегодня.

Что было на самом деле в октябре 1917 года или в августе 1991-го, идеологию не интересует. Кто рядом с Ельциным стоял на танке, кто помнит, и где эти люди сегодня? Так чего же тогда ругать советского художника Юона.

В. Путин поднял памятный день 30 октября (День памяти жертв политических репрессий) до президентского уровня и официального участия высших иерархов церкви. Смысл один — нужно решительно оторваться от советского прошлого. Нет СССР, нет того строя, нет тех руководителей. Они все виноваты. И все началось с Октября, который должен быть предан забвению вместе с его руководителями. Так сказать, перед нами открывается новое будущее, и не нужно больше цепляться за прошлое.

Но как сказал недавно писатель М.Веллер: когда страна впадает в очередной авторитаризм, умным людям пора подумать о выходе из него. А для этого понадобится возвращение к истории, прежде всего, к Октябрю 1917 и к первым годам перестройки, одним словом, к временам социального освобождения. Ведь недаром М.Горбачев говорил в 1987 г. на праздновании 70-летия Великой Октябрьской Социалистической Революции о том, что мы должны вернуться к истинному смыслу завоеваний Великого Октября.

Сейчас другое время. Надо научиться жить в маятниковом ритме российской истории. Как этому научиться? Шагать в ногу со временем или не в ногу? Диссиденты и сатирики советского времени в массовом порядке стали апологетами, а марксисты и левые переходят в опасную для них оппозицию. Наверное, так и мы будем жить.

Поэтому либеральные державники критикуют Октябрь и Советскую власть. Это условие сегодняшней либерально-державной модернизации. А левые защищают Октябрь и говорят, что придут другие времена. После недолгого расцвета либеральной империи начнется ее кризис. И тогда мы вновь вспомним Октябрь, начало перестройки, как эпохи социального, личностного и духовного освобождения. И все же, главный вопрос в том, чтобы в идейном противостоянии не забыть то общее, что нас объединяет изначально — судьба страны, судьба России. Сохранение и благополучие страны должно быть поставлено выше всех (очевидных для кого-то) идеологических догматов и жизненных очевидностей.

Славин Б.Ф.

Моя точка зрения на Октябрьскую революцию во многом совпадает с позицией известного Заявления 17-ти, которое было опубликовано в «Московских новостях» в начале июня 2007 г. под названием «Октябрь для нас, России, всего мира». В тезисном виде мой взгляд на Октябрь можно выразить и передать так.

Первый тезис. Нельзя советскую историю воспринимать как историю 70-летнего господства тоталитарной системы. Наша история была разной и противоречивой. Были и мрачные годы тоталитаризма, и светлые годы послереволюционного демократизма, «оттепели», перестройки. Я солидарен с точкой зрения американских историков Такера и Козна, отрицающих тоталитарную концепцию советского общества, не позволяющую понять ни Октябрьской революции, ни альтернативы оппозиции сталинизму, как левой, так и правой, деятельность Бухарина, Хрущева, Горбачева. Советская история не од-

нолинейна: в ней следует различать качественно своеобразные этапы развития. Одно дело время «военного коммунизма», другое — политика НЭПа, или — ленинский план становления советского общества и десятилетия господства сталинского режима.

Второй мой тезис: нельзя сводить поистине эпохальное явление Октябрьской революции к банальному политическому перевороту. И хотя сами вожди Октябрьской революции (Ленин, Троцкий и др.) нередко называли ее «переворотом», тем не менее, суть последнего они видели в смене власти, перешедший от одного класса к другому, от буржуазии к рабочим. Но переход политической власти из рук одного класса к другому и есть революция. Сегодня многие исследователи и публицисты либерального и «патриотического» толка достаточно поверхностно судят об Октябре.

Ущербность и непатриотичность такого подхода очевидна. Русский народ превращают в марионетку истории. Получается, пришли какие-то агенты Германии или Англии, и сделали в России революцию. А народ послушно все это принял. Подобная интерпретация Октября уже давно отвергнута серьезными зарубежными и отечественными учеными. (См. работы Р.Кеннана о коллекции Сиссона, Г.Соболева о тайне немецкого золота, В.Логинова о записках Платтена и др.) Тем не менее, она нашла свое отражение в российских газетах, развернувших дискуссию в связи с 90-летием Октября. На самом деле, многое из того, что сегодня вытаскивается в средства массовой информации по поводу творцов Октябрьской революции есть отголосок бумаг, которые были в свое время сфабрикованы русской и американо-французской контрразведками для шельмования Ленина, как сторонника революционного выхода России из войны. Политикам, отстаивающим лозунг «Война до победного конца!», надо было обезвредить вождя большевиков, посадив его в тюрьму. Для этого и распространялись соответствующие клеветнические материалы. О них сегодня можно свободно прочитать, в частности, в недавно изданной в России книге «Роковые годы». Ее автор бывший начальник контрразведки Петраградского военного округа, полковник Никитин.

Октябрьская революция — не заговор и не переворот кучки левых экстремистов, а мощное народное действие, стихийно возникающее и не зависящее ни от отдельных лиц, будь они семи пядей во лбу, ни от партий, ни даже от желаний отдельных классов. Такой специалист по революциям, как Маркс говорил: «Ни одна революция не может быть совершена партией, она совершается только народом». Аналогичную мысль неоднократно высказывал и Ленин,

говоря о союзе рабочего класса и крестьянства в русской революции. Октябрьская. Революция стала и народной и, одновременно, социальной революцией.

Следующий мой тезис. Необходима была Октябрьская революция, или это случайный момент и событие в истории России, как думают некоторые националисты и радикальные либералы, типа Новодворской? Революция была необходима, и даже неизбежна. Почему? Потому что решала хронические проблемы, не решенные с 1861 года, с отмены крепостного права. Главная из них — проблема земли. Вы знаете, что отмена крепостного права у нас была проведена таким образом, что свободу крестьяне получили, а землю — нет.

Это проблема клокотала на протяжении десятков лет. Она отсвечивала «красными петухами» помещичьих усадеб, была сердцевинкой всех крестьянских волнений и бунтов, кричала криком во время их беспощадных подавлений. Крестьяне были одним из главных субъектов революции. Нерешенность проблемы земли превращает три русские революции в одну Великую русскую революцию, которая началась в 1905 г. и закончилась в Октябре 1917-го. Ведь Февральская революция 1917 г., которую многие современные либералы представляют как «свет в окне» и начало новой жизни России, не выполнила свою основную задачу — не ликвидировала помещиков, и не дала землю крестьянам. Она должна была по логике буржуазно-демократических революций сделать то, что сделали англичане в XVII-м, а французы, в XVIII-м в., но этого не произошло из-за трусости русской буржуазии. Максимум, что можно поставить в заслугу Февральской революции — это ликвидацию царской монархии, по которой сегодня ностальгируют некоторые наши интеллигенты. В то время как главные проблемы русской революции остались не решенными. Их пришлось решать Октябрю.

Первая мировая война прибавила к хронической проблеме земли проблему мира. Временное правительство постоянно откладывало решение проблемы мира в угоду «сторонникам войны до победного конца». Проблема обострялась с каждым днем: началось братание на фронтах, солдаты бросали оружие и шли домой. Говорят, некоторые лидеры Советов приходили к Керенскому и просили его решить эту проблему, иначе её решат большевики, но уже без Керенского и Временного правительства.

Что же сделала Великая октябрьская социалистическая революция? Понятно, никакого социализма стране она поначалу не дала и не могла дать, но дала главное — мир воюющим народам и землю крестьянам. Тем самым было сделано то, что должна была сделать бер-

жуазно-демократическая революция. Кстати, проблемы мира и земли — это проблемы демократические, а не социалистические. В итоге большевики получили колоссальную социальную поддержку в лице большинства населения страны. Эта поддержка сыграла решающую роль в победе над белыми в начавшейся гражданской войне.

Ленин, осмысливая значение Октября, говорил — мы, походя, решили то, что должна была решить буржуазно-демократическая революция в России. Решив эти проблемы, надо двигаться дальше, переходя от решения демократических задач к задачам социалистическим. И такое движение началось. Сначала попытались одним прыжком, с помощью «политики военного коммунизма» запрыгнуть в коммунистическое общество. Для этого отменили рыночные отношения, стали силой забирать у крестьян хлеб, ввели бесплатные столовые и бесплатный транспорт, и т.д., и т.п., но коммунизма, по понятным причинам не получилось: не тот был уровень развития страны. В итоге, против политики «военного коммунизма» выступили крестьяне, говоря, советская власть дала нам землю, а коммунисты (большевики) силой, с помощью продотрядов забирают все, что мы на ней вырастили. Зачем тогда нам давали землю? Начались волнения в сельской местности, восстал Кронштадт. Отсюда понятен лозунг восставших кронштадтских матросов «Советы без коммунистов!». Ленин назвал эти события первым большим национальным кризисом власти в стране после Октябрьской революции, сделав радикальный вывод — надо в корне менять политику. «Военный коммунизм» — это большая политическая ошибка. Коммунизм в отсталой стране невозможно построить с помощью кавалерийской атаки, нужна его длительная осада с использованием, как это не парадоксально, капиталистических методов, т.е. введения рыночных отношений, использования денег, допущения частной собственности и зарубежных концессий, но главное, сначала надо полностью отменить «продразверстку» и ввести посильный налог на крестьян. Этот новый курс был назван НЭПом, новой экономической политикой.

Еще при Ленине проявились две точки зрения на Октябрьскую революцию. Точка зрения Плеханова, меньшевиков, и точка зрения Ленина. Первые говорили, что Октябрь вообще не может быть социалистической революцией. По известному выражению Плеханова, еще не смолота мука, из которой можно выпечь пирог социализма. Меньшевики, например, Суханов, считали что в России еще нет производительных сил, на базе которых можно было бы построить социализм. По их логике после Октября рабочие должны были отдать власть буржуазии, которая и цивилизует страну до необходимого уров-

ня. Ленин иначе понимал смысл Октябрьской революции, предлагая идти не назад, а вперед, переходя от буржуазно-демократических задач к задачам социалистическим. И в этом видел главную задачу и роль Советов как политической опоры рабочего класса и гаранта успеха преобразований. Советы — это и есть тот островок социализма, который нужно использовать для подъема производительных сил, создания новой экономики и новой культуры.

Оригинальность ленинской мысли состояла в том, что он хотел двигаться к социализму, используя буржуазные методы хозяйствования. Политика НЭПа и реализовывала эту мысль. Она фактически была первым вариантом конвергенции капитализма и социализма, где национализированные средства производства (включая землю) соединялись посредством рынка с частным сектором города и деревни, иностранными концессиями и др. капиталистическими формами хозяйствования. Идея Ленина была проста: силами двух укладов: социализма и госкапитализма одолеть мелкобуржуазную природу России и тем самым продвинуться к социализму. Советское государство должно доделать то, чего не смог российский капитализм, то есть усвоить западный опыт хозяйствования, поднять производительные силы страны, поднять культуру и на основе этих достижений двигаться к социализму. Вот его итоговая формула такого движения: «Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование... = социализм». Из этой формулы с необходимостью вытекала и электрификация, и индустриализация, и культурная революция. Что касается собственно социалистических задач, то их Ленин связывал с идеей осуществления кооперации и проведения антибюрократической политической реформы, позволяющей привлечь к управлению государством рабочих от станка, не испорченных советским бюрократизмом. В этом же плане им намечались и антибюрократические преобразования в партии, вплоть до устранения с поста генсека Сталина, сосредоточившего в своих руках «необъятную власть» и часто злоупотребляющего этой властью.

Говорят, что Сталин был в нашей истории не только учеником Ленина, но и эффективным менеджером. В этих словах всё неправда. Сталин не был учеником Ленина, он был его палачом и расходился с Лениным по всем основным вопросам политики, начиная с проблемы образования СССР и кончая проблемой этики взаимоотношений внутри правящей партии. Как великодержавный шовинист Сталин был противником интернационалиста Ленина, сделав все, чтобы изо-

лизовать Ленина от политики в последние годы его жизни. Считать Сталина эффективным менеджером, как это делает Филиппов в книге для учителей, значит фальсифицировать советскую историю.

С подобными утверждениями можно согласиться только в одном случае: если под «творчеством» понимать не теорию НЭПа, с которой выступил Ленин, а сталинский возврат в начале 1930-х гг. от НЭПа к политике «военного коммунизма», не ленинскую идею постепенной добровольной кооперации на селе, а «большой скачок», связанный со сталинской коллективизацией, наконец, не проект де-бюрократизации советского государства, предложавшийся Лениным, а создание Сталиным тоталитарной системы, с ее незаконными массовыми репрессиями и соответствующей теорией обострения классовых борьбы по мере построения социализм

Так что никакого «творческого», а тем более «эффективного» менеджера в лице Сталина не было. Он был хитроумным, но недалеким политиком, допускавшим на практике весьма грубые ошибки. (Это от него исходили нереальные цифры пятилетних планов, абсолютизация чрезвычайных мер в политике, стратегические просчеты в оценке предвоенной ситуации накануне 1941 г., полное пренебрежение ценностью человеческой жизни, и т.д.) Как известно, идеи индустриализации, кооперации и культурной революции, принадлежали Ленину, а не Сталину. Ленин хотел провести индустриализацию страны, прежде всего за счет рационализации производства, экономии средств и сокращения бюрократического госаппарата, а кооперацию — за счет строгого соблюдения принципа добровольности и постепенной механизации сельского хозяйства на основе появления в деревне необходимой техники.

Ни тот, ни другой завет Ленина не были выполнены Сталиным. Напротив, индустриализация проводилась им чисто волевыми методами, принудительным взиманием «дани с крестьянства». Кооперация на селе свелась к известному силовому раскулачиванию не только кулаков, но и середняков, к формальному обобществлению примитивного сельскохозяйственного инвентаря (сохи) и изъятия в пользу колхоза нередко единственной лошади или коровы. Результаты подобной политики известны: миллионы человеческих жертв и семейных трагедий, голодомор в большинстве регионов страны, стагнация сельского хозяйства.

Сталин всегда перекладывал свои ошибки в политики на своих политических противников. Отсюда Большой террор 1930-х гг., превращение во «врагов народа» выдающихся деятелей революции и советской власти: «дело Кирова», знаменитые фальсификации Мос-

ковских процессов, гонения на «старых большевиков», «зачистка» ближайших соратников Ленина, упомянутых в его Политическом завещании. Не «революция уничтожала своих детей», как полагают радикальные либералы, а контрреволюция в лице сталинизма сознательно ликвидировала «тонкий слой» ленинской гвардии, на авторитете которого во многом держалась советская власть. Так что Сталин был могильщиком революции и дела Ленина.

Могут спросить, а как быть с реальными достижениями советского народа в годы правления Сталина? Отвечаю: они произошли не благодаря сталинизму, а вопреки ему. Социалистические преобразования в нашей стране носили двойственный характер. Это борьба двух тенденций — демократической и бюрократической. Тенденция демократическая проявлялась в том, что улучшалась жизнь народа, становилось больше свободы и справедливости. Бюрократическая тенденция, напротив, сковывала и подмораживала Россию, превращала ее в авторитарное или тоталитарное государство. В борьбе этих двух тенденций и осуществлялась советская история.

XX съезд во многом вернул изначальный смысл социалистической идее, искаженной теорией и практикой сталинизма. Решения XX съезда имели большой нравственный смысл, возвращавший людям веру в правду и справедливость. Линия XX съезда была продолжена перестройкой, когда началось превращение авторитарного брежневского социализма в гуманный демократический социализм с гласностью, отменой цензуры, свободой выезда за рубеж, альтернативными выборами и т.д. Полностью достичь всех намеченных целей не удалось. Помешал путч, спровоцировавший приход к власти радикальных либералов во главе с Б.Ельциным.

В ходе путча произошел не один переворот, а три. Сначала была попытка путчистов возвратиться к прежней доперестроечной системе авторитарного типа. Затем произошел отпор путчистам со стороны демократических сил, в рядах которых находились коммунисты, социал-демократы, монархисты и либералы. Однако на плечах этого демократического сопротивления к власти приходят, в основном, радикалы — либералы во главе с Борисом Ельциным. Они отказываются от социалистического выбора, сделанного народом в Октябре 1917 г., и делают ставку на развитие капитализма в нашей стране. Реализуют эту реставрационную стратегию, распускают Советский союз, внедряют «шоковую терапию», приватизируют за бесценок предприятия, девальвируют вклады населения. В итоге в стране возникает олигархический капитализм со всеми отсюда вытекающими последствиями: социальным расслоением людей на богатых и бедных,

системой невыплаты зарплаты рабочим, массовой безработицей, ростом преступности, возникновением в мирное время детской беспризорности, и т.д.

Начиная с 1990-х гг. прошлого века история России делает новой виток своего развития, который по закону отрицание отрицания рано или поздно должен закончиться событиями, напоминающими Октябрь 1917 г.

Водолазов Г.Г.

Хочу начать с методологического тезиса: *о событиях, явлении наиболее плодотворно судить по его плодам, по его результату*. Помня, что результат всегда беднее, чем исходное явление. Он реализует лишь одну из возможностей, заключенных в явлении, и чем-то богаче, потому что к его формированию подключаются дополнительные факторы, которых не было в исходном явлении. Тому же результат того или другого события, той же революции — это сумма результатов, развернутая во времени. Так, скажем, результатами французской революции была целая цепочка — якобинская диктатура, термидор, бонапартистская диктатура, революции тридцатого, сорок восьмого, семьдесят первого годов.

Наиболее важный результат Октября — это социальная формация, сложившаяся к середине тридцатых годов? Трудность понимания этой формации состоит в трудности сопряжения двух ее ипостасей. *Первая ипостась* — это режим — тоталитарный, тиранический, деспотический. В этическом плане можно сказать: режим — злодейский, над которым, полагая, еще состоится большой исторический суд, по типу Нюрнбергского, с главным тезисом обвинения: «Преступление против человечности». *И другая ипостась* этой социальной формации — так сказать, технико-модернизационная, зафиксированная Черчиллем: «Сталин принял страну с сохой, а оставил с атомной бомбой». Трудность — в соединении этих двух ипостасей — злодейского политического режима и определенного прорыва в сфере модернизации. Сегодня в официальной пропаганде и идеологии модно соединять эти ипостаси следующим образом: «Да, надо смотреть правде в глаза. Конечно, были жестокости. Но были и достижения, и достижения великие. Надо быть патриотом и гордиться ими. Более того, жестокости они все-таки в значительной степени оправданы или объяснимы тем временем, теми обстоятельствами — ситуация «осажденной крепости» и т.п. Жестокости были и причиной «ускоренной модернизации». Так что есть в них определенный смысл и определенный плюс. Жестокости остаются где-то в прошлом, а результаты этих

жестокостей — вроде Беломоро-Балтийского канала, Магнитки, освоённой Сибири, Колымы и т.д. — они остаются. Поэтому сегодня есть смысл делать акцент на этом позитиве, на гордости за эти достижения, что и стремятся фиксировать новые учебники, которые учат молодое поколение правильно понимать прошлое». Этот позитивный облик «великого горца» не сходит с экранов телевизоров и газетных полос.

У меня другая оценка, другой тип сочетания этих ипостасей. Я использую мысль, заимствованную у неглупого человека, который, изучая бонапартистский режим, заметил: «Это — реакционная форма выполнения исторически прогрессивной работы». Прекрасная формула для характеристики социальной формации 1930 гг. Под «исторически прогрессивной работой» я понимаю *процесс модернизации*, процесс перехода от традиционного общества, аграрного преимущественно, полуфеодалного к современному индустриальному, информационному обществу. Модернизация порождается глубинными причинами: социальными и культурными потребностями, созревающими в фундаменте общественного бытия. Политическая форма может лишь ускорять, замедлять или калечить этот процесс. Вот сталинизм, как реакционный политический режим, калечил процесс модернизации. Он, спору нет, влиял на развитие некоторых направлений модернизации, придавая им даже «ускоренное развитие». Но это были направления, связанные с упрочением и развитием господства правящего сословия, диктатуры бюрократии. Доминирующей была *милитаристская* составляющая модернизационного процесса.

Результатом стала стагнация семидесятых годов, а затем и всеобщий кризис и развал 1980—1990-х гг.. Добавим, в последние десятилетия XX в. не произошло по сути никакого изменения политического режима (как это сегодня принято считать). Не было ни «революции», ни «контрреволюции». Было продолжение номенклатурно-бюрократического господства. Просто диктатура бюрократии как бы перевернулась на другой бок. Она господствовала в советское время на базе одной — корпоративной — собственности бюрократии, а сейчас лишь несколько изменился тип собственности, лежащий в основе ее продолжающегося господства: значительная часть прежней — псевдогосударственной (а на деле — бюрократической) — собственности приватизирована прежней и нынешней, молодой, номенклатурой, а другая часть перешла в руки государственно-бюрократических компаний, объединений и ассоциаций.

Теперь о связи этой формационной системы с Октябрьской революцией? Для меня это *сочетание* — как на памятнике Эрнста Неизвестного Хрущеву — белых и черных, светлых и темных тонов, при том не в равной пропорции. В моем представлении светлые тона преобладают.

Думаю, дорогу к сталинизму не столько Октябрьская революция, но и вся логика социально-политического развития России. На протяжении столетия — от Николая I до Николая II — российское самодержавие и господствовавшие в стране политические силы не решали насущнейших вопросов, выдвигавшихся ходом мирового и национального общественного развития, уходили от проблем, встававших перед российским обществом. Среди них на первом плане были: принятие Конституции, установление правового правления, решение крестьянского вопроса, ликвидация остатков и наследия крепостничества, устранение феодальных и полуфеодальных преград на путях общественного развития. В итоге в России не сформировались ни сообщество цивилизованных предпринимателей, ни класс культурных, развитых работников наемного труда, ни организованного, грамотного (умеющего читать и писать) крестьянского сословия, ни влиятельной массовой интеллигенции.

В результате накануне 1917 г. не решавшиеся самодержавием проблемы переросли во всеобщий и всесторонний социальный кризис, поставивший страну и ее население на край катастрофы. Бунтарская народная стихия поднялась из глубинных общественных недр, и в Феврале 17 года, под давлением всех этих обстоятельств, власть просто выпала из рук самодержавия. Но и подхватившие эту «валяющуюся на улице» власть послепевральские временные правительства тоже оказались не способными решать задачи, выдвинутые надвигающейся катастрофой. В итоге, к октябрю 17 года, — безвластие наверху и плохо управляемая бунтарская стихия внизу.

Эта ситуация, созданная, заметим, не большевиками, а царизмом и безвластными временщиками, в первую очередь торила дорогу диктатурам различного типа. Октябрьская революция как раз была попыткой прервать эту логику российского бытия, попыткой приступить к действительному решению проблем народной жизни. Попыткой перевести стихию народного бунта в осмысленный и организованный процесс модернизации и народовластного правления — путем «поднятия, как говорили вожди Октября, наинижайших низов к осмысленному и организованному историческому творчеству», через такую, удачно найденную, организацию граждан как Советы (тоже ископабленную впоследствии сталинским руководством). И некоторые важные вещи (ликвидация неграмотности, культурная революция, бесплатная медицина, практически бесплатное жилье и т.п.) были осуществлены Октябрем на этом пути, и продолжали (пусть и в покореженном виде) существовать, несмотря и вопреки деспотическому режиму бюрократии.

И всё же Октябрьской революции не достало сил осуществить задуманное. Обстоятельства и логика предшествующего развития оказались сильнее ее возможностей. Я бы сказал так: не Октябрьская революция породила режим 30-х годов, но ей не хватило сил предотвратить его, предотвратить возникновение нового — сталинского — самодержавия.

Мне, как многим «шестидесятникам», было свойственно *абсолютное отрицание* какой бы то ни было связи сталинизма с Октябрем и ленинской стратегией. Мы говорили о сталинистском «контрреволюционном перевороте» на рубеже 1920—1930-х гг., о «предательстве» идей ленинизма и Октябрьской революции. Я и сегодня против того, чтобы ставить Ленина (и Октябрь) в один ряд со Сталиным. Это принципиально разные вещи. Для меня идеология и политика сталинского руководства с марксизмом и ленинизмом, с идеями Октября не имели ничего общего. Но!.. В последние годы, при более основательном рассмотрении событий XX столетия всё чаще приходит в голову мысль, что сталинизм — явление не постороннее марксизму (и ленинизму), что есть тут какие-то участки, на которых, при определенных условиях, могут вырастать ядовитые цветы сталищины. Мой прежний — чересчур простой ответ — перестал удовлетворять меня.

В каких установках Октябрьского периода были элементы, которые стимулировали появление и разрастание волюнтаристских, авторитарных начал?

Прежде всего, люди, осуществлявшие Октябрьскую революцию, не вполне адекватно понимали смысл и содержание совершаемых ими действий. Полагали, что совершают *социалистическую* революцию, а это была иллюзия. И начало этой иллюзорной установки положили «Апрельские тезисы» приехавшего из эмиграции Ленина, где провозглашался курс на социалистическую революцию. Потом, в летние и осенние месяцы 1917 г. Ленин был менее категоричен и более осторожен в оценке характера и целей революционного процесса. Действительное содержание Октябрьской революции было вовсе не социалистическое. И это зафиксировал сам Ленин в 1921 г., в статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции»: «Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократической: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства...». Вот чем объективно была Октябрьская революция: *антифеодальная, народовластная, открывавшая перспективы ускоренного индустриализационного развития революция.*

Ленин, в той же статье 1921 года подчеркивал, что дальнейшее движение революционного процесса должно пойти к государственному капитализму, правда, особого типа — где «капитализм» (рыночная экономика) сопрягается с государством, руководимым рабочими, крестьянами и близкой к ним интеллигенцией. И затем — несколько поколений — шаги в направлении к социализму. Но для Ленина 1921 г. осуществление этой «трехступенчатой» программы невозможно, так как для этого нет массовых субъектов: нет среднего класса, нет цивилизованной буржуазии нет массовой силы, способной демократически управлять государством. «Низы» явно не готовы ни к управлению, ни к контролю. Все эти задачи вынуждена будет решать коммунистическая партия. Скорее, верхушка партии, ее Центральный Комитет. Так место народовластия заняла диктатура партии, «диктатура Политбюро». Вот оно, начало захвата власти группой деятелей типа Сталина. То есть Ленин понимал возможность и опасность победы авторитарно-бюрократической тенденции («если мы от чего и погибнем, — воскликнул он однажды, — то от бюрократизма»). И пришел в конце жизни к мысли «переменить нашу точку зрения на социализм». И... — не успел. И после его смерти не хватило культурных сил в партии, чтобы удержать страну от тоталитаризма.

Я не большой оптимист. И единственное, что мог бы предложить — *не падать духом, не опускать крылья*. И, извлекая уроки из почти векового противостояния гуманизма и аморализма, системы бюрократизма и институтов гражданского общества, опираясь на народные, демократические, гуманистические традиции, — противостоять этой нарастающей и упрочивающей сегодня свои позиции диктатуре современной номенклатуры. А там будь, что будет.

Фурсов А.И.

Я предлагаю взгляд на русскую революцию с точки зрения долгосрочного развития двух крупных исторических целостностей. Одна из них — капиталистическая система, вторую условно можно назвать *русской системой*, хотя её системность существенно отличается от капиталистической. Нейтральный — системно-исторический — подход позволяет уйти от идеологически нагруженных, а то и просто пропагандистских схем, прежде всего, от набившей оскомину шестидесятилетней тяготины. Шестидесятники, персонафикаторы реакционной утопии советского общества, до сих пор довоёвывают идейные войны сорокалетней давности: большевистская версия ре-

волюции — не большевистская, чего хотел Ленин, чего он не хотел, о чём он писал, о чём не писал, в чём суть ленинского плана построения социализма, отошёл от него Сталин или нет и т.п.

Вообще умиляет сегодняшнее обращение к тому, что писали о социалистическом обществе Ленин, Энгельс, Маркс. Дело в том, что они писали давно, не зная результата. Никто из них, включая Ленина не жил в социалистическом обществе. А вот мы жили в таком обществе и знаем, чем оно закончилось. Поэтому во многих отношениях написанное Марксом, Энгельсом и Лениным (но не Сталиным) о социализме иррелевантно.

Последние 10–15 лет интенсивно развивается процесс фальсификации русской и шельмования-очернения советской истории. Главным в русской истории последних столетий оказывается *«хруст французской булки»*, а всё остальное, включая то, что эту булку втоптало в грязь, — это аномалия, отклонение от некоей нормы, и эта норма есть западный, буржуазный тип развития.

Русская революция при таком подходе оказывается разрывом с цивилизацией Модерна, а то и вообще с цивилизацией, случайностью, не вытекающей из логики русской истории, акцией, осуществлённой некоей кучкой злодеев и т.д. Разумеется, часть большевистской верхушки — и немалая — действительно была злодеями, или выражаясь языком Ивана Солоневича, *«биологическими подонками общества»*, однако сводить столь широкомасштабный массовый процесс только к злодейству, демонизировать его значит уйти от реальных исторических проблем. И уж если мы заговорили о злодействе и аморализме, то самым жестоким и аморальным строем будет англосаксонский капитализм, а никак не советский коммунизм.

Если русская революция есть некая случайность, отклонение — это одно дело. Если же, напротив, она была закономерным результатом долгосрочной русской истории, решала целый ряд проблем, которые не были решены в русской истории эволюционным способом, и большевики решали и решили их, во-первых, в соответствии со своими представлениями и целями; во-вторых, так как им позволяла конкретная историческая ситуация; в-третьих, по законам массовых процессов и больших чисел, то это совсем другое дело. Давайте посмотрим на Октябрьскую революцию как в высокой степени нетождественное самому себе явление, нетождественное прежде всего, если смотреть на него как на элемент разных временных длительностей, в разных временных и пространственных ракурсах.

В рамках хроноотрезка конца 1917 – начала 1918 г. события октября 1917 г. это действительно всего лишь политический переворот, осуществлённый крайне левыми социалистами, чьи интересы парадоксальным образом совпали с интересами Германии, Великобритании и американского капитала. В 1917 – начале 1918 г. ещё неясно было, чем всё закончится. Могли победить антибольшевистские силы? Могли – история не фатальный процесс. А вот к 1921 г. стало понятно, что большевики побеждают. Поэтому если увеличить временную шкалу даже до 4–5 лет, то события октября 1917 г. это конечно же революция, начало финальной фазы революционного процесса, стартовавшего в 1905 г.

А с другой стороны, это начало коренного перелома в большой русской смуте, стартом которой можно считать выстрел Каракозова в 1866 г., а финишем – выстрел Николаева в 1934 г., две жирные точки – под освобождением и новым закрепощением крестьян. Кстати, журналисты 1870-х гг. писали о своём времени как о новой смуте, чётко улавливая направление Ветра Истории. Для нас это кажется несколько странным, мы привыкли смотреть на конец XIX в. как на некий подъём, в реальности же всё было сложнее – подъём по лестнице, ведущей вниз, как на гравюрах Морица Эшера.

На переломе хроноотрезка 1917–1921 гг., который мы взяли вслед за отрезком в один год и на котором уже вполне очевиден революционный характер октябрьского переворота (сами большевики до 1927 г. называли события октября именно так), не произошло окончательного выяснения отношений двух революционных потоков или, если угодно, двух революций – крестьянской и городской, революции комиссаров. Это выяснение произойдёт в 1929–1933 гг., когда «комиссары в пыльных шлемах» возьмут реванш за отступление в 1921 г., когда им пришлось пойти на «брестский мир» с собственным народом – НЭП. Что же касается 1921 г., то тогда крестьянская революция увенчалась успехом – мужик сокрушил и белых и «военный коммунизм». А вдобавок одержал победу и над Столыпиным, ответил ему, поскольку к 1921 г. крестьяне вернули в общинную собственность 99% земель, которые «ушли» в ходе столыпинской реформы. В 1929–1933 гг. большевики взяли реванш, бросив горожан, а главное – сельских люмпенов, голоту (выражаясь пушкинским языком – сволочь) на середняка, справного хозяина-неэксплуататора.

Коллективизация была крайне жестоким процессом – впрочем, как любое раскрестьянивание. Если сравнить наше раскрестьянивание с английским XVIII в., то последнее было более жестоким, но дело не в этом. По сути большевикам пришлось в течение несколь-

ких лет решать вопрос, который, обретая всё большую остроту, стоял перед Россией в течение уже ста лет — речь идёт о земельном, аграрном вопросе, тесно связанном с аграрным перенаселением. Вопрос этот не был решён ни в XIX в., ни в 1907 г., ни в 1917 г. Дело в том, что в России, чтобы жить на основе земледелия, нужно 4 гектара на человека. А в 1913 г. уже было 0,4 гектара — в 10 раз меньше. Выход — создание крупного землевладения. Крупное индивидуальное землевладение, будь то крестьянское или тем более помещичье, мужик отверг. Оставался только коллективный вариант, большевики его и реализовали, сломав при этом социальный хребет крестьянству и уничтожив его как класс. Русский аграрный вопрос был решён путём окончательного решения крестьянского вопроса, и это не столько злодейский умысел большевиков, сколько логика исторических обстоятельств. Коллективизация стала решением аграрного вопроса путём уничтожения крестьянства как класса. Но не только этого вопроса, был и другой.

Отмена крепостного состояния сделала крестьян свободными, но вместе с этим устранила вековые формы социального контроля: крепостное право было не только комплексом внеэкономических производственных отношений, но и системой социального контроля. Переход от внеэкономических производственных отношений к экономическим или полужкономическим оставил огромную дыру в системе социального контроля над огромным слоем, и вплоть до коллективизации эту проблему русская власть решить не могла. А ситуации были вопиющие. Так, если во время Первой мировой войны немецкий крестьянин сдавал государству 80–90% зерна, то анархический, с неразвитым национальным сознанием русский крестьянин с 1915 г. зерно, по крайней мере, в требовавшемся количестве, сдавать перестал. Так же он себя вёл и по отношению к коммунистическому режиму в 1920-е гг. Конечно же, у крестьянина были свои резоны и своя правда. Только вот ни одна власть ни в одной стране, тем более в грозной внешнеполитической ситуации такую правду в расчёт принимать не станет — и исторически это будет вполне оправдано. Установление социального контроля над крестьянством (исторически — путём его раскрестьянивания) было не только большевистской задачей, это было задачей русской власти с 1860-х гг.. Решив эту задачу, большевики в 1933–1934 гг. закончили вторую русскую смуту, причём сделали это с помощью революции — революции 1917–1933 гг., увенчавшей, а точнее, прихлопнувшей смуту.

Ещё одна долгосрочная русская задача, которую решили большевики и которая во всей остроте встала тоже в 1850-е гг., — это сме-на модели включения в мировую капиталистическую систему. Преж-

няя модель привела Россию (и самодержавие) к краху. Политическое включение России в мировую систему началось раньше экономического. Доиндустриальная Россия включалась в мировую систему доиндустриального ещё капитализма, и это не создавало серьёзных проблем. Семилетняя война и наполеоновские войны со стеклянной ясностью продемонстрировали, что Россия не только может играть с Западом на равных, но и побеждать его, причём в лице лучших полководцев — «*Едут, едут по Берлину* (а потом по Парижу. — А. Ф.) *наши казаки*». Всё изменилось к середине XIX в., когда Великобритания окончательно индустриализировалась, став гегемоном капиталистической системы и объединив вокруг себя европейский Запад.

Крымская война стала первой *сознательно* общезападной войной, направленной против России и преследующей цель не только выдать Россию с её влиянием из Центральной Европы и Балкан, но вообще загнать в границы времени правления первого Романова. Эти цели достигнуты не были, однако поражение в Крымской войне изменило положение России в европейской и мировой системе, существенно ослабило её сделочную позицию и обусловило совершенно определённую модель включения в мировую систему. Я называю эту модель моделью Александра II» не потому, что он её разработал и инициировал. При нём был заложен её фундамент, при нём она обрела мощную инерцию, обратить которую вспять эволюционным путём было крайне затруднительно, если вообще возможно.

Модель Александра II, при которой Россия — часть мировой капиталистической системы, а господствующие группы России стремятся интегрироваться в мировое властное сообщество, характеризуется нарастающей сырьевой специализацией экономики, ростом финансовой зависимости от Запада, иностранного капитала, олигархизацией и разложением власти, ростом экономической и социальной поляризации общества, обнищанием широких масс, ростом социальной напряжённости и конфликтов. Социальный строй пореформенной России — это блестящий западоподобный фасад и разлагающаяся, гнилая начинка, суть. В пореформенной России процессы социального распада старого, дезорганизации обгоняли процессы формирования нового. Результат — три революции, крушение самодержавия и модели Александра II, гражданская война, распад страны. Большевицкая революция 1917 г. (а точнее 1917–1929/34 гг.) стала, помимо прочего, отрицанием модели Александра II, по сути несовместимой с реальным суверенитетом. Большевики осуществили перезагрузку Матрицы и создали новую модель — не сразу, а лишь ликвидировав НЭП и, как следствие, так называемую «ленинскую гвардию».

Суть принципиально новой модели включения России в мировую систему (эту модель можно назвать сталинской, или моделью «красной империи»), заключалась в том, что Россия была не частью капсистемы, а *альтернативной мировой системой, антисистемой* по отношению к капитализму, системным антикапитализмом. В основе этой модели лежала не аграрно-сырьевая, а высокотехнологичная индустриальная экономика, основу, ядро которой составлял военно-промышленный комплекс. Только такая модель гарантировала России статус великой державы (после войны — сверхдержавы) на международной арене, контроль над социально-экономической поляризацией и т.п. По причинам, обсуждение которых выходит за рамки нашей сегодняшней темы, в 1960—1970-е гг. началась эрозия этой модели, закончившаяся крушением-разрушением СССР и возвратом России на новом витке истории и в новых условиях (глобализация) к модели Александра II, только в её уродливо-фарсовом либерпанковском варианте. В контексте нашего обсуждения мне остаётся ещё раз отметить: Октябрьская революция стала условием смены моделей включения России в мировую систему; исторический коммунизм в 1920—1930-е гг. нашёл адекватный исторический ответ на проблемы, намного более острые, чем те, что в 1860—1870-е гг. не смогло решить самодержавие как внутри страны, так и вне её.

И тем не менее исторический коммунизм не является только отрицанием самодержавия, но и связан с ним определённой преемственностью. Точнее так: будучи *историческим* разрывом с самодержавием, советский коммунизм явился его *логическим* продолжением — и развитием. Октябрьская революция воплощает эту диалектику разрыва и преемственности (разрыва — как — преемственности), став революционным средством реализации социогенетической программы русской власти, первой исторической формой которой было (московское) самодержавие, а эмбрионом — опричнина Ивана IV. Суть здесь в следующем.

В русской истории как системе существовало несколько структур: московское самодержавие, петербургское самодержавие, пореформенная Россия (с оговорками: по одной линии это был процесс разложения петербургского самодержавия, по другой, связанной с включением в мировую капсистему, — квазиструктура многоукладного типа) и советский коммунизм. Господствующими группами в этих структурах были, соответственно, боярство, дворянство, чиновничество и номенклатура (со слоями-прилипаниями).

Если взглянуть на эти группы с точки зрения их численности, а это значит — взглянуть по сути на саму власть, поскольку именно она создавала эти группы в качестве своих функциональных орга-

нов, то каждая последующая группа была многочисленнее предыдущей. То есть власть разбухала, прорастала в социум, охватывая всё большую его часть. В этом плане «криминальная революция» 1988—1998 гг. есть логическое развитие указанной линии — реальная власть, перейдя в своей экспансии определённую черту, включила в себя криминал.

Если же на господствующие группы, о которых шла речь, взглянуть под углом собственности, то здесь мы фиксируем диаметрально противоположную регулярность: представители каждой последующей группы в среднем имели меньше собственности, чем таковые предыдущей. Таким образом, номенклатура и коммунистический порядок в целом — логическое завершение почти четырёхсотлетнего развития исторического субъекта «русская власть», которая в 1917 г. наконец «очистила себя от собственности» (В.В.Крылов). Ведь что такое номенклатура? *Господствующая группа без собственности* — статусная группа с ранжировано-иерархическим потреблением. Создана эта группа была в результате Октябрьской революции, которая, таким образом, стала решением важнейшей проблемы развития русской власти в направлении бессобственнического (в смысле собственности на материальные факторы производства) общества. Возможность такого варианта развития предвидел хорошо чувствовавший глубинную, матёрую русскую жизнь Лев Толстой. Где-то в середине XIX в. он записывает в своём дневнике, что ему снился сон: в России произошла революция — не против частной собственности, против собственности вообще.

Октябрьская революция не была случайностью не только по русской линии, но и по западноевропейской, мировой, капиталистической, точнее — антикапиталистической. Октябрь—17 был помимо прочего реализацией Большого Левого Проекта эпохи Модерна, проекта, стартовавшего якобинской диктатурой и на Западе постепенно глохшего. Запад реализовал свой левый проект за своими пределами, в России, решая тем самым, как показал весь ход XX в., свои проблемы, причём не только «левые», но и «правые». В то же время Россия, русская власть с помощью западного левого проекта решила свою задачу — обеспечила саморазвитие в виде власти, отрицающей частную собственность, классовость и капитал(изм).

Как говаривал Маркс, Крот Истории роет медленно. В октябре 1917 г. он дорыл от Парижа до Петрограда. В результате Октябрьская революция стала, во-первых, пиком, «девятым валом» длинной волны наступления низов мира на верхи (1789—1991 гг.), волны, сошедшей на нет в 1980-е годы и покотившейся назад после 1991 г.; во-вто-

рых, главным событием революционного взрыва начала XX в. Почти одновременно с русской революцией происходили революции в Турции, Иране, Китае, Мексике, Венгрии, Германии.

Заключая, отмечу, что Октябрьская революция занимает центральное, ключевое место сразу в нескольких циклах русской и мировой истории, стягивает русскую и мировую историю в один тугой, перенасыщенный противоречиями узел. Октябрьская революция и то, что ей предшествовало, то, что её породило — общество, очень напоминающее постсоветское, — хорошая информация для размышления для тех, у кого в руках власть и собственность, добрым (и не очень) молодцам урок и напоминание о возможном будущем. Ведь революции не перестанут происходить, если по велению начальства отменяется праздник в их честь. Революции — процесс объективный, они приходят сами своей железной поступью командоров и командоров Истории и её Суда.

Данилов-Данильян В.И.

Я в трудной ситуации: практически в каждом выступлении были высказаны мнения, с которыми я согласен, но в каждом было и такое, с чем я категорически не согласен. Это сильно затрудняет изложение собственной точки зрения, слишком много комментариев требуется, чтобы избежать неправильного понимания. Не пытаюсь систематически представить свою позицию, выскажусь по поводу некоторых утверждений, которые здесь прозвучали.

Что случилось в октябре 1917 г. — революция или переворот? Естественно оценивать это событие как государственный переворот в ходе великой русской революции. «Вчера было рано, завтра будет поздно...» и пр. — так, вообще-то, не рассуждают о революции, во всяком случае, не следует так рассуждать тем, кто признает закономерность исторического процесса. Так рассуждают о перевороте, о заговоре. Революция не может не произойти, если условия для нее созрели. Переворот может произойти или не произойти, может быть удачным или неудачным и пр. Эти слова для революции не подходят. У нее другой уровень, другой масштаб. Закономерность предполагает некую устойчивость, некую хотя бы в том смысле, что разную на разных уровнях. Революция и переворот — на разных уровнях.

Этот переворот имел очень существенное значение для судьбы революции. Он в значительной степени изменил ее направление. Конечно, он сыграл колоссальную роль не только в российской, но во всемирной истории. В этом никаких сомнений быть не может. Но,

как сказал еще Гвиччардини, результат деятельности всегда сильно отличается от того, к чему стремился деятель, так что, как полагал этот историк, лучше воздерживаться от всякой деятельности. Устроители октябрьского переворота не вняли его совету. И результат, конечно же, радикально отличен от того, к какому они стремились. Отличен абсолютно во всех существенных аспектах, какой ни возьми. Отсюда вовсе не следует, что не произошло никаких грандиозных событий. Они произошли, но это были совершенно не те события и не те результаты, что первоначально объявлялись в качестве целей этого переворота (и были экстраполированы на цели революции, хотя могут ли быть цели у революции, не у тех сил, что в ней участвуют, а у нее самой, — это еще вопрос).

Однако я не склонен спорить о словах. Можно найти сотню определений понятия «революция», думаю, что копание в них не прояснит интересующие нас проблемы. Один из выступавших сказал, что любая революция не заговор, не терроризм, не безумие толпы. С одной стороны, это так, и я только что стоял именно на этой стороне. Но, с другой стороны, противоположное утверждение — что любая революция это и заговор, и терроризм, и безумие толпы — тоже имеет право на существование, во всяком случае, заслуживает обсуждения. Имманентны ли для революции заговоры, терроризм, безумие толпы? В отрицательном ответе столько же правды, сколько и в положительном. В этом все дело. Именно потому за словами, с которыми хочется согласиться, сразу следуют такие, с которыми ни за что соглашаешься. «Большевики были втянуты в революцию» — сказал В.М.Межуев. Да нет, они не были втянуты в революцию, они с самого начала работали в соответствующем направлении. Никак нельзя про них сказать, что они «были втянуты в революцию» — с моей точки зрения. Они старательно лезли в неё все время. «Втянуты» — это что-то пассивное. Вот так случайно попало, вот с пьяных глаз вышел из поезда, оказалось — не та станция. Нет. Не были они втянуты в революцию, они стремились к ней, они делали все, чтобы ее приблизить, ускорить, чтобы она «свершилась» (как сказано в известном анекдоте, правда, про китайскую революцию).

Революция, конечно, вышла совершенно не такая, какую замыслили большевики, хотя переворот вполне удался. Я уже сказал, что революция, с моей точки зрения, не решила ни одного вопроса из тех, что большевики предполагали решить. Только что было много раз сказано, что большевики решили крестьянский вопрос. Как они его решили? Восстановлением крепостного права в новой форме? Разорением деревни? Разрушением крестьянского уклада и заменой

его колхозным монстром, оказавшимся совершенно нежизнеспособным? Это ли решение крестьянского вопроса? Да нет же, конечно! Говорилось о том, что большевики то ли затеяли (согласно одному), то ли продолжили (согласно другим) модернизацию. Здесь придется кое-что уточнить. Модернизации бывают разные. Одно дело — естественная модернизация, развивающаяся на основе экономики своей страны, произрастающая из нее. Такая модернизация была характерна для Англии, Голландии, потом для Франции, Германии, Бельгии и так далее. При этом для вторых, третьих и пр., конечно, имеет значение пример, опыт первых, но основа — своя, сформировавшаяся в своей стране, основа, созревшая для модернизационного перехода. А бывает так называемая «ускоренная модернизация», когда экономику начинают за уши тянуть, чтобы она модернизировалась. В России была именно такая модернизация. Она оказалась несостоятельной, бежала впереди паровоза, и паровоз, в конце концов, изрядно изуродовал ее. Первый, кто попытался устроить ускоренную модернизацию, был, конечно, Петр Первый. Очень многое из того, что он в России затеял, умерло почти одновременно с ним. Но что-то и осталось, конечно же, в других формах, в других — новых — задачах, которые кто-то из его наследников пытался решить, кто-то даже и не пытался. В дальнейшей российской истории зуд ускоренной модернизации то возникал, то ослабевал, но при большевиках, конечно, достиг максимальной степени. Они стремились к мировой революции, и уже из-за этого (а также в силу других причин) представляли собой объект, который очень хотелось уничтожить. Поэтому нужно было укреплять обороноспособность (простите за трюизм), нужна была милитаризация — всеобщая, полная и всеобъемлющая. Этим, по преимуществу, большевики и занимались. Они построили индустриальную экономику? По-видимости, да.

Если судить по макроэкономическим соотношениям (по доле в ВВП, например) между производствами, занятыми различными звеньями технологических цепочек (по мере убывания в стоимости производимого продукта природного материала и возрастания доли информации) — от природоэксплуатирующих производств до банковской деятельности, то советская экономика в 1938—1940 гг. очень напоминала индустриальную экономику. Но в ней были страшные внутренние («внутриструктурные») перекосы, из-за которых эта экономика, хотя и напоминала по макроэкономическим соотношениям индустриальную, впоследствии (уже в 1960-х) оказалась неустойчивой, в отличие от капиталистической экономики в классических ка-

питалистических странах. При Сталине она ещё вполне держалась, война и победа были факторами, которые отодвинули восприятие населением советской экономики как неблагоприятной, это пришло уже при Хрущёве. Совсем не потому, что Сталин умер в 1953 г.: многие думают, что если бы «отец народов» прожил еще лет 10–15, то у нас полный коммунизм был бы построен. Нет, вождь умер как раз во время. Структурная несбалансированность советской экономики начала кризисно проявляться аккуратно в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Это медицинский факт. Рост цен на продовольствие, который начался при Хрущёве, нарастающий дефицит ширпотреба и пр. – это кричащие факты, свидетельствующие о несбалансированности советской экономики.

Вопрос – а сегодняшний рост?

Данилов-Данильян В.И. – Рост цен на продовольствие? Я могу по этому поводу лекцию прочесть. 12 октября 2006 г. на заседании правительства, куда попал почти случайно (водные проблемы рассматривались, меня как эксперта пригласили по этим делам), я сказал, что рост цен на продовольствие на мировом рынке неизбежен, и он может сильно ударить по российской экономике. «Ну, убедил, убедил», – сказал мне Фрадков. И на этом дело кончилось. Никаких мер принято не было, думаю, даже в голове ни у кого не осталось. Но меньше чем через год «процесс пошел». У этого процесса разные причины, совместно действующие, но не будем отвлекаться от главного предмета нашего обсуждения.

Вернемся к последствиям переворота. Да, большевики пытались устроить ускоренную модернизацию, совершили «великий перелом», коллективизацию и начали осуществление «сталинского плана преобразования природы». Но в результате получился, как говорил о Советском Союзе Мао Цзэдун, колосс на глиняных ногах. То, что ноги глиняные – во время войны было незаметно, потому что целью сталинской индустриализации была милитаризация всей экономики. И, соответственно, потому и война «получилась», что экономика была подготовлена именно к войне (хотя цена победы оказалась чрезмерной отчасти все из-за тех же структурных перекосов экономики). Но экономика была не подготовлена к послевоенной жизни.

Да, первый спутник запустили здесь. Да, сумели украсть рецепт и изготовить атомную бомбу, а водородную – тоже не без воровства – даже сумели взорвать быстрее. Да, всё это правда. Но всё о том же – о том, что целью той экономики был не человек, а внешняя агрессия или, если угодно, готовность к отражению внешней агрессии.

Вопрос — А есть такая экономика, целью которой является человек?

Данилов-Данильян В.И. — Да, капиталистическая экономика второй половины XX в. — это экономика, целью которой является человек. Конечно, этот человек — прежде всего потребитель, извращенец, если хотите. Но, тем не менее, он. Такая ориентация наметилась ещё в конце XIX в. Что такое рабочая аристократия (был такой замечательный термин)? Это — подкармливаемая верхушка рабочего класса. Подкармливать ее начали из социально-политических соображений (штрейкбрехерство и пр.), а потом вдруг оказалось, что это чисто экономически выгодно. Потому что каждый фунт стерлингов, отданный рабочей аристократии, приводит к повышению производительности труда, приносящему больше, чем вложенный фунт стерлингов. Оказалось, что выгодно платить не минимальную, а оптимальную зарплату. Между капиталистом и рабочим, в отличие от представлений Маркса, происходит вовсе не антагонистическая игра с нулевой суммой, а игра с положительной суммой. Существуют варианты развития, при которых выигрывают и те, и другие. С этого и началось раскручивание маховика капиталистического роста, формирование общества потребления. Стала очевидна несостоятельность всей марксистской классовой теории — дальновидным людям еще до октябрьского переворота. Но только в СССР, конечно, этого не хотели замечать. И рабочие аристократы для советской теории капитализма так и остались продажными персонажами с политической панели, ничего другого видеть в этом явлении не хотели. А зря. Надо было внимательно присматриваться. Конечно, можно (и в определенных аспектах нужно) помнить о том, что экономический рост в обществе потребления — это средство для роста капитала. Но, опять-таки, не упрощая картины: ведь в США к 1990-м годам было более 100 миллионов акционеров. И в большинстве компаний именно минорантные акционеры доминировали. И т.д., и т.п.

Но вернемся к теме. Повторяю, ни одной проблемы советская власть, или октябрьский переворот, что то же самое, не решила. Не решила крестьянского вопроса, более того, загубила село, осуществила милитаристский вариант сбалансированной догоняющей модернизации ценой разбалансировки структуры хозяйства, добилась больших успехов в образовании, но ценой деградации учителя (что стало вполне очевидно уже к 1970-м гг.), в сочетании с несвободой в сфере художественного и даже научного (генетика, кибернетика и пр.) творчества образование превратилось в «образованщину» — продолжать можно до завтра. Не решила именно потому, что построенная

система оказалась несостоятельной в мирном соревновании с капитализмом, а не в соревновании, кто подготовит больший потенциал в военно-промышленном комплексе. Это оказалось совершенно не одно и то же. В США, между прочим, в те годы ни одно военное изобретение не проходило проверку на эффективность без участия гражданского сектора. И фактически гражданский сектор осваивал новые технологии, после чего они массово внедрялись в военную промышленность. Примеров тому — тьма. Может быть, самый замечательный — с заменой крупных электродных ламп пальчиковыми. Некогда сейчас об этом говорить, могу при случае рассказать. А у нас все это делалось...

Межуев В.М. — Но ведь у нас очень многое изобретали...

Данилов-Данильян В.И. — Одно дело изобрести, Вадим Михайлович, а другое — запустить в массовое производство. Вот вы так же, как и товарищ Сталин, этого не понимаете. А Рузвельт прекрасно понимал. Да, очень многое изобретали — по военному заказу. А массовое производство, благодаря которому товар становится дешёвым, может осуществить только гражданский сектор! На такую военную машину, которую содержал Советский Союз, не было денег даже в США! Потому что там не хотели жить так плохо, как жили у нас.

Тут кто-то сказал, что у нас был приличный уровень жизни... Простите, когда? Тогда, когда Хрущёв начал строить «хрущобы», что ли? Конечно, нет!

Реплика. — Люди жили тогда в подвалах...

Данилов-Данильян В.И. — Жили в коммуналках, да! Но кто загнал туда людей? Качественной разницы между Россией и континентальной Европой (об Англии и США не говорю) перед 1914 г. не было. Но при советской власти отставание по «квартирному вопросу» стало именно качественным. А куда при Хрущеве переселяли людей? Вы знаете, какие в это время квартиры были у среднего американца или хотя бы француза?

Реплика. — Причем здесь...

Данилов-Данильян В.И. — Как при чём? Вы что, не понимаете, что...

Толстых В.И. — Твоя точка зрения ясна до очевидности. Октябрьская революция — это большая чёрная дыра, в которую провалилась вся страна...

Данилов-Данильян В.И. — Да, страна провалилась — с ее огромным потенциалом и выдающимися достижениями в отдельных областях, из которых никак не удалось слепить систему, пригодную для нормальной жизни населения. Эта «черная дыра» (название мне не нравится, аналогия не выдерживает астрофизической проверки, но

пусть будет так) была замечательным уроком для всего остального мира, той его части, которая способна понимать и воспринимать уроки. Я не помню, кто именно, но кто-то сказал: своим благосостоянием Запад обязан Октябрьской революции. Это было сказано в 1960-е или 70-е гг. Святые слова! Потому что через это надо было кому-то пройти. Пройти пришлось нам. Это можно считать великим подвигом и великой жертвой. Даже в том случае, если общество потребления не вызывает никакого энтузиазма, ничего, кроме отвращения — в своих наиболее характерных проявлениях. Почему-то (после культурной революции большевиков) именно такие проявления в первую очередь усваиваются у нас. Всё, Валентин Иванович.

Толстых В.И. — Спасибо. На меня однажды — я это говорил уже на одном заседании, повторюсь — произвело колоссальное впечатление высказывание Льва Николаевича Толстого. Я читал, работая над очерком о нём, читал сплошняком все его дневники. Вдруг наткнулся на его изречение — *вся история России состоит из сплошных безобразий, а в результате получилось великое государство и великая культура*. Прочитал — и обомлел. Вот это ум, способность и умение так увидеть, так разглядеть, так подсмотреть, так сформулировать и определить, как мало кому удастся. Вот такое умозрение и обобщение меня поражает. А ты — о дыре...

Реплика. — Для того, чтобы ты это прочёл, ему надо было еще «Войну и мир написать»!

Толстых В.И. — Да, конечно...Но это я так, а рго ро.

Данилов-Данильян В.И. — Не забывай, Валентин Иванович, что в конце 1950-х этот вектор очевидным образом повернулся в другую сторону, и государство великое перешло в фазу шагреневой кожи, и с культурой его великой тоже стали происходить непонятные вещи. Примерно через 40 лет после переворота — как раз тот самый период, который должен пройти для проявления долгосрочных последствий. Может быть, переболеем и выздоровеем...

Махнач В.Л.

Прошу прощения, коллеги, я начну с фразы, не проверил цитату, но смысл не искажу. Можно считать её эпиграфом к тому, что я скажу.

Жозеф Деместр раз написал — всякая революция является следствием злоупотребления властью, но последствия всякой революции неизмеримо хуже последствий любых злоупотреблений любой власти. На этом я остановился до того, как прочитал Деместра. Абсолютная истина. Меня не интересует, в данном случае, лучше ли Александр

Федорович Керенский или Иосиф Виссарионович Сталин. И намного ли лучше Павел Николаевич Смеляков нашего предыдущего президента Ельцина. Мне ясно только, что они все революционеры или детища революции, а, следовательно, злодеи. Различать же оттенки этого ингредиента, я бы сказал, продуктов метаболизма, считаю для историка необязательным.

Но здесь я слышу дельные вещи. Прошу на меня не обижаться, но в словосочетании «класс трудящихся» не ясно, какой из классов всех возможных трудящийся? Те, кто наиболее трудится? Тогда самые трудящиеся в западном мире — это предприниматели и ученые, все остальные трудятся гораздо меньше, вероятно, потому, что недостаточно трудящиеся. Слышу постоянно об отсталости, колониальном характере экономики царской России. Россия была пятой промышленной державой мира! Сейчас даже не пятидесятая. Куда уж там! Причем если в совокупности брать не то, что сейчас нам предлагают называть Россией, а если взять Советский Союз, показатель будет еще хуже.

Между прочим, царская Россия не была сырьевым придатком Запада. Царская Россия возила не только зерно и продукты животноводства, но и одевала весь Китай в русский ситец. Теперь мы одеваемся во все китайское. И так далее, и так далее. Россия имела автомобильную промышленность на уровне таковой во Франции, авиационную промышленность — на уровне таковой Германии. Все перечисленные достижения советской власти выглядят еще более сомнительно. ВолховГЭС, дореволюционный проект, он и осуществлялся до самого конца, великая война несколько задержала темпы строительства первой крупной гидростанции. Днепрогэс — дореволюционный проект, в частности, поднятие, регулирование воды Днепра и поднятие ординара бывших днепровских порогов. Московский метрополитен был утвержден в 1912 г., в 1922 должен был быть закончен, из-за большевиков опоздали на 12 лет! Но это был московский проект, государство не имело никакого к нему отношения. Московская гордума имела. А метрострой потом будет возглавлять член политбюро Лазарь Каганович и это будет общесоветский проект. Примеров подобных более, чем достаточно.

Я уже привык (мне почти 60 лет) в аудиториях, на семинарах, круглых столах, оказываться в старшей половине участников. Здесь я явно в младшей половине участников. Вот и выслушиваю то, чему меня в школе учили в 1960-е гг. Могу и дальше опровергать всё это, но нет времени, да и зачем? К тому, что я уже успел сказать, опровергнуть можно будет только одно — разве что не согласиться с моим отношением к революции. Да, революции все омерзительны, все кро-

вавы, и хотя я скептически, сдержанно отношусь к наследию доктора Маркса, тем не менее, его концепция при сравнении самых знаменитых, то есть нидерландской, английской, французской и российской революций, даёт то же самое — они равнокровавы с демографической поправкой, с поправкой на численность населения в каждой из эпох, когда они произошли. Прямо все по Майклсу. Работает ли это в войнах? Я сомневаюсь. Но в революциях это работает. Отсеивается, уничтожается один и тот же процент.

Должен вам сказать, что революции работают одинаково, разрушения производят одинаковые, последствия всегда тяжелейшие. Мы не являемся больше одной шестой суши, наше население в государственных границах сократилось до населения — гигантского тогда — Российской империи. Но ведь и Франция перестала быть первой по численности населения в Европе, больше, чем Российская империя, в полтора раза. В результате кровопусканий революций навсегда перестала, больше никогда первой не будет ни при каких обстоятельствах.

Я согласен с первым из выступавших в одном, и не согласен в остальном. Да, действительно, говорить о переворотах бессмысленно, была одна революция. Февраль и октябрь и далее, по крайней мере, вплоть до развернутой коллективизации — это фазы одной революции, а началась она, конечно, в 1905 г. И так называемая первая русская революция — это её первая фаза, которую великий Столыпин почти подавил, но не додал. И колесо продолжалось крутиться, прямо по Александру Исаевичу Солженицыну. Если мы будем допускать разные революции и называть одну великой, а другую ругать переворотом, или наоборот, это будет субъективной точкой зрения каждого автора. Я различаю фазы в той же Франции — жирандистская революция, якобинская, термидорианская и, наконец, великая бонапартова революция. Но я так не считаю, и так не считают французские историки. Фаза одной революции каждая последующая фаза некоторое время становится всё более кровавой, потом революция замедляет бег, вращение своего маховика и сходит на нет. Так будет у нас.

Английская революция началась в 1642 г., и длилась три четверти века. Историк, может быть, сейчас мамку сосёт, а потом, может быть, напишет, что, оказывается, на русскую революцию потребовалось не 75, а 90 лет. Я же этого проанализировать не могу, потому что революция заканчивается тогда и там, где перестает действовать полевая артиллерия. Мы сейчас выстраиваем действия полевой артиллерии с Чечней, с отторгнутыми исконно русскими землями, сколь угодно их разными Украйнами не называй. А поэтому, по всей вероятности, она продолжается, очень замедлив маховую энергию, обо-

роты этого маховика. Меня хорошо учили, у меня было много хороших учителей. Величайшим из них был Лев Николаевич Гумилев. Однажды он сказал: старое никогда не борется с новым, борются две формы нового, а старое уходит само. Соглашаясь с ним, я это видел много раз в истории, и хочу заметить, что, да, большевики тоже были формой нового, как и Петр Столыпин, да и последний император государь Николай Александрович тоже был формой нового. Мы вляпались в худшее новое, и надо смотреть, как из всего этого выбираться к другой модернизации, к формам нового, которые нами не были пройдены. То, что мы к этому готовы — я вижу в художественных вкусах нашей эпохи. Нравится то, чего мы лишились в 17-м г.

И последнее. Хороший путь преодоления — это путь британский. Есть и плохой — это французский. Британцы сделали революцию непристойностью, о чем просто неприлично говорить. Не говорят дома, не говорят в клубе, не говорят в парламенте. И обеспечили себе два века самой процветающей державы западного мира. Французы имели неосторожность сохранить людоедскую песенку в качестве государственного гимна и трехцветную тряпку в качестве государственного флага. В результате их трясло в последующих трех революциях, двух империях, двух реставрированных монархиях, попытках различных переворотов, включая даже фашистский. Францию до сих пор трясти не перестало. Они показали плохой вариант. Если глава государства предлагает нам трехцветный государственный флаг в сочетании с красным полковым знаменем, и уже совсем нелепым при усечении территории Советского Союза гимном всё того же Михалкова, это что-то несовместимо. Это напоминает... я шуткой закончу.. это несовместимо, это напоминает...Лично мне 1968-й г. Тогда в Чехословакии заговорили о социализме с человеческим лицом. И кто-то из русских эмигрантов сказал: «да-да, лицо у него будет человеческое, а тело так и останется с перепончатыми крыльями?».

Толстых В.И. — Просит дать слово Сергей Николаевич Марочкин с исторического факультет МГУ.

Марочкин С.Н.

Я попытался вспомнить, что в истории называлось переворотом и что называлось революциями. Переворотов было несоизмеримо больше, революции, как правило, содержали элемент того, что историки называли переворотом. Я предложил такое определение: переворот — это смена власти нелегитимным, как правило, насильственным курсом, а революция — существенное изменение общественных

отношений, связанное со значительным изменением системы легитимности. Но подавляющее большинство революций включает один или несколько переворотов. Таким образом, можно считать, что процесс русской, или российской, революции включает переворот февральско-мартовский, переворот октябрьский и, возможно, еще какие-то перевороты в 1920–1930-х гг.

Второе. Здесь говорилось о том, что при Ленине-Сталине была жуткая тоталитарная партия. Сейчас мы опять пришли к партийной системе. Так вот, нынешняя «Единая Россия» — это не партия Ленина-Сталина, это партия Брежнева, и нынешняя власть — это *Брежнев сегодня*. Только Брежнев был старый, дряхлый, нынешний — молодой, спортивный. Это высокие цены на нефть при отсутствии решения стоящих перед страной проблем.

Вчера я слушал Сергея Георгиевича Кара-Мурзу. Он говорил на ту же тему, что мы сейчас. Сказал множество интереснейших вещей. Но последнее, что он сказал, можно считать потрясающим. Сергей Георгиевич считает, что Октябрьская революция — это народная реакция на либерально-космополитический февральский переворот. И, значит, если бы не было февраля, то, по мнению Сергея Георгиевича, октябрь был бы невозможен. Вместо него могла бы осуществиться — вслушайтесь! — органическая почвенническая модернизация в духе идей Сергея Шарапова, Чайнова и Солоневича.

Розин В.М.

Говоря об истории, обычно имеют в виду те или иные научные реконструкции истории. Каждая из которых вероятна и ориентирована на разные задачи и социальные аудитории. Для подобных реконструкций характерны три момента: а) опора на исторические факты и исторический материал, б) своеобразные принципы «непрерывности» и «полноты» исторического объяснения; в) использование понятий и средств определенных наук, например, социологии, психологии, семиотики, других гуманитарных наук. В результате один и тот же исторический материал (сохранившиеся в истории тексты, свидетельства, формы осознания) допускает не одно, а множество теоретических осмыслений, в результате создаются несовпадающие истории...

Естественное следствие — борьба за истину, за правильный взгляд на исторический процесс, за поиски критериев предпочтения одного исторического объяснения другим. Важно, чтобы новая историческая реконструкция не увеличивала противоречия в системе истори-

ческих знаний. Объясняя одно, нельзя запутывать весь круг проблем. Второй критерий более сложен. Тот, кто создает новую историческую реконструкцию — носитель иной культуры мышления, представитель иного научного сообщества.

В рамках гуманитарного подхода одним из наиболее перспективных видится мне именно *культурологический подход*. История мыслится как осуществляющаяся в виде (в форме) сменяющих друг друга культур. При гибели одной культуры и образовании следующей процессы эволюции и истории резко видоизменяются. Но при этом возникает глобальный интерес — стремление уяснить, что предшествующие или другие культуры, дают для понимания современной цивилизации, нашего времени и культуры, для лучшего понимания нас самих. Например, В.С.Библер так осознает связь прошлых культур с современностью. Он пишет: «Вообще, современное мышление строится по схематизму культуры, когда “высшие” достижения человеческого мышления, сознания, бытия вступают в диалогическое общение с предыдущими формами культуры (Античности, Средних веков, Нового времени)».

России не повезло со своей историей и правителями. Анализ социалистической революции в России дает здесь интересный материал, позволяющий понять важную роль в истории как культурных традиций и профессиональных обществ, так и отдельной личности.

С культурологической точки зрения во второй половине XIX в. в России были сформулированы три основных конкурирующих культурных сценария, Это: а) сценарий создания (желательно эволюционным путем) капиталистического общества по западному образцу (парламентаризм, разделение властей, развитие рынка и экономических отношений, приоритет права, демократические свободы и пр.); б) сценарий собственного уникального пути развития России, основанный на ее исторических традициях и культурных реалиях; в) сценарий создания социалистического общества (в социал-демократическом варианте или марксистском). Если в первом сценарии конечной целью является построение капиталистического общества, в третьем — социалистического, то во втором — общества, которое должно было на сознательной основе впитать в себя все лучшее из российской и мировой культуры.

«Правильное и успешное движение разумного общества, — писал еще в 1848 г. в «Письмах об Англии» А.Хомяков, — состоит из двух разнородных, но стройных и согласных сил. Одна, основная, коренная, принадлежащая всей прошлой истории общества, есть *сила жизни*, самобытно развивающаяся из своих органических основ; другая,

разумная сила личностей, основанная на силе общественной, живая, присущая труду общего развития, не позволяющая ему вдаваться в безрассудную односторонность. Обе силы необходимы, но вторая, сознательная и рассудочная, должна быть связана живою и любящею верою с первой силой жизни и творчества». Но, как известно, в начале XX столетия массы, значительную часть которой составляли социальные маргиналы, высказались за социализм и революцию. И вот почему.

Во-первых, начиная с середины XIX в. в среде разночинцев и позднее сочувствующей им интеллигенции выкристаллизовываются установки на борьбу с самодержавием, уничтожение всего несправедливого. Насилие получало в русской культуре — и «справа» и «слева», и «сверху» и «снизу» — культурное оправдание и метафизический смысл как необходимое средство наведения общественного «порядка», средство сознательного «исправления» действительности. Красноречивы интимнейшие признания Белинского Боткину: «Во мне развилась какая-то дикая, бешеная, фанатическая любовь к свободе и независимости человеческой личности, которые возможны только при обществе, основанном на правде и доблести... Я начинаю любить человечество маратовски; чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я кажется, огнем и мечом истребил бы остальную». Такова характерная для русской культуры установка на эзотеризм (аскетически монашеского и активистского типа), так и маргинальное духовное мироощущение, отчасти проявившееся позднее в идеологии космизма.

Во-вторых, социализм вполне отвечал патриархальным, православно-отеческим традициям российской культуры. С точки зрения Герцена, задача эпохи состояла в том, чтобы развить элемент общинного самоуправления до полной свободы личности, минуя все промежуточные формы, которые прошел Запад.

В-третьих, в ходе революции и гражданской войны были физически уничтожены, вытеснены или запуганы те слои населения, которые ориентировались на два другие несоциалистические сценария.

Культурные сценарии практически на всех этапах построения российского социализма включали в себя: *идею борьбы* (сначала с буржуазией и кулаками, затем с правым и левым уклоном, потом с врагами народа, наконец, с мировым империализмом во главе с США); *культ личности* В.И.Ленина, мудрого руководителя и отца народов И.В.Сталина»; убеждение, что именно в России построено самое справедливое и демократическое общество и другие.

Эти сценарии поддерживались и обеспечивались соответствующими социальными институтами: идеологией, мощным репрессивным аппаратом подавления инакомыслящих, административно-ко-

мандной системой управления, огромной армией, идеологизированным образованием, хозяйством, главными механизмами которого являлись планирование и распределение. Крестьяне, по сути, снова были прикреплены к земле (колхозам и совхозам), заключенные и частично армия широко использовались в качестве рабской силы. Пожалуй, еще в большей степени, чем во времена Ивана IV страной правил страх, массовые репрессии стали важным фактором сохранения власти Сталина и партии.

Если взглянуть на эту картину с позиций культурологии, то придется признать, что советский строй не представлял собой новый тип культуры; в новых условиях произошло воспроизведение той же самой традиционной российской культуры, правда, в ее предельном варианте (предельное действие силовых способов решения социальных проблем, предельное действие культурных идей, предельные способы формования человеческого материала). В этом смысле трудно согласиться с широко распространенным сегодня убеждением, что 70 лет построения социализма в нашей стране — это чудовищное уклонение от естественного развития российской культуры.

Почему же советская система изжила себя и рухнула, казалось, в одночасье? Не только и не столько потому, что она оказалось несостоятельной в хозяйственном и экономическом отношениях. Значительно большую роль сыграли как раз культурные факторы. Анализируя сакральное ядро советской культуры, Л.Ионин приходит к парадоксальному выводу о том, что «культурные факторы (логика моностилистической культуры) практически всегда и везде оказывались более сильными и более эффективными, чем соображения хозяйственной, экономической целесообразности... (*Моностилистическая культура характеризуется Л.Ионинным признаками телеологичности, кононами языковой и культурной деятельности, нормами доминирующего мировоззрения, тотальностью, подавлением «чуждых культурных элементов».* — В.Р.). Поскольку логика моностилистической культуры по мере течения времени входила во все более глубокий конфликт с экономической реальностью и поскольку приоритет всегда отдавался первой, советская экономика в конце концов пала жертвой советской культуры, а не наоборот, как это считается обычно... Можно констатировать парадоксальную ситуацию: крайне рационализованная, насквозь бюрократизированная система, технократическая по существу, к тому же всюду и всегда декларировавшая свой “научный” характер, постоянно впадала в вопиющий антирационализм, приведший в конечном счете к подрыву ее собственных рациональных оснований».

С моей точки зрения, советская система развалилась, поскольку лежащая в ее основе культура закончила свое существование. Перестал работать определяющий ее базисный культурный сценарий (его подточили отказ от репрессий, условные интерпретации, несоответствие реальной практике жизни и многое другое), стало разваливаться хозяйство и экономика, изменились взгляды на жизнь сообщества, управляющего страной, и ряда других сообществ (служащих, интеллигенции). Но гибель одной культуры не означает конец социальной жизни вообще. Уже в лоне старой социалистической культуры складывались «очаги» новой: формулировались новые социальные идеи, складывались ориентация на Запад, хозрасчет, хозяйственный андеграунд, группы культурного роста (писатели, диссиденты, политики типа Горбачева, философы, методологи), формировался новый человек. На основе этих очагов и начинает формироваться новая российская культура (новые базисные сценарии, на первых порах конкурирующие между собой, новые социальные институты, новые сообщества, хозяйство, экономика, образование). Поскольку новая российская культура складывается на «материале» старой социалистической, многие социальные структуры социалистического общества переходят в формирующуюся российскую культуру. Возникает столь знакомый нам по жизни феномен социальной двойственности, когда новые социальные отношения и реалии сосуществуют и взаимодействуют со старыми.

МАГАРИЛ С.А.

Факт революции и гражданской войны, как масштабного социального конфликта в его острейшей форме, неопровержимо свидетельствуют, что в начале XX в. в обществе отсутствовали эффективные — хочу это подчеркнуть — *политико-правовые механизмы достижения макросоциального компромисса*. Поскольку революция, как сегодня прозвучало, не завершена, естественно задать вопрос — в современном российском обществе, сто лет спустя после революции, уже в новой социальной реальности, созданы ли эффективные механизмы достижения указанного компромисса?

Реалии постсоветской России в качестве важнейших общественных противоречий вновь вынуждают признать резкую имущественную поляризацию, глубокое отчуждение народа от большинства институтов государственной власти, отказ большинства населения признать легитимными права собственности, возникшие в ходе мошеннической приватизации.

Таким образом, как минимум правомерно предположение, что вновь воспроизводятся, и в значительной мере уже воспроизведены, социально-властные отношения, типологически подобные тем, что обусловили историческую неустойчивость предшествующих форм российской государственности. Не слишком ли велик риск?

Толстых В.И. — Благодарю всех участников дискуссии за участие в разговоре на важную и непростую тему. Мне кажется, разговор получился интересным и содержательным. Совсем не стыдным в наше, увы, стыдное время. Еще раз — спасибо!

РЕНЕССАНС И СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА: ОБЩНОСТЬ ПРОТИВОРЕЧИЙ

23 января 2008 г.

Толстых В.И.

Дорогие друзья! Поздравляю всех с уже наступившим Новым годом и желаю, исходя из сегодняшних представлений о ценностях жизни, самого главного — хорошего, доброго здоровья. Когда человек здоров, все остальное решит он сам, включая труднейший вопрос личного счастья. Если же нездоров, никто и ничто не поможет, даже успехи славной медицины, не говоря уже об успехах страны в целом, которых мы, оказывается, достигли, не оценив их по достоинству.

Идея обсудить тему принадлежит всецело Людмиле Алексеевне Булавке. Пока мы отдыхали и праздновали, она совершила небольшой человеческий личный подвиг — защитила докторскую диссертацию, которая уже утверждена ВАКом, хотя книжка еще не вышла, но не это самое главное. Я ее с удовольствием поздравляю, подчеркиваю это, потому что когда-то участвовал в защите ее кандидатской диссертации и приветствовал вхождение в ряды эстетиков, культурологов.

Вышла в свет книга Людмилы Булавки — «Социалистический реализм, превратности метода». Я ее прочитал, с нею хорошо знаком Виктор Владимирович Ванслов, которого я попросил прокомментировать выход книги и высказать свое мнение.

Ванслов В.В. — Оппонировать вряд ли буду, но что-то обязательно скажу.

Толстых В.И. — Книга по душе мне — по подходу к проблеме и своему пафосу. Есть в ней и сильный прокол, о чем я автору успел сказать. В ней нет даже ссылки на работы, которые написал Толстых в 1967-м г., одна из которых называется «Социалистический реализм и штампы буржуазной эстетики». Недавно перечитал её, написана честно, и я бы сегодня ничего бы из нее не вычеркивал, не опускал.

Потом я заметил, что литературу по теме Людмила Алексеевна отсчитывает с 90-го года. Но и в прежние годы существовала большая литература по социалистическому реализму, причем не обязательно апологетическая. И в моей скромной работе (написанной в соавторстве) есть масса критических неллицеприятных замечаний по поводу художественной, социалистической, практики. Да и на Западе социалистическому реализму уделялось в те времена серьезное внимание, и благодаря Верочке Ермолаевой, моему соавтору, из сектора эстетики, владевшей несколькими языками, я был оснащен добротными материалами, на которые ссылался и цитировал.

Тема важная, особенно сейчас, когда люди начинают озираться, всматриваться и вдумываться, что произошло, как произошло, куда всё идет. Есть факты, против которых, как говорят, не попрешь. Например, по телеканалам в праздничные дни показывают — что вы думаете? — социалистический реализм! И это, оказывается, интересно не только старикам, которым, конечно, приятно вспомнить молодость, в частности, актеров и актрис, которых они знали, но и среднему поколению, и даже молодым интересно, говорят — какие хорошие, чистые были фильмы... Вспомнил, был в Берлине в 89-м году, посетил устроенную первую русскую выставку в центре Берлина, которая хорошо посещалась... Знаете, какая картина больше всех взволновала зрителей? — «Письмо с фронта» Лактионова, самого кондового, заядлого соцреалиста из всех советских живописцев. Я спрашивал немцев: почему такой интерес? И мне говорили, что это настоящее искусство, такое тонкое проникновение в психологию людей, и какая интересная композиция...каждая фигура, и т.д. К чему это я веду? В социалистическом реализме было много чепухи, мурсы, мусора, плохих, посредственных и бездарных произведений. Но сказать, что само это искусство было в целом бездарным, мусорным, неинтересным — этого сказать нельзя. Будет неправдой.

С того времени прошел большой срок. Меня вот что заинтересовало. Если отсчитать с 1917-го г. ровно пятнадцать лет, то легко показать, что произошло в искусстве за эти годы под знаком большевизма, какой это был расцвет искусства, хотя были и репрессии, и зажим свободы творчества. Но я бы не сказал, что это были пустые и ничемные годы в творчестве, причем во всех его видах и подразделениях. И сравните с тем, что произошло и сделано в искусстве в эти последние 15 лет — по именам и произведениям, во всех видах художественного творчества. Вы придете к очень интересным выводам. Мне кажется, что Людмила Булавка сумела посмотреть на прошлое спокойно, как ученый, не занимаясь перелицовкой и умолчанием. В её

книге есть специальная глава, посвященная репрессиям, взаимоотношениям художника и власти, эффекту отчуждения, сказано все и о сталинских репрессиях, названы художники, которые пострадали, раскрыта методология унижения художников. Нет никакого обеления, желания приукрасить прошлое, и есть уважение к прошлому, несмотря на все его горести и безобразия

БУЛАВКА Л.А.

Позвольте мне выразить свое особое чувство к Валентину Ивановичу, с которым меня связывают давние отношения, и не только по поводу моей кандидатской, но и интересных и важных исследований, которые Валентин Иванович проводил в рамках Союза кинематографистов еще в пору перестройки. Кроме того, я признательна также за поддержку идеи обсуждения темы — *Ренессанс и советская культура: общность противоречий* — для меня очень важной, поскольку сложная взаимосвязь между двумя культурами есть некая оптика, через которую можно уловить если не образ, то хотя бы контуры будущего, точнее — альтернативы настоящему. Тому настоящему, для описания которого вполне бы подошли следующие строки: *«Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные, поверхностные сведения, наобум приноровленные ко всему, это равнодушие ко всякой справедливости, истине, это циничное презрение к человеческой мысли, достоинству, поистине могло привести в отчаяние»*. Эти слова принадлежат Александру Сергеевичу Пушкину. Вот так рифмуются не только слова, но и эпохи.

В рассматриваемом мною треугольнике (Ренессанс, советская культура и современный культурный контекст) несущим понятием, конечно, будет советская культура. Тут обнаружилось несколько позиций. Вот они.

Державная позиция. В своих интерпретациях советской культуры державники (С.Кара-Мурза) исходят из патриархальной логики, которая исключает критическое отношение к советской культуре. Другой подход — *ортодоксальный* связывает феномен советской культуры только со сталинизмом. Наконец, третий — позиция современного либерального сталинизма. Её характеризует следующее: содержательный анализ советской культуры они сводят к идеологическим коннотациям, пытаясь объяснить различие между ждановским и современным либеральным толкованием феномена. Выставляя ему оценки — то положительные, то отрицательные. При этом *понятный* вектор по-

нимания советской культуры приводит их к тому, что, пятясь спинами друг к другу, либералы и сталинисты встречаются друг с другом лицом к лицу. Попробую раскрыть родовые черты советской культуры.

Первое. Советская культура вышла из Октябрьской революции, которая ставила себе целью освобождение от всех и разных форм отчуждения. В том числе связанных с сохранением и реставрацией её эволюционно-консервативных форм, в которых реальные противоречия не разрешались, а пытались приспособиться к новому общественному контексту. Так была определена двойственная природа советского проекта и советской культуры.

Возникает вопрос об общественном идеале советской культуры. Обычно он выступает как некая абстракция *должного* и имеет мифологический, религиозный или утопический характер. Но в советской культуре общественный идеал обретает новую субстанцию. Идеалом становится не *образ* реальности, свободный от тех или иных форм отчуждения, а сам *принцип их деятельностного преодоления*.

Наконец, советская культура вырабатывает свой особый метод — соцреализм, возникновение которого стало центральным вопросом самой культуры.

Мое определение соцреализма — это метод скачка из «царства необходимости» в «царство свободы». Это не нарратив о том, каким я хочу видеть «город Солнца», и не о том, каким я его построила. Соцреализм — это когда художник на «глазах почтенной публики» шаг за шагом «строит» сам «город Солнца». Когда меня просят назвать пример из искусства соцреализма, я иногда называю фильм «Королева бензоколонки». Такие примеры смущают, но я могла бы назвать и другие — «Чистое небо», «Мне двадцать лет», «Живые и мертвые»... В этом фильме благодаря совместному социальному творчеству главной героини, водителей и пассажиров, причем осуществляемому на наших с вами глазах, бензоколонка из малоприятной технической необходимости превращается в мир культуры, т.е. очеловечивается. По ходу ее преобразования происходит качественное изменение, «выпрямление» всех его участников.

Ренессанс и советская культура. Чем вызвана сама идея этого сопоставления? Я сопоставляю не художественное содержание этих культур, а формы общественного бытия этих культур в истории. В этом смысле общим для них является то, что каждая из них являет собой культуру переходного типа. Можно сказать, что как советская эпоха, так и эпоха Возрождения по масштабам того великого и мирового социально-культурного переворота, который являла *каждая из них*, не соизмерима ни с какими другими в истории человечества, разве *только с друг с другом*.

Главный пафос и Ренессанса, и советской культуры, как я уже говорила, был связан с идеей становления человека как субъекта. Сразу отметим некоторое отличие между ними. В Ренессансе становление субъективности проявлялось как осознание художником самого себя как субъекта культуры. Не только Бог, но и я — творец. Таким вот образом Ренессанс заявил проблему самодетерминации человеческого бытия в культуре, и в этом состоял его гуманизм. В советской практике индивид становится уже субъектом истории. Вот откуда этот мощный взрыв энергии, которая дает основание для сопоставления, например, искусства Микеланджело и Мухомовой («Рабочий и колхозница»). Я назову некоторые общие черты, полнее представленных в моей книге.

Это переход от деревенской культуры к урбанистической; это взрыв научно-технических открытий; это подъем энтузиазма и творчества; это обязательная связь культуры с практикой, которую так часто подчеркивал Леонардо да Винчи. И Ренессанс, и советскую культуру отличает, поиск всеобщей основы развития. В этом смысле, как подчеркивал А.Ф.Лосев, античность была слишком космологичной, средневековье было слишком теологичным, чтобы поставить и осмыслить эту проблему в общественном художественном сознании. Обе эпохи (в отличие от нашего времени) ориентированы на будущее и соответственно — актуализируют идею перспективы. В то же время обе несут в себе ярко выраженный принцип критичности и самокритичности. Им присущи и оптимизм, и тревога перед будущим. Главное противоречие — между утверждением нового человека и нарастающим самоутверждением мешанства.

И последнее. Эти эпохи были сугубо противоречивы и по большому счету оптимистически-трагичны: завершившись историческим поражением, они оставили после себя наследие, которое вновь и вновь оказывается востребованным.

Ванслов В.В.

Уважаемые коллеги! Я согласен со всем, что сказала Людмила Алексеевна. Попробую рассмотреть эту тему в другом аспекте. У нас будут и перекличка, и совпадения. Людмила Алексеевна начала с соцреализма, кончила ренессансом, а я, наоборот, начну с ренессанса и кончу соцреализмом. Замечу, что общность противоречий, в принципе, может быть прослежена с любой исторической эпохой и современностью, ибо история откладывает свои следы в сознании других эпох. Так что, к какой бы эпохе прошлого мы не обратились, если мы её внимательно проанализируем, то сможем найти какие-то вещи,

которые помогут понять что-то и в нашей современной жизни. Для примера попробуем понять, какие противоречия и в чем состоит общность с нашей эпохой. Для меня это нарастание трагизма, ощущение крушения идеалов. Ренессанс породил гуманизм, но в его развитии намечилось и крушение гуманизма в эпоху реформации, а в последующее время переход к эпохе барокко. Конкретные примеры – творчество гениальных художников Микеланджело и Тициана.

Второе. Это опора на классическое наследие прошлого. Хочу обратить внимание собравшихся, что проблемы наследия в культуре античности не было, впервые она была поставлена в эпоху ренессанса. И таким наследием была провозглашена античность, которая открывала окно в некий мир, на который следовало ориентироваться нынешнему гуманизму. Это была идеализированная античность, ибо античность, которая раскрывается реальной историей, она другая, не совсем такая, как эта идеализация античности. В нашу эпоху она приобрела огромное значение, и сейчас, может быть, даже более острое, чем когда-либо. Почему? В современной культуре происходит масса деструктивных процессов: происходит снижение эстетических ценностей, захлестывание так называемой поп-культурой и разного рода примитивом.

Третья черта. Это жестокость мира за фасадом внешнего благополучия. Ренессанс рисуется иногда как некое идеальное состояние, гармоничное, светлое. А на самом деле, та же инквизиция, борьба кланов, бессмысленные казни, войны...А фасад был красивый... Не напоминает ли вам современную эпоху?

Последний вопрос в связи с соцреализмом – это плюрализм. Ренессанс часто представляли как нечто однородное. Конечно, общность известная есть. Но не менее существенны и различия, которые были внутри ренессанса. Сотрудники мои спрашивают: плюрализм, это что – всеядность? беспредел? никаких границ? произвол? у каждого своя истина? и так далее. Я говорю – нет, плюрализм имеет границы. Чем определяются эти границы? С моей точки зрения, границы плюрализма определяются гуманизмом. Плюрализм в границах гуманизма – так я это понимаю и говорю другим. То есть все, что для человека, служит человеку, подъему его, развитию его, тут любые формы, любые концепции, любые неожиданности, новаторские искания закономерны. А все бесчеловечное и античеловечное выходит за границы плюрализма.

Даже советская эпоха, хотя власти добивались абсолютного идеологического единства, была неоднородной. Покажу на примере, простом, но показательном. В молодости я работал здесь, в институ-

те философии, и дружил с Ильенковым. У него в квартире висел натюрморт Александра Герасимова «Пионы». Я ему говорю — Эвальд, ты же ненавидишь Александра Герасимова, что же ты повесил его произведение? Он говорит — а это хорошая вещь, и, действительно, была хорошая вещь. Александр Герасимов бичевал импрессионизм, но сам был под влиянием импрессионизма, учеником импрессиониста Коровина. Он писал официозные вещи и вместе с тем вещи, не имеющие отношения к официозу, такие, как его натюрморты, некоторые портреты. Возьмите такую известную официозную вещь, как «Сталин и Ворошилов в Кремле», которую в быту называли — «Два вождя после дождя». Так вот, она висит в Третьяковской галерее. Идейный смысл отпал, а как документ эпохи картина — остается и живет. Так что соцреализм не так уж и прост. Надеюсь, мы с Людмилой Алексеевной немножко дополнили друг друга в раскрытии этой проблемы.

Рабинович В.Л.

Сначала я удивился такому экстравагантному названию — Ренессанс и советская культура: общность противоречий. Относительно противоречий все понятно. Но относительно общности я впал в некоторую задумчивость и недоумение. Какая может быть общность между ренессансом и соцреализмом, советской культурой, которая была соцреалистической культурой. Особенность ренессанса, как мне представляется — культурологическая особенность — состоит в том что там был упор на варьете, по-итальянски «многообразии», «предельное многообразие», и второе — транскультурализм: все культуры были собраны в одно место и время, помещены в так называемую культуру ренессанса, который воплотил и Платона, и Аристотеля в разной мере и в разных отношениях, и искусство недалекого будущего, и искусство средневековья и так далее, и поместил их в сорокалетие итальянской жизни XIV в., если говорить о кватроченто. Там пребывали все культуры на равном, и были соотнесены друг с другом, как языки культур, которые не должны были бы понимать друг друга, но должны были взаимодействовать друг с другом, дабы преодолеть барьер непонимания, приходя к некому, так называемому гуманистическому пониманию. Вот что такое ренессанс. Это такая остановка в развитии культур, которая подвергает все культурные веяние, течения и так далее так называемому переучету.

Что напоминает такая культура? Такая культура напоминает культуру русского модерна — в какой-то мере. Это на рубеже XIX—XX вв., и культуру постмодерна, где каждой твари по паре, безоценочно. И

эта вот безоценочность — тоже своеобразный переучет всех культур, и все они в одну цену, и со всех товаров сняты ценники. Вот какая это культура. Я назвал эту культуру массовой культурой В культуре соцреализма и в культуре ренессанса в этом смысле нет ничего общего. То есть это разные отношения к человеку, к ценности, к гуманизму, к идеологии и ко всему прочему. Ренессанс ориентирован на равенство всех культурных веяний без оценок, которые существуют в одной клумбе, в одной цветастой, цветистой, яркой клумбе, и соцреализм как создание такой культуры, впрочем, нового типа. То есть партия нового типа. Что это такое? Это партия, провозглашающая демократический централизм, в которой от централизма остается все, но от демократии — ничего. Вот такая постановка ориентированности на что-то нового типа, что и погубило, на мой взгляд, такую прекрасную в идеях нашу социалистическую великую революцию. Потому что все началось с колоссальной фальши. Фальшь состояла вот в чем — со второго съезда РСДРП, когда принимался устав, коммунисты, или большевики, это те, которые признают устав правильно, очень правильно платят взносы, участвуют в организации, и мнение, которое принимает большинство, становится руководящим мнением до такой степени, что меньшевик должен пропагандировать мнение, с которым он был в свое время не согласен. Понимаете, какая вещь? Иначе ты не член партии. То есть это призыв к двоедушию как основная изюминка этой партии нового типа. Вот тогда-то произошел нравственный, и политический, и какой угодно раскол, переживателями которого и современниками которого мы сейчас стоим, и этим, может быть, объясняется реакция на беспредельный плюрализм и так далее.

Ренессанс был лишен этого, все были равны. Один выступал за Аристотеля, другой выступал за Платона, они равно могли вечером встречаться за бутылкой хорошего вина. Понимаете ли, это их не разделяло по-человечески, а тогда разделяло. Это первое принципиальное отличие соцреализма от ренессанса. Какая все-таки здесь возможна хитрая общность? Она возможна между талантом и не талантом, о чем замечательно говорил Виктор Владимирович. Когда человек талантлив, он пишет замечательное произведение. Когда наутро становится идеологом — становится бездарным, и пишет «Утро нашей Родины». Тот же самый человек. Спорная фигура — Платонов, антисоветский он писатель или предельно советский? Но его внутренняя противоречивость заключена в создании собственного языка, он уловил язык революции. Например, из речи Троцкого — «трудящиеся, собираемся у околицы мироздания завтра в 10 часов». Вот призвать собраться у околицы мироздания — это мог сделать только Платонов.

Таким образом, это две разных культуры — ренессанс и соцреализм. Но соцреализм появился на междуречьи всех культур — и постмодернистской культуры, и культуры абсолютного единomyслия, и культуры бывших писателей Серебряного века, вынужденных стать советскими писателями, и они таки становились искренне советскими писателями — Пастернак, Ахматова, Гумилев, в какой-то мере Мандельштам, и так далее. Они вошли в тело соцреализма, но выступали в нем не в качестве соцреалистов, а в качестве хороших писателей, то есть сам метод соцреализма действительно себя скомпрометировал, но задержал нечто существенное. Единственную культуру он вобрал в себя полностью в свое тело — это культура будущего, он ее сделал культурой собственного настоящего. И в этом была фантастическая привлекательность этой замечательной в какой-то мере утопии, почему я и смотрю фильмы типа «Свинарка и пастух». Мне они нравятся. Не потому, что мы были моложе или девки были моложе, хотя и поэтому тоже, а потому, что приятно заглянуть в наше ближайшее будущее, которое не притворяется будущим, а притворяется муляжным настоящим. То есть побыть в этом прекрасном настоящем, пусть даже муляжном, но сейчас, вообще одно удовольствие. И когда я вижу пиршество «Кубанских казаков», я готов присоединиться к этому пиру, понимая, что тут и вино не настоящее, и колбаса муляжная...

Замечательный доклад сделала Людмила, моя сотрудница из моего сектора. Я ее начальник, поэтому хвалю свою подчиненную, но не только поэтому, и не только потому, что она защитила докторскую диссертацию, и не потому, что она супруга Александра, с которым мы тоже познакомились довольно давно, а потому, что она Люся Булавка, талантливая девушка.

Славин Б.Ф.

Признаюсь, я был оппонентом докторской диссертации докладчика, поэтому не буду говорить ничего хвалебного, и ничего критического. Выскажусь по существу проблемы. Исследование Людмилы Алексеевны заставляет задуматься о том, каково значение советской культуры для нашей и мировой истории? Сейчас наблюдается своеобразный ренессанс различных проявлений советской культуры. Думаю, это реакция на бездуховность современного искусства, на постмодернизм в отечественной и зарубежной культуре. Я давно говорил, что, насытившись плодами постмодернизма, люди рано или поздно придут к идее новой классики. Классическое снова будет в цене.

Особенно неприемлемы сегодня новации в языке, вроде выражений «как будто», или «типа» и т.д. Неопределенность — это характеристика нашего смутного времени, в котором, например, «классно» соседствует со словом «прикольно», или блатные обороты «развести на бабки», не надо «париться» и т.д. Недавно один из претендентов на пост президента России — Буковский сказал, что современный язык многих россиян — это язык старой блатной «фени». Вы послушайте, как они говорят! Скажем, популярное слово — «тусовка», что означает прогулку заключенных, они «тусуются», т.е. ходят вперед и назад. Подобная массовая культура настолько «обрыдла», что хочется заглянуть в иную сферу, где слова отражают реальные отношения людей и более высокие и точные понятия. Этим отличалась, в основе своей, прежняя советская культура, интеллектуальный и эстетический уровень которой, не взирая на идеологические издержки, до сих пор привлекает к себе внимание.

В моем понимании советская культура — это своеобразное зеркало истории советского общества со всеми ее противоречиями и тенденциями. Ценность этой культуры состоит в том, что это, пожалуй, единственное зеркало, которое дает нам адекватное представление о советской истории, которая ушла, но которая в нас сохраняется и продолжает вызывать соответствующий интерес. Если это так, то ее следует знать и понимать. К сожалению, она до сих пор плохо изучена и плохо понята. Для меня советская история — это результат борьбы двух основных тенденций: демократической и гуманистической, с одной стороны, бюрократической, и тоталитарной — с другой. Первая была связана с политикой «военного коммунизма», сталинским тоталитаризмом и неосталинизмом брежневских времен, вторая — проявилась в отрицании политики «военного коммунизма» НЭПом, в решениях XX съезда партии и последующей за ним «оттепели». Особенно наглядно она обнаружила себя в политике перестройки с ее гласностью и демократизмом и т.д.

Эти противоположные социально-политические тенденции нашли свое характерное отражение в культуре. У истоков демократической и гуманистической тенденции стоят Блок и Горький. Поэма «Двенадцать» Блока, публицистика и рассказы Горького — это своеобразный гимн новому гуманизму. Как известно, Блок в статье «Крушение гуманизма» выступил против индивидуалистического старого гуманизма и обратился к новому гуманизму — гуманизму народных масс. Этот подход полностью отражал революционное время с его прорывами к свободе и справедливости, с одной стороны, и жестокостью гражданской войны, с другой. По мнению Блока, жестокость

революционных масс была реакцией на произвол бывших дворян по отношению к крепостным, где в дворянских усадьбах прилюдно секли дворовых девок за малейшую провинность. Негативные черты революции отразил и Горький в своих «Несвоевременных мыслях». Но в отличие от бунинских «Окоянных дней», он видел в революции, наряду с темными, также светлые стороны, связанные с зарождением новой культуры.

Со временем советская культура обрела зримые черты: она обогатилась уникальными достижениями научной мысли И. Павлова, К. Тимирязева, К. Циолоковского, В. Вернадского, дала высокие образцы литературы и искусства. Так, советскую литературу 1920–1930-х гг. нельзя представить без художественных произведений о гражданской войне Д. Фурманова, А. Серафимовича, И. Бабеля, А. Фадеева, уникальной в своем роде книги «Как закалялась сталь» Н. Островского, «романов «Клим Самгин» и «Дело Артамоновых» Горького, «Хождение по мукам» и «Петр Первый» А. Толстого, «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. Шолохова, стихов, поэм и пьес В. Маяковского и С. Есенина. Этим мастерам слова и сегодня читают миллионы людей в России и за рубежом. В те годы были созданы картины и скульптуры выдающихся художников П. Корина, В. Мухиной, С. Коненкова, М. Нестерова и др. Вышли к зрителю кинофильм — эпопея «Броненосец Потемкин» С. Эйзенштейна, незабываемые художественные ленты А. Довженко и т.д.

Становление и развитие советской культуры происходило в борьбе двух основных тенденций — демократической и бюрократической, и нашла преломление в столкновении сторонников «реального гуманизма» и сторонников чистой «пролетарской культуры». И те, и другие разделяли социалистический идеал как конечную цель революционных преобразований в стране, однако интерпретация этого идеала, и основанная на нем оценка культурных ценностей была совершенно различной, а иногда и прямо противоположной.

Приверженцы «пролетарской культуры» подвергали уничтожающей критике всех, кто с ними не соглашался. А отвергали они связь «пролетарской культуры» с отечественной и мировой культурой прошлого. Наиболее известными из них были философ А. Богданов, теоретик литературы В. Плетнев, литературные критики С. Родов, Л. Авербах, Г. Лелевич, В. Ермилов и др. Ленин, прочитав одну из статей В. Плетнева в «Правде», где высказывалась мысль о том, что пролетарская культура может быть создана «только силами самого пролетариата» или «учеными, художниками, инженерами и т.п., вышедшими из *его* среды», назвал ее

«глупостью» и прямой «фальсификацией исторического материализма». Он призвал автора учиться не «пролетарской науке» и культуре, а *просто учиться*.

Противоположная линия в вопросах культуры и литературы исходила от тех идеологов, политических и общественных деятелей, которые считали новую советскую культуру прямым наследником и продолжателем прогрессивной культуры прошлого. Сторонники такой позиции ждали от художников слова и других представителей творческих профессий, принявших революцию, правдивого показа реальной действительности, из которой рождалась новая жизнь. Такой подход встретил понимание и полное одобрение Максима Горького, других выдающихся советских писателей.

С возникновением Союза писателей, казалось бы, восторжествовал подобный разумный подход к писательскому творчеству. Был провозглашен метод «социалистического реализма», в своей первоначальной формулировке означавший ни что иное, как образное и правдивое отражение советской действительности, взятой в развитии. Автор этого понятия, председатель оргкомитета Союза писателей И. Гронский тогда говорил: «Вопрос о методе надо ставить не абстрактно, не подходить к делу так, что писатель должен сначала пройти курсы по диалектическому материализму, а потом уже писать. Основное требование, которое мы предъявляем к писателям, — пишите правду, правдиво отображайте нашу действительность, которая сама диалектична. Поэтому основным методом советской литературы является метод социалистического реализма». Такое понимание метода было понятно и близко абсолютному большинству советских писателей, деятелей культуры и искусства.

Однако со временем этот метод стал трактоваться политической властью с сугубо формалистских позиций. Он жестко, в духе неистовых ревнителей «пролетарской культуры» требовал от писателей исполнения обязательных абстрактных установок: революционности, партийности, народности и т.д. При этом эти установки нередко предполагали полное подчинение художественного творчества требованиям очередной партийной конъюнктуры. В итоге все это дискредитировало метод социалистического реализма, породив массу плакатных малохудожественных произведений, весьма далеких от критериев подлинного искусства.

Современные противники социализма именно его отождествляют со всей советской культурой, обвиняя последнюю в конъюнктурности, классовости и партийности. При этом они не хотят понимать, что категории «партийность» и «классовость» имеют прямо противо-

положительное значение и толкование. Заслуга Людмилы Булавки, на мой взгляд, как раз состоит в том, что она хорошо поняла двойственный характер советской культуры и отсюда — неоднозначное толкование метода социалистического реализма с его категориями классовости и партийности. Об этом сегодня почти никто не говорит, а говорить надо, чтобы понять неоднозначность советской культуры и литературы. Одно дело, когда классовый характер литературы и искусства отождествляется с субъективным мнением тех или иных официозных идеологов, и совсем иное — когда он выражает правду жизни, в которой заинтересованы прогрессивные слои и группы общества. Аналогичное можно сказать и о принципе партийности литературы и искусства: партийно не то искусство, которое создается под диктовку идеологов правящей партии, а то, в которой в образной форме отражена действительность со всеми ее противоречиями и проблемами. Лишь правдивое искусство может быть по настоящему партийным. В противном случае оно перестает быть искусством.

К сожалению, в 1930-е гг. в советской культуре и искусстве возрождалось именно субъективистское толкование метода социалистического реализма и его основных категорий. Это стало возможным благодаря созданию и утверждению сталинской тоталитарной системы. В это время наступает долгий исторический откат в политике и культурной жизни страны, связанный с жестким идеологическим диктатом в литературе и искусстве. Особенно наглядно такой диктат проявился, например, в сталинской оценке творчества Андрея Платонова — писателя не только оригинального и талантливого, но и абсолютно преданного социалистическим идеалам. Тем не менее, Сталин, прочитав его рассказ «Усомнившейся Макар», назвал Платонова «кулацким писателем» только за то, что его главный герой поставил под сомнение необходимость бюрократии в стране и ратовал за общественное самоуправление. Не соглашаясь с такой оценкой, Платонов пишет Горькому о том, что никогда не был кулацким писателем, всегда себя считал писателем политическим, пролетарским. Почитайте в этой связи небольшую книжку Галины Серебряковой «Смерч». Она посильнее аналогичной книги Солженицына. Там хорошо показано, как женщина, отсидевшая в ГУЛАГе много лет, не изменила своим социалистическим идеалам. Многие этого сегодня не понимают.

Почему Маркс любил Шекспира? Потому, что последний раскрывал все стороны жизни, с ее глубинами падения и возвышения человеческого духа. Исходил из глубоко нравственной природы человека, оказавшейся в безнравственном мире чистогана. Часто считают, что главным тезисом Маркса был тезис об изменении существ-

вующего мира. На самом деле — этот тезис указывает лишь средство для того, чтобы достичь свободного человеческого общества, где люди будут не враждовать друг с другом, а дополнять и творить друг друга.

Сегодня социалисты, либералы и почвенники повторяют Марксов идеал об ассоциации будущего, в которой *свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех*. На самом деле, лучше такого идеала пока ничего не придумано. Многие люди верили и верят в него до сих пор, ибо он выражает суть человеческой жизни. Эта вера открыто пробивала себе дорогу в советской действительности. Ее загоняли, ее травили, ее прессовали в ГУЛАГе, но она, каждый раз выходила на поверхность. Так было во времена НЭПа при Ленине, на в XX-ом съезде партии, в годы перестройки. Сегодня, в условиях дикого олигархического капитализма она ушла под почву. Виктор Серж, первый русско-французский писатель антитоталитарного направления, сравнивал данную ситуацию с огнем под снегом. Вера в гуманистический идеал ушла, но не исчезла, рано или поздно снег, закрывающий этот идеал, будет растоплен и он выйдет снова на поверхность нашей жизни.

Логинов В.Т.

Меня несколько не удивила сама постановка данной проблемы. В свое время Джон Брейли написал очерк «Применение сравнения в истории». Он считал, что сравнительный анализ — «это лучший способ, имеющийся в распоряжении историка, приблизиться к экспериментальному методу». Эпоха Ренессанса с этой точки зрения особенно привлекательна.

Говоря суконным языком учебников — это было время становления буржуазных отношений. Но так же, как и в эпоху античности, когда сложился гигантский разрыв между уровнем культуры и рабством, так и теперь — в эпоху Возрождения, сразу же обнаружился разрыв между высочайшим взлетом искусства и жизненной реальностью того времени.

Капитализм в одной отдельно взятой Италии получался грязенький и гаденький. И блистательную критику буржуазных отношений мы видим именно в произведениях этой эпохи. Может быть данным разрывом объясняется и то — почему жанр трагедии и вообще трагический герой — стали в то время столь популярны.

Да, оказалось, что «человечество» (под этим термином, как очень часто и сегодня, подразумевалась прежде всего Европа) еще не готово для перехода к «светлому царству» капитализма. Система ценнос-

тей, сложившаяся во времена Средневековья, устояла, а Ренессанс «рухнул». Потребуется еще долгие, долгие годы и столетия, потребуются Нидерландская, Английская, Великая Французская революции с их страданиями и кровью, потребуются, наконец, Реформация прежде чем буржуазные отношения станут признанной нормой.

Когда подходишь к истории с подобного рода временной дистанции, то многое видится по-иному. Недавно Валентин Иванович Толстых опубликовал в «Литературной газете» статью об Октябрьской революции 1917 года в России. Он написал, что это была отчаянная попытка прорыва в новый мир человеческих отношений. Это очень точная оценка. А главное, — внушающая оптимизм.

Параллель между Ренессансом и Октябрем с научной точки зрения вполне возможна, как, впрочем, и с другими переломными и переходными периодами мировой истории. Именно там зреют семена будущего. И когда сегодня мы говорим о Ренессансе, мы вспоминаем о тех прозрениях и о том прекрасном, что он дал человечеству, а не только об ужасах «первоначального накопления».

Конечно, быть оптимистом сегодня очень трудно. Ибо гигантское понижение интеллектуального уровня человеческих отношений, уровня образования, культуры, господство вульгарного рационализма, торжество агрессивного мещанства оставляют для оптимизма мало надежд.

Но для того и существует исторический оптимизм и историческая перспектива, чтобы за деревьями, среди которых немало гнили и падали, увидеть прекрасный лес будущего. И спасибо за эту иллюзию Людмиле Булавке.

Данилов-Данильян В.И.

Я, прежде всего, хотел бы согласиться с двумя тезисами Виктора Владимировича, который сказал, что, во-первых, в любой эпохе, какую бы мы ни взяли, можно найти и сходство с советской культурой, и нечто противоположное ей. А во-вторых, он подчеркнул существенную неоднородность советской культуры (как и любой другой, но в данном случае — особенно).

Конечно, немало общего между Ренессансом и периодом, о котором мы сегодня говорим, но главное в этом общем, видимо, — вторжение новой идеологии в жизнь общества. Вполне возможно, что более открытого, явного, идеологизированного наступления на сознание, чем в эти две эпохи, больше никогда не было (т.е. наступление, конечно, бывало, например, в Третьем рейхе, вот только культура не успела сформироваться). Я думаю, что все другие черты сход-

ства, которые мы могли бы отметить, являются следствиями этого. Но очень сильны, конечно, и различия (одно бросается в глаза: сильно растянутый во времени Ренессанс и гораздо более компактная советская эпоха). Эти различия обусловлены множеством разнообразных причин. Я не согласен с тем, что искусство Ренессанса было безоценочное. Конечно, там были широко распахнуты двери для входа. И, конечно, вечером за бутылкой вина собирались и те, кто за Аристотеля, и те, кто за Платона. Но среди них не было тех, кто за Савонаролу, это совершенно точно.

В каждом новом культурном течении обязательно есть объекты отрицания. «Скажи мне, кто твой враг, я скажу, кто ты». Если под этим углом зрения посмотреть на историю культуры, то в каждом течении, на каждом этапе момент отрицания, враг обязательно найдется. Для Ренессанса, в общем-то, таким врагом была готика, хотя огромное количество элементов готического искусства вошло в Ренессанс. Готика не отрицала античность на 100 процентов, как казалось некоторым культурологам. В готической архитектуре много античных элементов. Готика отрицала в античности другое, подобно тому, как христианство отрицало язычество, пользуясь всеми его достижениями, не имевшими (как представлялось) конфессионального, идеологического значения. Принципиальное отрицание при большом количестве заимствований, влияний и пр. — все очень сложно в том мире. Невероятно все сложно и в этом мире вообще, и в мире культуры в особенности. Подобно тому как Ренессанс отрицал готику и средневековое искусство (если угодно, средневековую идеологию или то, что таковой удобно было считать), так, конечно же, социалистический реализм отрицал буржуазную культуру (при огромном количестве осознанных и неосознанных заимствований из нее). Но отрицали они разное и очень по-разному. Однако само по себе свойство что-то отрицать, найти объект отрицания, отталкиваться от него в чем-то принципиальном (подчас это и определение того, что принципиально, и никакого иного, кроме негативного, определения нет), имманентно всякому культурному течению, как уже сказано; поэтому акцент на сходстве именно в этом я бы не делал.

Роль инквизиции по отношению к ренессансной культуре была совершенно не такой, какой была роль сталинизма и соответственно любого варианта социалистической идеологии по отношению к советской культуре. Инквизиции никакой Ренессанс не был нужен. Это был ее враг. А сталинизму была нужна культура социалистического реализма. Он без этого не мыслил своего развития, своей победы. И если вы будете говорить не о сталинизме, а о других социалистичес-

ких концепциях, ситуация точно такая же — каждой из них нужна была своя социалистическая культура, пусть иначе понимаемая, пусть несовместимая со знаменитой записью «Это посильнее, чем Фауст Гете» на полях творения М. Горького «Девушка и смерть» (какого-то очень уж необязательного, на фоне песни Шуберта с тем же названием совершенно бесцветного). Некая социалистическая культура, альтернативная буржуазной, обязательно предполагалась и у Бухарина, и у Троцкого, и у Луначарского (при всей его очевидной непреодолимой влюбленности в буржуазную культуру), у кого хотите (включая Мао, Кастро, Че Гевару и пр. — имя им легион).

Кстати сказать, что касается тусовок и всего прочего, то существует очень интересная книга А. Н. Олейника «Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти» (М.: ИНФРА-М, 2001). В ней очень серьезно исследуется, в частности, феномен блат (под блатом понимается все блатное, включая блат в деловых отношениях, тюремное арго и т.д.). Книга, пожалуй, несколько перегружена историографией, однако при этом автор не без успеха пытается выявлять и существенные моменты. Но это реплика по поводу интересного замечания, которое здесь прозвучало.

Вернемся к социалистической культуре. Ну да, сказал Пырьев: «Я хочу, чтобы они так жили», имея в виду героев фильма «Кубанские казаки». Сказал. Мало ли кто за историю искусства живописал далекую от реальности, прекрасную, чистую, справедливую, достойную жизнь (воображаемую), многие этим занимались, Пырьев был далеко не первым, и социалистический реализм был далеко не первым. Я не о Томасе Море и не о Кампанелле, авторах утопических философских, а не художественных произведений. Не важно, где прописана идиллия или идеал — в будущем, прошлом или иных мирах, всегда имеется в виду: «Я хочу, чтобы все так жили». И в этом смысле соцреализм не имеет радикальных отличий от многочисленных предшественников, в том числе и в доренессансные эпохи. Что касается претензий («не только хочу, но знаю как»), то на сей счет заблуждались все, у кого такие претензии были.

Вообще-то, может быть, пора вспомнить, что такое соцреализм. Соцреализм, уважаемые коллеги, — это искусство «национальное по форме и социалистическое по содержанию». Вот что такое соцреализм. Известны, конечно, и не столь бесхитростные определения, но ни одно из них не было ближе к реальности и к истине, чем приведенное. Советская культура, то есть культура эпохи от 1917-го до конца 1980-х гг. в границах СССР, и социалистический реализм — это сугубо разные вещи. То, что соответствует социалистическому реализму,

составляет лишь некоторую часть советской культуры, не более того. То же мы все равно получим не советскую культуру, а гораздо меньше. Это точно. Как ни наряжай социализм и соцреализм, какими красками ни разукрашивай их, туда не попадут Мандельштам, Ахматова, Клюев, Булгаков, Зощенко, Хармс, Гроссман, Домбровский, Шостакович, Прокофьев, Шнитке, Юдина, Софроницкий, Малевич, Филонов, как и многие-многие другие, а также лучшее из Платонова, Бабеля, Пильняка, Пастернака, Мейерхольда; о принадлежности Солженицына или Бродского соцреализму и говорить просто нелепо...

Вопрос — А можно пример привести лучшего достижения советской литературы и искусства с Вашей точки зрения?

Данилов-Данильян В.И. — Конечно, можно. Я, например, считаю, что «Чевенгур» Платонова под каноны социалистического реализма никак не подойдет, но является одним из лучших достижений советской литературы, советской культуры. В «Чевенгуре» сталкиваются различные понимания социализма, бытовавшие тогда, и ни одно из них не провозглашается истиной, все — ущербно. Добавим еще «Леди Макбет Мценского уезда», Пятую, Восьмую и Десятую симфонии, Второе трио Шостаковича, полотна Малевича, Филонова, «Воронежские тетради» Мандельштама, «Реквием» Ахматовой. Как ни углубляйся в недра социалистического реализма, там не найдется ничего, что могло бы стоять рядом с этими творениями. А приведенный короткий список — до неприличия неполон.

Социалистический реализм, безусловно, является историческим свидетельством своей эпохи, но это кривое зеркало, совершенно обязательно кривое. Пырьев хотел, чтобы казаки на Кубани жили так, как в его кинофильме, но прекрасно понимал, что они так не живут. Однако его фильм подавался не как мечта о несбыточном или, в крайнем случае, когда-то в будущем осуществимом, а как зеркало действительности, зеркало жизни в реальном социализме. И на деле это зеркало отражало не эпоху, а представления о ней, навязываемые газетными передовицами. Это — кривое зеркало.

Вопрос — Да почему обязательно кривое?

Данилов-Данильян В.И. — Да потому что не было ни одного колхоза, который бы жил так, как показывал социалистический реализм. А как только Александр Яшин написал рассказ «Рычаги» или Борис Можаев повесть «Живой» (переименовали в «Из жизни Федора Кузькина»), их тут же от этого соцреализма и отлучили... Потому что реальный социализм, как уже было сказано, никак не согласовывался ни с одним из вариантов теоретического социализма. В первом докладе несколько раз, даже много раз произносились слова «станов-

ление личности», «становление человека». Слова «становление личности» я услышал в первый раз в детстве, когда заболел меломанией. Дмитрия Дмитриевича Шостаковича спросили, что он хотел сказать своей Пятой симфонией. Он ответил: «Тема моей симфонии – становление личности».

Ванслов В.В. – Маленькую поправочку, уточнение – эту тему как становления личности первый сказал Алексей Толстой, а Шостакович с этим согласился и везде стал повторять.

Данилов-Данильян В.И. – Да, совершенно верно, он полностью принял эту формулировку и охотно стал ею пользоваться. В каком смысле Пятая симфония Шостаковича имеет темой становление личности? Обратите внимание – Пятая симфония написана в 1937 г., после статьи «Сумбур вместо музыки», после статьи «Балетная фальшь», после того как Шостакович снял, уже репетируемую, Четвертую симфонию с исполнения, поскольку понял, что за этим исполнением последует статья «Симфоническая фальшь», или «Сумбур вместо симфонии», или что-нибудь в таком духе. Промучившись несколько лет не только творческими муками, он написал Пятую симфонию. Так вот, о каком становлении личности эта симфония? Эта музыка говорит, что жить надо даже и при социализме. При всех этих прелестях – в разгар массовых репрессий, при полном подавлении свободомыслия, при подавлении культуры, при подавлении всего, что Шостаковичу дорого, жить все-таки надо. Именно в этом смысле симфония – о становлении личности, вне всякого сомнения.

В докладе о Ренессансе и советской культуре произносились такие красивые слова как «общность культур переходного типа». Переход подразумевает некое наследование, продолжение. Перечислять то, что было унаследовано от Ренессанса следующими культурными эпохами, можно бесконечно. Запутаетесь, вспоминая, что унаследовано от советской культуры и живет сегодня. А что унаследовано от социалистического реализма? Здесь другая трудность: попробуйте вспомнить хотя бы что-нибудь! Конечно, речь должна идти не о тех технически или иных не сопряженных с идеологией находках, которые были сделаны при поворотах на упомянутом прокрустовом ложе (приемы монтажа или компоновки кадра у Эйзенштейна и т.п.). Речь должна идти о «социалистическом по содержанию». Вспомните, пожалуйста, Пролеткульт, РАПП, РАПМ и т.д., последовавшие за ними (как бы вместо них) союзы писателей, художников, композиторов и т.д., все эти постановления, совещания, статьи в центральной прессе, приговоры которой обжалованию не подлежали... Это ведь и были те шампуры, на которые нанизывались произведения социалистического реализма. Что от этого осталось?

Никакой «пролетарской культуры» не было, нет и, очевидно, быть не может — хотя бы за отсутствием в современном мире пролетариата там, где есть более или менее внятная культура. Конечно, можно утверждать, что социалистический реализм когда-нибудь возродится, его время придет, и состоится его «соцреалистический ренессанс» и т.д., и т.п. Однако ничто не указывает на такую возможность.

Бузгалин А.В.

Начну с некоторого парадокса, который, по-моему, показывает специфику позиции Виктора Ивановича и многих других коллег, которые, я думаю, разделят его мнение. С одной стороны, справедливо сказано, что определений социализма бесконечно много. С другой стороны, сказано, что то, что было в СССР, не соответствует социалистическому идеалу. Из этого, все-таки, делается, видимо, вывод, что социалистический идеал есть. Можно, правда, сделать хитрый ход...

Данилов-Данильян В.И. — Вы меня перебивали, я Вас тоже перебивю. Из этого следует, что того социалистического идеала, который во всех концепциях, сколько бы их ни было, не удалось построить. Вот только то и следует!

Бузгалин А.В. — Замечательно! Значит, все-таки есть социалистический идеал, который присутствует во всех концепциях, но которого не было в СССР.

Данилов-Данильян В.И. — Ну, как угодно можно называть...

Бузгалин А.В. — Хорошо, коллеги, значит, во всяком случае в СССР не было чего-то такого, чего не существует или чему нет определения. Но в СССР этого точно не было. Правильно, Виктор Иванович? Нет? Не правильно? Хорошо.

Данилов-Данильян В.И. — Был, был реальный социализм, сыт по горло...

Бузгалин А.В. — Это правильно. Понимаете, на самом деле у нас в этом споре всегда присутствует неявное позиционирование себя в эпоху реального социализма и отношение к этой эпохе. И каждый, видимо, имеет свой опыт жизни в этой эпохе. И этот опыт жизни очень сказывается. Я честно не знаю, какой опыт жизни был у профессора Данилова-Данильяна в эту эпоху, у меня был свой опыт жизни в ту эпоху, который подарил массу проблемных противоречий, но подарил возможность самореализации, которую, на мой взгляд, получили только люди, очень активно участвующие в каких-то очень интересных общественных делах в современном западном мире. Мне просто повезло быть в очень живой, очень творческой, очень душевной,

очень дружеской пионерской организации, комсомольской организации, повезло с людьми, которые постоянно разбивали лбы о бюрократические барьеры, но для которых возможность поделиться своей душой, делом, работой было чем-то само собой разумеющимся. Деньги были мало интересны, квартирный вопрос стоял на десятом месте. Таких людей я знал сотни, то есть это были большинство тех, кто меня окружал. Наверное, мне очень повезло на школу в Сокольниках на отшибе, еще на что-то...

Но дело не в этом на самом деле. Дело в некоторых теоретических вопросах. На самом деле можно свести социалистический реализм к «Кубанским казакам», потом сказать, что это не самое лучшее произведение, которое к тому же извращает в кривом зеркале советскую реальность и посему достойно всяческой критики. Можно дать определение социалистическое по содержанию, национальное по форме просто потому, что так о нем было записано в самом плохом учебнике по эстетике, если вообще хоть в каком-нибудь учебнике по эстетике так было записано. Скорее всего, так было записано в неких партийных документах. В учебнике по эстетике было написано, начиная от школьного учебника по литературе, что социалистический реализм от критического отличается тем, что он, в отличие от первого, не только дает критику действительности, но и показывает некоторые общественные возможности разрешения этих противоречий и движения к лучшему будущему. Если посмотреть сколько-нибудь серьезные работы по социалистическому реализму, даже сталинской поры, там тоже будет та формулировка, которую я говорил. Бог с ними, с определениями философов, эстетиков и так далее. Давайте посмотрим на реальное многообразие искусства.

Было ли реальное искусство и культура в широком смысле слова, включая образование, науку, культуру человеческой жизни в ее творческом начале, которая стремилась искать идеал, разрешающий противоречия сегодняшней жизни, и помогать людям преодолевать эти противоречия и идти вперед. Вот такая трактовка возможна? Давайте назовем как угодно, не социалистическим реализмом. Давайте это просто назовем искусством... лучше сказать культурой, которая искала возможности разрешить противоречия существующего мира с точки зрения гуманистического идеала, и показывала какие-то шаги, которые может человек сделать реально на практике в этом направлении. Вот если так поставить вопрос? Я думаю, найдется очень много произведений искусства и каких-то дел в общественной жизни, которые шли в этом направлении.

Данилов-Данильян В.И. — Александр Владимирович, речь идет о лозунгах, которыми была переполнена вся наша реальность. Про буржуазную культуру, конечно, и в социалистическом реализме мы будем рассуждать, что там хорошего, прогрессивного и предшествующего, а что заслуживает отрицания. Но само слово «буржуазный» было всегда при социализме ругательным.

Бузгалин А.В. — Ну я все-таки продолжу. Ну, давайте посмотрим в параллель с ренессансом. Сейчас кажется совершенно нормальным то, что 90 процентов живописи итальянского Возрождения — это картины на библейские сюжеты. Представим себе, что в советском искусстве все картины были бы посвящены... сюжетам и лицам — Мадонна, Христос, некоторый круг святых, а здесь это были бы исключительно Ленин и члены политбюро в разных вариациях.

Реплика. — Доярки, механизаторы...

Бузгалин А.В. — Нет, не доярки и механизаторы! Ленин и члены Политбюро. И больше ничего, в самых разных вариациях. Я понимаю, конечно, это звучит кощунственно. Но тогда ведь за религией стояла инквизиция. И, кстати, если не инквизиция, то во всяком случае большая часть... или значительная часть деятелей Церкви, начиная от Папы Римского, заказывали художникам жесткие, идеологически заданные рамки, оплачивали приличные деньги и те писали для них картины в соответствии с тем, что можно было и что нельзя было писать, и ограничений было, по-моему, не меньше, чем в эпоху социалистического реализма. Нас волнует, вообще говоря, кто заказывал эти картины? Когда Рафаэль расписывал Сикстинскую... кто это заказывал? Какие требования выдвигались? Для нас сама даже постановка такая кажется кощунственной. Но искусство и тогда использовали для своих целей. Власть в эпоху Ренессанса очень жестко это делала. Тут сходство противоречий между творческим гуманистическим устремлением художника и его подавлением со стороны власти довольно очевидно просматривается. Равно как и тот гуманистический потенциал, о котором мы говорим применительно к советской культуре.

Есть еще момент идеологического оформления советского искусства и его реального восприятия людьми. Да, советская эпоха породила интересную превращенную форму. А именно: категории форм, которые создают видимость другого содержания. Как в случае с «Кубанскими казаками», и здесь я поспорю с Валентином Ивановичем. Для меня это одно из самых слабых произведений советской культуры и искусства. Сегодня их крутят по той же причине, по какой крутят старым голливудские истории или наши новые сериалы про то, как ку-

харка выходит замуж за миллиардера. Если сравнивать их, то «Кубанские казаки» сделаны лучше, чем голливудские фильмы. Но это второй вопрос, кто и что лучше. Вот фильм «Неотправленное письмо» 60-х годов, классическое воплощение модели социалистического реализма, о которой я только что говорил, серьезная попытка по разрешению реальных противоречий с точки зрения поиска идеалов. Вдумайтесь! Трое ребят, самых обычных, ищут алмазы, находят алмазы, огромное месторождение. И дальше отдают свою жизнь, причем отдают мучительно, в противоречиях ради того, чтобы в конце концов донести карту месторождения до людей. Отнюдь не для того, чтобы засунуть это бриллиант себе в карман и любой ценой выбраться с ним в Америку. У них даже мысли такой нет. Есть противоречие любви, верности, конфликта друзей, слабости, силы – масса конфликтов. Очень жесткий фильм на самом деле. Но идеи спрятать карту, продать, уйти в Америку вообще не возникает. Или не идти вообще, плюнуть на карту – тоже не возникает. Вот про этот фильм как-то никто не хочет говорить, а всё про «Кубанские казаки». Здесь я поставлю многоточие...

Я не про то, какая была эпоха, хорошая или плохая. Я о том, что она была очень многообразной даже при цензуре. Если говорить про культуру людей, это будет уже совсем другой вариант, который не социалистический реализм, это просто богатство советской культуры, она была очень противоречивой. Точно также и ренессанс был очень противоречивым. Там были до нас не дошедшие произведения, которые на самом деле жестко следовали церковному идеологическому канону, который сейчас мало интересен кому либо и про них вспоминают историки. И были произведения, которые пережили свою эпоху. И когда Вы говорили про этот кружок, где собирались... там действительно собирались более-менее единомышленники, и таких кружков было несколько, просто два-три из этих кружков там академия до нас дошла, как кружок, а какие-то кружки не дошли, как этот кружок. Поэтому мне кажется, здесь это очень важно. И что касается прошлого, тут мельком сказали, что прошлое хорошо не только потому, что девки были молодыми... понимаете, ведь есть и возможность критического восприятия эпохи и любви не только к молодым девушкам. Вот я, например, считаю, что можно много десятилетий любить женщину независимо от того, сколько ей лет. И когда ей чуть больше, чем двадцать, ее можно любить ничуть не меньше, чем когда ей 16 или 20. Точно также и с культурой советской эпохи. Мне кажется, дело не только в том, что она моложе или нет, что она соотносится с юностью или нет. Дело в том, насколько она действительно дает отзвук сегодняшнему миру. И она этот отзвук дает. Это еще один сюжет.

Сюжет, который немножко в стороне стоит от того, о чем мы здесь говорим, но тоже хотел бы упомянуть, возвращаясь к началу доклада Людмилы. Это сюжет о параллели ренессанса и вообще реального социализма, точнее, не ренессанса как культуры, а Италии эпохи ренессанса и реального социализма. Так получилось, что ваш покорный слуга, не помню, сколько лет назад, но по крайней мере, лет десять, написал, что опыт итальянского возрождения с гибелью первого буржуазного проекта — я немножко поспорю с Людмилой, все-таки был буржуазный проект, который завершился поражением. Я заканчиваю на этом. И опыт советской эпохи с гибелью первого социалистического проекта при всех его неопределенностях, они имеют некоторую интересную парадигму. Я на этом Клубе когда-то очень давно уже говорил, что если бы Френсис Фукуяма, написавший «Конец истории», жил в конце XVII в., он бы, наверное, сказал — странные и чудовищные эксперименты с попытками создать буржуазную систему в Италии, завершились закономерным поражением, сословно-монархическая система восторжествовала в мире, маленькое исключение в виде Голландии... можно им пренебречь, в остальном, собственно, история закончилась, оставим это все в стороне. И привести огромный перечень ужасов ренессансной эпохи, о которых говорил наш коллега. Вот эта параллель на самом деле она очень часто бродит в литературе сейчас, ее открыл заново совсем недавно Соми Ромин, до этого ее открывал Поль Суизи, открывали еще несколько авторов. Ну она на самом деле очень специфична.

И последний сюжет в этой связи по поводу того, что противоречия советской культуры можно сравнить с противоречиями любой культуры. Один вариант противоречий любой переходной эпохи — второй вариант. Мне кажется, это не совсем так. Есть одна важная деталь — то, что советская культура есть некий продукт развития, элемент развития культуры с большой буквы. Вот культура с большой буквы, когда Виктор Иванович говорил о Толстом, можно сказать о Шекспире, можно сказать о античности. Это культура, которая действительно ставить проблему снятия отчуждения то ли в форме денег — Шекспир, то ли в форме авторитарной власти, то ли в форме сословного неравенства, то ли еще в какой-то форме. Эта проблема, эта культура, которая всегда гуманистична. Это тоже правда. Но, видимо, есть некий шаг в советской культуре, который здесь делается. На мой взгляд, шаг вперед. Людмила об этом говорила, я повторять не буду, времени нет. И в этом смысле она сугубо наследует такие вещи. Если же говорить об антагонизме, то, скорее, в советской культуре был антагонизм по отношению к не-культуре. Не путать с антагониз-

мом партийных документов, которые проповедовали некоторые принципы. Это все-таки разные вещи. Понимаете, позиция... я не знаю... Маяковского, Шолохова, Твардовского и позиция Жданова — это все-таки разные позиции, я думаю. Он, например, говорит, что они все были вопреки — они в чем-то и были вопреки, это правильно. Но они не были все-таки теми, кто жил кругом по ту сторону этих баррикад. Вот поэтому мне кажется важным понять советскую культуру как развитие всей культуры, но и понять специфику, почему у нее с ренессансом сходство. Я имел в виду в данном случае в прямо смысле слово «бездуховный», я в данном случае говорил о том, что Твардовский не был по другую сторону баррикад с кем-то в том мире.

Давайте все-таки посмотрим, почему именно ренессанс мне кажется здесь важным. Наверное, по двум причинам. Причина номер один — ренессанс это уникальная эпоха, когда человечество пыталось действительно качественно изменить свою общественную жизнь. И дело здесь не в доминировании идеологии. Дело в том, что действительно была мощная волна социального, культурного человеческого обновления. Идеология была следствием этого, наличие и обновление идеологии, а не причина. И таких эпох такого качественного сдвига на самом деле найти можно очень мало. И в этом смысле мне кажется это уникальное сходство. Сходство действительно качественного обновления с прорывом к действительно гуманистическим началам.

МАГАРИЛ С.А.

На мой взгляд, все же желательно было бы получить ответы на такие вопросы. Насколько поражение гуманистических интенций, крушение идеалов, углубление мещанства в советскую эпоху было исторически закономерно? Почему в жизни советского общества 20-го века не удалось не только развить, но даже сохранить гуманистическое наследие великой русской литературы XX в.? В чем причины? Где искать корни? Возможно — не более того — возможно прав был Лев Николаевич Толстой, когда писал о насилии преобладающего невежества. Но в таком случае интерпретация истории революции как борьбы двух тенденций, по умолчанию как чего-то соизмеримого, равнозначного не вполне убедительна. Сталинизм, на мой взгляд, был не случайностью в истории России, а ее закономерным звеном. К началу XX в. в России исторически вызрела не демократия, а диктатура. В связи с этим позволю себе напомнить принцип Лейбница — если что-либо произошло в действительности, следовательно, только и именно для

этого оказались достаточные основания. Ну и, наконец, последнее. Что противопоставить нарастанию антиинтеллектуализма и бездуховности, о которых было так много, и ярко, и выразительно сегодня сказано? Какое будущее может породить муляжное настоящее.

МАСАРСКИЙ М.В.

В новое время, то есть в начале буржуазной эпохи, с которой безуспешно пытался бороться не один Маркс, расщепилось два измерения человека — социальное и политическое. То есть второе перестало быть намертво связано с социальным положением. Скажем, феодал имеет землю — он уже политическая фигура. Буржуазия разорвала это соотношение. И вот против этих двух поворотов, двух этих революционных событий и восстал социалистический реализм. Если панорамно взглянуть, без всяких иллюстраций конкретики, то это попытка опровергнуть эстетику частной жизни, сделать человека функцией его политической роли. Человек не интересен сам по себе, он интересен только так и в той мере, как хорошо он выполняет свою социальную роль. Приведу пример — роман Юрия Олеши «Зависть», где два героя — Бабичев, человек-функция, бюрократ, успешный функционер, строит массовые столовые, для масс, и есть поэт Кавалеров, который видит мир очень поэтично, влюбился в девушку, которую увел у него другой человек, тоже функция. А он сам по себе, и никаких функция у него нету, валяется себе на диване, он не привязан, его приютил Бабичев и не знает, что с ним делать. Бабичев точно занят, он всегда жизнерадостен, а этот скулит. Роман начинается такими словами — «он любил петь в клозете». Это Бабичев любил петь в клозете. А как видит мир? Радуетя всем её отправлениям. А поэта Кавалерова сначала поднимает Юрий Олеша, а потом опускает опять на диван. Итак, эстетика частной жизни, эстетика неангажированной жизни перечеркивается. Талантливое произведение..

Маяковский подписался бы под тезисом, что частное по сравнению с общим ничто. Помните его «Единица — вздор, единица — ноль»? Но такие гениальные произведения, как «Чевенгур» и «Котлован» никакого отношения к соцреализму не имеют. Это произведения советской эпохи, советского времени. Я хочу сказать, что это искусство достойно того, чтобы о нем говорить, там великие произведения создавались, и одновременно шла ожесточеннейшая идеологическая борьба. Даже Маяковский не выдержал, сломался, покончил с собой. Лучшие, талантливые люди чувствовали себя очень некомфортно. Они надрывались, конечно, пытались найти что-то такое

светлое. Как у Пастернака читаем о Ленине — «он управлял течением мысли и только потому страной». Ну, не управлял он течением мысли на самом деле, просто таким хотелось Пастернаку видеть его...

Итак, можно ли провести параллели между ренессансом и советским искусством? Да между чем угодно можно провести параллели! Только эти параллельные линии не пересекаются. Потому что ничего общего между ними нет. Потому что все социалистическое искусство, соцреализм — отрицание торжества индивидуализма, этой основной человеческой мета-роли. И нефункциональности человека. Человек по-кантовски — не средство, но цель.

Толстых В.И.

Повторюсь, и скажу, что книжка Людмилы Алексеевны мне понравилась. Не потому, что она хвалит социалистический реализм. А потому, что она отнеслась к предмету описания предельно добросовестно и серьезно, с уважением и пониманием, отмечая сильные и слабые стороны феномена. Ни кому никто соцреализм, как и советскую культуру, не навязывает, а пытается раскрыть его смысл и сущность в противоречивости. Короче, не хулит и не хвалит, а анализирует, что и призван делать человек науки, даже тогда, когда предмет разговора ему активно не нравится. Например, капитализм мне, ну, совсем не по душе, меня от него воротит, но я не унижусь до того, чтобы по его поводу ругаться, как это делает тот же Александр Ципко по отношению к «социализму». Более того, несмотря на неприязнь, признаю и понимаю, какую именно цивилизующую роль капитализм сыграл в человеческой истории. Не принимаю я идеологию Голливуда, и не считаю его продукцию верхом искусства, хотя некоторые фильмы очень люблю и считаю классикой, и саму эстетику «капреализма» рассматриваю и анализирую со всей серьезностью и основательностью, не смешивая и не путая «божий дар с яичницей». Это всё я к тому, почему и за что лично я ценю работу исследователей, которые берутся за темы и проблемы, попавшие в число изгоев, как тот же соцреализм. Убежден, что вся советская культура дождетса своего исследователя — глубокого и честного. Она того достойна. Особенно на фоне того, что именуется культурой сейчас.

Ванслов В.В.

Дорогие коллеги! Я ничего не собираюсь заключать, я хотел бы воспользоваться своим словом заключительным для того, чтобы сделать маленькое дополнение к своему выступлению. Я задался таким

вопросом, которым, я думаю, и многие задаются, и частично он сегодня прозвучал не только у меня. А что останется в развитии XXI в. в дальнейшем и, может быть, дальнейших веков, от художественной культуры XX в.? Если ответить на этот вопрос в самой общей абстрактной форме, то можно сказать, что останется все талантливое. Но это абстрактная истина, которая, как и всякая абстрактная истина при всей своей бесспорности достаточно неопределенна. Вот попробуем ее конкретизировать.

Кажется, Вы спросили, что самое значительное можно представить себе. Я думаю, что разное. Я бы, прежде всего, назвал деятелей искусства разных видов, того, что я назвал неангажированным реализмом. Конечно, это останется в будущей культуре. Я назвал ряд художников, можно назвать в литературе целый ряд явлений, которые не служили официозу, маленьких и больших. Вы правы совершенно были, когда сказали, что художники деревенской прозы внесли очень большую... они были реалистами чистой воды... внесли очень большой вклад в нашу культуру, но они не причисляли себя к социалистическим реалистам. Также, как и аналогичное явление в живописи, суровый стиль, это я их ошибочно причислил к социалистическому реализму, о чем я сказал, но сами они себя не причисляли. Вот это не ангажированные реалисты. Это большие художественные ценности, которые останутся.

Второе. Останется, конечно, настоящее талантливое искусство, которое вскрывало противоречия культурной исторической жизни 20-го века, начиная от произносившихся здесь имен Платонова, Булгакова, Пастернака и многих других. То, что противостояло официозу и показывало внутренние противоречия те, которые вуалировались официальными властями. Это вторая мысль.

И третья — это останется, конечно, ряд талантливых произведений социалистического реализма, не конъюнктурных, не халтурных, которые, когда художники часто искренне верили в то, что они делали, и у которых был действительно талант. Они останутся, прежде всего, как документы времени, о чем я говорил, и как просто художественно достойные произведения. Что я подразумеваю под словом «останутся»? Независимо от того, что крутится на телевидении и что пропагандируется. Я подразумеваю то, что они будут жить в художественной культуре будущего также, как сейчас в нашей современной культуре живут произведения прошлого. Но сама-то эта культура будет, конечно, совершенно другая, не похожая ни на одно из этих течений. Какая она будет — сказать очень трудно, хотя контуры ее сейчас в чем-то вырисовываются, мы стараемся их поймать, уловить как-

то в своих книгах и статьях, но это очень трудное дело. Но, тем не менее, все равно эта культура будет не похожа на культуру XX в., хотя в чем-то и будет опираться на неё. Вот в этом смысле я считаю, что XX в. при всех своих недостатках и противоречиях для человечества в художественной области не прошел бесследно. И даст стимул для будущего, хотя самое это будущее будет совсем другое.

БУЛАВКА Л.А.

Во-первых, я благодарю всех за выступления, которые здесь прозвучали и которые, я думаю, прорастут какими-то новыми соображениями, идеями и даже несогласиями, надеюсь, творческими. Но на нескольких вещах я все-таки хотела бы остановиться.

Первое. Классическое искусство — это всегда рассказ, это история о каком-то событии. Советское искусство несло в себе не только рассказ о каком-то событии, но и сам принцип нового со-бытия. То есть принцип совместного со-бытия и становится содержанием события в советском искусстве. А что составляет их основу? Так вот в советской культуре основой, как события, так и со-бытия является принцип такого преодоления отчуждения, при котором классовые противоречия снимаются в противоречия мира культуры. Это, кстати, является и сущностью метода соцреализма.

Не случайно, после встречи Маяковского с Дягилевым в Берлине, в ходе которой у них состоялась жесткая полемика по поводу главного вопроса — а зачем нужно искусство — поэт был приглашен известным продюсером в Париж. Дягилев, будучи далеким от идей коммунизма, тем не менее через культурную мощь Маяковского понял не только художественную, но и идейную масштабность поэта.

Второе. Особенность отношения «разотчуждения» заключается в том, что оно предполагает неразрывность и процесса, и субъекта, и результата разотчуждения. Разрыв этого единства между процессом и результатом разотчуждения, например, в киноискусстве соцреализма отнимает у зрителя возможность быть со-субъектом героя, а значит — совершать вместе с ним поступки. В результате процесс преодоления отчуждения зритель должен воспринимать уже не критически, а брать на веру. Так зрительский соцреализм в культуре превращался в зрительский сталинизм.

И, наконец, третье, еще раз по поводу сопоставления Ренессанса и советской культуры. Конечно, можно сопоставлять все, что угодно, что и делает постмодернизм. Но речь идет не об этом типе сопоставления, в котором нет оснований.

В основе моего сопоставления лежала идея преемственности гуманистических идеалов культуры. То, что в основе советской культуры лежит не религиозная, не национальная идея, а идея высвобождение этого мира от всех форм отчуждения через утверждение идеи человека как субъекта культуры и истории — все это и дает основание считать советскую культуру не только прямой наследницей гуманистического пафоса Ренессанса, но и исторической формой всемирной культуры. И действительно, советская культура является не просто частью мирового культурного процесса, но *всемирной* формой культуры.

Так что в истории мировой культуры дважды был осуществлен революционный прорыв в гуманизм: если Ренессанс впервые проговорил формулу субъектности — формулу Маяковского — «Я сам» применительно к культуре, то советская культура — проговорила эту формулу уже и в истории и потому в культуре.

И последнее: если Ренессанс стал предтечей идеалов свободы, то советская культура, перемножив эти идеалы раннего либерализма на идею субъектности в истории, не только провозглашала, но и практически утверждала идеалы освобождения, в частности, от власти капитала, рынка, частной собственности, невежества и, наконец — фашизма.

Толстых В.И. — Спасибо всем без исключения, и тем, кто говорил, и кто молчал, записывал, слушал — всем, всем спасибо.

ИСТИНА КАК ПРОБЛЕМА

7 февраля 2008 г.

Толстых В.И.

Дорогие друзья! Несколько дней назад после продолжительной болезни скончался замечательный философ, талантливый теоретик искусства, и не только искусства, ветеран нашего Клуба – Карл Моисеевич Кантор. Была панихида, были похороны... Карл Моисеевич, когда он был здоровым, часто посещал Клуб, много раз выступал и всегда его выступления выделялись глубиной, ясной позицией и яркой формой. Я этого человека очень уважал, любил, в каком-то смысле он был для меня даже образцом, человеком убеждений и принципов, для которого слова социализм, марксизм, революция были серьезными и важными до самого последнего времени. Давайте почтим память Карла Моисеевича вставанием. Спасибо...

Я благодарен судьбе за то, что однажды она подарила мне встречу с Ричардом Ивановичем Косолаповым. Это было в начале 1970-х гг. Тогда я поступил в Институт философии (1970) и дирекция, исполняя указание Центрального комитета партии, поручила нашему отделу, которым руководил Владислав Жанович Келле, создать труд «Социалистическое общество». Мне поручили этот труд возглавить, создать коллектив, наладить его работу. Вот тогда-то я и пригласил посотрудничать с нами Ричарда Ивановича Косолапова, главного редактора журнала «Коммунист», известного философа и теоретика социализма. С этого момента лично для меня начинается история наших отношений. Хорошо помню наши споры, в которых участвовали Вадим Михайлович Межуев, Тамара Викторовна Керимова, Владислав Жанович Келле и другие коллеги и товарищи. На мой взгляд, для того времени это была честная книга, конечно, идеологизированная, но с постановкой ряда интересных теоретических вопросов. Ду-

маю, не такую, о какой мечтал Андропов, сказав в 1983-м г., через 8 лет, что мы не знаем общества, в котором живем. Но работали мы с увлечением. Потом я участвовал в книге, составителем и редактором которой был сам Ричард Иванович — «С чего начинается личность», и мы часто встречались, много спорили, разговаривали, обсуждали. Короче, Ричарда Ивановича Косолапова знаю давно и уважаю как человека убеждений и принципов, которым он никогда не изменял. Хотя, конечно, как все мы, он тоже менялся, судя по его работам последнего времени (тем, которые я знаю).

Мне давно хотелось пригласить его выступить в клубе, но не было конкретного повода. И вот повод появился — это большая статья, которую написал Ричард Иванович — под названием «Неспокойные этюды», для «Экономической и философской газеты». В ней он делится своими размышлениями по поводу того, что происходит в нашей действительности, в том числе и в особенности в любезной всем нам философии, в интеллектуальной сфере в целом. Я подумал, что встреча с Ричардом Ивановичем была бы очень интересна для членов Клуба, хорошо его знающим и уважающим. Многие вопросы из тех, которые он ставит, поднимает в своей статье, мы тоже ставили и обсуждали в разное время. Статья интересная, хотя, наверное, не бесспорная, и, видимо, вызовет оживленный обмен мнениями, на что я и рассчитываю...

Итак, прошу любить и жаловать нашего дорогого гостя. По нашей, уже сложившейся традиции и процедуре, предоставляю ему слово для выступления, а потом приступим к обсуждению. Довожу до сведения гостей, что многие члены Клуба познакомились со статьей Ричарда Ивановича заранее, то есть подготовились к разговору предметно. Спасибо, что пришли.

Косолапов Р.И.

Как принято у социал-демократов, именую вас коллегами, как принято официально в «гражданском» обществе, называю вас господами, но тяготею по-прежнему к слову «товарищи».

Товарищи, у меня ощущения странные, и о них я хочу здесь сказать. Валентин Иванович Толстых, с которым мы были основательно знакомы, и мы выпустили с ним одну книжку (о ней он сказал) и два издания сборника о личности, где выступили не самые худшие люди, Ильенков там был, и Радзинский там был, и у Толстых там была статья, и так далее, — он, наверное, не помнит один для меня памятный эпизод. Сразу после XXVII съезда КПСС, когда я ненароком вылетел

из всех высоких инстанций, он мне позвонил. Мы встретились на Гоголевском бульваре, и Валя меня спросил грозно, по-прокурорски — «что происходит?».

Толстых В.И. — Не прокурорски, а заинтересованно!

Косолапов Р.И. — Я знал что происходит, но не верил этому. Бывает так, когда самому себе не веришь. Громадная партия, могущая противодействовать всем крайним тенденциям, громадный управленческий аппарат, могучий научный корпус, военно-промышленный комплекс, в конце концов, армия с грамотными кадрами. Кто же знал, что там главный теоретик — это Волкогонов? И он показывался тогда иначе совсем. Я Вале ничего не сказал, тем более, что при прощании Зимянин намекнул мне на возможность ареста... Странные вещи бывают на свете! Вроде не утекли эти 22 года, как Валя появился опять. За это время прошла целая человеческая жизнь и произошли гигантские изменения в стране. У меня ощущение такое, что он нашел на дне своей шкатулки сушеного кузнечика, вытащил его, подумал и решил попробовать — может он еще поскачет?..

Я, товарищи, написал эту работу, запоздал с нею, конечно, очень запоздал, лет на 15 по крайней мере.

Толстых В.И. — А я на 22...

Косолапов Р.И. — А Вы через 22 встретились со мной. Я не люблю... незачем пересказывать то, что написано и что можно просто прочитать. Поэтому я излагать ничего не буду, доклада делать не собираюсь. Ну, а сделаю мелкие замечания по поводу этого.

Полагаю, что философии сейчас нужно свежее дыхание более чем в какой-либо другой момент, нужно новое сердцебиение, чему свидетельством много-много вещей.

Я в прошлый понедельник был на госэкзамене. Братцы мои, сие действо удивления достойно. Сидит комиссия с умным видом, и сидит выпускник — выпускник! — философского факультета. И сразу же в воздухе возникает вынутый стержень философский, диалектико-материалистический, — он плохой или хороший был, но служил основой, остовом, скелетом, концепцией. Ну и все. А сейчас у наших юных коллег его нет. Вместо цельного мировоззрения некое желеобразное тело, тельце, расплзающееся на отдельные фрагменты. Я смотрю на этих выпускников — мне их жалко, конечно, — куда они потом денутся?

Я написал, что написал. Я думаю, что хорошей исходной позицией является поиск или уже нахождение новой формы материализма, вопрос о которой был поставлен столетие с третью назад. Энгельс в 70-х гг. XIX в. писал об этом.

Дело в том, что с тех пор изменилось соотношение духа и материи. Это иначе можно назвать. Основной вопрос философии, который раньше мы трактовали в известном смысле, — говорить вам нет необходимости об этом, — по сути дела стал основным вопросом... ну я назову так — соотношения субъекта и объекта, субъект-объектных отношений в самом плотном смысле слова. Причем объект-субъект все время меняются местами в ритме живой, трепетной диалектики. С этой точки зрения надо анализировать все достижения науки прошлых полутора веков, тем более, что русская наука в данном случае представляет совершенно уникальный материал. Я считал имена, даже те, которые полуизвестны или не известны нам с вами, — это россыпь звезд. Нам нужно учитывать то, что произошла революция в естествознании, фиксированная — вы знаете, кем, — известным товарищем, которого вычеркнуть из истории мы не можем и будем преступниками, если допустим это. Научно-техническая революция, революция в средствах массовой информации, происходящая сейчас у нас на глазах, буквально охватившая нашу страну в результате синхронно пресловутой «перестройки» и всех прочих реформ. Интернет, охватывающий полностью духовный мир человека, оплетающий его абсолютно намертво, обязывает нас в этой связи ставить вопрос об истине и о лжи одновременно, о соотношении той и другой и объективном влиянии лжи и истины на общественные отношения.

Понимаете, мы робки были как-то — материя, сознание, первичное, вторичное... Тыр-пыр... Мы не улавливали сбоев взаимодействия, не умели учитывать и изображать пульсирующую обратную связь. Необычайно трусливы были в этом отношении. И получилось так, что ложью, запущенной в ноосферу, противник социализма нас опередил, обротал и отнял у нас массовый базис. Под ним я имею в виду сознание и самосознание народа и вряд ли допускаю здесь грубую неточность. Но вы меня понимаете, вы профессионалы высочайшего класса, и поэтому хитрить с вами как-то так... изворачиваться нет смысла. Об этом я написал, это мучило меня давно. Хотя постановка вопроса была, если говорить правду, еще с ленинской «Искры».

Подумайте. Постановка газеты, обычной газеты становится постановкой вопроса о создании партии. Возникновение той партии переходит в становление, становится колыбелью государства, нового государства. Поняли мы себя-то — где жили, что делали, к чему принадлежали, что творили?

В ноосфере, поскольку идет наступление лжи, она по сути доминирует. И естественно, у нас возникает масса новых проблем. Соотношение лжи и истины в общественном сознании не улавливает-

ся многими, но вы-то должны понимать — почему? Отнимая у нас, скажем, возможность высказывать истину, реакция лишает нас возможности нормально мыслить, то есть души философию, а с нею и всю науку. Постановка вопроса об этом, о, скажем, влиянии духа на общественные отношения — это постановка вопроса о наличии или отсутствии различий в степени осознания бытия, а значит и верхнего этажа человеческого сознания. Не редко говорят — вот, наука виновата, потому что победил рациональный момент. Прошу прощения, рационализм не враг диалектике, не ее антипод, в рационализме уровень разумности, логический уровень не мыслим без эмоционального. Я поэтому и ставлю вопрос о том, что философам... ну, я прошу прощения, трудно быть или невозможно быть, не обладая определенным типом художественного мышления. Здесь должна быть, конечно, дозировка, обижать людей не стоит, но что дано, то дано кому-то. Это проблема очень многогранная. Она касается всего. Есть у нас точки опорные. Мы не можем обойтись без авторов, которых можно отнести к категории, скажем, космистов. Есть основные точки нашей психологии, ее любили раньше называть павловской. Не только павловская, она леонтьевская, между прочим. Леонтьева позабыли, затоптали вовсе. Есть другие позиции, которые крайне необходимы.

Мы зря изображаем из себя интеллектуальную периферию мира. Меня буквально бесит это. Откуда мы взяли, что мы периферия? Нашим людям внушают мнение об их якобы деревенскости. У нас была, может быть, плохая, конечно, подчас нелепая, но великая школа диалектического материализма в XX веке. Лучшей ведь в мире не было. Это была большая школа. Тут находится мой учитель, Владислав Жанович, я был студентом его когда-то, видите — такой старый уже, а он по-прежнему молодой, был учителем моим. Все же помнят это. Назовите мне превосходящие достижения где-либо. Не можете?.. И, конечно, знаете, что тот, кто напоказ себе посыпает макушку пеплом или мажет себе физиономию грязью, не достоин уважения. Я вот общался со многими людьми, иностранцами тоже, и все признают, что человечество сейчас находится на некоей странной грани, поскольку капитал и власть имущим официально выгодна дебилизация масс, потому-то и положение философии как бедной сироты неприкаянной оставляет желать много лучшего.

Я больше, наверное, говорить не буду, достаточно.

Толстых В.И. — У нас на наших встречах мы даем 10 минут для вопросов. Просьба, у кого есть вопросы уточняющего характера, — пожалуйста.

Славин Б.Ф. — У меня два вопроса. Первый вопрос — как Вы все-таки оцениваете современность с философской точки зрения, то общество, в котором мы живем. Это первый вопрос. И второй вопрос более у меня личный — когда-то Вы писали статью, если мне память не изменяет, в «Коммунисте», она называлась так — «Сталинизм или все же ленинизм?», где Вы доказывали принципиальное отличие взглядов Ленина от сталинской версии социализма и т. д. Но, поскольку я знаю сейчас, Вы изменили немного свою точку зрения. Я исхожу из того, что вы стали таким большим пропагандистом и библиофилом, библиоиздателем сталинских произведений и необходимости этой версии для современности.

Косолапов Р.И. — Сейчас у нас слаборазвитое постсоциалистическое буржуазное общество, которое стало таковым благодаря вандалическому сбрасыванию половины мощностей промышленности и сельского хозяйства, разрушению нашего интеллектуального потенциала. Россия оказалась где? Понимаете... Россия где-то находится около середины XIX в. У меня ощущение такое, что она напоминает в данный момент что-то вроде России конца царствования Николая I — начала Александра II, Россию, потерпевшую поражение в Крымской войне. Да, был подъем, была динамика самостоятельного крупного государства, империи. Положение в общем лучше, чем теперь... А нынче? Ну, вы сами информированы. Можно комментировать это долго, но ситуацию в стране вы знаете не хуже меня.

Статья «Сталинизм или все же ленинизм», что-то вроде этого, была у меня действительно в полемике с одним молодым человеком, по-моему, Амбарцумовым. Он меня уличал в том, что я в каком-то там дредноуте тону с кем-то вместе со сталинской концепцией. Но я никогда сталинистом не был, все читавшие меня внимательно это знают. Однако я в данном случае фиксирую две вещи, относясь к работам Сталина как к объективному фактору. Во-первых, нельзя терпеть крушение огулом, погром мысли партийной, не только общественной мысли нашей за 30 лет, изображение этого как сплошной дыры более чем не справедливо. Во-вторых, люди должны знать документы. Моя позиция была такая — не о Сталине, а сам Сталин. Читайте его. А его читать не давали четыре десятилетия. Целое поколение оказалось отключенным в значительной степени от партийного голоса и от Сталина в первую очередь. Я ничего не переменил в своей принципиальной позиции. Ничего. Опять же, если вы внимательно читали кое-что напечатанное, хотя, правда, этого мало. Просто я дал ход изданию, которое не было закончено, было прервано и которое, конечно, должно продолжаться. Вот и все.

Славин Б.Ф. — Ну, и в той связи я просто уточняющий вопрос, извините. Я знаю, что Вы вместе с ЦК КПСС принимали участие или каким-то образом касались этого вопроса о дезавуации XX съезда партии. Так ли это?

Косолапов Р.И. — Так, так.

Славин Б.Ф. — Аргументы могли бы дать на этот счет?

Косолапов Р.И. — Ну, я коротко скажу, что мне бросилось в глаза, когда я разбирался, копнул немножечко. Дело в том, что доклад Хрущева знаменитый был за пределами съезда. Съезд закончился, уехали уже иностранные делегации, и собирается вдруг что-то вроде актива. Делегаты съезда уже были не правомочны, они закончили свои полномочия, избран новый Центральный Комитет. Это интересная деталька. От людей, которые там были, я знаю, что это было неожиданно, реакции никакой не проявлялось, ни аплодисментов, ни реплик, ни вопросов.

Толстых В.И. — После доклада?

Косолапов Р.И. — Да. В перерыве ходившие делегаты не разговаривали друг с другом, боялись заговорить и не смотрели друг на друга, а только в пол. Обстановка была своеобразная, сами понимаете. Попади мы в такое положение, наверное, вели бы себя аналогичным образом. Так что с этим надо было потом разбираться как следует. Доклад готовился Шепиловым. Ну, вы читали, небось, его мемуары. Читали? Все читали об этом. Под рукой у него имелся один только текст, который был представлен Поспеловым. Кто готовил, я, конечно, не знаю. Вот этот текст использовал Шепилов. Ничего другого, никакого материала у него больше не было. Он был вызван Хрущевым на другой день после начала съезда, получил задание, ушел и два дня подряд писал. Потом он рассказывает, что после этого слушал доклад. Куски были его, некоторые измененные, но, судя по всему, наверное, это сделали два помощника Хрущева, Шуйский, который работал вместе со мной, даже под моим началом одно время был, старый опытный, надо сказать, чиновник. И Лебедев, активный проповедник хрущевского культа. Но это длинная история...

Келле В.Ж. — Ричард Иванович, у меня такой вопрос. Вы затронули одну очень существенную проблему — проблему духовности. Различные средства религиозной духовности, необходимости подъема нашей духовности, потому что идет морально-нравственный распад в обществе и т.д. Но тон и стиль, в котором это сказано, меня просто резанул. Конечно, первая коммунистическая община, христианская община, слово «коммунизм» здесь употребляли по-разному, так что это не новое. Но когда, например, появление Ленина рассмат-

ривали как второе пришествие Христа, что Достоевский это предвидел, мне кажется, это не понятное такое, это богоискательство получается. Я бы хотел, чтобы Вы пояснили эту свою позицию, что толкуется как высшая духовность, большой дух, этот пафос тоже непонятный. Потому что эти вещи можно так заболтать, что к слову духовность будет уже негативное отношение. Поясните, пожалуйста, свою позицию.

Косолапов Р.И. — Вы правы, Вячеслав Жанович, я местами пересаливал по части пафоса, но делал это сознательно, для эпатажа, для того, чтобы обратили большее внимание. И то, что Вас резануло, — это меня радует. Снизить, сделать маленькую букву вместо большой мы всегда можем. Это скорее к стилю относится, чем к смыслу...

Толстых В.И. — Я думаю, что хватит с вопросами. Многие хотят высказаться. Пожалуйста, кто желает первым?

Гобозов И.А.

Мы с Ричардом Ивановичем с одной кафедры, и сейчас с экзаменов. Как раз основной вопрос философии обсуждали. И наш выпускник свел основной вопрос философии к проблеме человека. Один из профессоров поддержал его, а я категорически возражал, и сейчас возражаю, в том числе и Вам, Ричард Иванович. Основной вопрос философии это гносеологический вопрос всего-навсего, больше ничего. Но с появлением философии Ницше, потом позитивизма, структурализма и, наконец, постмодернизма, он исчез, как начинает исчезать и философия как таковая.

Теперь второе. Я считаю, что нет и истины как проблемы. Она уже давно решена. А есть проблема отношения к истине. Думаю, она всегда будет существовать. И решил эту проблему, не боюсь сказать, зная менталитет этой аудитории, Карл Маркс. Начинается проблема с Платона, который прямо заявлял, что подлинным философом является тот, кто ищет истину. Потом Аристотель, Декарт, Гельвеций, ну и, конечно, Гегель. А Маркс её действительно разрешил, введя понятие научной истины и познания. Введение понятия практики как критерия истины — это величайшее открытие. Чего на Западе, в отличие от нас, не признают и не понимают. Недавно получил блестящую работу одного профессора Сорбонского университета «От ренессанса до постмодернизма», в которой Марксу отведен целый раздел. Раздел называется «Диалектика в материалистическом понимании». Маркс определял истину как соответствие наших мыслей объективному миру. Говорю банальные вещи, вы все это знаете. Но студенты наши об этом уже ничего не знают. Да и не все профес-

сора. Сейчас все ударились... кто в Ницше, кто в Канта, кто в постмодернизм, в основном, в основном в постмодернизм. На самом деле нет истины — ни в философии жизни, ни в философии Ницше, ни в экзистенциализме, ни в постмодернизме, ни в персонализме — там этого нету. Один из крупнейших современных французских постмодернистов заявляет: истина и ложь как понятия давно устарели. А что не устарело? А устарело потому, что их и не может быть, где нет проблемы субъект-объектных отношений.

Постмодернизм есть ни что иное, как уничтожение философии. Два года назад я выпустил книжку «Куда катится философия». Вот из постмодернистов пишет — пожалуйста, разберитесь, что такое: транзика урбанизма, считая глобальный процесс эскалации урбанизма неизбежной платой за прогресс. Вот такой бред преподносится как новое слово. И многие студенты этот бред воспринимают как философию, если можно так выразиться, в последней инстанции. На все это я отреагировал статьей «Философия и шизофрения». Опираясь на великого Карла Юнга, введенные им понятия интравертности и экстравертности, я интерпретирую их в духе материалистического понимания сознания. И прихожу к выводу, что трагедия философии состоит в том, что здесь, в сфере философии, можно фантазировать что угодно и о чем угодно, потому что требуются специальные знания. В то время, как в исторической науке, например, требуется хотя бы знать, если вы изучаете, допустим, историю России. А у нас носятся с Делёзом, переводят, читают спецкурсы. Я хочу сказать, что современная философия переживает острейший кризис, системный кризис, и много развелось среди философов шизофренников, которые завели философию в тупик. Объективный мир их не интересует.

ШЕВЧЕНКО В.Н.

Ричард Иванович несколько лет назад выпустил книгу, книга называется «Истина из России», тираж 3000 экземпляров, издательство «Тверь», 2004 г., 43 печатных листа. В предисловии к книге говорится — я прочитал эту книжку где полностью, где по диагонали — написано в предисловии «отсюда, из России по-прежнему исходит единственно спасительный для человечества свет, потому что сохранился насыщенный освободительный потенциал». Читая эту книгу, понимаешь, что Ричард Иванович Косолапов — не просто сильный и ясно мыслящий теоретик, но и жесткий, не прямолинейный полемист. В ответ на реплику Горбачева, которую привел в своих материалах Косолапов, «ты фундаменталист», Ричард Иванович отвечает —

ну что же, виноват, но не исправлюсь, не по вкусу мне исповедовать репетиловско-ноздревский флегеризм?! В книге много интересного, в том числе и публицистика.

И применительно к нашему разговору об истине хотел бы обратить внимание на небольшую статью — «Мемуары поневоле» (1993). Действие происходит в конце 1977 г., когда Ричард Иванович Косолапов работал главным редактором журнала «Коммунист», и пришел в редакцию некий старичок, принес письмо, датированное от 15 ноября 1977 г. Оказался — Молотов. Причина появления — в «Правде» опубликована статья Косычева на двухтомник «Ленин о социалистической революции». Косычев, тогда декан философского факультета, пишет, что состоялось предвидение Ленина: после ликвидации эксплуататорских классов государство диктатуры пролетариата закономерно перерастает в общенародное государство, в демократию для всего народа. Молотов спрашивает — где это у Ленина написано про это общенародное государство? Ричард Иванович цитирует и говорит о том, что у Ленина очень точно и ясно сказано, что социализм есть уничтожение классов, но сразу уничтожить классы нельзя, классы остались и не исчезнут без этой диктатуры. Что это Хрущев придумал общенародное государство, известно и то, что Мао Цзэдун вступил с ним в спор в 1961–62 гг., он был категорически против идеи общенародного государства, и был, в принципе, прав. Косолапов далее пишет о том, как не просто было выкрутиться из той сложной теоретической ситуации, в которой партия тогда оказалась. Пишет о том, как незримо витала в 60–70-е годы мысль-вопрос, а является ли подлинно социалистическим общество, в котором еще сохраняется классовое деление. Большинство обществоведов, как замороженное, отвечало на этот вопрос утвердительно.

Я же, пишет Ричард Иванович, высказывался против. Фактически официально повторялись слова Сталина 1936-го г., «предлагая держаться точки зрения Ленина», о чем писал и Молотов, то есть признавать вполне построенным социализмом только бесклассовый социализм. Ричард Иванович говорил на программной комиссии ЦК — надо поставить перед страной новую историческую веху — построение бесклассового социалистического общества. С ним сквозь зубы «согласился» Федосеев, поддержали Устинов и Громыко, но никакого решения в тот момент принято не было. Идеология оставалась «священной коровой». Для Ричарда Ивановича теоретические шатания десятилетия с 1953-го по 1963-й гг. послужили своего рода закладными камнями контрреволюции рубежа 1980–1990-х гг.. Как это понимать — я не знаю. Знаю только, что вскоре (именно после появления

общенародного государства) был создан пятый отдел КГБ по борьбе с инакомыслием. Это стало началом конца для советской страны, потому что партийное руководство расписалось в своей теоретической беспомощности, но само по себе решение понятно.

И дальше Ричард Иванович пишет — человечеству понадобилось немало усилий, чтобы доработаться до понимания того, что идеи, взгляды, теории, которым дозволяется овладевать массами, должны быть истинными, а не ложными, всесторонне-человечными, а не фальшиво-филантропичными, вроде демагогии по поводу избранных элит или рас, болтовни о правах человека на потребу стяжателей и тунеядцев. Значит, надо распространять в массы истину, а не ложь. Но как донести научную истину массам? Я вижу единственный выход — нужно апеллировать к понятиям научной идеологии. В книге Ричарда Ивановича есть эпиграф — «Марксова теория не есть истина в последней инстанции, это верно. Но она является высшей социальной истиной нашего времени. *Г.В. Плеханов*». Но это ведь все-таки философская истина. Истина особого рода. Это философия истории. А что такое конкретно социальная истина, то, что составляет содержание конкретных социальных наук?

Дело в том, что доказательство научной социальной истины всегда лежит в будущем, потому что конкретная научная, а не философская истина, всегда проективна по своей природе. И есть еще философский, теоретический марксизм, марксистская философия истории, не связанная с непосредственными партийными идеологическими установками. Так что же тогда обсуждалось партийной комиссией КПСС? Идеологические вопросы партии — идеологи их обсуждали, все это правильно, но не надо выдавать решение идеологических вопросов за развитие философского учения марксизма! Не на программной комиссии партии нужно искать философскую истину, её должны искать ученые. Вот я помню, как начиналась моя жизнь в философии, когда я пришел на дискуссию, до сих пор у меня сохранились записи дискуссии «Принцип историзма в познании социальных явлений». Вот как там оценивались поиски ученых? Или дискуссии в академии общественных наук по формациям? Постоянно смешивались два жанра — марксизм идеологический, марксизм партийный и марксизм теоретический, философский. Конечно, побеждали всегда идеологи. Не случайно социал-демократия на Западе начинает свой путь постепенного отказа от философских основ. Это своеобразная идеология подстраивания под реальное соотношение сил в обществе. Но как только социал-демократия проиграла первую классовую борьбу в XX в., появляется академический философский марксизм именно там, на Западе.

Мы обсуждали недавно книгу Ойзермана «Оправдание ревизионизма», где хорошо показано, как и почему так ведет себя социал-демократия, лишая себя философских основ. С другой стороны, европейские народы прошли этот путь, и могли бы сказать сегодня левым социал-демократическим силам что-нибудь нравоучительное для нас. Я не знаю, какой свет истины может идти из России, когда мы не способны разобраться с собственной историей! Где лежит этот свет истины? Где его искать? Вот в чем я сомневаюсь, когда мы постоянно берем на себя эту миссию. Мы уже ниже плинтуса спустились, и все равно готовы *светить* другим. Вообще-то это очень мощная подпитка для того, чтобы не чувствовать себя одиноким в распадающемся мире, но где реальные основания для этого? И я закончу замечанием, что во всем разговоре о марксизме, о чем я здесь вычитал, я не нашел обсуждения проблем ценностей марксизма. Как будто их вообще нет. Но они есть, и западный мир о них говорит, их обсуждает, но мы в этом не принимаем участия.

Арсланов В.Г.

Когда я читал статьи Ричарда Ивановича, меня посетили разные мысли, в том числе и такая пришла в голову: а как бы Ленин выглядел в нынешней ситуации?. Ведь известно, что люди меняются в зависимости от эпохи. Говорят, что Чернышевский был не вовремя родившийся Ленин, а Ленин — вовремя родившийся Чернышевский. Или Пушкин — вовремя родившийся Державин, Державин — не совсем вовремя родившийся Пушкин. То есть люди одного и того же типа приобретают существенно разные черты и формы в зависимости от эпохи и ситуации. Так вот, наблюдая весь этот нынешний цирк, какой бы вид приняли Маркс и Ленин? Во что бы они превратились?

Косолапов Р.И. — Они бы не участвовали...

Арсланов В.Г. — Мне трудно сказать, я не беру на себя ответственности определить, какую бы форму они приняли. По-моему, нужно обладать большой силой воображения, чтобы такое представить. Но мне кажется, можно ответить на вопрос, кем бы они точно не были бы... Реальные обстоятельства сложились так, что когда читал я статью Ричарда Ивановича, на следующий вечер я посмотрел на диске запись телепередачи из Германии под названием «Философский квартет» (один знакомый из Германии прислал). Вел ту передачу известный философ западный Слотердайк, а принимал участие в этом наш известный соотечественник, очень популярный в Германии Борис Гройс, эстетик, он же и политолог, автор нашумевшей на Западе книги о политической органи-

зации России сегодняшнего дня. Общий вывод его был такой — в России сложился криминальный капитализм. Общее мнение участников «философского квартета», как нечто само собой разумеющееся, что в России никогда не было демократии — ни при Ельцине, ни раньше, ни позже — не было и быть не может. Когда я все это слышал из уст людей, уютно сидевших там на диванчиках, у меня возникла ассоциация с нашими чернушечниками, для которых все, что произошло у нас в России, абсолютный провал после 91-го года, абсолютная чернуха. Оценки вальяжных западных интеллектуалов и наших «плакальщиков по России» были совершенно одинаковые. Вывод, какой для себя я сделал, когда смотрел эту передачу — Маркс и Ленин не присоединилась бы ни к чернушечникам, ни вот к этим уютно сидевшим на диване господам, — не присоединились бы ни в какой ситуации.

Мне кажется, далее, что Маркс и Ленин не были бы и рекламщиками. Это кажется чисто психологической чертой, но она имеет самое непосредственное отношение к сути философии. Ведь сегодня тот, кто не умеет заниматься рекламой, — это никто! Возможно, они были бы никто, но в этом случае они присоединились бы к таким людям, которые не занимались никогда рекламой — типа называвшегося здесь Канта, Гегеля и тому подобных людей. Вот поэтому ни Маркс, ни Ленин никогда не писали о революции с большой буквы, между прочим.

Мне кажется, что Марксу и Ленину не была бы свойственна тоска абсолютной безнадежности. Тоска — возможна, тоска у всех людей бывает, без нее мы не люди, но как постоянное состояние, тоска и отчаяние им были бы не свойственны. Скорее, у них была бы какая-то трагическая радость познания, может быть, такая же трагическая, как у короля Лира. Конечно, сошедший с ума король Лир отнюдь не радостен, но, на мой взгляд, это трагедия Шекспира о трагической радости познания. Во всяком случае, в риторику осуждения они бы не впадали. Известно, что Гегель очень не рекомендовал Зольгеру заниматься риторикой осуждения всяких неполноценных философов, которые окружали их. Гегель говорил, что это свидетельствует о твоей собственной неполноценности, если ты занимаешься такой риторикой. Не впадать в уныние — это не просто психологическая черта, это суть, кажется, философии определенного рода. Той философии, которая вслед за Гегелем считает, что существует разум истории — напомним хрестоматийные слова Маркса, что разум существовал всегда, правда, не всегда в разумной форме.

Я также вспоминаю слова Ленина о революционном значении реакционных периодов в истории. И потому присоединяюсь к мнению Ричарда Ивановича о том, что, наверное, марксизм, какой он

должен быть, сейчас был бы философией духа. Собственно, в XXI в. только марксизм и может быть философией духа, от которого (духа) отказались все направления западной философии. Все — от экзистенциалистских, постмодернистских вплоть до рационалистических — все абсолютно. Но дело не только в том, что они отказались. Современная история, мне кажется, ставит перед настоящим ученым и мыслителем невероятно интересные задачи. Ведь история совершила поворот, до которого никто не мог додуматься — ни Маркс, ни Ленин. Какой это ход — тема для особого рассуждения, и я не буду сейчас этой темы касаться. Просто мне видятся некоторые черты этого удивительного и красивого рисунка истории — несмотря на всю пакость, которая маячит перед глазами. Я заканчиваю свое выступление словами Эйнштейна: самое удивительное в мире — это его познаваемость. Современный мир вполне познаваем, и радость познания могла бы стать основой для философии духа. Но достаточно ли наших голов для того, чтобы видеть, как роет крот истории и не впасть при этом в панику?

МЕЖУЕВ В.М.

Тема, заданная статьями Ричарда Ивановича, требует большого и обстоятельного профессионального разговора. Обсуждать ее митинговым способом скучно. Здесь собрались люди, которым, конечно, есть что сказать по данной теме, написавшие в связи с ней огромное количество статей и книг. Вот и у меня в этом году вышла книга о Марксе. За 10 минут дать оценку всему, о чем в своих статьях написал Ричард Иванович, просто несерьезно. Но кое-что я скажу.

Во-первых, хочу сказать, что я лично глубоко уважаю Ричарда Ивановича. Не потому, что во всем с ним согласен, пожалуй, по большинству вопросов мы — оппоненты, но я уважаю людей, которые защищают свои убеждения до конца, не сдаются ни при каких обстоятельствах. Да, в советское время он занимал большие партийные посты. Его карьера оборвалась, как мы все знаем, когда началась перестройка. Я знаю многих крупных партийных чиновников, которые вмиг поменяли свои убеждения — на них всегда было противно смотреть, они никогда не вызывали у меня доверия. Ричард Иванович остался верен своим убеждениям, доказав тем самым, что придерживался их не ради власти и личной выгоды. Таких людей не так уж много в современной России, значительно больше тех, кто легко приспосабливается к новым условиям, меняет взгляды в зависимости от сложившейся политической конъюнктуры. Я знаю многих, кото-

рые уже трижды поменяли свои взгляды, они есть и в нашем Институте, вступать с ними в какой-то содержательный диалог бессмысленно. С моей точки зрения, человек, не изменяющей себе под давлением обстоятельств, даже если он не во всем прав, в любом случае заслуживает уважения. С таким человеком можно и нужно спорить. Именно спорить, а не осуждать и предавать анафеме, как мы это часто любим делать. Как бы ни относиться к системе ценностей Ричарда Ивановича, факт остается фактом — он положил на нее всю свою жизнь, буквально выстрадал ее, пронес через все перипетии своей биографии.

В чем я с ним согласен? Где исток моей человеческой симпатии к нему при всех расхождениях в наших воззрениях и жизненной судьбе? Ведь он не принял ни горбачевскую перестройку, ни хрущевскую оттепель, а я принял то и другое, хорошо отношусь к Горбачеву до сих пор. При этом мы оба — он и я — люди одного и то же послевоенного поколения, воспитанные при советской власти, получившие при ней образование, жившие в этой стране, нравилась она нам или не нравилось, не видевшие ничего другого. Мы — дети этого общества и никем другим себя никогда не мыслили. И я, как и он, не люблю капитализма. Вот не люблю его и точка. Для меня всевластие денег, капитала столь же отвратительно, как и всевластие государства. Кстати, марксизм против и того, и другого. Я так его и понимал. В этом смысле мне понятны и чувства Ричарда Ивановича. Неприятие буржуазного образа жизни, очевидно, свойственно не только людям, выросшим при советской власти, но и вообще русскому характеру. Я всегда думал, что развитие капитализма в России приобретет какую-то уродливые формы. Но в отличие от Ричарда Ивановича я считаю, что при всех своих неприглядных свойствах и последствиях капитализм экономически неизбежен. В том числе и для России. Он видит альтернативу капитализму в том социализме, который был построен у нас, считая, что этот социализм во всем согласуется со взглядами Маркса. Вот здесь и начинаются наши разногласия. Они касаются и понимания нами Маркса, и нашей оценки того общества, в котором мы жили. Считать Маркса ответственным за существовавший у нас социализм — значит, с моей точки зрения, подменять подлинного Маркса выдуманным, причем выдуманным именно в России. Как я понимаю, в марксизме содержится совершенно иная альтернатива капитализму, чем та, которая была реализована у нас.

Я, разумеется, не считаю Маркса последней инстанцией в нашем споре: все-таки он жил в 19-м веке и многое в его воззрениях уже устарело. Маркс, как известно, попытался сочетать идею социа-

лизма с пролетарским движением, претендовал на создание пролетарской версии социализма. Для 19-го века — эпохи раннего капитализма с его массовой пролетаризацией общества — такой подход понятен и даже обоснован. Но XX в. с его спадом революционного движения пролетарских масс в развитых капиталистических странах заставил засомневаться в том, что идея социализма есть идея рабочего класса, выражение его классовых нужд и чаяний. В современном обществе социалистические идеалы отстаиваются, как правило, не столько людьми физического труда, непосредственно занятыми в материальном производстве, сколько представителями интеллектуальных профессий. Именно для них социализм — общество, позволяющее жить каждому человеку в меру отпущенных ему дарований и способностей. в меру полученного образования и существующей на данной момент культуры. Тут вот ушел Гобозов, который обругал постмодернистов. Жалко, а то бы я ему ответил. Постмодернисты в своем большинстве намного ближе к левым, в том числе и к социализму, чем он сам. Значительная их часть сочувственно относится и к марксизму, и все они, как правило, непримиримые критики капитализма. Разумеется, социализм, который защищается современными интеллектуалами, мало похож на наш.

Все-таки, в каком обществе мы жили? Возможно, в нем что-то и было от социализма, но ведь многое вызывало и прямой протест. Я имею в виду не только сталинский террор, преследование инакомыслящих и пр., хотя, конечно, и они порождают сомнение в социалистической природе существовавшего у нас общественного строя. К сожалению, для многих незаконные действия режима и есть суть социализма. Но если мы жили при социализме, то в чем же он состоял? И почему оправдание нашему социализму следует искать у Маркса? Где, например, у Маркса написано, что общественная собственность тождественна собственности государственной? Что государство в лице одной партии и ее вождей должна предписывать каждому, чем и как ему владеть, во что верить, что любить или ненавидеть, над чем смеяться или плакать? Какое отношение все это имеет к социализму? Кем сказано, что при социализме все люди превращаются в наемных рабочих государства? Можно привести массу примеров из нашей былой жизни, которые никак не лезут в Марксову теорию.

У Маркса вообще почти ничего не говорится о том обществе, которое придет на смену капитализму. И Ленин до революции больше думал о том, как взять власть, чем о том, каким будет общество после победы революции. В конце жизни Ленин, как известно, существенно скорректировал свое первоначальное представление о социализме,

придя к выводу, что от социализма нас отделяет достаточно длительный переходный период с элементами рынка и частной собственности. Главная корректива, внесенная им в теорию социализма, — учение о культурной революции, что у нас не всегда понимали. К сожалению, китайцы сильно скомпрометировали эту идею. В этом учении Ленин по существу воспроизвел то, с чем боролся всю жизнь, — главную идею либерального сборника «Вех». Для позднего Ленина путь к социализму в такой отсталой стране, как Россия, лежит не через политическую революцию, не через насилие, но через просвещение и культуру. Посредством революционного насилия можно взять власть, но нельзя перейти к социализму. До тех пор, пока рабочий класс не овладеет всем богатством мировой (в том числе и буржуазной) культуры, нельзя построить никакого социализма. Если у позднего Ленина социализм исключает насилие, то Сталин построил свою «теорию социализма» именно на идее насилия, необходимость которого обосновывалось им якобы обостряющейся при социализме классово-борьбой. Культурная революция в понимании Ленина означала решение трех основных задач, стоящих перед трудящимися классами: учиться работать по-новому (русский человек, говорил Ленин — плохой работник, иначе и не могло быть при крепостном праве), учиться управлять своим государством, учиться торговать (в этом смысле НЭП — часть культурной революции). Наш социализм, построенный по сталинским лекалам, был далек не только от Маркса, но и от Ленина.

Я согласен с Ричардом Ивановичем в том, что повальное разрушение советской системы — глупость, если не преступление. Но нельзя отрицать и того, что страна нуждалась в реформировании, в существенном политическом и даже экономическом обновлении. Не надо говорить, что мы жили при идеальном строе: мы все хорошо помним то время. Не надо утверждать, что Сталин создал могучее государство и потому разоблачение «культы личности» было исторической ошибкой: в тот период реабилитировали всех моих родственников. Неважно, чем был мотивирован доклад Хрущева, важно, что людей выпустили из лагерей. И важно, наконец, понять, что нельзя строить социализм с несвободными людьми, когда только одно мнение верно — мнение начальства, а все остальные не просто ошибочны, но и вредны. К сожалению, мы страна крайностей — либо закручиваем до предела все гайки, либо даем простор стихии, например, рыночной, при которой также жить невозможно. Вот и выбирай здесь, что лучше. Я тоже не хотел разрушения социализма, я хотел его обновления, но никак не его возвращения к временам Сталина и даже Брежнева.

Теперь, что касается философии. И сегодня мы пожинаем плоды прежних ошибок. Тогда мы превратили марксизм в подобие религии, теперь заменили его просто религией — православной. Я, естественно, — не противник Церкви и православия, но не тогда, когда они пытаются подменить собой всю светскую культуру, включая и философию. Вы сетуете на то, что разрушен монизм, идеологический монизм, как я понял. Если на смену монизму приходит эклектика, сочетание несочетаемого — это, действительно, плохо, недостойно мыслящего человека. Но монизм, отрицающий идейный плюрализм или хотя бы плюрализм мнений, — вдвойне опасен. Ибо люди не могут мыслить одинаково, они ведь разные, не похожие друг на друга. Нет одной философии для всех и на все времена. Она и родилась как форма не монологического, а диалогического мышления. Общество, в котором все мыслят одинаково, исповедуют одну и ту же философию — это не социалистическое, а архаическое общество. В таком обществе правом на истину обладали только избранные, особо посвященные, мудрецы или пророки. Потому они так легко и уживались с тиранами и деспотами, которые всем остальным отказывали в праве на собственное мнение. Философ тем и отличается от пророка, что не обладает монополией на истину, ищет ее в процессе общения и диалога с противоположными ему воззрениями. Не случайно расцвет философии падает на времена, когда происходил переход от тирании к демократии, т.е. в античности и в Новое время. Философия — это мышление гражданина, свободного человека, а не подданного. Философия на службе у власти превращается в принудительно навязываемую всем мертвую, бесплодную идеологию, вызывающую презрение и насмешку. Это и произошло у нас с марксизмом. Я не буду спорить по поводу вашего понимания материализма и диалектики. Это слишком специальный разговор, требующий много времени и особого формата встречи. Главное в том, что, будучи оба приверженцами социалистического пути развития, мы все-таки по-разному понимаем, в чем именно он состоит и при каких обстоятельствах становится возможным. Но в любом случае подобные споры и дискуссии только на пользу тому, что мы оба считаем магистральным путем общественного развития.

Бузгалин А.В.

Дорогие друзья. Я, во-первых, очень горд тем, что выступаю на этом семинаре, где мы обсуждаем работы Ричарда Ивановича Косолапова. Это фигура, которая уже превратилась в символ. Извините,

Ричард Иванович, в символ того, с чем хочется спорить, чему хочется подражать. Вы реальный ученый, с которым хочется жестко полемизировать. Я это говорю не для красного словца, да и орденов мы друг другу не дадим, ни даже премий. Эпоха — это в первую очередь человек. И мы сегодня говорим с человеком, который не сломался в эту эпоху. Не все из нас могут сказать, что ни разу не слышали за эти 15 или 17 лет, да еще с горбачевским периодом. Не прогнулись под то, что гнуло, под тех, кто гнул. Не изменяли свою позицию «вместе с линией партии» — было такое выражение в советские времена. Не знаю, как в советские времена, но в последние времена интеллигенция очень лихо колеблется. Кем она себя только не представляла, в прежние времена внятно позицию свою не заявляла. Помню, какая доминирующая линия была здесь на клубе «Свободное слово». Сейчас, за небольшим исключением, те же самые люди стали державниками и государственниками в большей или меньшей степени. А вот у профессора Косолапова линия была своя, собственная, и он остался ей верен.

На этом поставлю многоточие и предложу вам в качестве эпиграфа популярный сейчас в Государственной Думе анекдот. Бедный Буш во время очередных выборов никак не может добиться однозначной победы демократов, и потому обращается к президенту Путину с просьбой помочь, прислать наших специалистов в области политтехнологий. Наши специалисты отправляются в США, где проходят выборы, приезжают и отчитываются: «Дело сделано». Но звонит Буш и возмущается: «Что же ты, мой друг, наделал? У нас 51 штат, и все как один проголосовали за «Единую Россию». Это эпиграф к нынешней политической ситуации.

А теперь по существу проблемы. Пятнадцать лет назад Деррида выступил с сенсационной лекцией, которая потом превратилась в книгу «Призраки Маркса». Напомню её ключевую идею. Маркс и марксизм для нынешней эпохи — это призрак, который пришел не из прошлого, а из будущего. У него постоянная параллель с призраком отца Гамлета, который взывает к будущему, требует действий во имя будущего, хотя сам пришел из прошлого. Подчеркиваю, так считают не Сталин, не Ленин, не коммунисты, а Жак Деррида. Совсем недавно вышла книга «Ленин. Перегрузка». Произвела впечатление, вышла на многих языках мира. Авторы, очень известные интеллектуалы: Хард, Негри, Жижек и так далее. Все левые интеллектуалы Запада — от трюксистов до умеренных социал-демократов. Почему появилась такая книга? Наверное, потому, что объективно опять встала проблема осмысления марксизма, опять возвращаются к Марксу

и Ленину. Так что Маркс и Ленин живы и как призраки они с нами. Вот в этом контексте и возникает у меня вопрос, которые я хотел бы обсудить на нашем собрании.

Тезис номер один — реабилитация материалистической диалектики сегодня. Для меня диалектика — не соединение противоположностей, а само движение как противоречие, постоянное воспроизведение противоположностей и постоянный диалог. Ведь субъекты различают себя только в диалоге. И интересно вести диалог только с тем, кто тебе противоположен, как минимум, отличен от тебя. Постмодернизм, напротив, противоположность снимает, диалектику отрицает; различие превращает в различение; различение через целую серию ступеней превращает в знаменитую деконструкцию, которая сводит все не к многообразию разумов, а в деконструкции разума, замещая практику текстом, а текст — письмом, в котором нет структур, а присутствуют одни ризомы, нет пространства, времени, но господствует принцип детериализация (ключевой термин) и децентрации. И далее так везде. В этом смысле прав Вадим Михайлович Межуев, когда говорит, что постмодернизм был вызван сегодняшними реалиями. Да, в этом ключе он был вызван этими реалиями. Почему? Потому что на смену попытке конкретного единства мира, на смену конкретно всеобщему, а это — единство противоположностей, сложное и системное единство, на смену которому приходит распыление, рассыпание, конфликт различения и все это вместе обращается в *ничто*. В этом смысле, восстанавливая диалектику, мы предлагаем философско-методологическую альтернативу рассыпанию цивилизаций и возможность диалога внутри единства без унификации. Такова наша альтернатива тому квази-дискурсу, на наш взгляд, вполне реальная.

Тезис номер два. На самом деле в постмодернизме субъекта нет, деятельности нет, практики нет и нет истины. Истина и значимость знания отрицаются. Посмотрите внимательнее тексты Делёза, одним из контрапунктов здесь выступает идея насилия над автором любой теоретической модели, причем в извращенной форме. На место субъекта выдвигается практика симулякра. Наша нынешняя молодежь вся переполнена симулякрами, любимое слово — «как бы», знак превращенной формы реальности. Это реальность, в которой живут личности. К стати, теория личности — блестящая часть творчества профессора Косолапова, особенно его знаменитая трактовка известного монолога Гамлета, которую очень советую перечитать. Она сводится не просто к толкованию «быть или не быть», в ней ставится вопрос об изменении этого мира — вот такое прочтение

меня лично в молодости подвигло на многое. Так вот, на место ищущей и действующей личности приходит симулякр. На место личности как субъекта, который самостоятельно познает, изменяет и творит этот мир, приходит симулякр, новая марионетка объективных внешних сил. Тут я поспорю с профессором Косолаповым. Внешней силой может быть государство, которое заставляет мыслить стандартно, внешней силой может быть рынок, который объясняет, что миллионер — это уважительно. Внешней силой может быть рынок, деньги, капитал и все, что угодно, что подчиняет себе человека, превращая его в свою функцию. Но сегодняшняя модель, модель симулякра, — это модель знака, отрицающего даже превращенные формы. Потому что сегодняшний рынок — это рынок не товаров, которые фетишизируют реальную экономику, а рынок знаков, которые фетишизируют товары и реальную экономику. Нынешнее поколение хорошо знает, что значит «оторваться с фантой». Этот лозунг не что иное, как симулякр, который создает видимость того, что если вы пьете фанту, вы испытываете кайф и тем самым реализуете себя как личность. На самом же деле за этим симулякром скрыта маркетинговая политика компании «Кока-Кола», конкурирующей с «Пепси-Колой», которая предлагает другой симулякр — «запепсуй мегахит». Вот этот мир симулякров создает ситуацию, когда практики общественного человека вообще как бы нет.

Но посмотрите на практику людей, которые осуществляют деятельность независимо от симулякров, и вы увидите, что эти люди живут в другом мире. Им наплевать на симулякры, мало интересны деньги, хотя живут они на стандартные зарплаты. У них есть творческая общественная практика, благодаря которой они преобразуют этот мир. Мало, плохо, но они живут по-другому. Так что в любом случае эта практика оказывается альтернативой постмодернизму. И возникает потребность в материалистической диалектике.

И, наконец, *тезис третий*. Это теория социализма. Вопрос, по которому меня больше всего тянет в полемику с Ричардом Ивановичем, особенно вопрос — что же было в СССР?. На самом деле этот вопрос также обречен стать вечной темой, которая не отпускает нас, и Советский Союз на нас смотрит и из прошлого, и из будущего. Кто-то его уже похоронил, кто-то это делает регулярно, каждые 2–3 года, иногда несколько раз в месяц, но бросить, как у Марка Твена — курить, никак не может. Так и похоронить окончательно СССР почему-то не получается. Видимо, здесь таится какая-то общественная проблема. Вот в этом пункте и контексте хотелось бы с Ричардом Ивановичем поспорить.

Маленькое послесловие к тому, что я сказал.. Есть знаменитая пьеса, Радзинского — «Беседы с Сократом». Там есть хорошая линия и эпизод, когда ученик приходит к Сократу и говорит — ты перестал говорить то, что ты говорил, потому что ты отказался от своих идей. Вот и я чувствую себя все время таким учеником, который приходит к профессору Косолапову и говорит — Ричард Иванович, Вы же писали в 1960-е гг. работы о свободе, о творческом подходе, о развитии личности, о социальном творчестве, так откуда взялся у Вас Сталин? Откуда все то, что Вы пишете сейчас? Почтенной же аудитории я хочу поставить открытый вопрос: то ли все те, кто критикует Косолапова 90-х и 2000-ых гг. с позиций Косолапова 60-х, остались в прошлом, а Сократ ушел вперед, то ли Сократ все-таки ушел не в ту сторону: вместо развития идей диалога, он, прогнувшись под прошлое, которое его задавило, стал защищать свою молодость, причем вопреки своему же критическому пафосу — пафосу постоянного отрицания развития.

Этот вопрос я обращаю ко всем и здесь ставлю многогочие.

Славин Б.Ф.

Я не буду говорить о проблеме разума: существует ли он один или разумов много. Истина в познании — не отвлеченная проблема. Меня волнует, прежде всего, проблема смысла человеческой жизни в истории вообще, и нашей истории, в частности. Она непосредственно связана с пониманием исторической истины и того социализма, который мы потеряли. Вот вы, наверное, задавались вопросом: почему после крушения реального социализма в СССР, многие советские люди, считавшие себя убежденными коммунистами, моментально переменялись и даже стали использовать ярлык «совок» по отношению к тем, кто меняться не захотел? После падения Советского Союза часть людей оказалась духовно раздавленными, другие быстро сменили прежнюю веру, став неосталинистами, либералами, анархистами, консерваторами, националистами и т.д. Я знаю человека, который писал Программу КПСС, а сейчас в публичных выступлениях не оставляет живого места от социализма. Лишь немногие остались верны интернациональной идее и подлинным социалистическим идеалам. Что же с нами произошло?

Я думаю, что вышеназванные идейные и политические метаморфозы — прямой результат изменения социально-политического строя, результат реставрации капитализма в стране, считавшейся многие годы социалистической. Практика реставрации капитализма в СССР подтвердила старую марксистскую истину о том, что с изменением

бытия людей меняется и их сознание. При этом в понятие «бытие» входит не только материальный базис общества, а все общество, включая политическую надстройку: государство, средства массовой информации и т.д. Часть людей, особенно, представители интеллигенции, всегда хотела жить в гармонии с государством, отсюда ее политический и идейный конформизм по отношению к новой буржуазной власти. Вспоминаю, как в советские времена многие интеллигенты становились в очередь, требуя, что бы их приняли в КПСС. После падения советской власти и правящей партии, они же стали демонстративно выходить из партии, сжигать партбилеты и т.п., показывая свою лояльность новым властям. Их убежденность в правоте социалистических идеалов оказалась на кончике языка.

Вместе с тем, надо дать прямой ответ на вопрос: почему пало советское общество и практически исчезла социалистическая перспектива? Когда вы ставите проблему истины, то прежде всего надо дать ответ на этот фундаментальный вопрос. Раз произошло падение советской власти, значит что-то неистинное было в ней? Значит были объективные причины, которые привели к краху советскую модель социализма.

Я думаю, существовало, по меньшей мере, несколько основных причин, которые привели ее к краху. Экономически советская модель могла существовать в России лишь до тех пор, пока превосходила буржуазный мир по темпам роста производительности труда. Как только это превосходство было утрачено, крушение советской модели стало неизбежным. Напомню в этой связи известный марксистский критерий развитости или прогрессивности общества: по нему социалистическое общество должно быть более высокопроизводительным, чем капиталистическое общество.

Второй момент. Советское общество должно был дать трудящимся более высокий жизненный уровень, чем в буржуазных странах. К сожалению, этого не произошло. Конечно, это общество решило проблему куска хлеба и крыши над головой для всех нуждающихся, но оно не дало более высокого уровня жизни, чем в развитых странах. Не дало, извините меня, тех модных «шмоток», тех джинсов и курток, которые хотели носить молодые люди. Но главное, осталась нерешенной проблема демократии. Конечно, я говорю не о буржуазной демократии. Я говорю о новой демократии социалистического типа, которая должна быть выше любой буржуазной демократии. Но последняя, родившись в недрах Октября, была задушена сталинским тоталитаризмом, и это не могло не сказаться на судьбе всей страны. Наконец, четвертая причина, она связана как раз с развитием интел-

лекта и духовной жизни в нашей стране. В мире развернулась научно-техническая революция, а в правящей КПСС царили махровой догматизм и начетничество, которые навязывались всей духовной сфере общества. Они не давал возможности свободно мыслить и говорить. Даже после «оттепели» и публикации ранних гуманистических работ Маркса, делалось все для того, чтобы ограничить свободную интеллектуальную жизнь общества.

Со временем руководство КПСС лишилась и всяческого нравственного авторитета, ибо призывала к тому, что сама не исполняла. Например, призывала к коммунистической скромности, а сама пользовалась различными привилегиями: спецсанаториями, спецбольницами, спецмагазинами и т.д. Все это способствовало крушению ее авторитета. Ведь это парадокс: партию, насчитывающую 18 миллионов человек, партию, за которой долгие годы шел советский народ, в одночасье запрещают, и ни один трудовой коллектив, ни одна партийная организация не выступила на ее защиту. Такое стало возможным лишь по одной причине: руководство компартии оторвалось от ее рядовых членов, а партия — от своей социальной базы, т.е. от самого народа.

Какой отсюда следует вывод? Со стороны старых и новых противников социализма такой вывод был однозначным: социализм как идея и как система оказались несостоятельными, надо срочно возвращаться на истинный путь мировой цивилизации — путь капитализма. Но есть и другой вывод, основанный на опыте перестройки и строительстве социализма в других странах. Он звучит так: надо понять причины крушения советской модели социализма, исследовать ошибки прошлого и на основе этого создать новую модель социализма, лишённую прежних ошибок. Такой вывод стал особенно необходимым после того как массы столкнулись с реальностью нашего дикого капитализма, породившего глубокий раскол общества на богатых и бедных, незатихающие межнациональные конфликты, небывалый рост преступности, ограничение демократических свобод, унижение политической оппозиции, и т.д., и т.п.

Исторический опыт подтвердил вывод Маркса о том, что практическое осуществление социализма даст широкое разнообразие моделей социализма и коммунизма, начиная от авторитарных и кончая демократическими. В этом смысле ошибаются те идеологи, которые рассматривают реальный социализм только через идеалистические очки.

Что касается опыта строительства социализма в СССР, то он показал существования разнообразных моделей политического режима даже в рамках одной страны. На мой взгляд, социалистические преобразования в нашей стране всегда носили двойственный харак-

тер. Это была борьба двух тенденций: демократической и бюрократической. Тенденция демократическая, проявлялась тогда, когда улучшалась жизнь народа, когда становилось больше свободы и справедливости. Бюрократическая тенденция сковывала и подмораживала Россию, она превращала ее в авторитарное или тоталитарное государство. В борьбе этих двух тенденций и осуществлялась советская история. Так, на смену нэповской свободе пришел сталинский тоталитаризм, который, в свою очередь, сменился XX съездом партии и хрущевской «оттепелью». За нею последовали «заморозки» брежневской эпохи с ее рецидивами неосталинизма. Общество и культура в это время замерли. И лишь с приходом перестройки началось общественное оживление. Перестройка нанесла последний сокрушительный удар по остаткам тоталитарной системы. Одновременно обществу «сверху» была предложена новая модель демократического и гуманного социализма. В эти годы начался подлинный прорыв к свободе: появилась гласность, возникли альтернативные выборы политической власти, в духовной сфере была ликвидирована цензура, в международных делах была отодвинута угроза третьей мировой войны. Свободы тогда было намного больше, чем сейчас. Напомню многочисленным скептикам и противникам социалистической идеи, что все это делалось в рамках реального, а не выдуманного социализма.

К сожалению, стратегия перестройки не была полностью реализована: помешали объективные и субъективные причины, связанные с запаздыванием реформ, ошибками власти. Августовским путчем и обострившейся борьбой различных политических сил, изолировавшей перестройщиков. В итоге падение КПСС и советской власти стало реальностью, чем и воспользовались политические силы, распустившие СССР и направившие Россию по пути становления дикого олигархического капитализма.

Признаюсь, я был и остаюсь сторонником перестройки, когда на практике создавалось свободное и демократическое общество в нашей стране. Лозунг той поры: «Больше демократии – больше социализма!» отвечал интересам миллионов советских граждан. М. Горбачева зря обвиняют в том, что он начал перестройку: она была исторически необходима. Его драма состоит в том, что он не довел стратегию перестройки до конца. Помню, с каким энтузиазмом народ принял перестройку, как люди, стоя у машин, слушали по приемнику трансляцию Всесоюзного съезда народных депутатов. Это был настоящий праздник демократии. Именно тогда известный поэт сказал, что мы все в партии «перестройка». Это была уже не оттепель, а настоящая весна общественно-политической жизни. Ее нужно было

поддержать и продолжить. Но этого не произошло. Путч и связанный с ним приход к власти Б.Ельцина направили Россию на другую, реставрационную траекторию общественного развития. Сегодня эта траектория все больше принимает реакционно-консервативные формы общественной жизни, напоминающие времена царствования Александра Третьего. Вновь, на этот раз уже с консервативных позиций, стала переписываться отечественная история, в которой всячески принижается деятельность реформаторов и революционных демократов, и превозносятся реакционеры — в том числе отъявленные палачи и мракобесы. Под прикрытием необходимости общественного примирения и согласия, последовательно насаждается культ деятелей «белого движения»: происходит перезахоронения их останков, переиздаются их труды, автобиографии, дневники.

В угоду новому идеологическому курсу всячески искажается даже смысл того, что обычно именуют «русской идеей». В трактовке ее наиболее усердных интерпретаторов свойственные ей качества: свободолобие, открытость и демократичность подменяются набором противоположных характеристик. Утверждается, в частности, что она изначально враждебна «индивидуальному началу», «не предполагает развития», неизменно ориентирована на «единство народа и власти» и т.д.

Согласно представлению нынешних официальных идеологов, России XXI в. надлежит двигаться не вперед к высотам общественного прогресса, свободы и справедливости, а назад, в изжившие себя дореволюционные времена. Однако, как бы по ним не ностальгировали современные деятели во властных структурах, для этого нет ни экономических, ни социальных, ни культурных предпосылок.

Нечто иное мы видим в современном Китае. Его экономические успехи очевидны. И хотя в Китае еще имеется много противоречий и проблем в социальной сфере, экологии и управлении государством, руководство страны их видит и постепенно решает. Благодаря экономическим преобразованиям в Китае сегодня нет недостатка в продовольствии и одежде. Цены на продукты и товары широкого потребления относительно низки и стабильны: китайцы накормлены и неплохо одеты. По стране в целом достигнут уровень средней зажиточности, а средняя продолжительность жизни превысила 70 лет.

Все это стало возможным благодаря постоянному росту экономики. Ее ежегодные темпы роста составляют около 10% ВВП в год. В 2007 г. они составили почти 12%. В итоге Китай вышел на первое место в мире по производству зерна, хлопка, мяса, яиц, фруктов, аквапродукции, тканей, стали, телевизоров, по добычи угля, цемента и т.д. По общим количественным показателям экономика Китая вышла на

четвертое место в мире, а по объему импорта и экспорта — на третье. Используя научно-технические достижения Запада, китайцы создали современные отрасли промышленности, резко подняли производительность труда, индустриализовали страну, начали осваивать космическое пространство. Уже сегодня в Китае можно наблюдать реальные зачатки информационного общества.

За счет чего мог произойти такой рывок в развитии некогда отсталой страны? Руководство Китая считает, что это стало возможным благодаря китайской модели социализма.

Говорят, что Китай явно идет по капиталистическому пути. На самом деле, это не так. Не о каком отказе от социализма руководство страны не помышляет. Напротив, «отстаивание социалистического пути» оно считает одним из важнейших четырех принципов государственного строительства наряду с демократической диктатурой народа, руководством компартии и марксизмом. По мнению Дэн Сяопина, отход от этих принципов означал бы катастрофу для Китая и всего мира. На мой взгляд, Китай фактически реализует политику, напоминающую ленинский НЭП, только китайцы пошли значительно дальше по этому пути, сохраняя за правящей партии основные стратегические высоты.

Дэн Сяопин считал, что временные поражения социализма в отдельных странах возможны. Так, анализируя опыт перестройки в Советском Союзе, он, в частности, допускал негативный исход преобразований. Вместе с тем, он считал, что это не очень страшно пока существует социалистический Китай, составляющий пятую часть человечества. Следует отметить, что Китай в свое время во многом копировал опыт строительства социализма в Советском Союзе и, по мнению Дэн Сяопина, это принесло ему много проблем. Отсюда он сделал вывод, что Китай должен идти собственным путем, создавать собственную модель социализма. По Дэн Сяопину, главное в этой модели можно выразить следующими словами: развитие производительных сил, экономическая реформа, открытость, становление передовой культуры, учет коренных интересов народа, раскрепощение сознания, развитие человека, гармония общественных отношений, стабильность и т.д. Одной из характерных черт этой модели отказ от леваческих идей Мао Дзедунa, проявившихся на практике в «большом скачке» и «культурной революции», нанесших значительный вред развитию китайского общества.

Разработку теории социализма с китайской спецификой Дэн Сяопин начал с придания первостепенного значения марксистскому понятию «производительные силы», которое почти полностью игно-

рировалось при Мао Цзедуне. Как можно построить социализм в нищей стране? Как накормить голодных и одеть неимущих? — спрашивал Дэнт Сяопин и отвечал: не иначе как развивая производительные силы. Его оппоненты говорили обратное «Лучше бедный социализм, чем богатый капитализм». При таком подходе Китай на долгое время оставался бы одной из самых отсталых и бедных стран в мире. Это лучше других понял Дэн Сяопин, перейдя к экономической реформе и открытости, начав быстрыми темпами развивать производительные силы страны, использовать эффективные методы развития сельского хозяйства, заимствовать лучший зарубежный опыт хозяйствования. В итоге, не отказываясь от стратегического планирования, были задействованы рыночные механизмы, создана многосекторная экономика, стала бурными темпами развиваться наука, как самая мощная и эффективная производительная сила страны. В этой связи Дэн Сяопин пересмотрел прежние взгляды на рабочий класс и включил в него интеллигенцию. Так постепенно сложилась новая модель китайского социализма, или говоря точнее, социализма с китайской спецификой. Эта модель говорит о том, какую позитивную роль может сыграть правильно понятая социалистическая идея в некогда отсталой стране.

Реплика. — В Китае нет социализма!

Славин Б.Ф. — А вы скажите это простому китайцу, которого социализм поднял к лучшей жизни. Думаю, он вам пояснит, есть в его стране социализм, или нет. Я не хочу сейчас защищать китайскую модель социализма: в Китае сохраняется много не решенных проблем и трудностей: остра экологическая проблема, велико социальное расслоение, остается значительной безработица, не изжит бюрократизм, нуждается в реформе политическая система. Об этом говорят сами китайцы и ищут выхода из этих насущных проблем. Но страна живет и развивается самыми высокими темпами в мире и мы должны знать, почему это происходит. Конечно, китайский социализм не следует абсолютизировать: слишком много в нем специфического, но есть и нечто общее, что следует знать и понимать.

Поиск оптимальной модели социализма в мире продолжается и это должно вдохновлять всех сторонников социалистической идеи. Социалистическая теория требует своего развития с учетом громадного исторического опыта, проделанного различными странами, строящими социализм. Только тогда левые силы смогут ответить на вызовы современности. И здесь первостепенная роль принадлежит ученым и философам. Лишь создав полноценную теорию современного социализма, можно надеяться, что за социалистическим идея-

ми пойдут люди. И это нужно делать быстрее, если мы не хотим быть похожими на пикейные жилеты, обсуждающие абстрактные проблемы истины.

В заключение своего выступления хочу поставить главный вопрос: что делать сегодня левым силам в условиях падения социализма в СССР и в других странах бывшего социалистического лагеря? На мой взгляд, левые должны оставаться левыми в любых исторических условиях, при любых кризисах социалистической политики и идеологии. На чем базируется основная идея левых сил? На отмене наемного характера труда, на ликвидации всех видов социального угнетения и отчуждения, на превращении каждого человека в творческую и свободно развивающуюся личность. Пока эти проблемы не решены историей, левые должны действовать во всех сферах общественной жизни, отстаивая интересы униженных и бедствующих слоев и классов общества.

Продолжает оставаться актуальной традиционная борьба трудящихся против капиталистической эксплуатации во всех ее разнообразных формах, начиная с экономической борьбы и кончая политической и идейной. Левые должны организовывать и возглавлять такую борьбу не только в национальных, но и в глобальных масштабах, не только среди рабочих, но и постоянно растущих отрядов интеллигенции. Нельзя забывать, что наемным трудом сегодня охвачено более 90% деятельной части населения во всех развитых странах мира.

Маркс в «Капитале» показал, как могут преодолеваются противоположности между наемным трудом и капиталом. Одним из таких путей он считал акционирование капитала, когда работники становятся его совладельцами. Создание акционерных предприятий он рассматривал как «преодоление капитала в рамках капитала». В этой связи, я считаю, что одной из конкретных задач левых сил может быть борьба за создание предприятий с собственностью работников на основе передаче работникам контрольного пакета акций. Создание таких предприятий уже идет полным ходом в развитых странах, но всячески затруднено в России: мешает мафиозный капитал, скупающий акции немногочисленных «народных предприятий», да и правительство, продолжающее питаться догмами неолиберализма, их не жалует.

Другой важнейшей задачей является преодоление социального отчуждения в рамках нетрадиционных видов наемного труда в сферах производства информации, бытового обслуживания, культуры и т.д. Социализм есть уничтожение отчужденного наемного труда. Такой труд возникает всюду, где распространены интенсивные методы работы, где нарушаются трудовые договоры, где эксплуатируются

не только физические, но и творческие возможности человека. В этом смысле труд программистов, инженеров, работников культуры тоже может быть отчужденным трудом. Как вы знаете, была забастовка сценаристов и киноактеров в Голливуде. Этот факт есть характерное проявление новейшего типа эксплуатации интеллектуального труда. Все это надо понять и учитывать в политической борьбе. Так, что для левых сил работы невпроворот, если они хотят быть полезными людям труда, а не капитала.

Малютин М.В.

Обсуждение темы, которую сформулировал Ричард Иванович Косолапов, приобрело для меня немного странный, «постмодернистский характер», какой-то «уклон в Дерриду». Некоторые из моих коллег по сегодняшнему обсуждению знают такого мыслителя и остроумца Виктора Милитарева, он, по-моему, очень хорошую частушку по этому поводу придумал. Изложу ее уважаемому ученому собранию и несколько разряжу атмосферу — «девки бегали по льду, застудили дериду: а без этой дериды — ни туды и ни сюды». Когда говоришь о классическом марксизме (и ленинизме) и их исторических судьбах, все-таки не стоит слишком много говорить о Дерриде.

А вот о чем стоит спорить? Виктор Арсланов поставил здесь вопрос, что бы сегодня делали Маркс и Ленин. По-моему, они бы для начала ответили на вопрос о том, почему произошла катастрофа с СССР и мировым левым проектом в XX в. в целом. А для этого — честно ответили бы на ряд трудных вопросов. Вот сегодня поминали отца Гамлета, призраков коммунизма из «Манифеста коммунистической партии», вспомнили о существовании некоего числа скелетов в шкафу. Та версия марксизма-ленинизма, которую предлагает Ричард Иванович и которую он честно отстаивает (я бы ее для простоты назвал советским марксизмом, о нем была написана блестящая книжка Маркузе в 1954-м г.). У «советского марксизма, с моей точки зрения, остался главный скелет в шкафу — «Преданная революция» Троцкого 1936 г., где абсолютно точно, в деталях, до точки с запятой было предсказано то, что произошло через 50 лет. Книга Троцкого правильно называлась «Что такое СССР и куда он идет». Или — или. Или откуда-то появляются новые, правильные, коммунисты — неважно откуда, признаю за Львом Давидовичем, что перед началом большого террора он имел право на эти вопросы не отвечать — которые как-то находят общий язык с новыми, уже советскими рабочими, которые не помнят никакого «проклятого царизма» и они устраивают: то ли

реформу, то ли революцию, то ли мирную, то ли не очень. В перестройку очень немногие левые (социалисты-самоуправленцы, как я, коммунисты вроде Бузгалина-Колганова, анархо-синдикалисты и т.п.) боролись за это вариант развития, но не нашли «резонанса» ни с какими социальными слоями СССР.

Троцкий точно описал именно то, что произойдет — если левые окажутся слишком слабы. Бюрократическое перерождение номенклатуры СССР как правящего сословия под «воздействием империализма извне» — неизбежно превращается в желание стать собственниками и в желание чем дальше, тем скорее (не важно, насильственно или ненасильственно) уничтожить тот строй, что есть при «социализме». Троцкий верно предсказал, что главным детонатором распада СССР, безусловно, будет национализм. И что главное, кто за то расплатится — это советский рабочий класс и советский народ, если они всему этому не сумеют противостоять. Случилось все именно так. На вопрос, «почему случилось?», не буду вдаваться в разного рода сложные социальные обстоятельства, напому просто вывод той самой книжки Маркузе про советский марксизм.

Для Маркузе (как и для любого марксиста) гениальность Маркса заключалась в том, что он соединил материализм с диалектикой. Гениальность Ленина заключалась в том, что он это «соединение» смог успешно применить в политической практике и создал, говоря современным словом, технологию в виде партии нового типа, которая сумела захватить власть и удержать. А то, что получилось в советском марксизме, — эта ситуация вывернута наизнанку. Идеализм, соединенный с метафизикой, где, собственно говоря, все хитрости диалектики — это оправдание последнего постановления политбюро ЦК КПСС. Ну, а уж про инквизицию НКВД и ГУЛАГ, которая ни Марксу, ни Ленину в самом страшном сне присниться не могла и про все остальное — про это, действительно, вспоминать уже не буду, оно здесь просто ни к чему. То есть, называя вещи своими именами — возникло в СССР то, чего Троцкий все-таки в 1936 году до конца не ожидал, он с этим выводом категорически боролся — эксплуататорское общество нового, другого типа, чем капитализм. Вот это тоже надо себе абсолютно честно признавать.

По всем критериям классического марксизма и ленинизма (раз никаких других у нас пока просто нет), общество, где власть отчуждена от трудового народа, собственность и прибавочный продукт отчуждены от трудового народа, социалистическим считаться не может. Тут в строгом смысле этого слова, к сожалению или к счастью — нечего обсуждать. Но почему же тогда действительно Китай оказался

успешным, а Советский Союз – нет? Возможны разные ответы на этот вопрос. Один из них, как я понимаю, его в основном придерживаются мои коллеги Арсланов и Бузгалин, я с ними тоже в определенных пределах согласен, что здесь в СССР была «трагедия первопроходцев». Но есть еще один важнейший дополнительный фактор – Китай, то, что он оказался более отсталой страной, чем Россия и более крупной страной, чем Россия, и имел возможность извлечь уроки из советской модели – это, как ни странно, оказалось его огромным плюсом в одном ключевом отношении. Ведь если уже анализировать не теорию, а то общество, которое реально было построено в СССР после 1930-го г., причем с беспощадной последовательностью построено: что это такое? По крайней мере, в России, поскольку на большей части территории Средней Азии, Прибалтики – там все-таки получилось нечто иное. Это была действительно реализована модель единой фабрики. Тождественна реализованная в СССР модель единой фабрики «социализму», есть ли помимо «модели единой фабрики» какой-то иной социализм – это вопрос совершенно отдельный. Но действительно в 1930-е гг. и, в особенности, в Отечественную войну, единая фабрика действительно была построена в масштабах целой огромной страны. Известна цена этого строительства – уничтожение традиционной русской деревни и деревни вообще. Вот здесь есть фундаментальная разница СССР и КНР. В Китае просто в силу его масштаба ликвидировать традиционную китайскую деревню не смогли и не захотели, что бы там не совершала великая пролетарская культурная революция.

Второй важнейший момент успешности китайского опыта – и провальности «русского пути» к социализма в XX в. В Китае, что Мао, что Дэн, хотя и по-разному, на полном серьезе осуществляли курс на китаизацию марксизма. Куда бы оторвали какую голову в Советском Союзе и кому, кто бы попробовал всерьез осуществить русификацию марксизма-ленинизма? То есть синтезировать Ленина и народничество!? Я опять эту тему обсуждать здесь просто не могу из-за нехватки времени. Более того, великая победа 1945-го г., для меня это как раз совершенно аксиоматично, была достигнута благодаря успешному сочетанию «коллективным Сталиным» двух совершенно разных и абсолютных независимых на самом деле друг от друга политико-идеологических потоков. Интернационалистической и коммунистической модели и русского патриотизма.

Достаточно просто вспомнить, как воевала Красная Армия примерно до сентября 1941-го г., то есть пока дело не дошло до Смоленска и до Ленинграда. Тут полностью реализовался прогноз Троцко-

го — бюрократически организованной «армии» не помогли никакие накопленные горы оружия. Однако реализовался после разгрома не «красный», а «русский проект» отечественной, освободительной войны. Уже не только воссозданная из мобилизованных и ополченцев Красная Армия, но и страна в целом начали всерьез воевать потом, когда они на самом деле поняли, с кем дело имеют — и за что воюют. Не за СССР, не за «колхозы» — а за Россию!

С другой стороны, если бы не было вот этой интернациональной коммунистической компоненты, то совершенно очевидно, что не было бы результата в виде мировой социалистической системы и много-многого другого. Но остановить это мгновение было нельзя. Вот оно на какой-то момент застыло, и это противоречие начало формироваться и двигаться. Развалив СССР и приведя нас в нынешнюю точку «конца истории». Точно описываемую формулой Щедрина: были времена и хуже, не было времен подлей...

Теперь буквально две короткие реплики по отношению к тому, что сегодня говорилось. С Вадимом Межуевым я абсолютно согласен в одном отношении — что с классическим марксизмом, что с классическим ленинизмом никакого ренессанса (ни России как страны, ни мирового левого движения) не может получиться по одной простой элементарной причине. Там представлялось, что учение об исторической миссии рабочего класса есть научно доказанный факт. В XX в., да по большому счету уже и в середине XX, всерьез ученым подобные вещи обсуждать было уже невозможно (точнее — КГБ запрещал). Здесь такой классической марксистской работы, как те две («Преданная революция» и «Советский марксизм»), я назвать не могу. Рассчитывать на то, что постсоветский российский рабочий класс еще раз выступит как источник социального национального возрождения современной России — НЕВОЗМОЖНО. С моей точки зрения, уж лучше, действительно, уверовать в православие, самодержавие и народность или еще какую-нибудь ЧУДЕСНУЮ вещь.

Что касается угрозы принудительного введения православия, думаю, это ситуация — здесь и «белые не пройдут, и красные не пройдут». При таком бардаке и пофигизме вообще никто «не пройдет». Эту идею не поддержат два основных для стабильности нынешнего режима социальных слоя. Во-первых, городской средний слой. Не для того он избавился от парткома, чтобы получить новый партком в каком-то виде. Кстати, именно эта угроза заставила многих, не любя Зюганова, за него голосовать. Кстати, все, кто старше 55, голосовали за Путина. Почему? Хоть за какую-то стабильность и порядок. Таков синдром массового настроения этого поколения.

А второй слой — это поколение людей, которое в Советском Союзе вообще не жило. Условно говоря, те люди, которые родились и сформировались сложились уже после гибели СССР. 80—90% этих людей — в лучшем случае считают нынешнее «православие» одной из разновидностей «государственно-монополистического бизнеса», нынешнее «и.о.государства» не любят. Они к православию равнодушны. С того момента, как исчезли люди, которые боролись за идеалы, и за идеалы перестали сажать и убивать, общество сначала «покатилось по инерции», а потом «история прекратила течение свое» (М. Салтыков-Щедрин). Сейчас, в настоящий момент — НИКАКИХ ИДЕАЛОВ ДЛЯ РУССКОГО ОБЩЕСТВА нет. И это есть некий фундаментальный важнейший фактор для истории города Глухова в новейшие времена.

Тезис последний. Фундаментальное противоречие, которое в настоящий момент существует и создает определенные шансы на прогрессивное развитие: к нам уже пришел мировой рынок, в том числе и в лице Интернета и многого другого, и пока не пришел мировой капитал. Почему нет в настоящий момент внутри России нет мирового капитала — это отдельная большая тема. При той уничтожительной характеристике, которая дана нашему отсталому и зависимому российскому капитализму, я бы добавил еще одну, важнейшую и фундаментальную — его антинациональный, антирусский характер.

КЕЛЛЕ В.Ж.

К.Маркс предполагал, что первые попытки установления на Земле социалистического строя могут быть неудачными. И говорил, что тогда придется начинать сначала. Россия оказалась именно в этой ситуации. Первая в истории попытка сознательного построения общества на началах разума и справедливости оказалась не началом новой исторической эпохи, а социальным экспериментом, который сумел лишь частично реализовать объявленную цель. Но как бы ни оценивать русскую революцию — событие это всемирно историческое.

А как социальный эксперимент советский период в истории России является уникальным воплощением огромного — положительного и отрицательного — исторического опыта социальных преобразований. Но насколько российские приверженцы идеи коммунизма справились с этой задачей? Думаю, далеко не в полной мере.

Центральным является вопрос о причинах краха советской власти. В теоретической сфере — это догматизм, отрыв теории от практики, превращение теории в систему фраз, которые в глазах людей потеряли всякую связь с истиной и справедливостью. Работая пропаганди-

стом от райкома партии, я перед перестройкой читал лекции в университете марксизма-ленинизма, и видел, как люди воспринимали изложение официальной позиции: преимущества социализма перед капитализмом. Они с улыбкой смотрели на лектора, и было видно, что не верили ни одному его слову. Какие преимущества? О чем он говорит?. Аудитория испытывала дефицит объективного теоретического анализа реальных проблем. Партия, насаждавшая идеологическую трескотню (обюрократившаяся, заглушившая инициативу масс), сама виновата в том, что в трудную для нее минуту народ не встал на ее защиту.

Всякие теоретические новации действовали на наших престарелых руководителей как красная тряпка на быка. С этой позиции было невозможно выполнить необходимую творческую работу — понять современность, теоретически осмыслить тот мир, в котором жили, и привести теорию в соответствие с действительностью. И потому теория перестала быть тем, за что она выдавалась. Обман других обернулся и самообманом. В теории происходило соединение достижений НТР с преимуществами социализма, а в реальности был застой, технологически страна отстала от развитых капиталистических стран на целую эпоху.

Конечно, догматизм — не единственная причина распада СССР, и то, что Славин говорил насчет эффективности и производительности труда, все правильно. Проблема комплексная. Многих интересовали и волновали причины «трансформации» российского общества. Когда 1994 г. я приехал в Китай, первое, о чем меня спросили мои друзья, и коллеги, с которыми я ранее работал: *почему развалился Советский Союз*. Это их волновало, и я им ответил — догматизм. Пример: рыночная реформа А.Н.Косыгина, призванная оживить советскую экономику, была вначале поддержана партийным руководством, а затем им же спущена на тормозах. А ведь она опережала рыночные реформы в Китае на целое десятилетие.

Для тех, кто продолжают считать себя марксистами, падение советской власти, отнюдь не перечеркивает самой идеи социализма. Поэтому для них очень важно воспроизвести истинную картину этого процесса и выявить его действительные причины. Для этого надо избавиться от догматизма, который еще не изжит. В свое время говорили про Бурбонов, что они ничего не забыли и ничему не научились. У нас появились «коммунистические Бурбоны», про которых можно сказать то же самое.

Возьмем проблему рынка. Я критически отношусь к капитализму, к рынку с его подменной человеческих отношений чистоганом, властью денег и т.п. явлениями. Все это известно, и симпатии не вызывает. Но диалектика требует всестороннего подхода. Рынок не яв-

ляется продуктом капитализма. Рынок и такие явления как обмен, товар, продажа и покупка, цены, деньги возникли вместе с цивилизацией еще в период ее становления. Его можно рассматривать как цивилизационный механизм обеспечения экономических связей. Других форм экономических связей цивилизация пока не знает. Конечно, может быть, Маркс прав и рынок не вечен, и в будущем люди найдут возможность, как пишет Ричард Иванович, найти баланс между потреблением и производством. Но этот баланс, если и будет найден, то в очень далекой перспективе. А пока следует довольствоваться установлением этого баланса с помощью рыночных механизмов, с учетом того, что рынку не противопоказано и вмешательство регулирующего начала. Рыночные механизмы в инновационной сфере оказались более эффективными, чем директивное планирование. Отсюда следует, что независимо от характера строя следует овладевать этими механизмами, а не отказываться от них.

Сегодня Китай дает пример того, как, оставаясь на позициях социализма, можно эффективно использовать рыночные механизмы. Очевидно, китайское руководство восприняло ленинскую идею НЭПа и пошло дальше, признав совместимость социализма и рыночной экономики на современном уровне их развития. Для нас речь не идет о копировании их модели: условия разные, культуры разные, а о появлении нового исторического опыта, который надо изучать и учитывать.

Теоретическое осмысление истории и современности неизбежно заставляет задуматься и о методологической стороне дела. Философия не может создать конкретного плана, конкретной программы, она определяет принципы подхода к объекту познания. Я в основном согласен с тем, что по этому поводу говорил Межуев. Если мы будем рассматривать философию только как форму познания, как науку, а философия занимается предельными основаниями мира и познания, то придем к выводу, что философия, владеет абсолютной истиной. А это означает ее диалектическое превращение в собственную противоположность, ибо тогда она уподобляется религии. Только, религия говорит от имени Откровения, а философия – от имени Абсолютной истины.. Конечно, философия есть форма познания, и она может быть научной, ориентирована на науку, строит выводы на основе науки, или является религиозной, основывается на принципах и постулатах религии. Но, учитывая специфику философского знания, лучше не называть философию, даже марксистскую, наукой.

Кроме того, В.М.Межуев не сказал еще одну важную вещь. Сводить отношение мысли действительности к познавательному отношению недостаточно. Это гегелевская точка зрения. И она целиком

осталась в марксизме. В определении философии как науки о всеобщих законах отсутствуют ценностный, субъективный, личностный моменты. И философия превращается в науку, которая говорит о мире. Но что это дает для меня, для моего мировоззрения? Без ценностного аспекта философии нет, и в этом ее отличие от простой науки, которой достаточно сказать, что есть в мире. Она изучает объект. А потом уже человек может применять, или не применять это знание. Видимо, в этом пункте у меня с Ричардом Ивановичем тоже есть некоторое расхождение, пусть он подумает, справедливы мои аргументы, или нет. Вопрос о том, что философия имеет ценностный аспект, вещь для нас, конечно, не новая, на нее обратил внимание уже в 1960-е гг. П.В.Копнин в своих работах по теории познания. И за эту мысль его громили тогда наши академики.

Что касается моего восприятия «Этюд» Ричарда Ивановича, то в них выражено характерное для него серьезное отношение к теории при постановке и конкретных и общих теоретических проблем. Лично к нему я отношусь с уважением. Он не меняет своих принципиальных позиций, но в то же время прислушивается к жизни.

Данилов-Данильян В.И.

Наша дискуссия все больше напоминает давние разговоры о том, философия – это наука или не наука. Мне кажется, что философия на самом деле очень разнообразна и неоднородна. И применять к философии в целом какие-нибудь жесткие критерии вряд ли стоит. Но вот есть такой феномен – до хрипоты спорить о том, верно ли утверждение, что А есть Б, или А обладает свойством Б, хотя ни что такое А, ни что такое Б толком неизвестно. Это очень часто встречается у философов, впрочем, не только у них. И сегодня этот феномен не раз давал о себе знать. Рассуждения об А и Б в таком духе – не наука. Я не даю здесь никакой негативной оценки, не хочу сказать, что это плохо, что этого не должно быть.

У Ричарда Ивановича написано и подчеркнуто, и сегодня он это повторял, что у философии есть общий с мифологией эмоциональный корень. Это не соответствует критериям научности, какие бы критерии научности мы ни раскопали в обширной литературе на сей счет. Пусть здравствует философия, но не потому, что она есть наука, а, скорее, потому что она не вполне наука, не во всем наука, и так будет всегда. Но вот я внимательно прочитал четыре номера газеты, даже не знаю, сколько там их было всего, но первые четыре я очень внимательно прочитал, исписал много бумаги и очень, ко-

нечно, мне хотелось бы поговорить обо всех моих замечаниях, но для этого здесь физически времени нет. Я хочу только на некоторых остановиться.

Ричард Иванович с естественными науками не дружит. Это совершенно очевидно. Он даже теорему Пифагора неправильно формулирует, что такое квадрат катетов, а у него написано именно так — квадрат гипотенузы равен квадрату катетов. Или говорит «одно дело отражение неба в глади моря, тут, казалось бы, все яснее ясного, и совсем другое — отражение неба в море в сознании наблюдателя». Вот не дай Бог это сказать в Институте физики атмосферы или в Институте океанологии. Там хотят знать, но не знают, что такое отражение неба в глади моря. Это настолько сложная вещь, что если я (а я работаю в институте, который гидрологией занимается) буду просто перечислять проблемы, которые возникают в связи с тем, что небо отражается в море, то на это уйдет не меньше часа, клянусь. Не то, чтобы «яснее ясного», а ничего не ясно!

Реплика. — Здесь же образ.

Данилов-Данильян В.И. — Образы тоже надо выбирать аккуратно! Одно дело — стихи писать, другое — рассуждать о науке, истине (напомню: обсуждается доклад «Истина как проблема»), философии, правдоподобию, знанию и пр. И если вы, рассуждая о том, наука ли философия, выбираете такой образ, когда комментатор от науки, к каковому в данном случае я себя отношу, констатирует некое несоответствие именно науке и может сказать, что с наукой-то не все в порядке, значит, образ выбран неудачно. В текстах такого рода (в отличие от поэтических), как в суде, всякий образ должен проходить тест на буквалистское восприятие.

Есть множество деталей, против которых мне хочется возразить. Застрывать на деталях — нехорошо. Но, с другой стороны, ведь говорят же нередко, что вся суть искусства — в деталях. Не правда ли, Валентин Иванович? Поэтому все-таки скажу, что «выносить» Блока из Серебряного века никак нельзя. Кроме того, нельзя воспринимать «Двенадцать» Блока вне контекста, вне того, что было с Блоком потом. А вот Ричард Иванович это делает.

Не будем, все же, продолжать копание в деталях и займемся ноосферой. Видите ли, я совершенно уверен, что никакой научной концепции ноосферы не существует, что ноосфера — не есть научное понятие. Это попытка создать некое учение, ненаучное учение, научной базы под этим нет. У самого Вернадского в его трудах определений ноосферы, по крайней мере, четыре. И они противоречат друг другу, они просто взаимно друг друга исключают. То он говорит, что ноо-

сфера началась вместе с цивилизацией и культурой, то пишет, что переход к ноосфере еще предстоит, то трактует ноосферу как некое состояние, в которое когда-то перейдет биосфера... Но что такое состояние биосферы, — из Вернадского почерпнуть никак нельзя. А из современных представлений глобальной экологии следует, что крайне нежелательно, чтобы биосфера переходила в другое состояние. Это будут те самые тартарары, о которых Ричард Иванович пишет, в чем я на 100% согласен с ним. Так что ноосфера — тоже образ, и прямого отношения к науке не имеет.

По поводу «концепции» ноосферы Ричард Иванович с сожалением пишет, что эта «встречная волна со стороны естествознания по политическим причинам не сумела быстро и органически влиться в основной поток ленинизма». Меня несколько не удивляет, что этого не произошло. Это совершенно разнородные, в отдельных посылках, действительно, близкие, но в некоторых следствиях — взаимно противоречивые вещи, из них никакого синтеза в принципе получиться не могло. Вот Ричард Иванович цитирует труд Вернадского «Наука как планетное явление», там говорится, что перед человечеством, которое стало по своему воздействию на природу сопоставимо с геологической силой, встает вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Вдумайтесь: это совершенно утопическое заявление! Что такое человечество как единое целое, что такое перестройка биосферы, какие интересы у человечества мыслящего как единого целого есть, кроме выживания? Никаких нет. А слово «выживание» кое-где и ругательное для Ричарда Ивановича. Приведенная фраза Вернадского, между прочим, антиэкологична по смыслу. И она, кстати, хорошо перекликается с Марксом, который сказал, что философы только объясняли мир, а задача в том, чтобы изменить его. Так вот, мы доизменялись. Видим, к чему приводят попытки изменения мира. Хотя Маркс имел в виду, конечно, социальный мир, ход истории. А ведь любой изобретатель стремится изменить мир с помощью своего изобретения. И катастрофа, которая угрожает нам потерей среды нашего обитания и, следовательно, гибелью, связана именно с тем, что о последствиях внедрения изобретений не задумываются, лишь бы изобрести и получить за это, как теперь говорят, «бабки». А дальше этого — никого (кроме, конечно, некоторых утопистов) ничто не интересует.

Ричард Иванович пишет: «Маркс и Энгельс не успели разработать проблему отношения духа к материи в динамике. Ленин подошел к ней, но сумел ее решить в прикладном, практически политическом варианте». Простите, а о чем мы тогда говорим? По прошествии 150 лет

после того, как возник марксизм, констатируем, что остается нерешенной проблема отношения духа к материи в динамике. Тогда вроде и говорить не о чем — в смысле применения марксизма к современным условиям. Проблему в такой постановке, видимо, действительно не решили, но остается вопрос, можно ли ее вообще решить.

Реплика. — Там главное слово «в динамике».

Данилов-Данильян В.И. — Да я, как будто, понимаю, что такое «динамика». Именно потому и сказал про 150 лет, что за это время столько было всякой динамики, что о статике 150-летней давности скоро и воспоминаний почти не останется (у молодого поколения, имею в виду). Вообще корректна ли эта постановка вопроса даже в свете...

Межуев В.М. — ... нет понятия духа и материи, но есть понятия «духовное» и «материальное»...

Данилов-Данильян В.И. — Вадим Михайлович, во-первых, я с Вами согласен, во-вторых, о духе и материи — цитата из Ричарда Ивановича, не мои слова, в-третьих, не во всяком языке найдутся и «дух» и «духовное», соответственно, и «материя» и «материальное», как им, бедным, быть с динамикой в марксизме? А в-четвертых, я хочу сказать другое. Фраза Ричарда Ивановича, которую я цитировал, с которой (или с терминологией которой) Вы, Вадим Михайлович, не согласны, фактически противоречит его тезису о том, что некий новый развитый марксизм явится панацеей от всех бед в современных условиях. Если слова Ричарда Ивановича о духе, материи, динамике, Марксе и Ленине справедливы, то вывод отсюда должен быть противоположный: надо не пытаться «доразвивать» марксизм, а искать нечто другое.

Сделаю некоторое заключение по главному из обсуждаемых вопросов.

Спору нет, современная цивилизация находится в кризисном состоянии. Это у нас называется «системный эколого-социально-экономический кризис». У экологов, к которым себя отношу. Кризис углубляется с каждым днем и с каждым деянием. Что касается России, то я не стал бы говорить, что она находится в каком-то особенно кризисном, особенно неблагоприятном на этом общем фоне состоянии. По совокупности характеристик мы где-то в середине находимся. У нас есть позитивные моменты, но очень много и негатива. Однако объявлять нас замыкающими — я от этого очень далек.

Я согласен с Ричардом Ивановичем, с его категорическим отрицанием базовой либеральной идеи о том, что рынок расставляет все по своим местам. Не расставляет! Даже в чисто экономическом плане. Еще 100 лет назад, может быть, и все 150, было понято, что свободный рынок с совершенной конкуренцией (это теоретическая абстракция, но как отправная точка в рассуждениях очень хорошо

работает) фактически разрушает сам себя. Во-первых, тем, что возникает монополизм на ничем не ограниченном свободном рынке, а монополизм разрушает именно рыночную свободу. И, во-вторых, тем, что рыночная система приводит к цикличности развития, которая, в свою очередь, обуславливает социальную неустойчивость, т.е. подрывает материальную основу системы. В XX в. с этим более или менее благополучно научились справляться. Рынок стал, во-первых, демонстрировать гораздо меньшую амплитуду колебаний в своих циклах (благодаря кейнсианским и прочим мерам), а во-вторых, научились препятствовать образованию монополий. Я не хочу сказать, что эти проблемы полностью решены и соответствующие меры действуют всегда, когда надо. Тем не менее, здесь найдены инструменты, позволяющие избежать катастроф из-за монополизма и цикличности. Но дело в том, что рынок — нерегулируемый — разрушает не только сам себя. Он, как выяснилось примерно 50 лет назад (в чем-то и для кого-то это было ясно гораздо раньше, не будем сейчас заниматься археологией), разрушает культуру, духовность. То, что рынок разрушает рыночную экономику, сейчас очень многим экономистам и даже бизнесменам можно объяснить без особого труда, поскольку у них имеются достаточно внятные представления об экономике. Однако то, что рынок разрушает культуру и духовность, — это плохо понятно тем людям, которые управляют рынком, потому что у них, в большинстве случаев, нет ни культуры, ни духовности. А если в каких-то зачатках и есть, то проявлено в гораздо меньшей степени, чем материальный интерес, который они удовлетворяют с помощью этого самого рынка. Поэтому здесь проблемы гораздо сложнее, чем правовое и экономическое регулирование рынка на предмет нивелировки его негативных экономических свойств.

Но хуже всего то, что попытки построения плановой, принципиально нерыночной экономики в Советском Союзе характеризовались теми же самыми недостатками. Почти все, что было плохо в рыночной системе, было плохо и в советской экономике. И монополизм, и невесть откуда взявшаяся цикличность, и разрушение природы, культуры, духовности. При этом в отдельных аспектах было и положительное, но, увы, отрицательное перевесило. Дело в том, что в чисто экономическом плане советская система оказалась гораздо менее эффективной, чем рыночная. И экономическое соревнование она проиграла, и оказалась полностью зависимой от цен на нефть. Советский Союз развалился, потому что рухнули цены на нефть в середине 1980-х годов, но не случись этого обвала тогда, он произошел бы с теми же последствиями в другой момент. Основа для разва-

ла была готова, а толчок в таких случаях всегда найдется. И все беды, наблюдаемые в российской экономике сейчас, имеют основу, заложённую еще тогда.

В чем «секрет» успехов Китая? С моей точки зрения, в консерватизме. Дэн Сяопин был типичным консерватором. Ричард Иванович цитирует Маркса, цитирует его высказывание: «теория способна овладеть массами, когда она доказывает *ad hominem*..., когда становится радикальной. Быть радикальным — значит понять вещь в ее корне. Но корнем является для человека сам человек». С этим я совсем не согласен.

Реплика. — Ну, это Ваше дело.

Данилов-Данильян В.И. — Конечно, моё! Вы можете оставаться при Вашем мнении, если мои аргументы Вас не убеждают. А я могу изменить свое мнение, если Ваши аргументы убедят меня. Я и сказал: «не согласен», а вовсе не то, что Маркс или Ричард Иванович ошибаются.

Реплика. — Вы хотите, чтобы Косолапов писал так же, как пишете Вы?

Данилов-Данильян В.И. — Ничего подобного! Пусть Косолапов пишет так, как пишет он. Достаточно того, что свою точку зрения, надеюсь, более или менее внятно я и сам могу изложить.

С точки зрения эколога, корень человека — в биосфере, а не в нем самом. Для того чтобы сохранить жизнь, очень важно знать, как изменяется отражение неба в глади моря под воздействием человека (как вы понимаете, это — образ). Оно, между прочим, понемногу уже изменяется. А что касается «быть радикальным — значит понять вещь в ее корне», то, наверное, познаваемость мира надо рассматривать при некоторых предположениях. Ну, например, хватит ли времени для того, чтобы разобраться в том, как отражается небо в глади моря? Может случиться, что времени не хватит, некому будет понимать, некому будет смотреть на отражение неба в море. Что значит — понять вещь в ее корне? Да ничего мы не понимаем в корнях! Современная реальность убеждает в поражении человеческого разума. Вот это и есть исток постмодернизма. Если башка варит, логические цепочки выстраивать можем, чего-то там соображаем, отражаем и соображаем, как отражаем, а сконструировать ничего безусловно хорошего не можем, любая конструкция, оказывается, имеет другую «сторону медали», имеет кучу негативных последствий, любая палка имеет другой конец, которым обязательно бьет нас по голове, — так давайте заниматься деконструкцией. Но я вовсе не призываю этим заниматься! Я говорю о том, что сила Дэн Сяопина была в его консерватизме. Он никогда не сказал бы, что познал вещи в корне. Он никогда не сказал бы, что все дело в радикальности идеи, когда она овладевает

массаи. Нет, Дэн Сяопин был консерватором, и он думал, прежде всего, о прогрессе (меня не смущает, что это звучит несколько парадоксально). Занимаясь такими размышлениями, консерватор все время повторяет про себя: «не навреди». А радикал уверен, что он «познал в корне».

БУЛАВКА Л.А.

На самом деле тот градус волнения, который сегодня подспудно чувствуется в атмосфере нашего разговора, на мой взгляд, вызван не столько даже самой этой проблемой, сколько тайным намерением угадать тот вызов, который лежит в этой проблеме — вызов, обращенный к нам самим. И особенно тем, кто так или иначе был или опален марксизмом, или был связан с этим профессионально. На мой взгляд, говорить об этом только с точки зрения профессионала, недостаточно. Потому что всегда есть та составляющая, без которой любой профессионализм превращается в слово, в лучшем случае, эпитафией на могильной плите истории мировой философской мысли. Я говорю о проблеме позиции, позиции человека, который соприкасается, тем более, с такой проблемой.

Я кончила буквально вчера статью, которая называется так — «Разные стороны правды Цветаевой и Мандельштама». Эта статья была вызвана малоизвестным текстом Марины Цветаевой, который называется так «Мой ответ Осипу Мандельштаму». Эта статья была написана ей в 1926-м г. на книгу Мандельштама «Шум времени».

Когда знакомишься с этой... читаешь эту статью, то видишь, как вся неистовость Цветаевой здесь превращается в идейную пощечину Мандельштаму. Такой резкости, которая не позволила даже тем, кто сочувственно относился к ней в эмигрантских изданиях, опубликовать эту статью. Друзья уговаривали — ну пожалуйста, не нужно этого публиковать. Этот вопрос был вообще предметом спора даже при публикации полного собрания сочинений.

Чем вызвана эта пощечина? Эта пощечина дана Мандельштаму за то, что формальным пафосом является попытка защитить некоего человека от нападок Мандельштама. Но этим ли вызвана? Маяковский — уж навряд ли он стоял по другую сторону этого вопроса. Для него не было проблемой, на чьей стороне была историческая правда и права в этом вопросе, также, как и настрояние Красной Армии. Нет. Не этот вопрос вызвал вот такую ярость Цветаевой. Может быть, неприятие такое, концептуально-эстетическое неприятие Мандельштама? Так она за три года говорила: мои лучшие поэты, любимые

поэты — Маяковский, Пастернак и Мандельштам. Когда начинаешь прочитывать этот текст не раз, не раз, то ты видишь, что на самом деле Мандельштаму она делает вызов. Вызов тем вопросам, который оказался похлеще вопроса — так ты за белых или за красных? Этот вопрос я озвучила так — «так ты за принципиальность бытия, своего личностного бытия, или нет». Вот здесь она дает пощечину Мандельштаму за то, что он оказался с ее точки зрения непринципиален в этом бытии. Как она пишет — не-революционер до 17-го года (как лучшая часть молодежи того времени), революционер после 17-го года, сделавшийся революционером назад — история скучная и неинтересная, история обывателя. Это только лишь отрывок. Здесь пощечина Мандельштаму была дана вот именно за эту свою принципиальность.

Цветаева дала положительный ответ всей своей жизнью, всей своей трагедией ответила на то, что она приняла этот вызов принципиальности бытия. И, кстати, то, что объединило ее с большевиком, ее, антибольшевичку, объединило с Маяковским. Потому что этот принцип — это принцип предельности бытия во всем. Тот принцип предельности бытия, который делает неразъемный поэта и человека. Именно этот вопрос стал той демаркационной линией, которой объединил людей из разного стана — Маяковского и Цветаеву, и разъединил поэтов, казалось бы, из одного стана — Мандельштама и Цветаеву.

Переходя к теме нашего разговора, тема наша и вообще то, что мы как-то пытаемся соотнести себя с марксизмом, ставит этот же самый вопрос. Мы можем долго, что показало последнее десятилетие, мы пытаемся найти вот тот бульдозер в лице ли партии, в лице ли каких-то рыночных механизмов, которые прочистит нам дорогу, а мы, вслед за ним, комментируя и иллюстрируя, будем идти по этой колее. НЕ получится! И, заканчивая свое выступление, я хотела бы сказать, что я никогда не предполагала, когда 5 лет оказалась на Кубе, двух вещей, — что мне придется выступать в конгресс-холле перед Фиделем Кастро с докладом «Уроки распада СССР». Вот он находился ближе, чем Валентин Иванович, передо мной. И никогда не предполагала такого. И второе, никогда не предполагала, что меня постигнет та степень горечи, которую я испытала на Кубе, попав в сообщество коллег института философии, я видела в разговоре — ну давайте, вот эти все... да-да, боже мой, как я увидела наши 1970-е гг.! Вот когда философия становится между реальностью и между мною. Когда я буду говорить обо всем, но в обход меня, как субъекта истории культуры. Но ведь даже проблема бессмертия души уже в ренессансе ставилась как проблема не в обход самого себя. Становись как Бог и ты решишь

эту проблему. Так вот мы хотим решить проблему светлого будущего в обход себя как субъекта. Не получится! Мы давно перешли этот рубеж — рубеж, когда о марксизме можно было говорить, как сегодня говорим об искусстве. Чтобы оно цепляло, но не грузило. Но не получится. Если мы себя как-то идентифицируем с марксизмом, будет постоянно возникать вопрос о бытии. В самых разных формах. Хорошо здесь, в клубе Валентина Ивановича говорить, что я ненавижу капитализм, я люблю социализм... А кто из нас, находясь на круглых столах в Всей школе экономики, начинал свое выступление со слов «вы знаете, я, как марксист скажу». Я думаю, таких наберется немного. Бузгалина знаю. Есть еще? Пожму руку. Это я о принципиальности бытия.

МАРЕВА Е.В.

Несколько слов по поводу постмодернизма. Ценность постмодернизма Вадим Михайлович видит в идее множественности разума. Если с этой точки зрения посмотреть на классику, получается, что средоточием философской мысли античности был не Платон, а софисты. Они ведь первые сказали, что не индивид, а человек — мера всех вещей. Впрочем, этому можно противопоставить такую альтернативу: я и многие из присутствующих помнят, что в наши молодые годы философ, как и писатель в СССР в период позднего социализма был властителем дум. Люди ходили на встречи и лекции, слушали, выставляли вот эти самые микрофончики, чтобы ничего не упустить, найти и узнать истину. Истину, а не множество истин. Ту самую, которая объяснит, что с нами сейчас происходит.

Но мы сейчас оказались в ситуации, когда философ из властителя дум превратился в шоумена. От него требуют, чтобы он продавал товар, желательно в яркой упаковке. В своей работе «Что такое философия» тот же Делёз возмущается этой ситуацией. Как это получилось, что мы дожили до того, что продавец лапши выдает себя за творца и философа? Ответ простой — за что боролись, на то и напоролись. Потому что Делёз сам стоял у истоков именно такого переосмысления роли философии, хотя его обвинять во всем тоже нельзя, так как меняется сама культура. И мы сейчас вписываемся в реальность этого массового, рыночного общества, где все продается.

Конечно, важно понять, каким образом мы в нем оказались. По моему, это главный вопрос, на который надо бы ответить. Борис Федорович Славин воодушевленно вспоминал времена, когда большинство приникали и слушали, что происходит там, на съезде и так да-

лее. Но, на мой взгляд, судьбу страны решали не эти люди, а те директора предприятий и молодые кооператоры, которые хотели стать хозяевами жизни. Сошлюсь на мнение нашего друга из Финляндии, который описал в своей статье, как со стороны смотрятся все эти вещи, что у нас происходили и происходят. Он говорит, что фактически в 90-е годы в России происходило первоначальное накопление. Нужно было навалиться всей силой государственного аппарата, что и сделал Ельцин, для того, чтобы оторвать работника от средств производства и превратить его в голого носителя товара «рабочая сила». Именно в этом смысле происходило «огораживание». И чем это обернулось? Другой молодой человек, аспирант, без оголтелого либерального пафоса говорит, что работал на «тойоте»: за полторы-две тысячи долларов всю неделю с утра до ночи, и что это потогонная система. Отец его приехал из какого-то сибирского города и говорит – слушай, это же сталинизм какой-то. То есть идет та самая эксплуатация, анализ которой дан марксизмом. Оказывается, эта методология не устарела, просто мы разучились ею серьезно пользоваться.

Водолазов Г.Г.

У меня будет реплика из нескольких впечатлений чтения статей Ричарда Ивановича и других.

И первая часть реплики состоит в том, что я хотел бы присоединиться к тому, что говорили Межуев, Славин, Бугалин. Это высокое уважение к Ричарду Ивановичу за постоянство и его высокую идейность, твердую позицию, замешанную на большой теоретической культуре. Причем он всегда был таким. Не только противостоял константиновско-митиновской линии, но и еще более отвратительной философской линии – фодосеевщине, бескультурью в философствовании и угодничеству перед властью имущими. Человек, который мог писать в одной книжке, критикуя Сталина, ссылаясь на Хрущева после XX съезда, а во втором издании этой книжки на месте Сталина появляется фамилия Хрущева после октябрьского пленума 1964-го г. Я не представляю, чтобы у Ричарда Ивановича когда-нибудь что-нибудь такое появилось. Это первое, что мне важно и ценно констатировать. Позиция высокой профессиональной теоретической культуры, тянущейся от Гегеля, Маркса, Ленина до Ильенкова и Лифшица. Это замечательная традиция, ей Ричард Иванович следовал и в те и в эти времена. А также его социальная позиция. Он всегда был выразителем интереса народного человека, человека культуры, человека труда, человека униженного и угнетенного.

Два замечания. Первое, вы знаете, у меня какое-то одно странная вещь, которую я не понимаю, не могу понять, что это такое, не могу принять абсолютно. Вы знаете, у Булгакова кто-то там, кажется, Варенуха, который сидел и не отбрасывал тени, или кто-то там... вроде это Варенуха, нормальный, но не отбрасывает тени, что-то такое иное. Ричард Иванович отбрасывает тень. Но я вижу тени Маркса, Гегеля, Эвальда Ильенкова, и вдруг в этом движении теней появляется тень с какими-то кавказскими усами, с трубкой, какими-то желтыми злыми глазами... я не скажу, что она как-то лезет на первый план, но все время внутри, в фундаменте она мелькает все время, вот-вот... я даже не хочу имя, мне противно имя это называть. А вот у Ричарда Ивановича она где-то в фундаменте его. Что это такое? Я не представляю соединения Эвальда Ильенкова с этой тенью, философского гения со злодейством. У Ричарда Ивановича как-то соединяется, я не могу объяснить это. Это первое.

И второе замечание. В своих статьях он оценивает последние 20 лет как буржуазную контрреволюцию. Опять две вещи — и в оценке, и в следствии, что из этого следует. Буржуазная контрреволюция... да, то, что происходит сейчас, мне также отвратительно, как и Ричарду Ивановичу. Я считаю, что в нашей стране эта сотня долларовых миллиардеров, и один из них за год удвоил свои 20 млрд до 40, а Абрамович чуть-чуть отстал. Ну, вместе наши богачи имеют состояние в 231 млрд долларов. А нам еще говорят, что разрыв между 10 тысячами самых богатых и бедных вырос в 16,1 раза. Для тех, кто считать умеет, понятно, что много больше. А Ричард Иванович говорит — *буржуазная контрреволюция*. Слово «буржуазная» — многозначно. Есть буржуазно-демократическая. У нас же даже не буржуазная. И рынка никакого у нас нет. У нас господство, точнее, диктатура монополистического криминального капитала, сросшегося с государственной номенклатурой. В этом суть и в это истина, о которой мы решили поговорить.

Далее. Я думаю, противостояние идеям Октября началось не в 1985-м, а с конца 1920-х гг. Сталинский период и был контрреволюцией по отношению к Октябрю. И в этом обществе, в этой контрреволюции, как она сложилась и вызревал криминально-монополистический цыпленок-капитал, о котором говорил Борис Славин. И вот эта теневая экономика. Таким образом, то, что произошло в 1980—1990-е гг., есть продолжение, только в новой форме, того, что в милом сердцу Ричарда Ивановича происходило в так называемом развитии социализме. И вывод мой такой. Что черпать оптимизм от такой близости с данной нам в ощущение действительностью не откуда... Откуда его возьмешь? Остается путь формирования новой

культуры в человеческих головах, как остроумно сказано, *субъективной объективной политической системы*. Будет политическая культура гуманистическая — не удержится никакой тоталитаризм, будет какая-то другая, будет по Черномырдину, сами догадываетесь — как. А как скоро это произойдет — никто не знает.

Салуцкий А.С.

То, что произошло в период коллективизации, включая все репрессии, носило политический характер. Помимо всего прочего, Сталина, который хорошо знал историю, нужно было набрать армию рабов в таких далеких регионах, как Сибирь, чтобы сделать то, что делалось по всей стране. Существует среди историков точка зрения, что наряду с политической линией необходим был еще и такой подход. Перепись 1926-го г. очень четко это демонстрирует. Говорю не в оправдание, а просто как факт, который надо принимать во внимание. Та же тенденция продолжалась в 1950-е гг., но в другой форме, когда развивающаяся экономика города просто как насосом вытаскивала из деревни нашей людей и оголяла деревню. Я об этом напомнил в связи с тем, что тут проводились аналогии с Китаем. Никаких аналогий! Вернее, она есть, но обратная. Нашу деревню опустошили, а китайскую деревню, в которой миллиард живет, напротив, оживили.. Это глобализация в отдельно взятой стране. Поэтому я бы не возлагал колоссальных исторических восторгов на будущее Китая, не делал пока окончательных выводов. Посмотрим, как там в дальнейшем будут развиваться события. Это раз.

Второе. Пользуясь этой блестящей атеистической аудиторией, хочу развеять один ужасный, безобразный миф, который 20 лет назад вбросил в общество Окуджава. Поэт заявил, и миф как вирус пошел во власть, и власть им пользуется, гнобит пенсионеров, ждет, пока они все вымрут. Миф этот о том, что якобы Моисей 40 лет водил по пустыне свой народ, и когда вымерло это поколение рабов, только тогда он, наконец, привел их в Землю Обетованную. В Исходе говорится совершенно иначе. Моисей совсем по иным причинам водил народ. Он боялся войны с филистимлянами, боялся, что вернутся уже ушедшие, и так далее. Это очень важный факт. Не из-за этого ложного мифа, что 40 лет водили людей, пока не сменилось поколение, у нас и происходит столкновение поколений..

И последнее. Тут хорошо очень выступали по поводу Мандельштама, Цветаевой. Три месяца назад в «Литературной газете» была опубликована полуторاپолосная моя статья, которая называлась «Кто там

шагает правой?». Там как раз речь шла о Блоке, Мандельштаме, Цветаевой и других деятелях культуры, об их роли во всех этих процессах. В том числе о марше несогласных в октябре 1927-го г. с Троцким во главе. Тогда совершенно иначе ставились вопросы, которые актуальны и сегодня. И там обращается внимание на то, что хронология революции 17-го года абсолютно совпадает по годам с тем, что у нас прошло с 1991-го г. — 10 лет, 7 лет и далее. И то, что происходило в эти периоды.

Толстых В.И.

Друзья, я понимаю, все устали, но надо завершить наше обсуждение также хорошо, как мы его провели. Я отказываюсь от выступления, хотя мне есть что сказать, поддержать или возразить. Ограничусь только одним суждением, точнее, замечанием. Клуб никогда не ставил себе задачей какой либо вопрос, теоретический или практический, решить. Зато всегда мы стремились и пытались тот или иной теоретический и жизненно-практический вопрос *правильно поставить*. Так вот, я благодарен, Ричард Иванович, Вам за то, что Вы сегодня побудили нас всех заняться постановкой вопроса, который мы, казалось бы, постоянно обсуждали, но специально никогда не заявляли и не ставили, хотя он многих, а меня особенно, всегда волновал и волнует по сей день — *почему и как потерпел крах социализм, советская система, что явилось тут главной причиной?* На мой взгляд, сегодня сказано было много интересного и точного, но главное осталось, все-таки, вне или в тени нашего разговора.

Лично для меня вопрос о крахе СССР продолжает оставаться не ясным и недодуманным во всей его проблематичности. Ясно, кто виноват? Конечно, партия, когда-то заявившая, что она «есть» и взявшая на себя ответственность за будущее страны. Это она «профукала» страну, оказалась банкротом, не справилась со взятыми на себя обязательствами, многое наобещав (вплоть до «коммунизма в 1980 году»), не заметив вовсю разыгравшейся научно-технической революции и проиграв Западу вызов «массового потребления», кстати, вполне посильный для «великой страны». Говоря о партии, имею в виду и себя, рядового функционера, поступавшего в нее не ради карьеры. Ведь я был не слепой, видел все повороты и кульбиты партийной политики, вплоть до того, когда она отказалась публично от конституционной роли быть «руководящей и направляющей силой общества», когда, собственно, сама же и предоставила свободу рук отступникам-реставраторам. Почему и как допустили мы этот поворот-переворот в судьбе страны (а нас, коммунистов,

было 18 миллионов) — на этот вопрос мы по сей день не ответили. Зато накопилось много словесной пыли и эквилибристики, от которой тоже надо бы освободиться, хорошо бы самим и при жизни. Я попытался ответить на этот вопрос в книге, которую сейчас закончил, но сейчас все устали, а говорить на эту тему вскользь — не стоит.

Предоставляю заключительное слово Ричарду Ивановичу.

Косолапов Р. И.

Положение мое трудное, все устали очень. Тем не менее, пару слов надо сказать.

Оценка нашего состояния до «перестройки». Я много думал и до того еще. Ведь, вообще говоря, мы партийной дисциплиной были поставлены перед необходимостью применять именно термин «развитой социализм». Ну, все взрослые, и все помнят это. Впервые этот термин появился в документе Международного совещания компартий 1961-го г. В 1966-м г. летом его просочил в одну из статей Бурлацкий в «Правде». Помните? Нет? И затем, я не знаю кто, может быть, Бовин писал доклад Брежневу, посвященный 50-летию Октября. 1967-й год, понимаете? Через некоторое время выступает с докладом Суслов и пытается уже дать развернутый подход к этому понятию. Нам приходилось, однако, делать это с оговорками. Лично я всегда делал оговорки, намекая на то, что реальное обобществление у нас было не вполне осуществлено, процент формального обобществления был слишком велик. Эта сторона учения Ленина о социализме была в полном забвении по сути дела. Или просто не понималась. Меня подкрепил, надо сказать, Маркс. Вы помните, наверное, его рукописи, где говорится о формальном и реальном подчинении труда капиталу. Этот подход легко дальше перебрасывался уже на социализм, и получалась добротная методологическая канва. На самом деле, состояние нашего общества было незавершенный переходный период, который можно назвать ранним социализмом. Ранний социализм — незавершенный переходный период — так фиксировано состояние советского общества в тезисах РУСО, посвященных 80-летию Октября. Второй раз, уже в связи с 90-летием мы сказали об этом сейчас по линии КПСС — это, наверное, мало кто заметил, воспроизвели эту оценку вновь. Я думаю, она достаточно научна.

На один момент я хочу обратить ваше внимание. На один момент. Двадцать лет я наблюдал непосредственно нашу основную верхушку. Ну, это Политбюро, ЦК, Секретариат. Ни одного из тех лиц, строго говоря, нельзя было назвать марксистом. Вернее так — образованным марксистом. Понимаете, какая штука? Я готовил в течение

этого периода многие выступления, по сути всех авторов я перебрал, знал их помощников, их подход. Никто из них, как правило, сам не писал. Понимаете, какой ужас? За обобщение, за открытие принималось то, что сделали мальчики вроде меня и даже помоложе, может, даже похуже, но располагавшие быстрым пером. Среди них были романтики, были лентяи и циники, карьеристы. Смотрите, как получилось потом. В Фонде Горбачева оказался весь консультантский корпус ЦК. Так? Были ребята, которые работали, скажем, у Пономарева. Вебер, например, тот, другой, третий. Это помощники, консультанты, то есть основной корпус речеписцев, составителей документов.

Мы с вами должны понимать, проходит какая-то пора, эпоха, период проходит. Лицо этого периода представляют не абстрактные массы, а реальные, совершенно реальные кандидаты наук, допустим, журналисты и т.д. Вот это ситуация. Ленин, да и Сталин тоже в немалой мере своей квалификацией управленца, если хотите, талантом компенсировали неполноценность верхушки в образовательно-интеллектуальном отношении. А потом наступил провал. Для того, чтобы поддержать революцию, особенно ту, которая возникла и проходила в такой отсталой стране, как Россия, — вы хорошо знаете дореволюционное состояние и потом, — надо было готовить железные кадры под стать основоположникам, создателям этой системы.

Реплика. — Вы всех превратили в меньшевистствующих идеалистов.

Косолапов Р.И. — Да, и меньшевистствующие идеалисты, если разобрать конкретно данные факторы, тоже прихрамывали либо на одну, либо на другую ножку. У нас есть манера идеализировать пострадавших. Нам надо реально, очень объективно, жестко рассматривать все эти вещи. Меня фигура Сталина интересовала только с какой позиции? Когда выяснился провал управленцев нынешней «перестроечной» формации и после, надо было, чтобы у России был какой-то духовный якорь, представляющий собою известную надежду на возможность. Я хорошо понимаю всю рискованность и, если хотите, ущербность и этого подхода, потому что иного материала история нам не дала. Но жизнь не подсовывает нам ничего другого. Так получается. И дальше двигаться надо с учетом этого. Я совершенно согласен насчет того, что мы не можем рассчитывать только на чернь. Сейчас надо найти золотой ключик консолидации труда мускульного и интеллектуального, ибо атомизация, дробление общества страшное. Вот нашла все-таки буржуазия способ. Сами друг друга они постреливали, когда в малиновых пиджаках еще гуляли, а сейчас налицо стабилизация нового класса этого буржуазного. Стабилизация же широкого комплекса производительного труда и творческого труда тоже настоятельно необходима, но за-

паздывает. Интеллигенция должна понять, в конце концов, что она лелеяла не те надежды. Надежда может быть только на тех, кто живет, производя материальные и духовные ценности. Вот такая сложнейшая ситуация, когда консолидации трудящегося класса нет, а консолидация эксплуататорского класса налицо. Сейчас надеяться можно только на интеллектуализацию масс, на просвещение. Просвещение, кстати, универсальное. В самом широком смысле слова. Не ликбез какой-то, не просвещение узкого рода, не гламурпросвет, а народное просвещение в целом, в масштабах всего общества.

Я, кстати, когда делал эту работу, не думал, что мы так политизируем обсуждение. Обсуждение превратилось, по сути, в социально-политический анализ. Я думал, что надо немножко так задеть сторонкой грибки разные растущие, а тут кинулись куда-то в самую гущу, в самый огонь. Я думал, что мы иначе подойдем к этому профессиональному для нас делу, ведь кое-что говорилось здесь явно не про то. Мне очень интересно поднять нашу философию, тем более, что она не так плоха, как кажется кое-кому.

Были интересные находки... вот я почти со всеми согласен, но только у нас расхождения могли быть, если бы мы подробнее это обсуждали, в сроках, в сдвигках, в конкретных формулах. Я полагаю, что у нас была буржуазно-бюрократическая контрреволюция в 1991-м г. Бюрократическая – подчеркиваю это. Потому что участником был, в данном случае, в значительной степени аппарат. Я мог бы рассказать много подробностей, деталей, потому что я, честно говоря, варился в этом в тот период и знаю, наверное, видел то, о чем вы, может быть, и не догадываетесь.

Утро 19 августа. Собирают Политбюро ЦК КП РСФСР и товарищ Купцов, свежий тогда первый секретарь, говорит – ребята, все, что происходит, совершается по государственной линии, вмешательство партийных органов не уместно. И сразу российская партийная организация выключается из процесса. Ведь достаточно было, к примеру, той же политической роли и активности одного Прокофьева в Москве.

Я не буду продолжать. Это горестно, потому что за этим жертвы, душевные травмы, кровь... А сколько ее пролилось в 93-м году. Но мы – философы, то есть люди не оплакивающие, а осмысливающие; я не хотел бы обращаться сейчас туда и думаю, что тут у нас получился разговор внимательный, прямо дружеский...

Толстых В.И. – Мы очень благодарны вам за то, что пришли, высидели с нами весь этот разговор. Будьте здоровы, берегите себя.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА XXI ВЕКА И МИР КУЛЬТУРЫ

«Свободное слово» на 2-м Форуме социалистических партий.
Президент-отель. Москва, 24 апреля 2008 г.

Толстых В.И.

Коллеги, друзья, организаторы Форума поручили нашему семинару обсудить интересную и непростую тему мира культуры в социалистической перспективе XXI в. Именно тема побудила меня и моих товарищей по клубу «Свободное слово» принять приглашение поучаствовать в работе семинара. Инициатива партии Справедливой России обсудить проблему вызывает уважение и признание, как и её интерес ко многим другим вопросам общественного развития современной России. Она ставит и понимает их иначе, чем другие общественные организации и политические партии. Импонирует стремление восстановить и вернуть в общественный словарь понятие «социализм», дискредитированное практикой «казарменного социализма» и оболганное хулителями всей советской цивилизации. Поясню, почему важен разговор на эту тему.

Среди многих бед и проблем, прижившихся на русской почве, помимо дорог и дураков, есть и иные, не менее важные и долговечные. Одна из них, пожалуй, самая многострадальная, — это отношение к культуре и судьба самой культуры. Не забираясь в глубины истории, можно вспомнить те же приснопамятные советские времена и сопоставить их с нынешним состоянием и ролью культуры. Тогда культуру ценили и оценивали по *остаточному принципу*, а теперь и того нет. Почему так происходит и мало кого волнует?

Вряд ли за два часа нашего заседания мы на этот вопрос ответим, но попытаемся его правильно поставить, что тоже важно. На мой взгляд, вопрос об отношении государства и власти к культуре сейчас, центральный и пожалуй, самый трудный, хотя многие считают его второстепенным и служебным. Мизерна доля ВВП, отводимая власть

предержавшими на житие-бытие культуры. Мломент важный и показательный. Но еще важнее выяснить, какой смысл видят и какую роль отводят культуре государство и власть. Что она для них (по делу, не на словах) значит — это сфера досуга и развлечений, или служение некоему высокому человеческому долгу? Либо просто это еще один вид коммерции, позволяющий без особых усилий, а иногда и без таланта, стричь «бабки» и «купоны», не менее прибыльная сфера, чем сфера газа, нефти и леса?

При советской власти культура стала сферой духовного и идеологического воздействия государства и режима на общество, средством внедрения в сознание людей определенных идеалов, целей и ценностей. Вместе с падением советской власти эта функция отмерла и отпала, хотя и сегодня она некую просветительскую и идеологическую функцию выполняет, стоило бы выznить — какую именно. Попробуем это сообща определить и обозначить. Этим озабочены сейчас не только мы с вами. Сейчас, как раз в этот день и час в Орле губернатор (кстати, бывший спикер Совета Федерации) обсуждает с приглашенными гостями тему-проблему взаимоотношений экономики и культуры. Меня активно приглашали поучаствовать в этом разговоре, но я раньше дал согласие вести наше заседание, и потому нажусь здесь, а не там.

А если бы участвовал в разговоре, то предложил бы переформулировать поставленный вопрос, поставив его с ног на голову. Я не оговорился, именно так — с ног на голову, вернув культуре то место и роль в общественном и цивилизационном развитии, какое она занимала в марксизме, или научном социализме, а не в официальной версии «советского марксизма». Где экономика была базисом, политика и государство — надстройкой, а культура вместе с представляющей её интеллигенцией — прослойкой. И при этом мы в чем-то существенном можем позавидовать советскому опыту. Это если внимательно посмотреть глазами культуры на все наши нынешние, «постсоветские», заботы и проблемы. Вот уж где ясно видно, из чего и откуда растут «ноги» наших с вами сегодняшних бед и проблем, связанные с очевидной неэффективностью действующей экономической и политической системы, не способной в режиме саморегуляции решать проблемы собственного развития и отвечать на вызовы глобализирующегося мира. Потому-то и рынок у нас не рынок, и демократия какая-то странная, что ищем слово, чтобы её как-то определить (с «социалистической она скатилась до «суверенной»), и духовная ситуация и атмосфера в обществе сложилась такая, что нормальному человеку дышать и жить в ней очень трудно.

Так в какой культурной ситуации мы оказались, и какой «социализм» может нам помочь, чтобы, не возвращая прошлое, ностальгией по которому, как я заметил, мало кто болеет, все-таки, обрести уклад и образ жизни, действительно, достойный именоваться человеческим и человечным.

Сравнительно недавно мы в клубе «Свободное слово» обсуждали тему «Культура и государство», где ведущими были присутствующий здесь Вадим Михайлович Межуев и президент Академии административной службы Владимир Константинович Егоров, занимавшие по обсуждаемому вопросу разные позиции. Надеюсь на участие в нашей дискуссии Людмилы Алексеевны Булавки, Бориса Федоровича Славина и Владлена Терентьевича Логинова, убежденных приверженцев идеи социализма.

Славин Б.Ф.

Многое из того, что было сказано на Пленарном заседании режиссером Г.И. Полокой о конкретных проблемах развития отечественной культуры и кино, я разделяю. Придерживаюсь схожего подхода к оценке наших культурных достижений и неудач. В своем выступлении постараюсь коснуться ряда общих вопросов, связанных со становлением и местом советской культуры в жизни нашего общества.

Понятие «культура» многозначно. Ее называют «второй натурой», считают результатом творческой деятельности людей, проявлением сугубо личностного и духовного начала в человеке. По мнению одних, культура — это сугубо самостоятельный и даже определяющий феномен общества, по мнению других, она, напротив, является отражением таких существенных явлений человеческой жизни, как практика, труд, социальные отношения и т.д.

Я рассматриваю культуру как зеркало сложной и противоречивой жизни человеческого сообщества на протяжении всей ее мировой истории, включая нашу недавнюю советскую историю. В этом плане советская культура является для меня уникальным историческим слепком с советской действительности XX в. со всеми ее достижениями, трагедиями и проблемами. Мало того, эта культура в ее лучших проявлениях показывает величие того социального эксперимента, у истоков которого стояла Октябрьская революция, впервые поднявшая к свободе и социальному творчеству трудящегося человека, которого сотни лет безнаказанно эксплуатировали сильные мира сего. Отмечу сразу, что я являюсь принципиальным противником огульного и нигилистического отношения и к советской действитель-

ности, и к ее культуре. Считать их, в духе Валерии Новодворской, «кляксой» или «дырой» в мировой истории, значит быть слепым или умственно неполноценным человеком.

Советская история противоречива. На мой взгляд, для нее были характерны две противоположные тенденции: демократическая, которая выражала подлинные интересы народа, и тоталитарная, в которой реализовывались интересы узкой группы людей из правящей бюрократической верхушки общества. Октябрь с его известными лозунгами о мире, земле и советской власти дал громадный толчок демократическому и культурному развитию страны. Со временем демократическая тенденция, рожденная Октябрем, сменилась гражданской войной и политикой «военного коммунизма», в которой было много утопии и мало демократии. Ленин позднее признает эту политику ошибочной и предложит пересмотреть «прежнюю точку зрения на социализм» в России. В итоге политику «военного коммунизма» сменит НЭП, в сжатые сроки поднявший страну из военной разрухи и давший народу разнообразные демократические свободы. Тогда в культурной жизни страны появились и развернули свою деятельность различные творческие силы, художественные школы и направления. Остановимся на этом более подробно.

В первые годы советскую культуру представляли те писатели и поэты, те ученые и философы, которые приняли Октябрьскую революцию и новую власть. Сделав свой выбор, они тем самым первыми однозначно ответили на актуальный в то время вопрос Горького: «С кем вы мастера культуры?». Наиболее известными из них были поэты А.Блок с его статьями о новом гуманизме и поэмой «Двенадцать», В.Маяковский с его бунтарскими стихами и поэмами, В.Брюсов, пытавшийся теоретически осмыслить переход от старой поэзии к новой и др. Конечно, не все представители дореволюционной российской культуры сразу перешли на сторону революции. Ряд ее деятелей, вообще, отказались принять советскую власть и в итоге оказались за рубежом. Некоторые колебались, а часть творческой интеллигенции попыталась вообще уйти от общественной жизни, объявив, что они по своим взглядам ближе к пустынноiku Серапиону.

Однако со временем советская культура обрела зримые черты: она обогатилась уникальными достижениями научной мысли Темиряева, Циолоковского, Вернадского, дала высокие образцы литературы и искусства. Так, советскую литературу 1920–1930-х гг. нельзя представить без художественных произведений о гражданской войне Фурманова, Серафимовича, Бабеля, Фадеева, уникальной в своем роде книги «Как закалялась сталь» Н.Островского, «романов «Клим Сам-

гин» и «Дело Артамонвых» Горького, «Хождение по мукам» и «Петр первый» А.Толстого, «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М.Шолохова, стихов, поэм и пьес В.Маяковского и С.Есенина т.д. Этих авторов и сегодня читают миллионы людей в России и за рубежом. В эти же годы были созданы картины и скульптуры выдающихся художников Корина, Мухиной, Коненкова, Нестерова и др. Создан кинофильм — эпопея «Броненосец Потемкин» С.Эйзенштейна, незабываемые художественные ленты А.Довженко.

Становление и развитие советской культуры не было безконфликтным процессом. Борьба двух основных тенденций в советской истории: демократической и бюрократической нашла свое своеобразное преломление в столкновении сторонников чистой пролетарской культуры и сторонников «реального гуманизма». И те, и другие разделяли социалистический идеал как конечную цель революционных преобразований в стране, однако интерпретация этого идеала, и основанная на нем оценка культурных ценностей была совершенно различной, а иногда и прямо противоположной.

Особенно активны в полемике были сторонники так называемой «пролетарской культуры». Отстаивая уникальность и самоценность этой культуры они подвергали уничтожающей критике всех, кто с ними не соглашался. А соглашаться с ними было трудно, так как они, полностью отвергали связь «пролетарской культуры» с отечественной и мировой культурой прошлого, доказывали, что подлинная пролетарская культура может быть создана только самими рабочим, и что содержание ее должно сводиться к сугубо производственной тематике. По их мнению, рабочий, пишущий заметки и стихи в стенгазету уже только поэтому становится пролетарским поэтом или писателем. Вульгарно-социологический подход к жизни, науке, литературе и искусству был характерной чертой практически всех идеологов «пролетарской культуры». Наиболее известными из них были философ А.Богданов, молодой теоретик литературы В.Плетнев, литературные критики С.Родов, Л.Авербах, Г.Лелевич, В.Ермилов и др. Ленин, прочитав одну из статей В.Плетнева в «Правде», где высказывалась мысль о том, что пролетарская культура может быть создана «только силами самого пролетариата» или «учеными, художниками, инженерами и т.п., вышедшими из *его* среды», назвал ее «глупостью» и прямой «фальсификацией исторического материализма». Он призвал автора учиться не «пролетарской науке» и культуре, а «просто учиться» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 291). Если по Ленину сознательные пролетарии должны были обогащать свою память «знанием всех тех богатств, которое выработало человечество» (Ленин В.И.

Полн. собр. соч. Т.41. С.305), то по мнению неистовых ревнителей «пролетарской культуры» и литературы такое обогащение было не только излишним, но и вредным.

К категории сугубо пролетарских писателей и поэтов относились Самобытник, Гастев, Кержпенцев, Шкулев, Кириллов и другие выходцы из рабочего класса. Характерно, что именно одному из этих поэтов принадлежат известные слова: «Сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы» (В.Кириллов). Аналогичные идеи высказывали и другие представители различных ультралевых объединений «ЛЕФ» («Левый фронт»), «Кузница» и др. Результаты их творчества сегодня представляют интерес только для специалистов по истории советской литературы. Читая сегодня идейные декларации этого направления, поражаешься их почти буквальному совпадению с рассуждениями современных сторонников постмодернизма, заявляющих не только о конце литературы социалистического реализма, но и о конце реалистической культуры и искусства, вообще.

Противоположная линия в вопросах культуры и литературы исходила от тех идеологов, политических и общественных деятелей, которые считали новую советскую культуру прямым наследником и продолжателем прогрессивной культуры прошлого. Эту позицию, как правило, отстаивали В.Ленин, Л.Троцкий, А.Луначарский, А.Воронский, и др. Они считали, что советская культура является переходным явлением к общечеловеческой культуре будущего социалистического общества. Уже поэтому она должна нести в себе и элементы прошлого, и зародыши будущего. С их точки зрения пролетариат, взявший власть в свои руки должен для осуществления своей конечной цели (построения бесклассового общества) взять все лучшее из культуры прошлого, включая прогрессивные достижения предшествующей буржуазной эпохи. Ленин писал в этой связи, пока мы витаем в эмпириях «пролетарской культуры» жизнь говорит о том, что «даже с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо». (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 363–364).

Сторонники такой позиции ждали от художников слова и других представителей творческих профессий, принявших революцию правдивого показа реальной действительности, из которой рождалась новая жизнь. Говоря о будущем социалистическом обществе, они считали, что культура в нем будет иметь синтетический характер, в ней будут органически взаимодействовать наука, техника и искусство. По их мнению в будущем бесклассовом обществе «средний человеческий тип» должен подняться до уровня Аристотеля, Гете и Маркса. Эти гуманистические представления о культуре и человеке будущего осо-

бенно актуальны сегодня в эпоху доминирования науки, знаний и информации. Во всяком случае, они на голову выше того, что предлагают современные идеологи так называемой «массовой культуры», призывающие отключать интеллект в создании и восприятии произведений искусства и литературы.

Названные выше две идейные позиции наиболее полно и последовательно выражали журналы «На литературном посту» (гл. редактор Л.Авербах) и «Красная новь» (гл. редактор А.Воронский). Первый журнал относился к Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), в которое входили такие известные писатели, как Фурманов, Серафимович, Фадеев, Гладков, и др. С «Красной новью» сотрудничали такие выдающиеся писатели старшего поколения, как М.Горький, А.Толстой, М.Пришвин, В.Вересаев и сравнительно молодые Бабель, В.Иванов, Пильняк, Сейфулина, Леонов, Федин и др., которых называли «попутчиками».

Между журналами руководством РАППА, журналом «На литературном посту» и «Красной новью» велась острая полемика. В чем состояло существо спора? Прежде в понимании роли литературы и искусства в жизни советского общества. Налитпоставцы всячески идеологизировали эту роль, считали себя рупором правящей партии, давали субъективные оценки творчеству многих выдающихся писателей, перенося законы классово-борьбы на литературу. При этом партийность ими понималась очень узко, как прямой перенос партийных установок в художественное произведение. Все, кто не соглашался с их взглядами и оценками, они считали своими классовыми врагами. Лозунг: «Союзник или враг» был итогом их идейной позиции, которой они руководствовались в оценке не только начинающих молодых литераторов, но и известных всей стране писателей. Так Горький для них был человеком, «лишенным классового сознания», в «Деле Артамоновых» у него «нет «изюминки», нет умения дать тот материал, который ответил бы нашим запросам». В основе романа Алексея Толстого «Петр Первый», по их мнению лежит «буржуазно-меньшевистская теория». Рассказ Платонова «Усомнившийся Макар» является «идеологическим отражением сопротивляющейся мелкобуржуазной стихии». Даже Шолохов в «Тихом Доне» для них был «кулацким писателем» (Цит. по: *Шешуков С.* Неистовые ревнители. М., 1984. С. 251). Что касается Маяковского, то для руководителей РАПП его творческий метод не являлся «образцовым для пролетарской литературы» (Там же. С. 231). Мало того, его сатирические пьесы «Клоп» и «Баня» «воспринимались как чуть ли не клевета на советскую действительность» (Там же. С. 227). Из этих цитат хоро-

шо видно, что руководители РАПП вместо того, чтобы способствовать идейному и эстетическому объединению писателей вокруг социалистических идеалов и советской власти, способствовали их отчуждению и разобщению.

Журнал «Красная новь» и его главный редактор Воронский, напротив, рассматривали искусство и литературу как образное отражение и познание жизни, считали партийным то художественное произведение, которое правдиво отражает реальную жизнь и пишется с позиций гуманистических идеалов. Такой подход встречал полное одобрение Горького, других выдающихся советских писателей.

С возникновением Союза писателей, в котором объединились различные школы и направления, казалось, восторжествовал подобный разумный подход к писательскому творчеству. Был сформулирован метод «социалистического реализма», который в первоначальной формулировке означал ничто иное, как образное и правдивое отражение советской действительности, взятой в ее прогрессивном революционном развитии. Такое понимание метода было понятно и близко абсолютному большинству советских писателей. Однако со временем этот метод стал трактоваться с сугубо формалистических позиций. Он жестко, в духе неистовых ревнителей рапповской школы требовал от писателей обязательной, партийности, народности и т.д. При этом эти требования понимались в духе полного подчинения писательского творчества требованиям очередной партийной конъюнктуры. Они породили массу плакатных произведений, весьма далеких от критериев подлинного реалистического искусства. Такой подход нанес большой урон всей советской литературе

В это время наступает долгий исторический откат в политике и культурной жизни страны, связанный с утверждением сталинской тоталитарной системы, ликвидацией всех видов политической оппозиции и жестким идеологическим диктатом. Установление сталинского тоталитаризма было предательством по отношению к демократическим и социалистическим идеалам Октябрьской революции. Особенно сильно тоталитарный режим сталинской власти ударил по всем культурным силам советского общества. Его жертвами стали ближайшие соратники Ленина, выдающиеся экономисты и инженеры страны, крупные военные деятели, известные писатели и театральные режиссеры.

Разрушительные последствия сталинского тоталитаризма испытывали на себе все слои общества и все сферы общественной жизни, начиная с сельского хозяйства и промышленности и кончая здравоохранением, образованием, искусством. Миллионы жертв преждевре-

менной коллективизации, десятки тысяч осужденных и расстрелянных по сфабрикованным делам и процессам в 1930-е гг., сотни тысяч взятых в плен в первые месяцы войны — таковы последствия сталинского режима власти. Правда, и в эти тяжелые годы культурная жизнь страны не прекращалась. Даже при всей жесткости военного времени, многие отмечают определенные проявления демократизма в годы Отечественной войны, породившие не только массовый героизм, но и любимые до сих пор в народе военные песни и лирические стихи той поры. К сожалению после окончания войны эти проявления демократизма снова сменяются политическим закручиванием гаек, фабрикации так называемого «Ленинградского дела», «Дела врачей» и т.п. Тем не менее, война дала мощный толчок к созданию таких поэтических шедевров, как «Василий Теркин» Твардовского, незабываемые стихи о и романы о войне К.Симонова, книга «В окопах Сталинграда» В.Некрасова и др.

Выражением подлинной псевдокультуры стал поощряемый Сталиным культ собственной личности, который во многом носил религиозный характер. Я будучи мальчишкой, помню, как праздновали его 70-летие. Над Москвой был поднят видимый со всех сторон портрет вождя в форме светящегося куба. Это была гигантская объемная икона человека-бога. Для многих людей того времени он был даже больше, чем бог. Никакая религия не додумалась превратить в своеобразный храм всю Москва, включая ее небо, а сталинисты додумались. Марксизм и социализм были также превращены Сталиным в религию. Для него не социализм был для человека, а человек для социализма.

Новый всплеск демократии и развития культуры начался сразу после XX съезда КПСС, надломившего сталинский тоталитаризм и породившего знаменитый период «оттепели» с ее атмосферой свободы в литературе, поэзии, живописи, киноискусстве и других сферах культуры. Именно этот период озаглавлен выходом в свет антисталинских произведений Твардовского и Солженицына, многообразным творчеством «шестидесятников», в частности, такими замечательными фильмами, как «Чистое небо», «Летят журавли», «Девять дней одного года» и др. В это время «лирики» открыто в печати спорили о смысле жизни с «физиками», Политехнический музей собирал сотни любителей поэзии, а художественные выставки начинали выставлять картины художников — модернистов. В это время бурно развивается народное творчество, возникает множество самодеятельных и самоуправленческих объединений, организаций и клубов, а научная и техническая мысль превращает нашу страну впервые в истории в космическую державу.

За XX съездом партии последовали «заморозки» брежневской эпохи с ее рецидивами неосталинизма. Культура в это время замерла. И лишь с приходом перестройки началось ее оживление. Перестройка нанесла последний сокрушительный удар по остаткам тоталитарной системы, одновременно обществу «сверху» была предложена новая модель демократического и гуманного социализма. В эти годы начинается настоящий прорыв к свободе: появляется гласность, возникают альтернативные выборы политической власти, в духовной сфере ликвидируется цензура, публикуется ранее запрещенные произведения русских литераторов, историков и философов, объективно исследуются многие «белые пятна» отечественной истории, в международных делах реализуется «новое мышление», отодвинувшее угрозу третьей мировой войны, и т.д. По сравнению с современностью в 1980-е гг. только на телевидении функционировало пять оппозиционных программ: это «Пятое колесо», «900 дней» и др. Я уже не говорю о различных оппозиционных газетах и журналах типа «Московские новости» и «Огонек». Напомню многочисленным скептикам и противникам социалистической идеи, что все это делалось в рамках реального, а не выдуманного социализма.

К сожалению, стратегия перестройки не была полностью реализована: помешали объективные и субъективные причины, связанные с запаздыванием реформ, Августовским путчем и острой борьбой различных политических сил. В итоге падение КПСС и советской власти стало реальностью, чем и воспользовались политические силы, распустившие СССР и направившие Россию по пути становления дикого олигархического капитализма с его массовой безработицей, падением жизненного уровня народа, глубоким социальным расслоением общества, расцветом национализма и ростом преступности.

На мой взгляд, следует четко различать перестроечное и постперестроечное время с его «шоковой терапией», грабительской приватизацией и тотальным разрушением производства. После 1991 г. началась другая историческая эпоха, другая парадигма социального развития. Если при Горбачеве была сделана попытка реформировать общество в рамках социалистического выбора, сделанного народом в 1917 г., то при Ельцине был решительный отказ от этого выбора. Я помню, как в начале 90-х годов на одной из демонстраций несли плакаты с лозунгами: «Хватит экспериментов — пора переходить к капитализму!», или «Социализм — это смерть, капитализм — это жизнь!». Однако, с приходом и утверждением реального капитализма уже в 1990-е гг. взгляды многих людей, особенно молодежи, стали резко меняться. В это время популярными лозунгами многочисленных де-

монстраций становятся лозунги «Нет капитализму!», «Капитализм — это дерьмо!» и т.п. Все это говорит о том, что разум истории сегодня снова поворачивает в сторону идеалов социализма и левые силы должны это понимать и учитывать в своей политической деятельности.

При этом нельзя забывать, что, не смотря на противоречивый характер отечественной истории, на тяжелые последствия тоталитаризма, советская культура была и остается, на мой взгляд, великим достижением нашего народа и его истории. Она внесла свой значительный и неповторимый вклад не только в российскую историю, но и в историю всей мировой цивилизации. Достаточно назвать таких выдающихся представителей науки, техники, литературы и искусства как К. Циолковский и С. Королев, Вавилов и П. Капица, А. Горький и В. Маяковский, М. Цветаева и С. Есенин, А. Платонов и М. Шолохов, Б. Пастернак и А. Твардовский, С. Эйзенштейн и М. Ромм, С. Шестакович и А. Прокофьев, Коненков и Мухина, Корин и М. Нестеров, А. Лосев и М. Лифшиц, Э. Ильенков и А. Зиновьев, чтобы понять всю мощь культуры, созданной в советское время. Разве можно не считать с тем, что сделали только эти деятели культуры для нас и всего мира, а подобных имен было гораздо больше в многонациональном Советском союзе.

Октябрьская революция, НЭП, XX съезд и перестройка — вот исторические явления поворотного значения, которые двигали нашу страну к демократии, свободе и развитию советской культуры. К сожалению, сегодня мы многое из завоеванного в прошлом утрачиваем, увлекаясь ценностями консерватизма, суверенной демократии и низкопробной массовой культуры. В свете новейшей идеологической парадигмы, господствующей в стране и средствах массовой информации, мы постоянно видим на экранах телевизоров сцены отдыха и развлечения представителей высшего света дореволюционной России, криминальные сюжеты и «сенсационные сцены» из личной жизни монархов, миллиардеров, кинозвезд и спортсменов, бесконечные игровые шоу и т.д. Все говорит о том, что мы столкнулись с явлением, когда монополисты средств информации, препарировав классическую античную формулу манипулирования народом «хлеба и зрелищ», пытаются «накормить» современную российскую публику одними «зрелищами», отвлекая тем самым ее от тяжелых раздумий о настоящем и особенно о будущем страны.

Все говорит о том, что, согласно представлению нынешних официальных идеологов, России XXI в. надлежит двигаться не вперед к высотам общественного прогресса, свободы и справедливости, а назад, в изжившие себя дореволюционные времена. Однако, как бы по

ним не ностальгировали современные политики и идеологи во властных структурах, для этого нет ни экономических, ни социальных, ни культурных предпосылок. На мой взгляд, в этой ситуации для гражданского общества остается только один выход — постоянно и повсеместно отстаивать ценности демократии, свободы слова и прогрессивной культуры, выработанной человечеством. Обращение к лучшим образцам советской культуры в этом плане безусловно сыграет свою положительную роль.

Полока Г.И.

Убежден, полная свобода художника невозможна. Башня из слоновой кости, о которой грезили творцы «серебряного века» — миф. Художник и его творчество всегда было связано с политическими и экономическими процессами, поэтому, когда мы размышляем о развитии мирового сообщества, о социалистической стратегии, мы не можем не учитывать взаимоотношения художника и власти, художника и общества. Для этого, как мне кажется, необходимо оглянуться назад, проследить возникновение кризиса и разрушение советской системы. Я не претендую на всеобщие, окончательные выводы. Это мои личные наблюдения, результат многолетнего, порой, горького опыта.

Первые мои 6 лет в искусстве прошли в театральном училище, а затем в Институте Кинематографии. Это были последние годы жизни Сталина. Помню, меня поражало обилие политических, экономических дисциплин в учебном плане. Лекции состояли из жестких четких идеологических формулировок. На сцене и на экране царили лакировочные бесконфликтные творения, в которых велась борьба «отличного с хорошим». Даже учебные работы в творческих ВУЗах предварительно утверждались не только руководителями мастерских, но и учеными советами, при бдительном контроле партийных организаций.

Умер Сталин. Потом был XX съезд. Наступила оттепель. Вместо парадных лакировочных творений появились фильмы о рядовых гражданах. Ослабление жесткого идеологического контроля стало ощущаться и у нас во ВГИКе. В конце 1950-х гг. мне предложили для дебюта сценарий Юрия Трифонова и Валентина Морозова «Чайки над барханами». Мне тогда не было и 30-ти, и то, что мне, совсем еще молодому выпускнику режиссерского факультета, доверили большую сложную картину, тоже было знамение времени. Меня, как это было принято тогда, пригласило высокое начальство и предупредило о колоссальной ответственности: сценарий был о строительстве грандиозного Каракумского канала. Но я был молод и меньше всего думал

об ответственности. Работать пришлось летом в центре пустыни. Канал помимо добровольцев строили заключенные. некоторых зэков я привлекал как актеров. Было снято уже полкартины, когда руководство ЦК Туркмении решило посмотреть материал, после чего секретарь по пропаганде Ташлиев заявил, что если я буду продолжать снимать не актеров, я пожалею о том, что родился. К этому времени Каракумский канал был выдвинут на Ленинскую премию, и партийная верхушка Туркмении тоже надеялась получить её. Их не волновало, как играют зэки. Они считали, что в фильме на столь важную политическую тему должны сниматься только выдающиеся профессиональные актеры. неожиданным для меня было то, что их беспокоил не авторский, идейный замысел, — они думали только о внешней, парадной лояльности.

А на дворе царила оттепель. Я был молод. И достаточно легкомысленен, поэтому продолжал снимать в том же духе. У меня никогда не было страха. Кончилось все печально. Картину закрыли. Тогда я обратился к министру культуры Фурцевой. Она созвала существовавший в то время при Министерстве Культуры большой художественный совет, в который входили корифеи советского кино. Они тогда еще были живы, кроме, может быть, Эйзенштейна и Пудовкина. Я больше никогда в жизни не слышал столько восторженных слов о своем материале; как на этом худсовете. Принято было единогласное решение: картину продолжать. Однако туркменское ЦК стояло на своем, да и в центральном партийном руководстве оно нашло поддержку. Мало этого, против меня даже было сфабриковано дело, а отснятый материал по распоряжению туркменского руководства впоследствии был уничтожен.

Некоторая размытость идеологических установок, которая возникла во второй половине 1950-х гг., как бы маскировалась различными художественными «кампаниями». Например, в начале оттепели в фильмах наряду с советскими кинозвездами появились простые лица рядовых граждан. И руководство провозгласило борьбу с «некрасивыми лицами», которые искажают образ советского человека. Так возникли списки актеров, которых снимать не рекомендовалось (список возглавляли Майя Булгакова, Ролан Быков, Леонид Быков и далее следовала внушительная группа талантливых актеров).

Идеологические позиции руководства часто менялись в зависимости от внутривнутриполитической и международной конъюнктуры. Это усиливало подозрительность и неуверенность контрольных органов. Это привело их к стремлению просто угождать личным пристрастиям отдельных руководителей страны. Это же привело к тому, что они

с большим недоверием относились к формальным эстетическим поискам творцов, как правило, не понимая, что скрывается за этими поисками. Достаточно вспомнить судьбу Параджанова. Можно представить какой разразился скандал, когда я показал руководству «Интервенцию».

В «Республике ШКИД» они придирались к жаргону, а истинную идеологическую мину не заметили, а именно эпизода выборов правительства «Республики ШКИД», в котором были смоделированы альтернативные выборы, что, как вы понимаете, в советском фильме для взрослых показать было тогда сложно.

В условиях постоянного недоверия и подозрительности со стороны руководства его политической неопределенности, особенно по отношению к советской истории, у творцов формировался так называемый «эзопов язык».

Содержание, идейный замысел в моей «Интервенции» не вызывал у них поначалу подозрения. Все ясно: гражданская война, революция, иностранная интервенция. А вот, вызывающая, неожиданная, эпатажирующая форма вызвала не просто раздражение, а откровенную ярость. «Почему все декорации круглые?», «Почему происходящее комментируют четыре маски, которых играет один и тот же артист?», «Зачем балаганная зазывала в прологе фильма?», «Как — мы будем объяснять в ЦК?»

А парадокс с «Калиной красной» Шукшина? Картина Ермашу вроде бы понравилась, но возникла некоторая тревога и решили фильм попридержать, выждать удачной ситуации. Однако когда в конце недели отправляли новые фильмы на дачу к Брежневу, по ошибке отправили и «Калину красную». В понедельник раздался звонок от помощника Брежнева. — Спасибо. Очень хорошая картина, — только, вот, песен мало. Например, есть замечательная песня «Позабыт, позаброшен с молодых юных лет...». И не слова о содержании, об авторской идее. Все просто. Генеральный секретарь любил блатные песни, особенно с надрывом.

Картину Глеба Панфилова «Прошу слова», снятую в строгой манере советского реализма, руководство Госкино приняло без единого замечания. Они не заметили, что Панфилов снял фильм про кризис советской партийной номенклатуры. Такая же ситуация сложилась и на телевидении. Когда Ермаш выжил меня из кинематографа и ненавидевший его руководитель Гостелерадио Лапин пригласил меня художником в ТО «Экран», первое, что заявил мне этот умный знающий человек, запуская в производство мой сериал «Наше призвание — не снимайте бородатых, не любит Леонид Ильич бородатых».

Вот почему наряду с трескучими фильмами, безумно прославлявшими тогдашнюю советскую действительность, появлялись серьезные, правдивые фильмы, которые, не раздражая руководство формальными изысками, раскрывали кризисные явления нашей действительности. Это фильмы Панфилова, Мельникова и др.

Конечно, сегодня нет цензуры, вместе с тем, окончательно избежать ограничения свободы творчества кинематографиста не удалось. Да, я думаю, не удастся никогда. В условиях рыночной экономики на смену чиновникам приходят частные инвесторы, и их давление на художников порой гораздо жестче, чем советских чиновников.

Кинематограф продолжает оставаться наиболее массовым из искусств, обладающим самым большим влиянием на духовное состояние общества. Поэтому нельзя не делать заложником рынка. Государственная поддержка кино необходима. Именно система государственной поддержки позволила устоять ведущим кинематографиям Франции, Испании, Китая, Индии, Греции, Бразилии. Устоять перед тотальным наступлением голливудского монстра.

Цензурные органы есть практически во всех странах. Однако их права по сравнению с советской цензурой ограничены. Во многих странах цензура носит религиозный, нравственный характер, ограничивает распространение порнографии, а так же определяет возрастные ограничения на просмотр некоторых фильмов детьми. Это, по-моему, нормально. Ограничениями политического, идеологического содержания эти органы не обладают. Естественно, эти органы не вмешиваются в художественные решения в фильмах.

Существующая у нас государственная поддержка производства фильмов нуждается в совершенствовании. Для этого нужно использовать зарубежный опыт, да, и наш опыт недавнего советского прошлого, несмотря на все его составляющие, может пригодиться.

И еще как мне кажется, необходимо возродить государственный кинопрокат, который мог бы широко демонстрировать лучшие достижения российского и зарубежного кино. Потому что доминирующие сегодня частные прокатные компании используют только коммерческую, низкопробную продукцию. Их духовное состояние общества не интересует.

Мировое сообщество сегодня переживает духовный нравственный кризис. Мощнейшим оружием в борьбе с этим явлением может стать национальный кинематограф, который нуждается в серьезной государственной и общественной поддержке.

МЕЖУЕВ В.М.

Честно говоря, я хотел отказаться от выступления — мне надоели ведущиеся в разных аудиториях непрофессиональные разговоры на тему культуры. Считается, что если разговор об экономике или политике — внутренней и международной — требует от человека хоть каких-то профессиональных знаний, то о культуре может рассуждать каждый: здесь все — специалисты. Хотя реально культура — значительно более сложная сфера общественной жизни, чем экономика и даже политика. И современное знание о культуре — теоретическое и прикладное — ничем не уступает в своей сложности экономической науке или политологии. А актуальность этого знания для нашего времени в чем-то даже превосходит последние.

Начну с того, что культура — главное слово XX в. В каком смысле главное? Если в XVII веке ответы на вопрос о сущности человеческого бытия искали в природе (это был век развития наук о природе — математики, физики, астрономии), то в XIX в. лидирующими науками в познании человека становятся история и социология. Именно в обществе, понимаемом как экономическая и политическая система, ищут решение вопроса о сущности человека. Человек, согласно такому воззрению, есть, прежде всего, общественное существо: он таков, каково общество, в котором он живет. И только в XX в. становится очевидным, что определяющей, наиболее глубокой сферой человеческого существования является культура. Именно в ней следует искать объяснение тому, почему тот или иной народ имеет такую историю и живет в таком обществе.

Подтверждением тому служит простой факт: можно заимствовать у других стран самые, казалось бы, передовые экономические и политические модели (например, рынок и демократию) и перенести их на свою почву, а они почему-то здесь не заработают или приведут к прямо противоположным результатам. Разве не то же произошло у нас с экономической реформой, как, впрочем, и со всеми остальными? Хотели построить в один присест капитализм и правовую демократию, а получили то, что получили. И причина одна — не та культура. Можно самым радикальным образом ликвидировать все прежние социальные институты, но как поменять культуру, которая сформировала менталитет народа? Ведь рано или поздно попытка чисто механического переноса заимствованных извне моделей обернется в силу той же культуры возвратом к тому, что уже было, пусть и в модифицированном виде.

Признание решающей роли культуры в общественной жизни привело в гуманитарных науках к тому, что принято называть культурологическим бумом. Все они повернулись лицом к культуре: история стала трактоваться преимущественно как история культуры, этнография обрела вид культурной антропологии, социология культуры стала ведущей отраслью социологического знания. Сам термин «культурология», охватывающий собой всю совокупность наук о культуре, — изобретение XX в. В итоге обозначилась как бы новая реальность — более фундаментальная, чем экономическая и политическая. Как правильно отметил ведущий, поменялось само представление о характере социальных зависимостей: стало очевидно, что не столько экономический уклад жизни и государственная форма правления определяют собой господствующий тип культуры, сколько они сами зависят от него. К этому следует добавить, что культура предстает ныне и как главная сфера социальных изменений и преобразований, от которых прямо зависят все остальные. Сошлюсь в этой связи на мнение известного американского социолога Ричарда Флорида: «Глубокие и устойчивые преобразования нашей эпохи, коренятся не в технологии, а в обществе и культуре. Поэтому их труднее наблюдать, учитывая насколько незначительны те мелкие изменения в нашей повседневной жизни, которые в сумме к ним приводят. Эти изменения нарастали в течение многих десятилетий и только сейчас они выдвигаются на первый план».

Что вообще следует понимать под культурой, если рассматривать ее применительно к общественной жизни людей? Еще в советское время у нас была разработана концепция культуры (разумеется, под влиянием работ как раннего, так и зрелого Маркса), согласно которой культура охватывает собой всю сферу производства человека как общественного существа. Культура — не просто производство вещей или даже идей, а самих людей в их взаимоотношении с природой, друг другом и самими собой. Главным продуктом культуры являются не просто произведения искусства, научные открытия и изобретения, технические средства труда (это всего лишь чисто предметная форма существования культуры), а сам человек во всей целостности своего общественного бытия. Говоря словами Маркса, культура — это «культивирование всех свойств общественного человека и производство его как человека с возможно более богатыми свойствами и связями, а потому и потребностями, — производство человека как возможно более целостного и универсального продукта общества...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 386). Подобное понимание культуры противостоит ее простому сведению к уже готовым, ранее достигну-

тым результатам человеческой деятельности. Я сам принимал участие в разработке этой концепции и много писал на эту тему. На мой взгляд, она в наибольшей степени соответствует природе и сути социалистической идеи, смысл которой в создании общества, дающего простор всестороннему развитию личности.

Здесь, как я понимаю, собрались люди левых, социал-демократических убеждений. Поэтому, естественно, поставить вопрос о том, чем люди с подобными убеждениями должны руководствоваться в своем отношении к культуре, к возможным преобразованиям в этой сфере. Ведь далеко не все, что происходило в XX в. и ныне происходит в культуре, может вызывать с их стороны одобрение и поддержку. Многое и в культурной практике существовавшего у нас советского общества, и в практике современного западного общества с его массовой культурой неприемлемо с социал-демократической точки зрения. Непонятно мне и обращение некоторых нынешних наших левых (коммунистов, например) к ценностям и традициям старой, до-революционной России, к ее имперскому прошлому, что, скорее, характеризует их не столько как левых, сколько как консерваторов.

Нет слов, Россия — страна с великой культурой. Но в то же время она в XIX в. — одна из самых отсталых в культурном отношении стран Европы, что признавалось практически всеми ее выдающимися писателями и мыслителями. Надо совершенно не считаться с историей, чтобы отрицать это. Не следует забывать, что во времена Пушкина, Достоевского и Толстого народ в России оставался в своем большинстве безграмотным, был далек от культуры, которую сегодня почитают как его величайшее достояние. И чем тогда измерять реальное состояние культуры — наличием великих имен или уровнем культурного развития всего народа? О культуре страны судят ведь не только по достижениям ее отдельных творцов, но и по степени приобщения к ним основной массы населения, по уровню ее образованности и просвещенности. Для социал-демократов такое направление культурного развития приобретает решающее значение.

История России в Новое время характеризуется колоссальным разрывом между культурой привилегированной части общества — дворянской и чуть позже разночинной — и той, в которой жила большая — преимущественно крестьянская — часть населения. Отсюда и хорошо известная из нашей истории проблема интеллигенции и народа. Те и другие жили как бы в разных культурных мирах, не понимая друг друга, разделяя взаимное чувство недоверия и даже вражды. Желанию интеллигенции поднять народ до себя, образовать и просветить его или, наоборот, самим вернуться к истокам народной жиз-

ни, противостояла плохо скрываемая народная неприязнь ко всем этим господам «в очках и шляпах», которые в представлении простых людей были такими же барирами, как помещики, чиновники и капиталисты. Отзвук подобного отношения к интеллигенции мы находим даже у Ленина. Чем это обернулось для интеллигенции в период революции и после нее, хорошо известно. Подобный финал Г.П. Федотов назвал «трагедией интеллигенции». В советское время пропасть, до того разделявшая интеллигенцию и народ, вроде бы несколько сократилась (возникла так называемая народная интеллигенция), но сама проблема осталась. Все это говорит о том, что процесс формирования русской нации, объединенной общей для всех культурой, полностью не завершен. Не потому ли за национальную культуру пытаются выдавать сегодня либо патриархальные устои народной жизни, идущие из глубокого прошлого, т.е. отождествляю нацию с этносом, либо казенные формулы царской России типа «православие, самодержавие, народность»? Но можно ли с такой культурой выжить в современном мире?

Подобному пониманию культуры российские социал-демократы должны, как мне кажется, противопоставить, собственную модель культурного развития страны и государственной политики в этой области. Такая модель может быть, очевидно, только демократической, что прямо вытекает из природы социал-демократического движения. И потому первый вопрос, на который необходимо ответить социал-демократу, состоит, видимо, в том, как в условиях демократии должно строиться отношение между государством и культурой. Ведь без помощи государства, как всем ясно, культура, необходимая человеку, выжить не может. В чем же должна состоять эта помощь, и какая именно культура нуждается в ней?

За последние годы в культурной жизни нашего общества произошли существенные изменения. Культура освободилась от идеологического диктата власти, от государственной цензуры. С принципом классовости и партийности в литературе и искусстве давно покончено. Все виды творческой деятельности стали свободными в прямом смысле этого слова. Никто не сомневается в огромном позитивном значении происшедших перемен. Однако с творческой свободой пришли новые проблемы, касающиеся, прежде всего, изменившейся роли культуры в современном обществе, эстетического и морального качества создаваемой культурной продукции, ее доступности для массового потребителя и пр. Все они касаются и взаимоотношения государства и культуры в современных условиях. Означает ли, что государство, предоставив деятелям культуры твор-

ческую свободу, должно полностью устраниваться от решения проблем культуры, целиком уйти из этой сферы, передоверив ее судьбу исключительно рынку? Какова вообще роль государства в культурной жизни современного общества?

Часто думают, что культура нуждается в государстве только экономически, прямо завися от его финансовой помощи и поддержки. В своих обращениях к государству деятели культуры обычно сетуют на недостаточное финансирование их проектов и начинаний. Дайте денег, и с культурой будет все в порядке. От того, сколько денег государство выделяет на культуру, действительно, зависит многое, но только ли к этому сводится его роль? Даже при наличии государственного финансирования культуры встает вопрос, на что в первую очередь нужно тратить выделяемые средства? Какими приоритетами должно руководствоваться государство в своей культурной политике?

Финансовая зависимость культуры от государства существовала во все времена, но проявлялась по-разному на разных этапах истории. Традиция финансового поощрения властью выдающихся деятелей искусства и науки (посредством государственных грантов, премий и пр.) сохраняется и сегодня. Существует и прямое государственное финансирование наиболее значительных творческих коллективов, из чего часто делают вывод, что главным объектом государственного покровительства были и остаются сами творцы культуры. Но как совместить этот вывод с стремлением тех же творческих работников к полной независимости от власти? Зачем государству платить за музыку, которую оно не заказывает? Освободившись от диктата власти, художник должен теперь оплачивать свою свободу из собственного кармана, продавая свои произведения на рынке, превращая их в товар. Зависимость от власти сменяется его зависимостью от частных компаний и фирм, дающих ему определенный заказ или торгующих продуктами его труда. И такая зависимость для художника подчас не менее обременительна, чем прежняя: вспомним судьбу многих из них, получивших признание после своей смерти и умерших в нищете. Большинство находит выход в том, что приспособливает свое искусство к требованиям массового потребителя, реагирует исключительно на рыночный спрос, даже если он не во всем соответствует канонам высокого художественного вкуса. Так рождается массовая культура. Она целиком во власти рынка, являет собой особый вид предпринимательской деятельности и далеко не во всем соответствует тому, что понималось под культурой раньше. Подобную коммерциализацию и омассовление культуры часто выдают за ее демократизацию.

Существует мнение, что государство в условиях рынка должно взять на себя функцию сохранения и защиты «высокой культуры», финансового поощрения наиболее выдающихся творческих личностей и коллективов. В таком мнении есть доля истины. Но только ли в этом состоит цель культурной политики демократического государства? И какими критериями оно должно руководствоваться, определяя, кто достоин такого поощрения, а кто нет? Как отличить подлинно художественную новацию от имитации новизны, плод истинного вдохновения от простого трюкачества? Ведь далеко не все новое в искусстве служит целям и задачам «высокой культуры». То, что уже проверено временем, несомненно, заслуживает поддержки, но как быть с многочисленными экспериментами в области искусства, осуществляемыми современными художниками? Или они также должны финансироваться государством?

В демократическом государстве объектом государственного покровительства являются, по моему мнению, не столько творцы культуры, сколько ее потребители — читатели, зрители, слушатели. Предоставляя первым свободу творчества, государство одновременно способствует формированию и максимально полному удовлетворению культурных запросов и потребностей всего населения страны. Его главной заботой становится состояние дел в сфере образования, просвещения духовного развития всего народа. Подобное отношение к культуре вытекает из природы самой демократии. Ведь демократия, будучи властью народа, предполагает наличие у него определенных знаний и навыков, позволяющих ему пользоваться этой властью. Без достаточно развитой политической и духовной культуры гражданского населения демократия вырождается в охлократию — во власть темной и невежественной толпы со всеми вытекающими отсюда последствиями. Культура масс (не путать с массовой культурой) в условиях демократии — необходимое условие выживания самой демократии.

Как государство может решить эту задачу? Очевидно, одним путем — обеспечивая свободный доступ каждого человека (через каналы образовательной, просветительской, информационной, творческой деятельности) ко всему накопленному богатству культуры. Никакое государство не может обязать художника создавать шедевры, но оно может облегчить доступ к уже созданным шедеврам всех слоев населения. Тем самым обеспечивается сохранность и развитие самой культуры, ибо только в процессе своего пользования она становится культурой в полном смысле этого слова, обретает адекватную форму своего существования. Книга, которую никто не прочитал, фильм, который никто не видел, не является культурой, даже если

они и обладают выдающимися художественными качествами. Возможно, конечно, и обратное, когда фактом культуры становится произведение, лишенное художественных достоинств. В любом случае произведение искусства обретает значение явления культуры лишь в акте своего усвоения народными массами. Поэтому учреждения, посещаемые или востребованные широкой публикой, — театры, кино-театры, музеи, библиотеки, концертные залы, клубы и пр., — и называются культурными институтами. Театр, например, в лице своего творческого коллектива — вид искусства, но как место встречи этого коллектива со своими зрителями — учреждение культуры. Демократическое государство, с этой точки зрения, делает предметом своей первостепенной заботы и покровительства не просто отдельных творцов культуры, а *институты культуры*, благодаря которым осуществляется контакт между творцами и потребителями.

Отсюда следует, что демократизацию культуры не надо смешивать с ее приватизацией. Что, собственно, мешает приватизировать все существующие на сегодняшний день институты культуры — театры, библиотеки, музеи и пр.? Почему нельзя отдать в частные руки Эрмитаж, Третьяковку, Большой и Мариинский театры и многое другое? Ведь существуют частные спортивные клубы, киностудии, театры, газеты и журналы, книгоиздательства и телевизионные каналы. С экономической точки зрения, нет никаких препятствий для приватизации и всего остального. Денежный выигрыш государства будет огромным, а заодно позволит ему снять с себя тяжелое финансовое бремя по содержанию культурных институтов. Возможно, кому-то и приходит в голову такая мысль, но большинство, как я думаю, посчитает ее абсурдной, губительной для культуры. Если приватизация власти ведет к ее бюрократическому перерождению, то приватизация институтов и учреждений культуры в их полном объеме — к превращению культуры в поточно производимую массовую продукцию, представляющую собой в своей значительной части культурный суррогат. Но можно ли в условиях рыночной экономики избежать тотальной приватизации и коммерциализации культуры?

На этот вопрос, я думаю, и должны ответить социал-демократы. В качестве своего главного требования государству она, на мой взгляд, должна выдвинуть требование обеспечения права каждого гражданина на свободный доступ ко всему богатству культуры и информации. Такой доступ не может быть ограничен никакими имущественными, социальными и национальными привилегиями. Только государство может помочь человеку реализовать это право, тогда как рынок ставит его отношение к культуре в прямую зависи-

мость от размера его денежного кошелька. Равное для всех право на культуру (на получение образования по способностям в первую очередь) делает людей равными друг другу в плане свободы своего культурного выбора и развития (сохраняя, разумеется, своеобразие отпущенных им природой дарований и талантов), а культурное равенство есть основа для любого другого равенства — экономического и политического.

Право человека на культуру тем и отличается от его права на частную собственность, что предполагает владение не частью, а всем общественным богатством, как оно представлено в культуре. На мой взгляд, такое право и есть синоним общественной собственности. Социал-демократия видит свою миссию в снятии всех социальных ограничений на пути его реализации, что позволит каждому пользоваться всеми достижениями и завоеваниями культуры, любой ее частью, будь то научное знание, создания искусства, те или иные виды творческой деятельности, средства информации и коммуникации, формы общения. А что каждый посчитает для себя в культуре важным и нужным, зависит только от его личного выбора. В каком-то смысле без права на культуру все остальные права повисают в воздухе. В отличие от права частной собственности право на культуру делает человека не имущественно, а духовно богатым существом, чье богатство заключено в его собственном индивидуальном развитии. Но разве какой-то иной человек потребен современному обществу? Возможно, реализация такого права и есть то, что называют социальной справедливостью. Под ней имеется в виду такой социальный порядок, при котором положение человека в обществе напрямую зависит от того культурного капитала, которым он реально владеет. Созданию такого порядка и должны быть, на мой взгляд, посвящены все помыслы людей, называющих себя социал-демократами.

НЕФЕДОВ С.И.

Почетный академик Российской академии космонавтики имени Циолковского, я хотел бы поговорить о культуре с точки зрения рядового гражданина России. Начну с примера. Итак, век XXI, столица нашей Родины Москва, Большая Якиманка, метро «Октябрьская». Иду на сегодняшнее заседание, мимо красивейшего здания французского посольства, перед которым полисадничек с прекрасными кустиками, наблюдаю. Земли не вижу, одни окурки, и впечатление, что кустики растут из окурков. Про себя ухмыльнулся: ха, фран-

цузы, вон они какие, нас еще культуре будут учить. Но это вроде внутренней самозащиты: окурки-то наши. Это наша культура. Или такая байка, с «бородой», но она к месту. В одной редакции поручили молодым людям поехать в какое-то горное селение и написать статью о должителе. Приехали, идут по горным тропинкам, навстречу идет дедушка с бородой до пояса и плачет. Остановились, спрашивают: дедушка, почему вы плачете? Он говорит: папа меня побил за то, что сегодня утром я с первым своим дедушкой не поздоровался. К чему это я? А к тому, что культура, как бы ее ни определяли с научной точки зрения, это, прежде всего, обычаи, традиции, система взаимоотношений людей любой национальности, вероисповедания, этносов. Всё очень просто: у меня сын, дочка выросли, получили высшее образование, занимаются делами, но до сих пор в городском транспорте уступают место старшим по возрасту. А что сегодня происходит с нашим обществом? Простой гражданин не защищен от ЖЭКа, ни от дяди Васи, ни от правоохранительных органов, ни от государства. И это делает его человеком агрессивным, малокультурным.

В Конституции записано основное право — право человека на жизнь, спокойную, в достатке, без страха за сегодняшний и завтрашний день, свой и своих детей. Такова основная норма культуры. Но правосознание нашего общества — почти нулевое. И «Справедливой России» следовало бы начать с преодоления этого порока, объявить бой бездушию и бескультурью во всех их видах и проявлениях. Предстоит смертельный бой, говорю без преувеличения и лукавства. К этому призывает нас и президент. Только я спрошу его: а с кем вы собираетесь это делать? И говорю ему: есть я и мои друзья, мне подобные. Мы готовы это делать не за страх, не за колбасу и не за зеленые, а потому что граждане. Вот на нас и опирайтесь.

ПЕТРОВ К.П.

Начну с высказывания буддистского монаха, который сказал, что слово луна — это только палец, указующий на луну, но не сама луна, и горе тому, кто спутает палец с луной. Так и слова, которые мы производим. Им соответствуют явления общественной жизни. Мы говорим социализм, свобода, справедливость, духовность, культура. А что кроется за этими словами, какие реальные явления? Насколько точно мы выражаем словами смысл вещей, поступков, поведение, настолько точным будет и наше взаимопонимание. Наш институт занимается именно этим. Говорят: как вы яхту назовете, так она и поплывет. Это относится и к культуре. Что понимаем под культурой?

Корень проблемы кроется в основном в вопросе философии, который неверно поставлен — что первично материя или сознание? В вопросе, признаем ли мы объективное существование информации или нет? Многие ученые считают, что информация существует объективно и циркулирует на двух уровнях — генетическом и внегенетическом уровнях. Значит, все знания, накопленные человечеством, составляют внегенетическую информацию. Это и есть культура. И нет ни плохой культуры, ни хорошей. Вся культура человечества — это есть культура. А в ней есть свои издержки, и только.

Теперь в связи с этим. Я внимательно слушал Ваше вступительное слово, высказав важную, ключевую мысль, которую я хотел бы продолжить. Вы говорили о культуре как средстве воздействия на общество и человека. Но она всегда была средством воздействия. И сейчас является таковым. Поэтому все произведения — художественные, книги, стихи, кинофильмы, картины — это средства воздействия на людей. Как технарь по образованию, замечу, что существуют средства управления людьми. И то, что сейчас мы имеем, это есть результат информационного воздействия, той самой культуры материалистической, бездуховной (потому что духовность — это информация), которая была все эти годы. Нам надо вернуться к основополагающим вещам. Мы пожинаем плоды нашего бескультурья. Ибо с точки зрения управления культура является средством управления миллионами людей. Я тоже не являюсь членом этой партии, которая, на мой взгляд, еще не определилась в таких ключевых понятиях, как социализм, справедливость и т.д. Опирируют понятием гражданское общество, не определив его смысл и содержание. И мы в институте специально ввели два термина — нравственный социализм и глубокая демократия. Я говорю это к тому, что при такой постановке вопроса Партия «Справедливая Россия» (тут есть ее представители) мы окажемся с ними на одном поле. Без четких определения трудно отличать «Справедливую Россию» от «Единой России» и КПРФ.

На мой взгляд, все происходящее в нашей стране является следствием безнравственной глобализации, которая осуществляется по отношению ко всему человечеству. Глобализация — это процесс концентрации управления производительными силами на планете Земля. Противостоять этому процессу без понимания его бессмысленно. Суть в том, что все происходящие в нашей стране процессы вписаны в сценарий этой самой глобализации, в рамках которой России предназначено стать сырьевым придатком Запада.

Короче, без понимания и действенной системы управления общественными процессами на глобальном уровне ничего мы не решим в нашей стране. Россия вполне способна противостоять глобалистским планам, потому что она страна самодостаточная и богатая. Из этого и надо исходить, строя планы на будущее.

Булавка Л.А.

Синтез двух принципов классической культуры — идеи истории с идеей революции — издавна и поддерживался, и подвергался обструкции. В XX в., в практике СССР, это отношение толковалось только как позитивное. Но тогда я задаю вопрос — почему Маяковский покончил с собой в СССР, в советской системе, а не до революции? Почему отношения художника в практике советской системы сложились столь драматично?

Сегодня толкование отношений социализма и культур обрели другое значение. Социализм опасен для культуры. И главный аргумент здесь то, что художники в советскую эпоху уничтожались: Мейерхольд, Мандельштам, репрессии по отношению к Пастернаку, и т.д. Но будем справедливы: Гумилев был расстрелян не как художник, а как член белогвардейской организации. Но не как художник. Это надо знать и помнить. В гражданскую войну и революцию действуют другие законы.

Я обозначаю только три парадокса. Почему в эпоху гражданской войны наблюдается мощный взрыв культурной жизни? Вот эти голодные, холодные, уставшие от смерти, от нужды солдаты, студенты, крестьяне, рабочие — почему они так сильно включены в культурную практику? Я понимаю, революция — это праздник. Но не до такой же степени. Как это объяснить? Почему сегодня сытая Европа и отчасти сытая Россия не включены в эту практику?

Второй вопрос. Парижская коммуна уже на исходе своего существования нуждалась в деньгах, и в это время англичане решили купить несколько картин из Лувра, предлагая такую сумму, которая окупала бы полностью существование Парижской коммуны, включая и то оружие, которое она имела. Парижская коммуна отказалась от этого. Деньги были нужны очень, в Лувре были вывешены пустые рамы от картин, которые увезла буржуазия, эмигрируя из Франции.

Итак, тезис первый. Культура — это генетический код социализма. По-другому, если уйти от абстрактного заявления этого тезиса, я бы сказала так — на какой тип человека ориентирована та или иная система. Луначарский сказал — наша политическая революция ни-

чего бы не стоила, если бы во главе угла не стоял бы вопрос нового человека. Так на какого человека ориентирована социальная система? Социализм был ориентирован на тип нового человека, понятого совсем не абстрактно.

Тезис второй. Скажите, пожалуйста, а разве эпоха Возрождения не была ориентирована на идеал человека? Была. А социальная система капитализма XIX в. разве не имела свой идеал человека? Имела. В чем же тогда особенность отношения социализма к культуре? Я утверждаю, социализм предлагает качественно новое отношение к культуре, отражая и критикуя мир отчуждения человека, его нечеловеческого существования в этом мире? Особенность советской культуры состояла в том, что она предлагала новый образ этих отношений. Говоря философским языком, гуманных, действительно человеческих отношений. И этот принцип не надо сводить к доступности ценностей культуры, усматривая именно в этом специфику социалистического понимания и отношения государства к культуре. Поезжайте в Англию, и в Лондоне вы попадете в несколько бесплатных музеев.

Третий тезис. Возможность сотворения общественного идеала, о котором я говорю, рассматривается не как образ человеческих отношений, а как сама практика по очеловечиванию этого мира. Поэтому, переходя к четвертому тезису, я бы хотела сказать, что XX в. и советская культура показали, что проективная функция культуры закончилась. Культура больше не может быть проектом этого мира. Как если бы это было в начале XX в., когда конструкция ракеты Циолковского создавалась на заре развития железной дороги. Еще только предстояло решить, какая будет функция у культуры, когда она перестанет формой этого проектного видения мира? Каков будет принцип этого бытия. И культура не будет уже некоей отстраненной, особой сферой, куда я вхожу, как например, в музей, или в консерваторию, библиотеку. То есть я уже в культуру не вхожу, она становится принципом моего каждодневного бытия.

И перехожу к пятому тезису, последнему. Социализм предполагает не безмятежное существование культуры и развитие ее. Социализм является фактором, катализатором противоречия культуры. Точно так же, как культура в условиях социализма обретает свое предельное напряжение. Вот это надо понимать и не попадаться в ловушки либерального толкования социализма и культуры также. Игнорируя то простое состояние, что без противоречий, без серьезной социальной нагрузки и драматургии культура вообще не может существовать и нормально развиваться.

Точно так при социализме. Это такое культурное бытие человека, которое делает его жизнь трагедией, правда, оптимистической, но трагедией.

Шелкопляр Е.В.

Я хотел бы пригласить присутствующих на конференцию, которая планируется на сентябрь текущего года – «Современная Россия в поисках смысла настоящего и будущего». Я признателен тем, кто выступал до меня. Выступления яркие и интересные. Но я хотел бы обозначить еще один подход, который пока мало звучит и заметен. Присутствуя еще на первом Форуме, я отметил почти отсутствие интереса и внимания к явлениям и проблемам психологическим и антропологическим, которые используются явно недостаточно. А ведь технологии, которые используют психологическая антропология, могут серьезно помочь в раскрытии сути социалистической идеи. В этой связи хотел бы высказать несколько соображений. Сошлюсь на конкретные мнения и источники. Я захватил несколько книг. Мое выступление опирается на теорию психологической системы оптимальной адаптации развития человека, на работы наших ивановских ученых. Вот, к примеру, брошюра моего друга, профессора культурологии Вячеслава Океанского «Метафизика культуры и проблема теории истории». Мы с ним совершенно сходно смотрим на проблематику современной России, настаивая на примате духовности и нравственности. Для нас это проект завтрашнего дня, большой проект, ради которого стоит жить.

Несколько упрощая свое сообщение, я использую несложный метод противопоставления, сопоставляя то, что предлагает «Единая Россия», с тем, что предлагает «Справедливая Россия». Совсем недавно Россия осталась без отца. Россия, страна, которая привыкла жить с царем-батюшкой, потеряла президента, который вступил в одну из партий. Причем в «Единую Россию», хотя с точки зрения обывателя, политического прагматизма это шаг совершенно естественный. Россия стала безотцовщиной. Следовательно, нужно искать опору в обществе. Кто способен эту опору дать? Наверное, идеология. Но у «Единой России» такой явно нет, и это видно невооруженным глазом. Точнее, есть, но это идеология эгоизма, обогащения любыми способами и средствами, то есть идеология аморализма. Явление фрактальное. Еще Платон называл государство семейством, и человек был мерой всех вещей, это известно. Так вот есть два пути. Один путь вверх, созидание. Это трудный путь. Другой путь – путь

распада, когда отменяются морально-нравственные нормы и можно предаться эмоциям садизма, не буду перечислять все извращения, вплоть до обычного обжорства и бессмысленного накопления денег. Как практикующий психолог знаю не одного предпринимателя, который не знает, зачем и ради чего он живет. 8 пальто не оденешь, 12 раз в день обедать не будешь, 3 раза в день за границу не поедешь. Женщины... Ну, Прохоров убедительно показал своей поездкой в Куршавель, что и это не может стать смыслом жизни богатого человека.

На мой взгляд, в психологии человека содержатся ответы на очень многие вопросы — социальные, культурологические. Согласен с профессором Межуевым и с другими коллегами в том, что культура является одним из главных смыслов сегодняшней науки, а культура в психологии создает наиболее удачные варианты адаптации человека и социума. И что такое хорошо, и что такое плохо? Одни говорят, что хорошо, когда каждый сам за себя. Но человек существо социальное. Стоит дать волю низменным инстинктам, потребностям первой группы, чисто биологическим, забыв, что человек существо не только животное, но и социальное, духовное, и судьба человеческого рода становится проблематичной.

Следует уяснить, что источником нравственности и морали является не только церковь, хотя и остается одним из важных источников. Здесь важную и ответственную роль призвана сыграть интеллигенция. То есть мы, уважаемые коллеги. То, что мы думаем, а особенно то, что делаем, является примером для людей менее образованных. Мы, работающие в сфере образования и здравоохранения, а также в политике, являем собой пример. Я захватил с собой несколько книжек. В прошлом году мы вместе с партией «Справедливая Россия» выпустили три книжки — «В поисках социального оптимизма», «Перспективы развития российского социума», «От экономики конкуренции к экономике партнерства». Есть также книга «Введение в психологию оптимума», и, наверно, самая забавная (когда-то она продавалась в Госдуме благодаря поддержке ивановского губернатора) — «В рамках морали и закона». Аллюзия в духе Гашека, который придумал партию умеренного прогресса в рамках закона. Мол, требуйте горчицы к сосискам, если у вас нет других проблем. Закон ничего не ограничивает. Ограничивает только мораль. И когда зло велико, сказано в конце книжечки полушутя, полусерьезно, — лучше всего действует не злость, не ярость, а смех. А для того, чтобы «убить дракона», можно и нужно отступить от этой ложной мысли, и дракона уничтожить, либо сделать его влияние ничтожным. На это способен только

социализм. Нынешнее общество этого сделать не способно, так все оно поглощено борьбой за овладение собственностью... Помните, у Толстого в «Холстомере»: лошади много выше людей по нравственному развитию, они свободны от людских понятий «мое» — «не мое». У кого собрано больше, тот и выиграл. Так вот, борьба добра и зла имеет не только мистический смысл. Она имеет и рациональный смысл. И нет победы добра без справедливости. Что такое справедливость? Что такое духовность? С точки зрения современной психологии, это долгосрочные интересы отдельного человека и социума. Что такое зло? Сиюминутные интересы отдельного человека, который сам себя погубит, потеряет свою собственность, потеряет государство. Потеряет все.

В заключение я хотел бы предложить союз науки и культуры с тем, чтобы нарисовать отчетливый образ будущего. Мы говорим о нем невнятно. Я согласен с Константином Павловичем Петровым, когда он говорит, что нужна конкретность и больше технологий. Не только идеологии, но и технологий их реализации. Следует поддержать и призыв профессора экономики Сергея Николаевича Булгакова, который прошел сложный путь. Начинал как марксист, а затем написал работу «От марксизма к идеализму», в которой отказался от марксизма из-за слабой антропологии. Я с ним согласен. Как и в том, что есть мудрость божественная, и есть мудрость тварная. Эту последнюю интеллигенция должна реализовать, поскольку когда-то начатый акт творения еще не закончен.

Хотел бы еще раз пригласить всех к сотрудничеству. Если кому-то интересно поближе познакомиться с Иваново как местом создания не только первого, но и второго Совета. Мы сейчас проводим работу по структурированию общества. Толпа сама по себе не продуктивна. Она просит лишь хлеба и зрелищ. Мы же структурируем и бизнес, и граждан, и науку. И надеемся, что на основе тех технологий, которые мы разрабатываем, что-то получится. И потом, провинция менее испорчена, чем столицы. Может быть, оттуда-то и начнется возрождение России.

Толстых В.И.

Спасибо. Евгений Валентинович, прошу эти ваши материалы передать в центр «Справедливой России», чтобы там знали и учитывали, что такая работа ведется. Слово Максуду Султановичу Нарикбаеву. Он из Казахстана и представляет Партию справедливости, которая называется «Адлет».

НАРИКБАЕВ М.С.

Готовясь к выступлению на форуме, я поставил себе задачей точно следовать теме нашего «круглого стола» — социалистическая перспектива XXI в. и мир культуры. Коротко выскажусь о перспективах социализма в XXI в. Как я их вижу и понимаю. Принимая во внимание как снижение влияния идей социализма, особенно в странах бывшего социалистического лагеря, так и несомненные достижения неосоциализма в ряде стран Европы. Прежде всего, в Швеции и других скандинавских странах. Будущее социализма и социалистической идеи можно правильно понять и адекватно истолковать лишь в контексте культурного развития мирового сообщества. Такая постановка проблемы вполне обоснована.

Следует учитывать и то несомненное обстоятельство, что скажутся и влияют глобальные сдвиги в культуре, которыми ознаменованы конец XIX и начало XX в., а также конец XX и начало XXI в. В научной литературе они именуются как модернизм и постмодернизм. Перспективы социализма напрямую связаны с постмодернистским сдвигом в культуре, формированием новой системы ценностей. Социализм, как известно, даже в его самой зрелой форме имеет много общего с идеологией раннего христианства. Вместе с тем, в нем содержатся идеи, созвучные демократии. Прежде всего, идеи равенства и справедливости. Реализация идей социализма и эволюция капитализма преподнесла в XX веке один, если так можно выразиться, сюрприз — возникли тоталитарные системы левого и правого толка, большевизм и фашизм. Это история и никуда от этой истории мы не денемся. Сейчас уже никто не оспаривает, что эти во многом сходные общественно-политические системы, сложились в атмосфере так называемого модернистского сдвига в культуре, торжества идей монизма, вплоть до единообразия, когда идеалом признается общество, подобное цеху или фабрике, управляемой из одного центра. Идея о возможности управления по определенной заранее разработанной схеме, составляющая сущность тоталитаризма, не обошла и капитализм. Свидетельством тому фашизм в Италии, нацизм в Германии, фашистский режим в Испании и Португалии. Крах правых тоталитарных режимов, одних в результате поражения во второй мировой войне, других в ходе эволюции общества и перерождения их в заурядные авторитарные системы, происходят в условиях начавшегося в мире сдвига в системе ценностей. Этот глобальный процесс не обошел стороной и страны государственного социализма и привел к его закономерному исто-

рическому поражению. Либерально-демократические и социал-демократические системы, построенные на базе неолиберализма и неосоциализма, оказались адекватными постмодернизму. И не только не ослабели, но, напротив, усилились в условиях гигантских тектонических перемен в культуре, суть которых составляет полная реабилитация идеи многообразия форм жизни и исторического опыта. Думается, что шансы на историческую перспективу имеет и неолиберализм, и неосоциализм. В одних странах, где доминирует индивидуализм, а в других, где доминирует коллективизм.

В этом случае надо рассуждать дифференцированно. Казахстан, к примеру, относится к азиатским странам, находящимся на стыке Востока и Запада. Какая из двух тенденций возьмет верх, определится суммой и сложных переплетений многообразных факторов. Заслуга руководства нашей страны и, прежде всего, главы нашего государства Назарбаева, состоит в том, что эта непростая проблема решается с учетом не только исторических традиций, но и современных реалий. Мы, например, считаем, что социализм в его современной форме есть продолжение и завершение либерализма, что предпосылки социализма в постсоветском пространстве либо не созрели, либо отсутствовали.

Необходимы условием реализации неосоциализма является постижение постмодернистской стадии в полном объеме. Именно поэтому наша партия «Адлет» полагает, что современным реалиям в Казахстане отвечает проводимый в сравне политический курс. Близкий к социал-либерализму. То есть нацеленный на либерализацию экономики. И решение на этой основе социальных проблем. Мы видим, что в полном смысле социализм нельзя построить без либеральной экономики на сегодняшний день, что делается и в Китае. Социал-либерализм есть органическое сочетание непреходящих ценностей, либерализма и социал-демократизма. Так что неосоциализм присутствует и здесь, но еще не в полностью развитой форме. Неосоциализм имеет историческую перспективу, но в настоящее время более адекватна модель социал-либерализма, как мы считаем. Мы считаем, что неосоциализм может существовать в многообразных формах. В нашей стране его форма должна определяться принадлежностью к евразийскому материку, влиянием архитипов культуры, а также коллективистскими структурами в общей и политической культуре. Думается также, что неосоциализм не только в Казахстане, но и во всем центральном азиатском регионе должен быть увязан с этикой ислама и православия как двух ведущих конфессий.

Логинов В.Т.

Я думаю, что одна из главных задач, стоящих перед нами, состоит в том, чтобы ответить на вопрос — что же делать? Что же сделать для того, чтобы остановить процесс интеллектуальной деградации общества.

Лет 20 тому назад, когда одуряющая проповедь мещанства и мракобесия хлынула с экранов телевидения, казалось, что она не может иметь успеха. Ибо существует же образование, существуют какие-то защитные механизмы в голове у человека...

Увы! Эти «механизмы» преодолены, и сегодня уже во всем мире беспокоены той ролью, которую играют коммерческие СМИ в разрушении сознания и личности человека. И не надо взывать о помощи к интеллигенции. Как социокультурного слоя ее нет. Интеллигент стал сегодня товаром штучным. А та «образованщина», которую мы имеем, готова лечь под любое начальство и за лишний рубль выполнить любой заказ, в каких бы отношениях с совестью и истиной он ни находился.

Как во времена падения Римской империи, разрушается вся прежняя система ценностей, точек нравственной опоры. И если, конкретно, брать историю, то удары наносятся прежде всего по тем сюжетам, которые являлись базовыми для национального сознания. Самое наглядное — освещение Великой Отечественной войны, которое, как правило, сводится к теме — «Цена победы».

Впрочем, и в других сферах знания дела обстоят не лучше. Укоренение особой разновидности провинциального «постмодерна», привело к тому, что поиск истины становится бессмысленным. Ибо «все по-своему правы» и одинаково равноценны позитивное материалистическое знание законов природы и астрология или хиромантия, классическая медицина и экстрасенсы или колдуны.

А о моральных заповедях и говорить не приходится, когда «Не укради!» вступает в полное противоречие с критериями «успешности», утвердившимися в нашем обществе.

Конечный итог нагляднее всего просматривается на студенчестве. Когда первокурсник не может сказать — кто с кем воевал во Второй мировой войне, назвать хронологические рамки Отечественной войны, привести хотя бы 5 фамилий маршалов Советского Союза, когда на любой вопрос вы слышите «цитаты» из телепередач, то убеждаетесь в том, что телепублицистика вытесняет из массового сознания историю как науку.

Один из студентов взял для реферата тему — «Барон Унгерн». В реферате написано: три советских историка утверждают, что барон был изменником, мерзавцем и садистом, а три современных автора

считают, что он был патриотом, философом и полководцем. «Кто из них прав — не берусь судить». Они очень мало читают книг, а пользуются Интернетом, где на одного приличного автора приходится тыщи абсолютно невежественных.

Это особый тип сознания, в котором реальная жизнь и знание совмещаются не всегда. А само знание — это лишь комбинация различных интернет-фактов. Этот тип мышления я называл бы «клипово-интернетным», лишенным каких-либо ценностных ориентаций.

Винить в этом студентов было бы несправедливо. Ибо — с изменением жизни — изменились их учителя, да и учителя учителей — вузовские преподаватели. Многие из них все эти 20 лет в страхе метались между «Московскими новостями» и «Нашим современником», между «либералами» и «патриотами», боясь прослыть ретроgrадами. Впрочем, и им это вряд ли «можно поставить в вину лично», ибо так бывает всегда после крутых исторических перемен.

Во времена распада Римской империи, когда формировалась новая парадигма развития, христианство предложило людям новую систему ценностей, удержавшую от морального распада. Значит и теперь надо прежде всего менять парадигму развития страны на более справедливую и ценностно ориентированную.

Толстых В.И.

Мне нравится, как идет наше обсуждение. В форме свободной дискуссии. Но хочу её немного обострить, обратив ваше внимание на вопросы, которые реальная жизнь ставит и выдвигает, а мы, интеллектуалы, их старательно обходим, то ли боимся, то ли не знаем, как на них ответить.

Один из них я обозначил во вступительном слове, сравнивая культурную ситуацию в Советском Союзе и в современной, постсоветской, России. Какое место занимает и какую играет функция культура в триединстве *экономика-политика-культура*: тогда и сейчас, т.е. при социализме и капитализме нашего разлива и окраски? Называйте капитализм как угодно, диким, олигархическим или бюрократическим, но объясните, почему культура и тут обслуживается по сверх — недостаточному принципу. Издатель крупной газеты недоволен тем, что людей раздражает рост олигархов и долларовых миллионеров в условиях массовой бедности и нищеты. И не понимает, о какой такой несправедливости при этом говорят? В этом случае поражает и возмущает уже не культура не ясно как нажитого «богатства», а характер и психология личности, которая при этом формируется, возникает.

Или такой вот вопрос, его не любят обсуждать наши «демократы» и «либералы»: какое, собственно, общество мы в России строим, возводим на руинах поверженного социализма — социально и гуманистически ориентированное, или всего-навсего откровенно рыночное общество? Ведь это разные вещи — рыночная экономика и рыночное общество. На рынке, действительно, все можно купить и продать. Но незачем при этом превращать само общество в рынок, где всё покупается и всё продается. Где можно продать не только рукопись, но и вдохновение, и можно купить и затем перепродать орган живого человека. И вся эта купля-продажа становится принципом общежития, где любые ценности, в том числе и бесценные, измеряются деньгами и происходит подмена одной ипостаси другой, и в результате вместо нормального рынка мы получаем лжерынок, где обмен превращается в обман, и царят монополизм и беззаконие? На этой неделе спросил у женщины-врача поликлиники, которую давно знаю: какая разница между советской и нынешней медициной. И получил ответ: во многом никакой — и тогда и сейчас много хороших и плохих врачей, медсестер, не хватает хорошей техники, но изменился сам принцип взаимоотношений с пациентами-клиентами. Раньше, хорошо или плохо, но в центре внимания врача было состояние здоровья и лечение, а теперь — деньги. Что, кстати, происходит и в сфере образования, где сплошь и рядом покупают место в институте и диплом о его окончании, а затем и доходное место работы или службы.

Хорошо бы однажды задуматься, а насколько культурно само наше государство и жизнеустройство, и почему у него культура остается на задворках общественного внимания. Поскольку само государство является продуктом, изделием и инструментом определенной культуры, что представляет оно собой в культурно-историческом плане и смысле? Сейчас не случайно все чаще и чаще вспоминают и говорят о советской цивилизации как определенном типе и виде жизнеустройства, которому были присущи как изъяны и пороки, так и немалые добродетели и привлекательные черты. Это — с одной стороны. А с другой — стоило бы серьезно задуматься и над тем, какого типа и сорта культура создается нынешним постсоветским социумом, и чего нам следует ждать от того, что культура, теряя советский облик, из института служения обществу, вот-вот, превратится в большой «холдинг», продукцию которого вынуждены «хавать» народ и публика, как сказал бы Владимир Познер.

Простите, что я перебил плавный ход нашей дискуссии, но, мне кажется, в сфере культуры складывается гораздо более драматичная ситуация, чем нам представляется...

НИКАНОРОВА У.В.

Валентин Иванович, ответить на все вопросы, которые Вы здесь поставили, я, конечно, не смогу. Но, признаюсь, слушая, что и как здесь обсуждается, расстраиваюсь. Саму себя представляю как бы в трех частях. Первая — это человек, который связан с наукой, потому что я — заместитель директора библиотеки по научно-издательской деятельности, доктор философских наук. И я рада увидеть здесь, на этом «круглом столе», людей, которых знаю по книгам: и Вашим, и Вадима Михайловича Межуева. Хочется, услышав Вас, вникнуть в вопросы и проблемы, которые Вами подняты.

Как человек, который работает в культуре, согласна с тем, что проблем в культуре много, и была бы рада услышать от присутствующих интересные идеи и предложения, в частности, по совершенствованию Программы нашей партии «Справедливая Россия», особенно в сфере культуры. Отвечая на вопрос, каковы место и роль культуры в триаде — экономика, политика и культура, согласна с В.М.Межуевым в том, что именно культура формирует тот тип экономики, который существует. Понравилась и мысль Людмилы Булавки о том, что, в основном, культура формирует человека и тип личности. Это все правильно. Но проблема в том, как реально эту созидательную роль культуры реализовать на практике, в экономической и социальной политике. Какие реальные, практические меры и проблемы надо в этой связи поставить и решать.

Для этого, мне кажется, потребуются поставить на первое место культуру и в программе нашей Партии, в целом, на мой взгляд, неплохой, обосновать культуру как фундаментальную ценность и основание всей деятельности партии. Сейчас она в программе представлена как некая отдельная сфера, кровно ни с чем не связанная. Все понимают, что образование и наука — это отрасли культуры. У нас же в теории и практике они оторваны друг от друга, представлены без взаимосвязи и взаимодействия. Это касается и экономической части программы, где нужно особо выделить и прописать связь экономики с культурой. Согласна я с вами в том, что у нас сильно недофинансированная культура, в чем вижу вину наших экономических чиновников. Им, видите ли, трудно обосновать необходимость финансирования культуры. Есть хороший пример для подражания — Британская национальная библиотека в Лондоне, где группа экономистов подсчитала, что на каждый, вложенный фунт стерлингов налогоплательщиков, библиотека дает четыре фунта стерлингов отдачи. Как они это сделали, не говорят, считая это своим «ноу-хау». Известно, что в

группе экономистов были два лауреата Нобелевской премии. Вот и нам бы нечто подобное проделать. Какие-то интересные идеи в адрес Совета по культурной политике уже поступили и поступают. Всё разумное и свежее мы с благодарностью воспримем.

БОЧАРОВА С.В.

Тут много говорили о власти, о партии. И один раз прозвучало – гражданского общества в России нет. Так вот я – типичный представитель такого общества. Работаю в этой сфере с 1991 г., с 19 августа. Прямо от Белого дома пришла работать в благотворительную организацию. А 26 апреля (обратите внимание на дату) мы создали движение, которое называется «Добро без границ». У его основания стояли писатели Анатолий Злобин, Владимир Войнович, поэт Булат Окуджава, актер Сергей Юрский. Планка была задана высокая. И с тех пор мы стараемся вовлечь, втянуть человека в культуру. Есть такой менеджер Александр Владимирович Краудер – один из руководителей Госконцерта. Когда-то, 6 лет назад, мы с ним начинали благотворительную программу под девизом »Мировое музыкальное наследие юному поколению москвичей». На первые симфонические концерты (бесплатные) не могли собрать 50 человек. Сегодня забиваем залы – Большой зал консерватории, зал Международного Дома музыки и другие. Находим спонсоров, людей, которые нам помогают. 13 лет в нашем движении работает программа: «Работа любви», возглавляют ее Григорий Соломонович Померанц и Зинаида Александровна Миркина. На первые наши лекции и встречи приходило по 10–15 человек. Как-то Григорий Соломонович выступил в программе «Времечко» и объявил, что будет очередная встреча – в музее благотворителей и российских меценатов на Донской, 9. Вы не поверите, но я стояла на лестнице, сдерживала толпу, и Померанц два часа читал свою лекцию. Народ тянется к культуре, хочет встречаться с деятелями культуры.

Еще один наглядный пример. У нас есть театр детской книги «Волшебная лампа». Он построен на чисто спонсорские взносы. Это была наша первая благотворительная программа. Мы ходили с шапкой по кругу по Москве и говорили – дайте. Но маленькие детки должны прийти в настоящий театр, увидеть настоящий спектакль, познакомиться с настоящим хорошим дирижером. Единственным дирижером на коляске тогда в России, инвалидом первой группы, любимым учеником Сергея Образцова Владимиром Михайловичем Штейном, который сегодня вошел в классику кукольного театра. Он

выходил на коляске в зал, и дети не видели, что перед ними сидит инвалид. Перед ним сидел деятель культуры, человек высокого искусства, высокой культуры. И разговаривает с ними, учил их читать и понимать книгу. Скажите, есть ли в России еще такие театры, где вот так режиссер выходит и разговаривает с ребятами о книгах, куда приходят литераторы, композиторы, писатели? Нет такого театра. Это единственный социальный центр по творческой реабилитации детей в Москве на базе государственного театра. Сколько мы с театрами ни бьемся, они не готовы или не хотят принять этих людей, социально никак не защищенных. Для них 100 рублей – это большие деньги. Они решают вопрос – купить хлеба, молока или пойти в театр. Театры отказываются пустить этих людей безвозмездно, ссылаясь на то, что «у нас сегодня рынок».

С теми же библиотеками. Они должны быть очагами культуры, особенно в регионах, в селах. Но они же сегодня – нищие. Ничего ни от кого не получают. Мы рассылаем им книги, то, что мы получаем на спонсорские деньги. Рассылаем им журнал «Семья и школа», потому что спонсор, слава Богу, проплатил тираж для библиотек.

В уставе нашей организации написано, что мы готовы сотрудничать с партией, которая будет отвечать нашей идеологии, будет помогать нашим людям духовно, нравственно расти. Надеемся, что «Справедливая Россия» пропишет в своей программе свои обязательства перед организациями гражданского общества. Что поднимет её авторитет. Мы готовы работать вместе.

Кучина В.М.

Тема, которая сегодня обсуждается, мне очень близка. Почти по Тютчеву: «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Ведь нам хочется, чтобы наше слово сказанное и написанное в ком-то отозвалось. Задавался главный вопрос, который витает в воздухе. Все это замечательно – философские обоснования, научные обоснования. А что практически делать, чтобы что-то изменилось? Мы вот чем озабочены. Приведу пример. В Санкт-Петербурге в Год семьи проводится конкурс на лучший тематический вечер в учреждениях культуры, который посвящен этой теме. Я состою в городской комиссии. Мы приехали в маленький дом культуры Левашово. Чуть ли ни одноэтажный, а рядом забором высилось 5-этажное здание директора сигаретной фабрики, какой-то замок, который подавлял собой этот дом культуры. Где проходил дивный вечер, на который пришли 100 человек, все старшеклассники. Вечер назывался «Отец, отцовство, Оте-

чество». Это был доверительный, замечательный разговор — о деятельности отцов поселка Левашово в самых разных моментах — и фотографии, какие поделки они делают, многодетные отцы, или отец, который замечательно поет. Мы ушли отсюда и подумали: этот вечер, нужный и полезный, увидят только 100 человек. Правильно здесь говорили, что новое — это хорошо забытое старое. Для того, чтобы культура шла и развивалась дальше, в каждом поселке должен быть выбор человека с момента рождения. Он должен иметь возможность не только в Москве, не только в Санкт-Петербурге, а по всей России иметь возможность пойти и заниматься, чем он хочет. Не только смотреть мастеров культуры, но и самому себя выразить: петь, плясать, играть в спектаклях, лепить, рисовать. Этот выбор должно обеспечить государство. Мы поддерживаем идею введения прогрессивной шкалы налогов, чтобы обеспечить реализацию такого развития личности ребенка и молодых людей. «Справедливая Россия» должна настаивать на принятии такого решения и закона. И потому мне близок тезис Вадима Межуева о том, что нужно больше заниматься публикой, а не художниками.

Реплика с места.

Хотел бы ответить предыдущему выступающему. Я из Липецкой области. У нас десятки детей умирают от рака. Их тоже спасать за счет налога?! Вы говорите, что должен быть выбор. А у некоторых вообще нет выбора. У нас дети умирают, которым нельзя помочь. Нет денег на их лечение. Вы правильно все говорите. Но в первую очередь надо отстаивать ценность жизни человека, и делать все, чтобы дети, которых можно вылечить, у нас не умирали, а потом подтягивать и все остальное.

К сожалению, культура всегда зависима — будь-то олигархический строй, или социалистический. И тот, кто дает деньги, заказывает музыку. Какую захочет. Есть исключения в истории, встречаются и настоящие меценаты, но это не выход. Тут я перехожу к предложениям. Создать почву для того, чтобы были определенные ростки культуры, которые не могут пробиться в другом месте, пробивались здесь, у нас. И делать это надо в тех направлениях, в которых мы считаем нужным. Здесь мы говорили, как должен человек выглядеть в будущем, из чего он должен формироваться. Исходя из этого, создавать благоприятные условия в нашей среде. Кстати говоря, и наш сегодняшний «круглый стол» одно из благоприятных условий для того, чтобы где-то что-то появилось. Я считаю, что в нашей Партии должна быть создана среда вот именно из таких единомышленников, которые видят перспективу в опре-

деленных направлениях культуры, которые хотели бы, чтобы она развивалась и развивала вокруг себя социальную атмосферу, чтобы от нее шли волны.

Драпеко Е.Г.

Хочу поблагодарить всех, кто сегодня выступал, и Вас, Валентин Иванович, потому что наша главная задача – переводить боли народные на язык государственного документа. Для того, чтобы перевести, надо сначала услышать. Поэтому я внимательно слушала и записывала все высказывания. У меня есть собственные версии ответов на Ваши вопросы, Валентин Иванович, потому что нас они мучают, и для того, чтобы принять решение, как спастись, нужно сначала понять причину болезни, надо поставить диагноз. Вы совершенно правильно сформулировали вопросы, на каком этапе находится сегодня Россия и наша культура в конкретном историческом контексте, в этом государстве, в котором мы сегодня живем. Какое государство и какую культуру мы хотим получить в итоге нашей деятельности, на которую мы тратим нашу жизнь. И как преодолеть этот путь, какова роль творческой интеллигенции, деятелей культуры, государственных деятелей. Все эти мучающие нас вопросы мы и пытаемся разрешить с Екатериной Васильевной Никаноровой в рамках нашего Совета по культуре. Я надеюсь, что такого рода обсуждения станут у нас нормой. Мы с вами договоримся о терминологии, чтобы не говорить на разных языках. И попробуем поэтапно ответить на эти глобальные вопросы.

Валентин Иванович, хочу поблагодарить Вас за терпение, необыкновенный такт, с которым Вы сегодня провели наше достаточно сумбурное собрание. Спасибо большое.

Толстых В.И.

Не знаю, что на этот счет думают участники разговора, а мне в целом он понравился и я считаю плодотворной состоявшуюся дискуссию. Разумеется, с учетом того, что устроители Форума учтут хотя бы некоторые наши пожелания и предложения. В заключение выскажу одно соображение, считая его существенным и важным.

До недавнего времени стало модой везде, где можно и нельзя, ставить под сомнение роль и ответственность государства за состояние общества и его культуры. Вся постсоветская практика наглядно показала, к каким плачевным результатам приводит устранение или

самоустранение государства от так называемого «вмешательства» государства в дела, связанные с развитием экономики, науки и культуры. Отсутствие позиции и политики государства в этих сферах, равнодушные к судьбе культурных ценностей, отданных на откуп бездарно организованным «рынку» и «бизнесу» (сознательно поставил оба понятия в кавычки), привело к тому, что исчезли, как ветром сдуло, целые отрасли промышленности (авиа и судостроение), по сути сельское хозяйство в целом, погибли целые школы и направления в науке. И при этом говорят о конкурентоспособности России как её чуть ли не «национальной идее».

Поэтому первое, что нужно сделать в самое ближайшее время, это восстановить роль и ответственность государства за состояние общества и страны. Да, государству незачем заниматься промышленностью как таковой и вторгаться в сферу бизнеса, но оно отвечает в полной мере за создание условий для их нормального функционирования и утверждения цивилизованных принципов рыночной экономики. Отвечает оно и за экологическую безопасность и демографическую политику. Всячески оберегая сферу человеческого общения и нравственности от вторжения идеологии «чистогана», «купли и продажи».

Наконец, пора всерьез правящему классу и власти задуматься над тем, во что превращается сама культура в рамках замалчиваемой идеи *социального государства* (записанной отдельной статьей в Конституции) и явочным порядком сооружаемого рыночного общества с его неизбежными полюсами богатства и бедности. В этих условиях сама культура превращается в средство добывания денег и видом бизнеса, отказываясь от своих идеалов и ценностей.

Как говорится, на первый раз достаточно было бы и того, чтобы государство повернулось лицом к культуре и всем тем, кто, несмотря на свое нынешнее жалкое положение, продолжает самоотверженно служить человеку и человечности, отстаивая принципы истины, добра и красоты.

ЖЕЛТЫЙ ДОМ НА ВОЛХОНКЕ

К 80-летию Института философии

Толстых В.И.

Дорогие коллеги, друзья, уважаемые гости!

В кратком вступлении к теме хочу сообщить две важные вещи.

Во-первых, вы присутствуете и участвуете в последнем рабочем заседании Клуба – в 20-м году его существования и деятельности. Мы открылись 31 октября 1988 г. в «Киноцентре» на Красной Пресне. Первое заседание было посвящено массовой культуре и кинематографу. Ведущими тогда согласились быть хорошо известные вам Борис Грушин и Алексей Герман. С тех пор мы провели более 160 заседаний, подвергнув аналитике весь процесс общественных коллизий и перемен за четверть века в Советском Союзе и Российской Федерации.

31 октября этого года, в пятницу, состоится торжественное закрытие Клуба, где мы подведем его итоги и поблагодарим друг друга за то, что были рядом и вместе все эти годы. Выйдет последняя, одиннадцатая, книга альманаха Клуба, с записью сегодняшнего заседания. Где мы отчитаемся за проделанную работу и огласим список членов и гостей Клуба.

Часть вторая. Думал над тем, какой теме и проблеме посвятить последнее заседание Клуба. Подказала жизнь. Приближается юбилей Института философии. Мы часто отмечали юбилеи и до, и после знаменательных дат. Отмечали памятные даты Эвальда Ильенкова, Михаила Лифшица, Георгия Щедровицкого, Олега Дробницкого, памятные события, связанные с именами Александра Зиновьева и Льва Митрохина, 10-летие и 20-летие перестройки и другие. А сейчас подошел юбилей Института. В свой день и час он будет отмечен в торжественной обстановке, с присутствием важных персон. Мне же захотелось, чтобы мы поговорили о философии, философах и нашем

Институте в непринужденной, неформальной, почти домашнее обстановке. Для чего пригласили людей, имеющих отнюдь не ведомственное отношение к философии.

Для меня — это дата особая. Дело в том, что я родился прямо накануне рождения Института философии с разницей в месяц и 24 дня. Из чего, конечно, не следует, что события, происшедшие в «год великого перелома» и, одновременно, «головокружения от успехов», обязательно должны быть связаны друг с другом. Но мне посчастливилось, и я встречу юбилей Института в год 40-летия моего трудового институтского стажа.

Напарником вести заседание я пригласил Льва Александровича Анненского. И вот почему. Долго перебирал имена и фамилии, потому что достойных людей много. Анненский — не философ, он литературовед и критик, но о философствующий, мыслящий по-философски и понимающий философов, хотя и не всегда с ними согласен. Помимо всего прочего, он профессионал в своей сфере, чем меня к себе давно расположил.

Аннинский Л.А.

Я, конечно, отнекивался, отбрыкивался от роли ведущего, сказал Валентину, что я к философам не имею никакого отношения. На что он ответил: такие как ты как раз нам нужны. Ну, я и вспомнил, что все-таки года полтора проработал в этих стенах. Я попал сюда, спасаясь из литературы. Дело в том, что я в 1966-м г. подписал письмо в защиту моего учителя Андрея Синявского и вскоре почувствовал, что в редакции литературного журнала, где я тогда работал, не знают, что со мной делать. Надо было им что-то со мной делать, а делать дурное не хотелось. И я понял, что мне надо как-нибудь хотя бы на время куда-нибудь умылиться, чтобы не ставить руководство журнала в неловкое положение. И тут, на мой счастье, нашлись два человека, которые меня сюда втянули, — это был Вадим Межуев, которого я очень давно знал, по университету ещё, и это был Лев Митрохин, которого тоже знал по работе в Литгазете. Они меня сюда и воткнули в сектор, которым руководил Павел Федорович Юдин, — сектор культуры, «культура» — единственное слово, которое меня каким-то образом могло соотнести с тем, куда я попал. Я вам должен честно сказать, что то время, которое я тут провел, было... сначала я думал, что это самое страшное время в моем рабочем стаже. Потом я сообразил, что еще хуже мне было только, когда я работал в журнале «Советский Союз» под началом Николая

Грибачева, это длилось полгода по окончании университета, оттуда я унес ноги в Литгазету Здесь, в Институте философии, было чуть-чуть полегче, потому что нашлись люди, с которыми у меня наметился контакт и которые искупили для меня все то, что со мной здесь происходило.

А происходило со мной приблизительно то, что и должно происходить (если принять спортивную метафору) с борцом, который попал в зал штангистов. Я привык работать с живым весом, а тут мне нужно было какие-то железки ворочать. Я совершенно не представлял, чем все это дело для меня кончится. К счастью, я унес ноги и отсюда, когда выделялся Институт конкретных социологических исследований, куда меня и передали. При этом грозили пальцем, что де не перепутай название — «конкретных», а не каких-либо еще. Очень хорошо.

А хорошо на самом деле оказалось то, что к марксистским пяти годам университета, филфака моего, я прибавил довольно много книг, которые прочел, попав в эту «философскую» ситуацию. И было несколько человек, которые меня пронзили тем, как они мыслили и что говорили. Один из них был Зиновьев, к которому я подошел как-то на его лекции и спросил по дурасти, но по теме лекции: «Александр Александрович, а все-таки есть какой-нибудь смысл в истории или нет?». На что он мгновенно отреагировал: «На школьные вопросы не отвечаю». Затем был Юрий Сенокосов, с которым мы просто душа в душу жили. Он меня познакомил с Александром Менем. И это была одна из линий, на которой душа моя отдыхала здесь от официальной философии. И, наконец, был Генрих Семенович Батищев, который взял надо мной нечто вроде шефства, хотя ни он, ни я так это не называли. И однажды я тоже его спросил? «Генрих, что мне тут делать? Я не понимаю, как быть философом». На что он мне ответил совершенно потрясающе: «Мы здесь не философы, мы философские работники».

То есть я как работник я покантовался еще немножечко и, как я уже сказал, унес ноги. Для начала — все. Спасибо!

Толстых В.И. — Пожалуйста, кто желает? Вадим Васильевич, хочешь? Пожалуйста. Я прошу учесть, что мы сделали так, что сегодня работники института философии, как правило, сами выступать не будут. Потому что я хочу, лишить сегодняшнее заседание оттенков аллилуйщины, чтобы не было ничего из того, чтобы... ах, какой институт... ах, как сейчас — так никогда не было... а вот раньше, несмотря не... Так вот, чтобы этого не было, я думаю, что пускай гости говорят.

КАЗЮТИНСКИЙ В.В.

Поскольку у нас вечер ностальгических воспоминаний об институте философии, я тоже начну с ностальгического воспоминания. В институт попал зеленым аспирантом в 1958-м г. В то время в моде был тест на сообразительность. «В чем отличие философа-идеалиста от философа-материалиста? Правильный ответ: философ-идеалист верит в загробную жизнь, философ-материалист — в посмертную реабилитацию.» Вот с этого мы начали. Время было довольно суровым. Поступив в аспирантуру, я не знал, кто будет моим научным руководителем, ведь я киевлянин, и Москва, незнакомый город... И вот нашелся в один замечательный человек, тогда замдиректора института философии, Михаил Эразмович Омеляновский, который согласился быть моим научным руководителем. И вот под руководством Михаила Эразмовича я прожил 20 лет своей жизни. В то время философия естествознания, философия науки вообще были в большой моде, но время было жуткое. Например, институт в 1952-м г. выпустил знаменитую «зеленую книгу», в которой говорилось о том, что нужно отказаться от теории Эйнштейна, заменить ее материалистической «теорией быстрых движений». В этом зале на ученых советах витийствовала мадам Мадржинская, которую Валентин Иванович хорошо знает, представлявшая не столько философию, сколько совершенно другие сферы нашего отечественного бытия. На этом фоне, несмотря на наличие юдиных и прочих константиновых было небольшое количество порядочных людей. К ним относился мой научный руководитель, которого буду помнить всю свою жизнь, Михаил Эразмович Омеляновский.

Что мы тогда сделали? Мы воспользовались тем, что именно философии естествознания получила свободу давать любые интерпретации теории относительности, квантовой механики — пожалуйста, дискутируйте, только упоминайте постоянно, что это подтверждает диалектический материализм. Мы так и делали. На протяжении 20 лет под руководством Омеляновского было проведено огромное количество заседаний, совещаний, симпозиумов, конференций в стенах института, в Доме ученых и в других престижных местах, в которых приняли участие практически все крупные ученые нашей страны того времени. Все крупные физики, химики, биологи участвовали в наших заседаниях и говорили о том, что философия нужна, что она полезна и помогает развитию науки. Какой контраст с тем, что происходит сейчас! Обидно даже слушать, что говорят естественники о философии. В то время было иначе. И очень большую роль в

этом играл Михаил Эразмович Омеляновский. Совещания по философии естествознания, первое, второе, третье, четвертое, международные конференции, которые мы проводили, очистили атмосферу. И я с большой ностальгией, Валентин Иванович, вспоминаю те времена, которые вознесли нашу философию науки на мировой уровень. В Америке вышла книга Лорена Грэхема «Философия естествознания и науки о человеческом поведении в Советском Союзе», в которой рассказывается как раз про наши работы, про нашу совместную деятельность.

Сейчас не то. Современные философы, мои коллеги, убеждают нас, что мы надо дистанцироваться от естественников, наблюдать их на расстоянии, что делают в своих лабораториях, как дискутируют, отстраненно обсуждать их проблемы. Но это порочный, тупиковый путь. Хотелось бы, чтобы вернулись гигантские — по тысяче и более человек! — конференции и совещания по философским вопросам естествознания. Я считаю, что сейчас, в век глобальных проблем, в век крушения ценностей, в том числе нравственных, философия науки может помочь выйти из многих тупиков, в которых сейчас находится человечество.

Толстых В.И. — Представь, пожалуйста, гостей!

Казюгинский В.В. Здесь присутствует Эраст Михайлович Омеляновский, сын Михаила Эразмовича, о котором я говорил. Он не пошел по пути своего отца, стал доктором физико-математических наук, потом долгие годы работал в Америке. По-моему, к философии, как и к своему отцу, он относится с уважением, но, я бы сказал, слегка полуиронически, может быть. Он всегда улыбается. Я не видел его серьезным и неулыбающимся.

Присутствует и дочь Михаила Эразмовича, Женя, Евгения Михайловна. Она прекрасная художница, оформила огромное количество книг в издательстве «Мысль».

Омеляновский Э.М.

Я скажу немного, просто вспомню моменты, связанные с отцом.

У него была одна страсть и одно хобби, и это была наука. И хобби, и страсть. Все свое время посвящал этому. Я его видел всегда либо читающим, либо пишущим, причем это было и в обычные дни, и в праздники, и в субботу, и в воскресенье — он всегда либо писал, либо читал. То есть он сидел в кабинете у себя за столом по 15 часов в сутки. Это было нормой для него и, наверное, счастьем. Он получал счастье от того, чем он занимался, он очень любил свой отдел, людей,

которые там работали, естественно, много посвящал им и своего времени, и своих эмоций для того, чтобы поддержать... Время было непростое. И, тем не менее, он остался в нашей памяти, в памяти моих сестер — у меня есть еще одна сестра, старшая, она физик по образованию, ее сегодня здесь нет — в нашей памяти он остался как человек, который отдавал целиком себя делу, науке, а все остальное — было на втором и третьем плане. Вот это первое, что всегда остается в нашей памяти.

Человек очень теплый, много знающий, он прекрасно знал литературу, поэзию, музыку, играл на фортепиано (это фортепиано у меня стоит дома), я, как и он, играю без нот, ни он, ни я, мы не знали нот, но очень любим классику и что-то всегда он воспроизводил в своей интерпретации классики, свои собственные сочинения. Это, видимо, передалось мне как-то по наследству. Одним словом, это был... Что я не могу себе простить? Что я мало времени посвящал ему. Всегда находились какие-то причины, почему я не участвовал, не был в доме — а я рано женился, у меня был уже свой дом — когда в доме были люди, ради которых нужно было бросить все к черту, забыть обо всем и то время, пока они в доме, быть с ними, слушать их, раскрыв рот, уши. Это были выдающиеся ученые, математики, физики, хорошо известные на слуху, и общение с ними, конечно, обогатило бы любого. Но, к сожалению, я не до конца понимал и не всегда присутствовал при этих встречах. Ну вот, пожалуй, и все...

ОМЕЛЬЯНОВСКАЯ Е.М.

Я могу добавить, не много, ведь восприятия детей чуть-чуть разные, но все-таки похожие. Помню свое детство, помню ночи, когда бы не просыпалась, свет... мы ведь жили в Киеве, он приехал в Москву, создав в Киеве институт философии, из ничего буквально. Знаете ли вы эту историю? Ведь в тяжелое время он начал воссоздавать, восстанавливать на Украине после войны институт философии, купив, прежде всего, колоссальную библиотеку (от которой гордится до сих пор институт) у какого-то дореволюционного еще профессора. Он очень много сделал для украинской философии, и сейчас там есть школа, насколько я знаю, где его помнят, вспоминают добрым словом.

Так вот еще в Киеве, будучи совсем девочкой маленькой, помню этот кабинет, в котором всегда по ночам горел свет. Поразительно! А так рассказать о том, что для него значил институт... могу сказать, много больше, чем даже семья, как это не грустно. Мы сейчас к этому относимся с пониманием, нас так воспитали и мама, и он, что мы и

тогда это понимали и уважали. Это был его дом, я думаю, что он многим очень помог даже и физически, материально, бытово, думаю, много больше, чем домашним. Он шел напролом, защищая и науку, защищая жизнь своих учеников и своих последователей. Не случайно отца нету уже с 1979-го г., и каждый год в январе, в день его рождения — ну, плюс-минус день — собирается коллектив его. Сначала это были просто большие заседания, проводились вот в этом зале, в память о нем. Это дорогого стоит и это не часто бывает, что так долго помнят. Да еще философа, который в ту пору, в советское время, остался чистым и абсолютно порядочным человеком. Трудно сейчас представить, но это было так. Он не сделал ни одной подлости, насколько мы знаем, сейчас, казалось бы, почти в это трудно поверить, но то так. Это был удивительный человек.

Я с ним как-то очень сблизилась в самые трудные его годы, последние, когда он почти не мог ходить. Он до последнего дня, тем не менее, ходил, ездил в институт философии, руководил своим любимым отделом. Он умер просто с диссертацией своего ученика, Мурада Ахундова, это было последнее, что он читал, и с этим он умер. Умер в один день. К счастью, Бог, видимо, светлых людей бережет, и не дал ему мучиться долго. Тем самым Бог его, думаю, отметил, отблагодарил за его чистую жизнь. Хотя она была непростая.

Он был талантливым физиком, математиком, и когда кончал институт, Сергей Иванович Вавилов дал ему как-то напутствие на будущее. Но партия послала его преподавать, ни больше, ни меньше, философию, как называлось тогда — диамат — в Воронеж, перед самой войной. И он, будучи по натуре от Бога, прежде всего, талантливым физиком, математиком, пошел заниматься этим делом, и потом занимался перевозкой института философии в эвакуацию. Спасал институтские ценности, а свою диссертацию забыл дома. Это был какой-то отдававшийся своему делу до конца человек. А под старость, когда был тяжело болен, все равно жил делами и думой о науке...

Омельяновский Э.М.

Валентин Иванович, хочу добавить всего два слова, по-моему, это важно. Моя сестра упомянула, как каждый год здесь собираются коллеги отца в день его рождения, и выступают с докладами. Обычно пара докладов, один делает естественник, второй — философ. И это все посвящено дню рождения отца. Люди собираются ради человека, который ушел из жизни почти 20 лет тому назад, и так каждый год. Это поразительно — в наш век полной деградации человеческой

личности, вдруг, оказывается, что все не так, что есть много замечательных людей, которые собираются вместе не ради того, чтобы что-то получить, а чтобы отдать...

Толстых В.И. — Я очень хотел, чтобы на нашем заседании присутствовала Аза Алибековна Тахо-Годи, супруга Алексея Федоровича Лосева, автора книги о нем, вышедшей уже вторым изданием. Но она приболела, и я хочу представить вам её дочь, Елену Аркадьевну Тахо-Годи, филолога, доктора наук. Я очень благодарен Вам, что Вы пришли к нам сегодня.

Тахо-Годи Е.А.

Когда Валентин Иванович меня пригласил, я в первую минуту удивилась. Удивилась тому, что, казалось бы, заседание, посвящено юбилею институту философии, а Алексей Федорович Лосев, вопреки всем легендам, здесь никогда не работал. И говорить об его отношении к институту, казалось бы, странным. Но, с другой стороны, если вдуматься, связи все-таки есть. Я бы разделила их на две категории, два типа связей. Это участие Алексея Федоровича в изданиях и проектах, которые осуществлял институт философии, и его отношения с людьми, которые в этих стенах трудились. И потом он был философом, в чем, кажется, никто не сомневается.

Что касается истории изданий, то часто это было удачное сотрудничество, а иногда ничем не заканчивалось. Например, в 60-е годы было задумано издавать историю средневековой философии. К Алексею Федоровичу обратился Дынник с предложением написать о средневековой философии. И очень жалко, что этот замысел не был осуществлен. Лосев уже начал писать средневековую диалектику, но потом выяснилось, что работа институту не нужна, и он не стал её писать. Жалко потому, что Алексей Федорович всегда хотел создать общую историю если не диалектики, то эстетики — от античных времен до современности. И если ему удалось написать историю античной эстетики, затем историю эстетики Возрождения, то остальные периоды могут быть только реконструированы в отношении к этим проблемам. Кстати, существуют отдельные отрывки, фрагменты, которые можно выстроить в единую систему.

Но, наверное, сейчас интереснее говорить даже не об изданиях и проектах, а о его связях с людьми, которых, оказывается, достаточно много. Некоторые из них живут и работают в стенах института по сию пору. И тут, конечно, в первую очередь надо назвать Пиаму Павловну Гайденко, которая с юности приходила к Алексею Федоровичу и вела

с ним философские беседы, и самые добрые отношения связывали и ее, теперь уже покойного, мужа с Алексеем Федоровичем. И Виктора Васильевича Бычкова, и Давида Викторовича Джохадзе. Можно вспомнить и тех, кто пришел в институт философии, будучи секретарями сначала Алексея Федоровича, как, например, Людмила Арчиловна Гоготишвили, или Александр Арнольдович Столяров. Все это люди, которые, можно сказать, пришли в институт философии из кабинета Лосева.

Но мне хотелось бы вспомнить только три имени еще, кроме названных. Это Захар Абрамович Каменский, Арсений Владимирович Гулыга и Александр Георгиевич Спиркин. И вот почему. Может быть, я начну даже с Гулыги. Дело в том, что Гулыга занимался Кантом, который был его любимым философом. Тот самый философ, к которому Алексей Федорович относился по традициям Серебряного века достаточно отрицательно, так скажем. И, наверное, разность позиций, философских позиций, тем не менее, не помешала установиться самым тесным отношениям между ними, обусловившись еще и тем, что оба были казачьего происхождения. Это их изначальное казачество их объединяло и связывало, может быть, там, где Кант их разъединял. С другой стороны, эти связи продолжатся и потом, после кончины обоих философов, причем довольно причудливым образом. Дело в том, что Арсений Владимирович был одним из тех, кто считал, что институт философии обязан поставить памятник Владимиру Соловьеву. В 80-е годы, когда появился ваш Клуб, когда появилась возможность свободного слова, он был одним из инициаторов закладки камня у стен института с елью, чтобы этот памятник был поставлен. Прошло много лет, почти 20 лет, а памятника еще нету. Тем не менее, надеемся, что скоро он будет, и не без участия дома Лосева.

Что же касается Захара Абрамовича Каменского, то большая его роль в переиздании философской энциклопедии несомненна. Недавно на одной из презентаций, может быть, надо назвать и имя, – презентации книги «Антология о Чаадаеве» – Борис Николаевич Тарасов, выступая, очень много сказал недобрых слов в адрес Каменского как издателя Чаадаева. Говорил о том, что тот говорил о Чаадаеве с марксистских позиций и что это простить нельзя, потому что это есть искажение истины. Когда мы сейчас так легко говорим о вине тех, кого уже нету и кто, допустим, действительно, может быть в какой-то мере в знак протеста внутреннего, считал, что можно найти какую-то истину в марксизме, мы не обращаем внимания на то, на что обращал внимание Алексей Федорович. Существует идеология, да, и люди

могут быть с идеологических позиций очень далеки друг от друга. Но есть еще и нравственная составляющая, которая позволяет им найти общий язык. Мало кто знает и мало кто обращает внимание на то, что Захар Абрамович работал в институте философии в то время, когда его жена, теперь вдова, все годы советской власти, начиная с 1974-го г., переписывалась с изгнанной из Советского Союза семьей Александра Исаевича Солженицына. А вернее, с матерью Натальи Дмитриевны Солженицыной, с которой она училась вместе в школе. И, понимая, что невозможно об этом было говорить, невозможно это было афишировать, но это делалось. Причем это делалось при советской власти, и надо было обладать определенной смелостью, чтобы просто писать письма. И это тоже характеризует и человека, и семью, и дух, который царил в этой семье. Недаром отношения добрые сохранились по сию пору.

И последнее имя, которое я называла, это Александра Георгиевич Спиркин, который в нашем представлении в первую очередь выступает как автор учебника по диалектическому материализму. И, казалось бы, как эти два имени – Лосев и Спиркин – могут соединяться? Но можно сказать, что Александр Георгиевич дал возможность Алексею Федоровичу изнутри увидеть жизнь института философии, поселив его в 60-е годы на своей даче. И там оказывалось, что тот же Александр Георгиевич Спиркин – это человек, который любит Гегеля и знает его по-настоящему, хотя иногда может себе позволить пошутить и сказать: «Что-то у меня вчера была бессонница, ну, взял я Гегеля, почитал и через пять минут заснул». А с его помощью можно было увидеть жизнь института философии изнутри, причем очень просто, так как по соседству от Спиркина, напротив, жил Константинов, который периодически приходил к Александру Георгиевичу, или Александр Георгиевич ходил туда. И когда Константинов проходил мимо Алексея Федоровича, он обычно говорил: «Ну что, Алексей Федорович, работаете? Счастливый Вы человек, у Вас есть на это время. А вот у нас столько обязанностей, что нет времени и пофилософствовать».

На самом деле, об этом можно было бы говорить долго, я не хочу просто брать слишком много времени на себя, но, наверное, если говорить о роли «желтого дома на Волхонке» в жизни Алексея Федоровича, то я думаю, что обитатели этого дома, те, которые имели достаточно безумства в своей душе, чтобы и в те годы, когда Лосев не был особенно кому-то нужен, общаться с ним и ему помогать, они все равно останутся в истории философии или в истории науки о философии, кроме того, они просто остаются, эти люди, в человеческой

памяти. И я, которая, в общем-то, из этих героев, о которых я сегодня говорила, видела и помнила очень немногих, они и в моей памяти тоже живут.

Лановой В.С.

Я хотел бы сказать несколько слов о том времени, когда Клуб только зарождался. Он работал на Васильевской в Доме кино, времена были бурные, все рассыпалось, гарцевали разные представители разных стран, парад полный был свободолобия и ухода от этой гнусной России, как говорили многие, в том числе воспитанные, «с дерева снятые», русской культурой. Эти времена были удивительны, с жутким сквозняком на улице и в мозгах одновременно, потому что то, что творилось тогда в этих клубах, сегодня, в наши уже сытые, установившиеся времена трудно даже себе представить. Я очень хорошо помню, как мы несколько раз говорили по поводу нашей ридной нэньки Украины, собирались там и хохлы, а ваш покорный слуга тоже хохол, и были бурные реакции, на что Украина имеет право, на что не имеет права, и так далее. В общем, это были замечательные драки, стычки, причем, в основном, кинематографистов, но не только. Кинематографистов и актеров театра трудно как-то уличить в особом пристрастии к философии. Только одна моя знакомая, пьяная актриса, когда сильно напивалась, на вопрос, что вы любите, отвечала — философию. Но и тогда я чувствовал, что трудно себе даже и представить, чтобы культура, настоящая культура, могла бы не пользоваться настоящими достижениями философии. Я имею в виду и театральное искусство, нас — актеров. Хотя нам, актерам, кажется, всего и дела-то — вот тебе характер, сыграй его и вставь в него философию определенную. Всё сложнее и хитрее. Я вспоминаю Рубена Николаевича Симонова, нашего «научного» руководителя театра Вахтангова, как многие годы он оценивал актерские работы. Иногда говорил: «замечательно играете роль, замечательно! Но узко, понимаете, узко!». Я никак не мог понять тогда, был молодым актером, что такое «узко». А иногда он же говорил — «замечательно играете, намного шире того, о чем написал драматург». И только потом, со временем, когда было сыграно много ролей, после общения с великими актерами, и не только актерами, я нутром, душой почувствовал влияние философии на культуру. Думаю, что и духовность русского искусства была замечена и впитана русской философией.

У меня был такой случай, мечта. Я снимался в «Войне и мире», где играл Анатолия Курагина. Сергей Федорович Бондарчук, с которым мы были знакомы еще со времен Павки Корчагина, 1955-й год,

иногда на Киевской студии, в перерывах, выходили покурить... И хорошо помню, как однажды он сидел, сидел, а говорили мы только на украинской мове, которую оба хорошо знали, и он мне сказал: знаешь, Василь, скажу так: не все то, шо е в житти, мае право на искусство. Я был тогда на втором или третьем курсе, и мне это было не очень понятно, но потом вот это его «не все, что происходит в жизни, может быть предметом искусства» стало для меня философским постулатом культуры. Помню, когда он сказал мне – сыграй Анатолия Курагина, ты подходишь для этой роли. Я в ответ: мол, знаю, что подхожу, но ты, друг мой, дай мне попробовать на князя Андрея. Я был студентом третьего курса, и он сказал – даю слово, но сегодня ты попробуйся на Анатолия, потому что костюм приготовлен. Я попробовался на Анатолия, и через три дня он же мне сообщил – Вася, никаких князей, будешь играть Анатолия. Я ему через день или два позвонил и сказал – Сергей Федорович, никаких Анатолиев играть не буду, отдыхай без меня. Отказался. На этом мы поссорились. Начал сниматься Вадим Медведев, совершенно не подходивший для этой роли. Однажды играю в театре Вахтангова Маяковского, стою в гриме и голосом играю. Спектакль просматривали на предмет Ленинской премии. И во время чтения вижу Сергея Федоровича Бондарчука в первом ряду. В антракте заходит ко мне в уборную и говорит – Вася, сниммсь в роли Анатолия, Вадим не подходит просто как материал. Я выторговал у него под свое согласие любимую мою сцену из Анатолия Курагина, когда ему отрезают ногу в Бородино. Вот тогда и произошла удивительная вещь, ради чего я и вспомнил этот эпизод моей жизни. До этого много раз читал «Войну и мир», но тут впервые понял его рыданье, когда он по-женски плакал, смотря, как несут сапог с белым мясом... Когда хирург отошел, и князь Андрей увидел Анатолия Курагина, он мгновенно все ему простил. О чем потом князь Андрей будет говорить, что в это мгновение он почувствовал прилив божеской любви к человеку. Я простил ему все, я его полюбил. И дальше Толстой продолжит эту мысль, сказав – человеческая любовь может перерасти в ненависть; божеская – никогда. И дальше идет фраза – с этого мгновения князь Андрей был обречен, ибо он оказался уже вне жизни, он оказался над жизнью, над всеми ее частностями, он был приобщен к вечной любви, вечной блаженной мысли любить всех, любить, прощать всех, и он перестал жить.

Вот тема, та самая, что делает роль не узкой, а широкой, многослойной. Полгода назад я все-таки исполнил свою давнюю мечту – записал на радио князя Андрея из «Войны и мира» целиком. Это 20 серий на «Радио России» по 15 минут каждая, мы с режиссером вычле-

нили князя Андрея из этого большого романа-эпопеи и проследили ход его чувств, мыслей и поступков. Помните, как он размышляет в Аустерлице: я хочу, чтобы меня любили все, чтобы все знали обо мне, и ради этого я готов совершить любой подвиг, готов даже отца родного продать... И вот сражение, и он понес знамя вперед. Что это? Как будто кто-то палкой ударил его. Он упал. Что это? Я падаю, я падаю. Через мгновение от этой любви человечества к нему не осталось и следа, и он увидел только вечные белые облака, куда-то несущиеся... Как же я раньше не видел этого вечного неба?.. На мой взгляд, пример чистейшего воздействия, проникновения философии в культуру.

Когда Александра Сергеевича спросили, вы веруете в Бога? Он долго мялся, а потом дал прочитать этому человеку свои стихи. Стихи звучали так:

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
Могилу пережив, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны,
Клянусь! давно бы я покинул страшный мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
Узнал бы я предел свободы, наслаждений,
Предел, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна живет в небесной чистоте.
Но тщетно предаюсь пленительной мечте.
Мой ум упорствует, не верит, негодует,
Меня ничтожеством могила ужасает.
Как! ничего? — ни мысль, ни первая любовь...
Мне страшно, — и на жизнь гляжу печально вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго образ милой
Таился и пылал в душе моей унылой!

Спасибо! (Аплодисменты)

Толстых В.И. — Спасибо и тебе, Василий Семенович... Друзья, я думаю, без Зиновьева, автора самого понятия «Желтый Дом», не обойтись. И очень благодарен Ольге Мироновне, что она нашла время и пришла к нам сегодня.

Зиновьева О.М.

Я пришла сюда с моими детьми, с Полиной и Ксенией. Это тоже нефилософская плеяда. Одна художница, вторая — музыкант. К сожалению, не смогла придти Тамара, она — искусствовед и художник.

Передавал привет и сын Александра Александровича, инженер, в прошлом — милиционер. Я хочу начать с того, что институт философии, он же Желтый дом, вызывает бесконечную череду ассоциаций. И я попробую воспользоваться этой метафорой. Пойду по цепочке литературных произведений, которые по моему восприятию и переживаниям отражают какие-то штрих и создают мой личный портрет института философии.

Для меня институт — живое явление, которое я знаю больше сорока лет. Если сложить это с годами Александра Александровича, перейдет за столетие. Но это будет мое видение, масса впечатлений и переживаний, без соблюдения хронологии событий и подстрочных комментариев. Естественно, после Василия Ланового выступать не просто, но я ведь не претендую ни на какие лавры. Я не философ, не актриса, не писатель, я жена Александра Зиновьева.

Вспоминала и я «Войну и мир», в ассоциации с институтом философии. «Война и мир» — это созвучно эпохе побед и поражений. Дальше я вспоминаю «Как закалялась сталь» — подвиг выживания на грани возможного или невозможного. Никак не могу уйти от «Бремени страстей человеческих», с обреченной любовью к неадекватному и недостойному предмету. Потом у меня возникает «Мелкий бес», от которого никуда не деться — мелкие страсти, мелкие переживания, мелкие пакости. И мы пройдем по главной улице с ее удушающей бесперспективностью и заштатностью. Это все относится к институту философии. А потом окажемся в «Преступлении и Наказании». Бесконечность переживаний и сублимативные сомнения, свойственные нашей эпохе, свойственные всем нам, прожившим и поработавшим в этом здании, на этом поприще. Вернемся к «Живым и мертвым», где победитель не обязательно живой, а мертвый не всегда заслуживает похвалы и благодарности. Не обойдем «Героя нашего времени». И тут я назову, конечно, имена героев нашего — моего! — времени. Это Ильенков, это Зиновьев, это Щедровицкий, Мамардашвили. И, конечно, «Очарованный странник». Вот тут, думаю, все присутствующие захотят почувствовать себя героями этого произведения. Действительно, мы все очарованные странники здания со странным названием — «желтый дом».

У меня сложился вот такой портрет. Мы ведь осторожничаем, произносим название «желтый дом». Но каждый знает, что, взятое из медицинской практики, это заглавие произведения, автором которого является Александр Александрович Зиновьев. В нем он выразил всю свою страсть, свое отношение к эпохе, в которую он жил и творил, к той атмосфере, которую умел любить и ненавидеть. Он воз-

двиг монумент желтому дому, воздвиг памятник институту философии со всеми его героями, положительными и отрицательными — и они все вошли в историю, и никуда уже не денемся.

Толстых В.И. — друзья, когда я в первый раз переступил порог Института философии, это был 1957-й г. Первыми из его обитателей, с которыми я познакомился, были — Игорь Акчурин, я даже помню, где я его впервые увидел и в каком окружении, к глубокому сожалению, ушедший из жизни, а вторым был Виктор Ванслов, живой и активно действующий, буквально накануне своего 85-летия. Предоставляю слово доктору философских наук, профессору и директору Института искусствоведения Академии художеств — Виктору Владимировичу Ванслову.

Ванслов В.В.

Уважаемые коллеги, у меня такое впечатление, что я, вероятно, сегодня являюсь единственным в этой аудитории, который может рассказать об институте философии более раннего периода, чем те периоды, о которых шла речь и будет еще идти. А именно — о первом послевоенном десятилетии, точнее — с 1946 по 1958 гг. В 1946–1947 гг. я один год был аспирантом в институте философии. почему один только год — будет видно дальше. Тогда был очень молод, еще не мог ориентироваться и института философии я не знал. Кроме аспирантуры, тогда в институте философии была и докторантура, в которой Михаил Федотович Овсянников, философ и эстетик, и искусствовед Юрий Дмитриевич Колпинский. Вот с ними я тогда познакомился, завязал отношения и потом пошел рука об руку с ними через всю жизнь, тесно сотрудничали. О них написал в книге «Под сенью муз», здесь есть воспоминания и об Овсянникове, и о Колпинском.

Знакомства и взаимосвязь с Овсянниковым и Колпинским — это единственное положительное, что я вынес из аспирантуры того времени. А в 1947-м г. разразилась так называемая философская дискуссия, о ней мало знают, особенно молодежь. Эта дискуссия сыграла прямую роль и в моей судьбе. Я знал о ней в подробностях, так как печатались материалы, и я общался с людьми, которые там присутствовали. Это, в общем-то, было позорное и негативное явление. В ряду тех идеолого-политических мероприятий высшей партийной власти, которые прошли с 1946-го до 1949-го г.: постановления о литературе, затем о театре и кино, философская дискуссия, о музыки с шельмованием Шостаковича и Прокофьева, и, наконец, 1949-й г. — кампания против космополитизма.

Поводом для философской дискуссии послужила книга Александрова по истории философии. Александров в то время был заведующим агитпропом ЦК, не более, не менее. Книга не понравилась Сталину, и он приказал Жданову навести в области философии порядок. Книга, действительно, плохая и слабая, дилетантская. Но была только поводом для того, чтобы подчинить не только философию, но всю сферу культуры и искусства жесткому идеологическому и политическому диктату. Но в разгромном докладе Жданова – вот парадокс – были впервые упомянуты этика и эстетика. До этого нигде, например, об эстетике не было ни слова. Александрова сняли с политпропа ЦК и назначили директором Института философии, где тогда впервые были организованы сектора этики и эстетики. Произошла совершенно полная перетряска кадрового состава, многие были уволены, аспирантура и докторантура разогнаны. Меня тоже выгнали, и неудивительно, потому что у меня была тема – подумайте только, в 1947-м г., Лев Александрович Анненский это оценит – «Эстетика русского символизма». Это тогда-то! Разумеется, с такой темой меня вычистили. Также, как вычистили Овсянникова и Колпинского. Я ушел в консерваторию, защитил там диссертацию на другую тему. Но в 1959-м г. меня снова взяли в институт философии в качестве младшего научного сотрудника в сектор эстетики. И я проработал в этом секторе целых восемь лет, сначала младшим, а потом старшим научным сотрудником. Было и хорошее, и плохое.

Вспоминаю, как создавалась монументальная коллективная многотомная история философия с концепцией приоритета материалистических имен и учений. Приведу пример, как это делалось. Вершина мировой философской мысли – немецкий классический идеализм – Кант, Фихте, Гейне, Гегель – не удостоились каждый особой главы, пусть и критической, а были объединены в одном очерке под заголовком – «немецкая аристократическая реакция на французскую буржуазную революцию». Один из светлых людей того времени Копнин, который тогда был научным сотрудником, а потом стал директором института философии, один из немногих, кто выступил с критикой такого подхода. Хорошо помню его слова об этом очерке – что он считает личным оскорблением для себя подобное надругательство над великими именами. Нездоровая атмосфера, царившая в институте, выросла в помешательстве на так называемой борьбе за чистоту марксистско-ленинского мировоззрения, которую часто использовали для сведения личных счетов. Вот такова была обстановка.

Но были и светлые моменты. И светлые люди: помимо Копнина, например, Таванец, который занимался вопросами формальной логики. Это был серьезный ученый. Порядочные люди были в секто-

ре психологии, которым руководил Рубинштейн, упоминавшиеся уже Спиркин и Ярошевский. Я назвал только тех, с которыми общался, которых близко знал. А их, конечно, было больше. Но они не занимали доминирующего положения, и им было достаточно трудно в своей работе в то время.

Но потом, после 1953-го г., конечно, положение постепенно начало меняться. В середине 1950-х гг. в институт философии пришло новое молодое поколение, которое сыграло решающую роль в тех прогрессивных процессах, которые привели к преобразованию института. Это были дети оттепели, дети XX съезда. Это Ильенков, Зиновьев, Лекторский, Межуев, Юрий Давыдов, Валентин Толстых, Эрих Соловьев, Василий Давыдов, по-моему, был аспирантом у психологов. Я, опять-таки, называю тех, с кем я общался, потому что их было больше. Это люди, которые относились к философии не как к служанке политики, а как к науке, и это поколение сделало институт философии действительно философским научным учреждением, начав положительные процессы, которые продолжаются до сих пор. Вот этому поколению — слава!

Толстых В.И. — Коллеги, недавно состоялся семинар на тему «Культура в контексте социалистической перспективы». В нем участвовали Славин, Логинов, Межуев и другие члены Клуба. Там я познакомился с интересным человеком из города Иваново. Это Евгений Валентинович Шелкопляс. Узнав, что у нас будет такое заседание, он приехал специально для того, чтобы выступить. Вам слово, Евгений Валентинович.

Шелкопляс Е.В.

Мне пришлось работать в настоящем желтом доме главным психиатром областного здравотдела. Потом я ушел из большой психиатрии, сейчас занимаюсь психотерапией и занимаюсь психологическими исследованиями. И вот что мне думается. Если в годы советской власти, когда трудностей и издержек, действительно, было много, философия была нужна, особенно в годы оттепели, в 60-е гг. прошлого столетия. Кто интересуется философией сейчас? Думаю, гораздо больше изучающих бизнес, юриспруденцию, механизмы власти. А является ли философы сегодня властителями дум? Я сталкиваюсь с людьми повседневно и помню разговор, который состоялся у меня примерно год назад с одним предпринимателем. Средней руки предприниматель, беседуя с ним о том, чувствует ли он себя счастливым человеком, сказал мне: задумаваясь, а для чего я и все мы живем,

мне иногда приходит в голову мысль (когда смотрю на свое окружение), что живем для того, чтобы употреблять высококачественные, экологически чистые продукты питания и превращать их в высококачественные органические удобрения. Тут явно нет смысла. А в чем смысл? Недавно состоялась в нашем педагогическом университете конференция под тему «Язык и смыслы Сергея Николаевича Булгакова». Колоритная фигура, всем философам известная, сочетая в себе две, во многом противоречивые, роли — богослова и ученого, начинавшего как марксист, как философ, и ставшего богословом, но не отвергнувшего марксизм полностью, а нашедшего в нем свои смыслы и свое значение. Он указывал на слабое место марксизма, на его антропологию. Хотя он и решал основной вопрос в духе диалектического материализма, он все равно оставался идеалистом, предлагая не мириться с тем, что есть, а строить некое идеальное общество. Идеи Булгакова, на мой взгляд, находят отражение в сегодняшней духовности, культуре и науке. И многие представители научно-технической интеллигенции занимают социальную позицию именно деятельного идеализма. Мало просто быть хорошим человеком, нравственным человеком, надо взять на себя ответственность. Правда, Булгаков учитывал, что помимо софии небесной, божественной, существует еще софия тварная, и, значит, творение не закончено. И чем завершится — вопрос.

У нас в Иваново функционирует клуб «Третий Рим». Ну, идея Третьего Рима, думаю, аудитории хорошо известна. Мы ее трактуем стремление России быть страной не подражательной, а страной самостоятельной, претендующей на то, чтобы создавать, как это было раньше в культуре, какие-то образцы гармонии социально-экономической, духовной и культурной. Так вот, на наш взгляд, существуют новые возможности для развития этих сфер именно в области психологической науки. Я захватил с собой ряд книжек, может быть, кто-то заинтересуется этими постановками. Одна из них называется «Программа партии умеренного прогресса в рамках морали и закона». Несмотря на все проблемы в области права и правового общежития, надеяться на то, что законами можно решить все наши проблемы — тщетно. Закон всего лишь позволяет человеку использовать себя так, как это угодно сильным мира сего. В то время, как мораль и нравственность зависит от нас самих, от той части общества, которая называется интеллигенцией. И я думаю, что если бы философы, представители культуры, психологи, социологи, политологи попробовали взаимодействовать теснее, то они увидели бы, что сегодня доминирует мораль и нравственность так называемых примитивных групп. То есть представлением о том, что любая община, малая группа, ру-

ководствуется или возвышенной моралью, или моралью низкой. Носителем возвышенной морали выступает лидер социальной группы, который именуется патриархом, а примитивная — паханом. Так вот, мораль паханата не может быть преодолена иначе, чем средствами философии и культуры. Сошлюсь на актера, поэта и своего рода философа — Леонида Филатова. Он говорил, что справиться с большим злом невозможно силой, убить дракона невозможно. И тот, кто уничтожает дракона, сам становится драконом. Дракона можно уничтожить осмеянием, сразить наповал одним средством — смехом. Возможно, нам предстоит мир без шуток. А без шуток он просто жуток. «Когда на сердце холод, страх и тьма, лишь юмор не дает сойти с ума»...

Хотел бы предложить вам подумать о возможности участия в осенней конференции, которая планируется в Иваново, на которую мы приглашаем и философов, и бизнесменов, и политологов. Она называется «Россия в поисках смыслов». В рамках междисциплинарного подхода будут обсуждаться методологические аспекты межчеловеческого общения и психологии поведения. Мы исходим из той мысли и установки, что без новых институтов, без структурированного гражданского общества, без новой нравственности и социальной веры жить невозможно... У интеллигенции есть один серьезный недостаток — она считает себя гнилой и не умеет объединяться даже в хорошее дело. Но он вполне исправим, если все мы, представляя свои институты, клубы и семинары, объединим свои усилия.

Салуцкий А.С.

Я несколько сменю тематический регистр, но, как и все, начну с ностальгии. Я по образованию не философ, но ядерщик. Ядерщик по образованию и воспитывался в среде, которая не просто уважала философию, а я бы сказал, перед ней благоговела. И хочу для стенограммы, для истории привести конкретный случай, важный, как мне кажется. Моим научным руководителем, когда я канчивал делать диплом, был известный академик Бачуа. Фигура известная, дважды герой соцтруда, его доска памятная висит рядом с доской Харитона в доме на Тверской улице. Он был, пожалуй, самым закрытым ядерщиком, потому что занимался более закрытыми темами, чем даже Курчатов. Жил он, кстати, над Бондарчуками, в том же подъезде, в том же доме напротив телеграфа, а я к нему ходил консультироваться домой, в домашний кабинет его. И однажды зашел разговор на общие темы, домашний, располагающий, и он произнес несколько фраз, которые, сейчас настал момент, их стоит вспомнить. Зашла речь о философии, и он сказал, что философия это...

не особая наука, а... у меня слово сейчас выскочило, какое-то особо уважительное слово по отношению к философии. Это мнение известного человека, физика во втором поколении, его отец тоже был физиком русским, еще дореволюционным. Вспомнил... он говорил о физике, а философию назвал *благословенной наукой*...

Кстати, раз уж зашла речь о Бондарчуке, о нем говорил Лановой, когда в одном из фильмов Бондарчук сыграл Курчатова, я позвонил академику и спросил, понравился ли ему фильм. Он сказал крылатую фразу – вообще-то Сергей Федорович на афишах похож на Курчатова, но знаете, кто настоящий Курчатов в кино? Вы смотрели фильм «Иван Васильевич меняет профессию»? Вот там – настоящий Курчатов, который, оказывается, был эксцентричным человеком, а солидным его сделал Бондарчук. Чтобы закончить тему, напомним присутствующим, что знаменитый физический институт в Питере также размещался в желтом доме. И я не случайно это отметил, ибо физики люди более остроумные, чем философы, и свой желтый дом прямо называли сумасшедшим домом, понятно, с иронией и гордостью, потому что из этого желтого дома вышла масса сумасшедших людей, которые перевернули науку. Что физический институт и институт философии оба находятся в желтых домах, это, мне кажется, и любопытно, и в какой-то мере символично.

Теперь перейду к нашим дням. Вы помните знаменитую фразу «физики в почете, лирики в загоне». Так вот, сегодня в загоне явно философы. И это безобразие! Власть абсолютно безразлична к вопросам теории как таковой вообще. Причем безразлична абсолютно! Вдруг, исчезли философы, и все стали политологами. У нас сейчас эпоха и время политологов. Текущее обсуждение, текущие высказывания, лишь бы появиться на экране и в печати. И власть это вполне устраивает. Плюс скороспелые социологические опросы. Я к ним отношусь с уважением, но не зря говорю о скороспелости опросов, которые власти полностью заменяют знание и понимание того, что такое социальное государство, или средний класс, и что такое теория государства. Об этом никто даже не думает, и не подумает поручить разработку этих вопросов институту философии. Это, конечно, колоссальное упущение прошедших восьми лет, к которым я отношусь в целом положительно, но Путин за эти годы ни разу не встретился ни с писателями, ни с философами, в основном, со спортсменами. Наверное, это черта эпохи... Тем хуже для философов и писателей.

Меня попросил журнал «Российская Федерация» написать статью «Если бы президентом был я», и я хочу в ней сказать о том, что давно пора в администрации президента создать подразделение, ко-

торое бы специально занялось бы теоретическими вопросами, которое неизбежно приведет к встрече с философами... Я часто бываю в Америке, там профессоров философского мышления, из принстонского университета или из Гарварда постоянно приглашают в госдепартамент, заказывают, дают гранты денежные, формируют группы для изучения важных и сложных теоретических тем, используют их в целях осмысления ситуации. У нас такого нет, и это ужасно. Собираются в четыре раза повысить производительность труда — каким образом, за счет чего и кого, какими методами? Ничего не понятно и никому это не ясно, но цель уже поставлена, и, авось, как-нибудь и когда-нибудь будет достигнута. Понимаю, говорю общеизвестные вещи для этой аудитории, но над ними не задумываются на «верху», и это большая беда и проблема. Но я верю, что время философии и философов наступит, и новая Россия от этого только выиграет.

Арсланов В.Г.

Попрошу мое выступление воспринять немножко в юмористическом ключе. Чтобы наше заседание не походило на разговоры о покойнике — о покойнике ведь говорят только хорошее? — а у нас сейчас речь идет о живом существе, позволю себе изменить тональность нашего обсуждения.

Хотел бы вспомнить об одном замечательном литературном произведении на философскую тему. Литератор Виланд написал роман о философе «История обдеритов». Обдеры — это, всем философам известно, город, где родился Демокрит. И тоже хорошо известно что в Греции Обдеры считался городом дураков. Демокрит — смеющийся философ, который высмеивал своих сограждан. Это им, естественно, надоело, и они объявили его сумасшедшим, и чтобы вердикт был окончательным, пригласили самого авторитетного врача, Гиппократ, чтобы он этот вердикт подтвердил. И тогда жизнь обдеритов была бы замечательной и спокойной. Виланд прекрасно эту историю описывает. Гиппократ приехал, изучил внимательно и Демокрита, и обдеритов, и затем объявил жителям, что, на его взгляд, они сами безнадежно больны, и излечить их может только один человек, зовут его — Демокрит. Самое замечательное в этом романе — реакция обдеритов на это событие. Событие ведь потрясающее, верно? Реакция была великолепна. В приличном обществе обдеритов — а там были литературные салоны, многочисленные интеллектуальные клубы, свобода слова полная, кроме одного — невозможно было произнести имя ни Демокрита, ни Гиппократа. Это было исключено! Кто произ-

несет это имя – перестанет существовать, будет уничтожен тем самым общественным мнением, о необходимости зарождения которого сегодня убедительно здесь говорили.

Это маленькое предисловие для реальной истории. Я сказал, что расскажу такую сказочку, сказка – ложь, да в ней намек. В этом же самом зале состоялось заседание, посвященное столетию Михаила Александровича Лившица. Вадим Михайлович Межуев попробовал выступить в роли, как мне кажется, Гиппократ. Он, я прекрасно помню, сказал – у нас в российской философии есть совершенно уникальное явление. Философ, мыслитель – он сказал даже не философ – мыслитель, который на голову выше Ильенкова, Мамардашвили, Лосева, эти имена назвал Межуев. Вадим Михайлович попытался быть Гиппократом, но роль очень ответственная, и в опубликованном выступлении материалов клуба осталась фраза «есть у нас совершенно уникальные в нашей философии...», а все последующее исчезло.

Толстых В.И. – Его текст я не редактировал!

Арсланов В.Г. – Я понимаю, что это авторская правка, поэтому я и говорю, что Вадим Михайлович попытался стать Гиппократом, а роль эта ответственная, тяжелая.

Здесь немало людей, прекрасно знавших Михаила Александровича Лившица, но в приличном обществе произносить это имя было не просто, не то, что не принято, а не просто. А почему не просто? Маленькая иллюстрация. Я недавно в интернете прочитал воспоминания Юрия Николаевича Давыдова. И прочитал совершенно для себя неожиданную вещь. Оказывается, Юрий Николаевич возглавлял сектор эстетики. Он стал возглавлять этот сектор по его же признанию, потому, что этому способствовал Михаил Александрович Лифшиц, который потом работал в секторе Юрия Николаевича. И начались бесконечные споры. По воспоминаниям Давыдова, они продолжались иногда до утра. Споры были на очень серьезные темы, в основном, по поводу модернизма – что это такое? Раскол Лифшица со всей современной ему либеральной интеллигенцией проходил именно по этому вопросу, но он был гораздо глубже, как мы это сейчас понимаем. Речь шла о чем? Лифшиц пытался убедить, насколько страшен союз Вани Бездомного с Берлиозом, и что из этого союза получится. Он был не понят. Но я сказал, что мое выступление, в общем-то, шутка. Почему? Потому что, конечно, настоящие люди о Михаиле Александровиче Лифшице вспоминают. Тахо-Годи в своей книге о Лосеве несколько раз вспоминает Михаила Александровича Лифшица, и вот по какому поводу. Когда Лосев вышел из... вы знаете, откуда... власти были не прочь публиковать его работы, но нужно

было получить положительные рецензии. Эти положительные рецензии Лосев не мог получить даже у бывших коллег, у старых преподавателей московского университета. Он их не осуждал, потому что у всех были дети, внуки, и было страшно. На этом фоне сплошных отказов, пишет Тахо-Годи, только Лифшиц не только его поддерживал, писал о нем, но и даже рекомендовал Лосеву опубликовать в виде критики ряд статей по эстетике. Но, — пишет Тахо-Годи, Лосев сам не принял этого предложения. Есть письмо Алексея Федоровича к Михаилу Александровичу, письмо 79-го года, где Алексей Федорович пишет, что «я учился у Вас, несмотря на то, что я много старше Вас, и продолжаю учиться и теперь, и Вы сами знаете, в какой степени Вы всегда были и остаетесь для меня высоким образцом». Но это Тахо-Годи вспомнила и нарушила заговор молчания... В стенах этого здания, конечно, Михаила Александровича помнят и чтят. Я благодарен Валентину Ивановичу за то, что был проведен круглый стол вот нашего Клуба, посвященный памяти Михаила Александровича. Очень благодарен Институту философии за то, что готовится книга о Михаиле Александровиче Лифшице.

ЦАРЕВ В.Ю.

Уважаемые граждане и старушки, я человек серьезный, шуточки шутить — как-то это не в моем стиле. Я о серьезном.

Знаете, потерянного времени всегда меньше, чем это может показаться. Вот, например, шел бы я на сегодняшнее заседание и уяснил бы для себя разницу между настоящим и подлинным. Хоть слушал я Василия Ланового, подлинного мыслителя, и понял, что я мыслитель не настоящий. Вот, например, Василий Лановой лучше понимает то, что хорошо понимал и в молодости. А я вот совсем не понимаю то, что плохо понимал когда-то раньше. Вот я пока не понимаю, как могло случиться так, что вдруг организовалось в отдельно взятой стране, конечно, лучшей и самой солнечной из сумеречных стран, в Советской Стране индустрия философии, или философствование. На первый взгляд, зачем это все? Зачем коллективно мыслить? По-моему, коллективно мыслить — это примерно то же самое, что заниматься любовью на Красной площади, те же самые помехи, а именно — советы посторонних, всякие школы, о чем Виктор Владимирович говорил, соревнование мнений... Как-то это, в общем, мешает процессу! Во всяком случае, может быть, не процессу, но получению удовольствия от процесса мешает точно. И, тем не менее, индустрия такая создалась. Сотни тысяч людей и лучшие представи-

тели, сосредоточенные в одном месте, сразу можно всех взять и красиво арранжировать в одном каком-нибудь другом месте, лучше охраняемом, а непонятно — зачем это? А все-таки, может быть, в этом есть какой-то смысл. Мне кажется, смысл философии в стране, в общем-то, провинциальной, в стране, в которой все берется живо, с пылу, с жару, с пол-ухватом, и как-то так... композитно очень. Вот примерно, как надгробие на могиле Бориса Николаевича Ельцина — русский флаг, олицетворение побеждающей русскости, идея художественная взята, насколько я понимаю, у надгробия на могиле Барышникова, порфирит бразильский, мрамор китайский, и смальта — византийская. Примерно так вот у нас и сложилась индустрия идеи творчества. Ничего в этом плохого нет. Я даже думаю, что у института философии во всей этой красоте и прелести и такой интернациональной самобытности, я бы сказал, есть свое место. И я говорю об этом безо всякой иронии. Институт философии, по-моему, был воплощением этого самообмана или сразу многих самообманов. Во-первых, это был обман, связанный с движением мысли по происхождению европейское, а там уже всякое другое прочее, а именно, самообман по отношению к философии заключается в убежденности «философия — это наука». То есть это такое знание, которое можно обработать, обустроить и усилить за счет организационных приемов. Причем организационных приемов не умственных, не ведущих свое происхождение от Стагирита или еще от кого-нибудь в этом роде, а от замечательного мыслителя и выдающегося философа прошлого века Генри Форда. Но и, с другой стороны, самообман, связанный с убеждением, что мы, в общем-то, не лыком шиты, ничуть не хуже всех прочих и не хуже других умеем сопли жевать. И вот если, например, есть какие-нибудь физики, химики, латинские америки, которые с помощью всяких инструментов и алгоритмов приращивают знания, то и мы это может сделать с помощью диалектической логики, недialeктической логики, каких-то упражнений, только надо собрать побольше людей, как следует их посадить во всех смыслах, и результат будет налицо. Ну, потом появились сякие такие неприятные наработки вроде исследований Геделя, вроде бы расселовских этих всяких построений, когда стало ясно, что, в общем-то, и строгая наука как таковая она не совсем строгая, и Рене Декарт, если его почитать по-французски, не совсем о том писал, о чем говорили его толкователи рязанско-казанского происхождения. И Паскаль вообще-то больше полагался на знание которое не поддается формализации, не опирается на формы, но это потом пришло. И казалось бы, то, за что мы боролись, внезапно ушло в песок небытия. Я так не думаю. Я тридцать лет прослужил

преподавателем, прошел все ступени в этом богоугодном деле, представителем которого Василий Васильевич Ключевский называл казенно-костными золоторотцами просвещения. И я знаю, что институт философии на фоне этой громадной армии странных, совершенно размагниченных в умственном отношении людей, преподавателей той же философии, был неким возвышающим обманом. В самом деле, вот они сталкивались с ужасами преподавания той же самой философии по типу сопротивления материалов или чего-нибудь еще хуже, но полагали, что есть вот этот чертог почти если не небесный, то поднебесный, где другие люди, освобожденные, отряхнувшие прах от ног своих, занимаются тем, чем бы они хотели заниматься, чем бы они могли бы, может быть, заниматься, но чем им не дает заниматься ужасающее вот это закрепощенность и договоренность бытия против них. И десяткам тысяч людей институт философии помогает жить, помогает жить самым натуральным образом. Он действительно был защищающим и возвышающим обманом. Но все-таки — обманом. Не только обман сциентизма, не только обман коллективного разума, но и многие другие обманы сейчас уходят. Хорошо это или плохо? Они же уходят, не освобождая место для наступления истин. Они уходят под натиском других обманов, противных, гораздо более тупых обманов, обманов, основанных на очень простом выгодно-выпасном убеждении, что если не обманешь, не огребешь... ну не знаю, как подобрать эвфемизм... В общем, короче говоря, не огребешь, не проживешь, и так далее, и тому подобное. Это плохой обман. Но это уходит. И, конечно, убеждение, что можно, сгрудившись, сплотившись противостоять этому обману, это убеждение тоже уходит. А люди, которые были лучшими в среде ремесленной философии (не вкладываю в это никакого обидного смысла), эти люди, мне кажется, виноваты и перед собой, потому что практически любой из них не оставляет выученика, не оставляет человека-наследства. То есть он не соблюдает, мне кажется, сократического завета, вот этого отдельного служения истине, безнаградного служения, потому что наградой оказывается некоторое конечное убеждение, которое и радостным не назовешь, а именно, что все повторяется в жизни, что каждый человек находит одни и те же ступени, как бы он вообще-то не изворачивался и не старался, он рождается, он проходит череду испытаний, которые проходили тысячи людей до него, и уходит из жизни. В этом пространстве все, что он может сделать — он может наполнить это пространство некоторым пониманием. Он должен понимать, что он не все может сделать, но он, тем не менее, должен делать все, что может. сократические заветы, конечно, все эти, греющие, я все-таки

думаю, химеры избранности, химеры назначенности, химеры коллективного служения некоторой, не относящейся к человеку, системе полезностей — все эти химеры, конечно, поддерживают. Но, по-моему, это неплохо. По-моему, это как раз и приведет к тому, что останутся мудрецы. Те, которые понимают, что они понимают мало, которые знают, что чем больше они знают, тем знают они меньше, и которые понимают, что их знание, если, конечно, его обогреть сердечным теплом по-настоящему, это знание может быть теплоносим, не защитным, не спасительным, а просто несущем тепло в холодном мире, который никогда не будет до конца обогрет. И, по-моему, то, что плохо и то, что сделано плохо, в подоплке там где-то за всем своим этим несет это убеждение, что в общем-то, и есть, что делать безнаградно, но не безрадостно. Потому что в этом служении истине есть горечь теплоты такого открытия. Просто мы в оголнении переустройства мира устремлялись к другим утешениям. А других утешений нет. Вот такие вот вести с полей.

САРАСКИНА Л.И.

Уважаемые коллеги, это рабочее заседание меня сподвигло сказать несколько слов на то, что слышала. Я — филолог, притом приезжий, и восприятие провинциальной девушки, приехавшей в Москву в аспирантуру, институт философии — это такая громада, нечто верховное, что возвышается над всей филологией, и всему задает тон. Были у меня и печальные опыты общения с философами в институте, здесь правильно говорили — философские работники, вроде категории профессиональных революционеров или категории «профессионально-православных», которые делают на этом себе карьеру. Восприятие таких «профессионалов» у меня сугубо отрицательное. Мне по душе просто философствующие люди, которые у меня на глазах способны философствовать. Моя пятилетняя внучка Настя мне сказала недавно: понимаешь, вот о том, что были динозавры, есть доказательства, это их кости, а вот то, что был Бог — где доказательства? Она, для меня философствующее существо, которое мыслит, и воображает, и вообразает. Вот и этот Клуб, куда я ходила и где выступала на протяжении 20 лет, здесь были люди, ради которых я ходила. Персонально скажу только об одном человеке, уже ушедшем, — это Гачев Георгий Дмитриевич, был один из тех, ради которого я сюда приходила. Он философствовал. И я понимала, что такое мысль, которая что-то значит ... вот при мне это рождалось. Это прекрасно. И клуб мне помог воочию убедиться в том, что такие люди есть.

Еще одно соображение. Сейчас Лановой гениально говорил, что для него философ — это не Кант, не Гегель, а Толстой. Для меня такими философами всегда были Достоевский и Розанов. Они были в моих глазах гораздо больше, чем философы, чем авторы даже хороших учебников. Они научают мыслить, думать. Недавно мне попала в руки книга, я ее проштудировала от корки до корки. Составил её некто Елогов, собрав серию интервью на тему «кто делает философию в России». Я очень внимательно все прочитала. Одни имена мне хорошо известны, другие совсем неизвестны. Но что меня поразило в этой книге? Аннигилят, если я правильно понимаю это слово, то есть каждый отрицает каждого следующего. Там почти нет никого, кто бы признавал — я признаю Вас, вы признаете Толстых, Царев признает меня... Никакого не то чтобы корпоративного, нет вообще какой-либо солидарности научной. Все отрицает всех! Меня это поразило. Это во-первых.

Во-вторых, что меня еще в этой книге поразило — что для одной части этих персонажей Розанов категорически не является философом, а для другой части Розанов — воплощение самой философии, нечто единственное. Вот такие люди сейчас делают философию в России, и это выглядит как-то даже смешно, потому что, оказывается, размыты все критерии, полный хаос. Но меня не это огорчило... Огорчило то, что сказал в своем выступлении коллега Салуцкий. Два момента, два пункта.

Вот Вы сказали, что Путин ни разу не собрал писателей. А я так подумала — слава Богу, мне в 93-м году ребята-журналисты тайно вынесли стенограмму встречи Ельцина с писателями. Ну, это были специальные писатели... встречи ведь бывают разные, и писатели тоже бывают разные... Все имена этих писателей у меня есть. Они спрашивали Ельцина насчет расстрела Белого дома, это все накануне происходит, за 10 дней, буквально накануне... писатели спрашивают: Борис Николаевич, а Вы примените силу против этих, и далее идут крепкие слова по поводу них. Мол, сколько можно их терпеть?! А Борис Николаевич достаточно робко, видно по интонации, спрашивает — а вы поддерживаете меня? И хор писателей — поддержим, Борис Николаевич, обязательно поддержим. Вот — встреча писателей с президентом. Вот таких президентских писателей я бы не хотела в своей стране видеть.

Второй пункт. Вы сказали, что философы были как бы отстранены... От чего они отстранены? Они не отстранены, они вытеснены... Вместо них сейчас политтехнологи и политологи, именно они при власти. Тот факт, что философы не при власти, думаю, это благо для русской философии, у вас появился шанс, наконец-то, не обслужи-

вать режим, не быть подкладкой под нее... Власть чихнет – а философ оправдывает. Власть кашляет – философ оправдал, дал обоснование. Не надо... Если есть шанс обойтись без вот этой функции – слава Богу. Сейчас, действительно, тяжело и философам, и филологам, мы все брошенные и находимся в одиночном плавании. Это – шанс нам выжить и быть самими собой.

БУЛАВКА Л.А.

Невольно, интуитивно проскальзывает вопрос, какую дистанцию художник, философ или ученый сам дистанцию между собой и жизнью сам установил. Здесь для меня и лежит главный этический принцип самой их деятельности. В этом плане философия является особой областью, ибо для нее эта дистанция может быть предельной. И отсюда расхожий образ философа – человека невменяемого к тому, что творится за окном, имеющего дело с абстракциями, если хотите, имеющего этическое алиби: его нельзя судить, потому что он не от мира сего. Проблема дистанции определила драматургию многих, имена были сегодня здесь упомянуты, а также не упомянуты, и определяла на каждом историческом этапе, какой будет цвет у этого желтого дома. Когда-то он серел, когда-то чернел, когда-то краснел, а когда-то и бледнел. В конечном итоге эта проблема определяла и рубежи в развитии самой философии. Когда-то, в предреволюционные годы, русская интеллигенция пыталась спрятаться за истрепанным театральным занавесом русского символизма. Не удалось, не получилось. Философский корабль уплыл, были и другие попытки спрятаться, но приходилось этот вызов принимать и озвучивать раньше, чем он потом прозвучал. Думаю, значение Клуба «Свободное слово» и всего сообщества, которое работало под этим знаком, состоит в том, что однажды в лице Валентина Ивановича этот философский корабль развернулся и переселился вот на эту улицу. И стали еще больше и активнее обсуждаться проблемы, которые тогда оставались белым пятном на страницах газет – проблема марксизма, советской цивилизации и культуры, когда слово «советский» без ругани вообще употреблять было невозможно.

Думаю, что и эта встреча рабочая – она тревожная, нервная не только потому, что мы все еще остаемся, по образному выражению Макаревича, в «эпохе большой нелюбви», эпохе уходящих великих людей. Это и какая-то наступающая эпоха сиротства. Уходят имена, и делается все неприкаяннее, холодно... Тревожно потому, что под знаком якобы некоей стабилизации мы плавно перешли в состояние

капиталистического застоя. Он, между прочим, бросает вызов философам, которые должны, наконец, заняться своим прямым делом... Я не знаю, занимался ли Сократ или философ Ульянов своим делом, но они бросили вызов самой реальности и её субъектам. Так вот, сегодня этот вызов должны сформулировать философы. Как они это сделают и какую формулу мироустройства и миропорядка предложат — они сделают и определяют сами.

ШЕВЧЕКО В.Н

Цивилизация погружается в кризис. Многообразны стороны его проявления. Поразительная социальная несправедливость, великое переселение народов как результат этой несправедливости, растущие очаги контролируемого хаоса и насильственное навязывание всему миру убогой идеологии потребления. Эксперты ООН предупреждают: к 2017 г. можно ждать голодных войн, продовольствия и пресной воды на всех уже не будет хватать. Одним словом, кризис незаметно, но с поразительной неумолимостью ведет цивилизацию к глобальной катастрофе.

Ответов, соразмерных масштабности растущих вызовов, как не было, так и нет. Логично сказать, что тогда и философия находится в кризисе. Однако голоса беспокойных ученых тонут в общем хоре повседневных забот и личных достижений. Почти никто из философов, тем более в нашем институте, не отважится сказать, да, это кризис. Но охотно признают, что новых ярких личностей на философском небосклоне не появилось, да и с прорывными идеями тоже не густо. И в самом деле. За один год Институт философии издал более 130 книг. Какой уж тут кризис. Свобода самовыражения в профессиональном плане практически абсолютная. Такого, кажется, никогда не было в истории института. А уж за его пределами института и подавно. Одних только учебников и учебных пособий по новой программе философии за последние 15 лет издано около ста штук. И это не последняя цифра. Что касается отечественной и переводной литературы, то она измеряется уже на тысячи книг в год.

Такое поставленное на поток производство философской литературы внушает недоверие к ней и серьезные опасения за ее будущее. Опасения в том смысле, что будут писать и для своих коллег, и широкого круга читателей, как пишется в аннотациях книг. Но все дело в том, что мир развивается по своим неведомым законам, несется на все порах к катастрофе, и чуть ли не каждый философ, сам по себе может и весьма сильный как профессионал, предлагает свой вариант

спасения и человечества. Напишет или проговорит с трибуны, а далее, что? В общем, издаем книги, выпускаем сборники, отчитываемся. С точки зрения самореализации все в порядке.

А мир задыхается от переизбытка информации. И философский мир тоже. Наступил или наступает какой-то новый, совершенно непонятный период. Мы погибнем, если и дальше будем продолжать производить информацию в таких количествах. Какое-то безумство охватывает миллионы людей, которые стремятся увековечить себя в Интернете, в печатном слове или в музыкальном образе, и борьба за качество становится борьбой с ветряными мельницами. Человечество явно погибает из-за наступающей глобальной катастрофы переизбытка информации.

Должна ли ответить на этот вызов философия, и сможет ли она это сделать? Ведь она остается предельно индивидуалистичной, как и две с половиной тысячи лет назад. Индивидуализму в философии приходит конец — это императив нового неведомого нам состояния мира. Кто-то скажет, что вместе с концом индивидуализма придет конец и философии. Ничего подобного. Отдельный философ не в состоянии освоить историю философии, современную философию, тем более, изощренную технику письма сегодняшних интеллектуалов и т.д. На это уходят десятилетия жизни. В плане интеллектуального развития личности — это прекрасно. Но для практики накладно и бесполезно. Сегодняшняя философия становится историей освоения всего многообразия философии. Философия продолжает быть индивидуалистической, или корпоративной. Философское направление, философская школа и есть корпорация. Она обороняется, отстаивает свою территорию, при первой возможности нападает, иногда забирает в плен чужие мысли.

О целостном философском взгляде на мир говорить не приходится. Но если мы говорим о необходимости перехода к качественно новому типу цивилизационного развития, о глобальных ценностях и глобальной этике, то условием выхода на новые рубежи является создание некоего универсального концепта видения мира. Но каждое направление по-своему решает все эти вопросы. Для практических политиков философские разборки неинтересны, в них нет доступной очевидности, без чего нельзя пользоваться философскими выводами в поисках решений сугубо конкретных вопросов.

Механизмы интеграции всего огромного богатства интеллектуальной работы отсутствуют, хотя между философами существует, несмотря ни на что, взаимное понимание при отсутствии единства в оценке сложившейся ситуации в философии.

Наличие взаимопонимания оставляет надежду. Мне нравится мысль В.М.Межуева о том, что общественная собственность есть по сути своей собственность каждого человека на все культурное богатство общества. Такая собственность означает возможность для каждого свободно пользоваться всеми созданиями человеческого ума и таланта. Духовные продукты нельзя присвоить, как вещи, обратить в частную собственность. Но попробую довести его мысль до логического конца. Ведь говорить можно не только об общественной собственности, т.е. о присвоении, но и об общественном производстве. Философское производство как совместный коллективный труд — как это понять?

Кстати, мы в нашей стране уже пытались создать такое производство. Я имею в виду советский марксизм, философию советского периода. Это была форма коллективного производства интеллектуального продукта, по тем временам, форма принудительной коллективности в понятном для всех нас смысле. Классический марксизм был Общественным проектом, предназначенным для всего человечества. Если брать его исходные принципы, то в нем было место для всей мировоззренческой проблематики. Что было востребовано потребностями развития тогдашней классовой борьбы, общества в целом, то развивалось полнее и лучше, а что не востребовано, то остались огромные лакуны, как говорится, до лучших времен.

Но суть дела была в другом. Мир до 1917 г. развивался по законам капитализма. Марксизм был оппозиционным течением, хотя и оказывал большое влияние на конкретное развитие западного общества. С 1917 г. марксизм становится теоретической основой нового типа общественно-исторической практики. При этом философия обосновывает новый тип общественного развития, становится философией практики. Будучи коллективной, советская философия стала жестко принудительной. В смысле ограничений, которые ставила перед ней политика.

Правда, советская философия имела шансы развиваться по пути ослабления жесткой принудительности. И она их использовала. С 60-х гг. XX в. начинается время расцвета советской философии. Когда все стали марксистами, но границы марксизма постоянно раздвигались. Сегодня особенно ярко видно, как благодаря героическим усилиям того поколения философ снимались одни запреты за другими. Некоторые философы сегодня бравируют, говоря, что я, мол, никогда не был правверным марксистом. Просто пару раз цитировал Маркса, а далее писал, что хотел. Это конечно, не так. Но я не имею времени подробно показать на конкретных примерах, каким было коллективное философское творчество в рамках единого мировоззрения.

Таким коллективным философским творчеством занимался на протяжении 60 наш Институт философии. То, что было сделано институтом, остается совершенно непонятым сегодня. Можно не принимать ту конкретную идеологию, которая тогда господствовала, но не будем мы сами идеологически зашоренными сегодня. Важно правильно оценить созданный уникальный механизм совместного коллективного творчества нескольких сотен человек. Все разделы философского знания «понимали» друг друга, были сопряжены и взаимодействовали между собой. Если человечество собирается выжить (в чем я не уверен, судя по тому, как оно себя ведет), то воссоздание этого механизма коллективного творчества просто необходимо. Ведь такое творчество отнюдь не нивелирует особенности талантов, в конце концов, он может продолжать творить и индивидуально. В Институте философии были коллективные работы, и была возможность сотрудникам писать свои книжки. Часто это было не просто. Тем более, сегодня, далеко не все философы способны быть в единой упряжке. Речь идет о разработке философских основ нового типа общественно-исторической практики, а эти основы не могут плюралистичными, когда наличие одних принципов полностью исключает присутствие других.

Трагическую судьбу советского марксизма и советской философии, как некоторой целостности, важно правильно понять. Он обосновывал не только общественный проект как национальный проект, проект мыслился и как мировой глобальный проект. Конечно, общественный проект для страны может быть только как проект для всего мира, и он сам по себе является очень сложной конструкцией, которая включает в себя сакральное, причем применительно как к государству, так и человеку.

Здесь хочу закончить. Мы до сих пор пытаемся определить, какие мировоззренческие основания могут быть положены в основу современного российского проекта. Когда (если) выберем, должны будем еще создать отлаженный, хорошо работающий механизм коллективного философского творчества. Без него никакая новая система ценностей в российском обществе не утвердится. Разумеется, новое философское уmonoстроение должно стать господствующим, пусть и не единственным.

Пока мы решаем свои философские вопросы, на мировой арене разворачивается жестокая битва нескольких Общественных проектов, за каждым из которых стоит великая держава, союз государств или могущественная цивилизация. Россия начинает активно самоутверждаться, восстанавливать на международной арене свой утраченный

авторитет, но, признаемся, для нас и нынешних наших руководителей разработка такого общественного проекта пока является непосильным бременем. Однако, другого пути нет.

Кажется, мир конечно, нашел выход в том смысле, что Господство позитивизма становится все более жестким и тоталитарным. Но это философия средств, а не целей. Философия голого эмпиризма. Титаник получил пробоину, а в кают-компаниях продолжают танцы.

Но это только на первый план. Можно рассуждать о кредо англосаксонской эмпирической философии, которая состоит из либерализма, позитивизма и прагматизма. Но за всем этим стоит некий Общественный проект для англосаксов и для всего мира. И сегодня идет его воплощение.

Много школ академической направленности для интеллектуальных упражнений и разработки новых интеллектуальных технологий управления.

Толстых В.И.

Наша встреча подошла к концу. Итог её и состоявшегося разговора подведет Лев Александрович Аннинский. А я позволю себе сказать несколько заключительных слов сугубо личного впечатления и мнения, к которым тоже можно отнести критически. Многие события и лица из истории Института философии остались за «бортом» нашего разговора. Не пришли, видимо, по серьезным причинам, протойрей Валентин (В.В.Асмус), Наталья Кузнецова, которые готовились выступить и обещали придти. Думаю, много интересного можно было вспомнить и рассказать о жизни и деятельности социальных философов и гносеологов, историков философии и логиков, об этиках и эстетиках. В ходе подготовки и празднования юбилея Института это, разумеется, будет восполнено и сделано, а наша цель и задача была более скромной — привлечь внимание к светлой дате Института, который, несмотря на все трудности, противоречия и проблемы, сыграл заметную роль в развитии отечественной духовной и мыслительной культуры.

Итог разговору подведет Лев Александрович Анненский.

Аннинский Л.А.

Начал я с лирического комментария, им и закончу. Я почувствовал душой и сердцем, что та дихотомия, которую предложил Багитшев: «философы и работники», на удивление срабатывает и сейчас. Я

думаю, что философских работников не может быть много. Потому что тут нужна особая одаренность, чтобы быть именно философским работником. Но чтобы быть философом, никакой одаренности не надо, потому что каждый человек, рожденный на этот свет, рождается философом. И гегелевская баба, которая соображает, сколько ей платить на рынке, и наш Емеля, который лежит на печке и ждет, когда печка сама поедет — это все философы. Правда, они не знают, что они философы. И в тот момент, когда им объяснят, что они философы, они поймут, что никаких ответов на философские вопросы, на *последние* философские вопросы нет и быть не может — не должно быть ответов на эти вопросы. А должно быть бесконечное вопрошание без ответов. Вот к какому ощущению приходишь, думая о том, что мы с вами здесь сейчас обсуждаем.

На эту тему я бы высказался так. А для начала напомним, как на эту тему высказался метафорически еще один современный философ, по фамилии Александр Дугин. Он спросил: есть ли жидомасонский заговор? И сам ответил — никакого жидомасонского заговора нету, но мир устроен так, как если бы он был.

Я, как нераскаянный потомственный атеист, на вопрос о том, есть ли Бог, отвечаю: Бога нет, но человечество устроено так, как если бы он был. Я не знаю, почему это так, но это так.

У нас нет, и не будет ответов на последние вопросы. Но почему-то мы будем вести себя так, как будто эти ответы где-то кроются. И когда попадаешь в Институт философии, где все работают, то соображаешь, что тебе тут делать, т мешает ли тебе Институт или нет. Ну, в известном смысле мешает. Если ты хочешь в эту систему вработаться, то и будь добр работать, как положено. Зачем государство — марксистское государство — учреждает институт философии? Чтобы место не пустовало и чтобы не росло бог знает что в этом месте. Место должно быть занято. Работниками. И сейчас то же самое будет делать православная Церковь, чтобы место было занято. И те самые кадры, которые замечательно выстраивали теорию научного коммунизма, будут выстраивать теорию православного благоденствия.

Как быть нормальному человеку, который, как всякий человек на Земле, есть врожденный философ, но этого не подозревает? Что ему делать? Если относиться к этим левиафанам как к тому, что нужно немедленно улучшить или ухудшить, тогда дело плохо, тогда нужно действительно искать в себе одаренность к этой работе и эту работу выполнять, не надеясь ни на что, кроме некоторого повышения в ранге.

Но если относиться к этим вещам: к научному коммунизму.. так я выражаюсь?.. и институтам соответствующим, к катехизисам церкви, любой — католической, православной, исламской — как к реалиям, с которыми нужно уживаться, зная, что все равно ответов нет, тогда жить можно.

Потому что в тот момент, когда ты понимаешь, что человечество никогда не будет счастливо окончательно — никогда никакие коммунизмы, социализмы и демократии не сделают человечество окончательно счастливым, т оно всегда будет страдать, — но в тот момент, когда ты это понимаешь, ты начинаешь соображать, как улучшить в данной конкретной ситуации данную конкретную позицию. И ты эту работу понемножку делаешь. И сегодня я почувствовал, что у нас есть решимость её делать.

- Алексеева Ирина Юрьевна**, доктор философских наук – 78, 88, 95
Аннинский Лев Александрович, писатель, литературный критик – 275, 306
Арсланов Виктор Григорьевич, доктор философских наук, профессор – 192, 294, 295
Бочарова Светлана Евгеньевна, сопредседатель Центрального совета международного общественного информационно-просветительского движения «Добро без границ» – 269
Бузгалин Александр Владимирович, доктор экономических наук, профессор – 170, 172, 198
Булавка Людмила Алексеевна, доктор философских наук, профессор – 153, 179, 223, 258, 301
Ванслов Виктор Владимирович, доктор искусствоведения, профессор – 151, 155, 169, 177, 288
Водолазов Григорий Григорьевич, доктор философских наук, профессор – 124, 226
Вяткина Наталья Борисовна – 98
Гобозов Иван Аршакович, доктор философских наук, профессор – 188
Голубович Инна Владимировна, кандидат философских наук, доцент – 86
Громов Михаил Николаевич, доктор философских наук, профессор – 66
Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, доктор философских наук, профессор, академик РАН – 60, 63
Данилов-Данильян Виктор Иванович, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН – 135, 138, 139, 140, 141, 165, 168, 169, 170, 172, 217, 218, 220, 222
Дзарасов Солтан Сафрббиевич, доктор экономических наук, профессор – 30
Драпеко Елена Григорьевна, заслуженная артистка России, первый заместитель председателя Комитета по культуре Государственной Думы Российской Федерации, член фракции «Справедливая Россия» – 272
Зиновьева Ольга Мироновна – 34, 286
Ивлев Юрий Васильевич, доктор философских наук, профессор – 6, 38
Казютинский Вадим Васильевич, доктор философских наук, профессор – 277, 278
Келле Владислав Жанович, доктор философских наук, профессор – 187, 214
Косолапов Ричард Иванович, доктор философских наук, профессор – 182, 183, 186, 187, 188, 192, 230, 231
Кучина Вера Михайловна, директор Дворца культуры, Ленинградская область – 270
Лановой Василий Семенович, народный артист СССР – 284
Лобастов Геннадий Васильевич, доктор философских наук, профессор – 22
Логинов Владлен Терентьевич, доктор исторических наук, профессор – 164, 265
Магарил Сергей Александрович, кандидат экономических наук – 149, 175
Малютин Михаил Валентинович, кандидат философских наук, эксперт Экспертного Института при РСПП – 210
Мареева Елена Валентиновна, доктор философских наук, профессор – 225

Масарский Марк Вениаминович, председатель Совета предпринимателей при правительстве и мэрии Москвы, председатель общественного совета предпринимателей РОСПД – 176

Матковская И.Я., доктор философских наук, профессор – 41, 80

Махнач Владимир Леонидович, доцент Московского Архитектурного института – 141

Межуев Вадим Михайлович, доктор философских наук, профессор – 14, 19, 20, 46, 63, 64, 94, 106, 140, 194, 220, 248

Нарикбаев Максуд Султанович, партия справедливости «Адлет» – 263

Нефедов Сергей Иванович, московская организация «Справедливой России» – 255

Никонорова Екатерина Васильевна, председатель Совета по культурной политике Партии «Справедливая Россия», заместитель генерального директора Российской государственной библиотеки (бывшей библиотеки имени Ленина) – 268

Омельяновский Эразм Михайлович, сын М.Э.Омельяновского – 278, 280

Омельяновская Евгения Михайловна, дочь М.Э.Омельяновского – 279

Петров Константин Павлович, исполнительный директор Института социализма – 256

Полюка Геннадий Иванович, кинорежиссер, народный артист России – 244

Попович Мирослав Владимирович, доктор философских наук, профессор, академик – 47

Рабинович Вадим Львович, доктор философских наук, профессор, поэт – 157

Роджеро Алексей Николаевич, кандидат философских наук, доцент – 86

Розин Вадим Маркович, доктор философских наук, профессор – 145

Садущий Анатолий Самуилович, писатель – 228, 292

Сараскина Людмила Ивановна, доктор филологических наук, профессор – 299

Славин Борис Федорович, доктор философских наук, профессор – 26, 50, 117, 159, 186, 187, 202, 208, 235

Стёпин Вячеслав Семенович, доктор философских наук, профессор, академик РАН – 73

Тахо-Годи Елена Аркадьевна, доктор филологических наук – 281

Толстых Валентин Иванович, доктор философских наук, профессор, президент Клуба «Свободное слово» – 5, 32, 37, 40, 41, 83, 95, 101, 103, 140, 141, 151, 177, 180, 181, 183, 185, 187, 188, 229, 232, 233, 262, 266, 272, 274, 275, 278, 281, 286, 288, 290, 295, 306

Федотова Валентина Гавриловна, доктор философских наук, профессор – 17

Фурсов Андрей Ильич, директор Института русской истории РГГУ – 9, 33, 128

Царев Вадим Юрьевич, профессор – 20, 21, 296

Шевченко Владимир Николаевич, доктор философских наук, профессор – 53, 95, 110, 189, 302

Шелкопляс Евгений Валентинович, директор научного центра проблем адаптации человека «Оптимум–1991», кандидат медицинских наук – 260, 290

(1988 – 2008)

Вместо отчета

Эти заметки пишутся накануне сдачи рукописи альманаха в издательство, незадолго до юбилея Клуба, который мы отметим в памятный день. 31 октября с.г. состоится торжественное закрытие клуба и выйдет последняя, одиннадцатая, книжка его альманаха.

Любое событие и явление имеют начало и конец. Наш Клуб – долгожитель, и я не знаю, кто еще в этой четверти века бурных событий в Москве мог бы похвастать такой жизнестойкостью и долголетием. Большая удача – что-то начать и сделать вовремя. Не меньшей удачей считаю вовремя что-либо завершить, желательно успешно. Уйти со сцены, как сказали бы актеры, в хорошей форме и запомниться на пике своей деятельности. Говорю вещи банальные, но вынужденно, потому что многие, прежде всего, ветераны клуба, отговаривали меня от этого решения, обещая поддержку и помощь. Лишь Вячеслав Семенович Стёпин с пониманием отнесся к моим соображениям и доводам, посоветовав, однако, сделать это по достижении 20-летия Клуба. Что я и сделал, выражая тем самым признательность коллегам-членам клуба за верность и доверие, а общественности за внимание, с которым она встречала многочисленные публикации клубных материалов.

Попробую кратко и чистосердечно объяснить, чем вызвано и обусловлено мое решение, ответив на вопросы, которые напрашиваются сами собой. Чем, помимо естественной усталости (пусть лично моей), можно объяснить решение «закрыть» успешно функционирующую познавательную и экспертную площадку в новой исторической ситуации и обстановке, когда её осмысление и понимание приобретает особую ценность? Вопрос законный и правомерный, он возникает у многих и требует адекватного ответа. Чтобы его дать, надо вспомнить, когда, как и почему наш Клуб появился, возник? Какую цель мы ставили и преследовали, когда его создавали, и насколько удалось её осуществить? Наконец, что изменилось и произошло за эти двадцать лет в стране и со страной, побудив лично меня более самокритично отнестись к деятельности Клуба и подвело к мысли о том, что прежнюю свою функцию и назначение он выполнил, а дальше... Что дальше, скажу, ответив на два первых вопроса.

Клуб – дитя перестройки, пожалуй, сегодня наиболее взрослое, долговечное из того времени. Как бы ни относились мы к ней теперь, двадцать лет спустя, она произошла и свою роль, противоречивую и драматичную, сыграла. Можно сколько угодно задним числом и умом «прозревать», но, напомним, тогда, осенью 1988 года, подавляющее большинство её приветствовали и поддерживали, связывая с ней надежду на перемены и лучшее будущее (изжить сталинщину и придать социализму «человеческое лицо»). Наиболее трезвые и придирчивые вскоре нутром почувствовали какой-то подвох и угрозу, наблюдая, как разгулялась взбаламученная стихия разрешенной «гласности и свободного слова». Споры-разговоры – на митингах, в переполненных залах, на улице и дома – демонстрировали такой перепад мнений и сомнений, позиций и точек зрения, что вызрела настоящая драма знания и понимания.

Она дала о себе знать на первых же заседаниях Клуба, который создавался именно для того, чтобы попытаться сообща разобраться в нарастающем как снежный ком клубке противоречий и проблем. Некоторое время спустя Валентина Федотова в написанной ею по просьбе редакции журнала «Российская Федерация» статье попробует разъяснить читательской аудитории, что это за клуб, для чего он создан и из кого состоит. Даже выделит четыре группы и позиции, представляющие и выражающие в Клубе разные общественные слои и интересы. Они потом, естественно, смешивались и перемешивались, заменялись другими, более адекватно отражавшими состояние общественного бытия и сознания. Те, кому рамки клубного общения казались тесными и мешали сполна выразить свою индивидуальность, тихо, «по-английски», его покидали, некоторые потом возвращались, и потому я особенно благодарен тем, кого считаю «ветеранами».

Клуб с самого рождения не был семинаром, который бы академично и строго теоретично обсуждал выносимые на обсуждение вопросы и проблемы. Появился именно клуб, то есть собрание, сообщество, товарищество людей, свободных в своем мнении, самомнении и претензиях, но готовых выслушать и воспринять другое мнение, даже чуждую им точку зрения. Я настаиваю на том, что именно умение слушать и слышать других, а не только себя, такого «умного и любимого», составляет базисное условие существования и функционирования коллективного разума, как его называл покойный Никита Николаевич Моисеев. В этом изначально состояла сила и крепость нашего клубного сообщества, готового принять демократические нормы человеческого общежития, соединить свои мыслительные усилия со всеми, кому не безразлична, говоря высокопарно, судьба России. Понятая каждым по-своему...

Характеризуя Клуб, каким он получился и стал, я бы сказал о нем следующее. Люди разных симпатий и пристрастий, мировоззренческих установок и общественных позиций, мы изо всех сил стремились остаться на высоте названного выше главного предмета нашей общей заинтересованности. Иначе трудно объяснить, что побуждало столь разных людей в любую погоду, без какого-либо вознаграждения и поощрения, регулярно месяцами и годами собираться вместе для того, чтобы обсудить очередную тему или проблему. Не знаю, насколько мудрыми, точными и прозорливыми оказались наши суждения, оценки и предостережения. Судить не нам. Но нам удалось, как я думаю и в чем убежден, показать и доказать, что демократический способ мышления, общения и поведения не противопоказан России, и может внедряться в её общественную ткань без героических усилий или лишь посредством принуждения свободой.

Мы назвали «Свободным словом», получив «сверху» возможность и право свободно мыслить и выражать свое мнение, сознавая, что ценностью является не само по себе слово, а его смысл и истинность. И потому с самого начала достаточно строго и критично относились к любому сказанному слову-мнению и суждению при обсуждении сложных и острых проблем. Ведь свободное слово означает начало разговора и спора, а побеждает (в конечном счете!) демонстрируемое явочным порядком и наглядным образом старшинство мысли, сила аргумента и мудрость жизненного опыта. Может быть, я наивен в своих предположениях, но многих клуб привлек не только возможностью вслух поразмышлять и выговориться самому, но и просто послушать умных и разных людей по темам и вопросам, которые всех волнуют. Как выяснилось, в ситуации гласности пробиться к правде и истине стало не легче, а еще труднее, и потребность в ответственном мнении и взвешенном слове не убавилась, а возросла. На общих и собственный суд выносились отнюдь не рядовые и не простые темы и проблемы, а самые острые, злободневные и сложные.

Готовясь к «закрытию», мы подготовили список наших «клубных бдений» — встреч и дискуссий. Удалось установить около 160 заседаний, учтенных, потому что были еще и не учтенные, когда мы собирались без заранее объявленной повестки дня и приглашения. Думаю, сам диапазон и актуальность обсуждаемых Клубом проблем и вопросов — в силу своей самоочевидности — освобождают меня от подробного комментария. То, что в наших альманахах представляется и именуется интеллектуальной хроникой событий, по сути является летописью событий и перемен в России, происшедших на переломе конца XX и начала XXI в. Отмечу особо — представленных и осмысленных с разных позиций и точек зрения, и потому характеризующих развитие и состояние са-

мого общественного сознания в его индивидуальном, персонализированном выражении. Думаю, чем дальше с годами эти события и процессы будут уходить в прошлое, стареть, тем актуальнее и ценнее станут зафиксированные в клубных альманахах наблюдения, оценки и прогнозы.

Не скрою, приятно и лестно было еще десять лет назад прочитать высказанное Анатолием Салуцким, писателем и публицистом, мнение, что «Свободное слово» останется в истории нашего времени на тех же почетных правах, на каких вошли в историю розановские «Религиозно-философские собрания» или Петербургские «Среды Вячеслава Иванова» начала XX в. Конечно, преувеличение, но чем-то всеми нами заслуженное. Потому что Клуб состоялся и свою скромную миссию выполнил. Ведь мы не ставили себе целью создать летопись эпохи перемен, обозначив свои встречи и беседы интеллектуальной хроникой. Но, чувствую и надеюсь, что признание нашего бескорыстного труда-служения стране и обществу в период национального бедствия и сотрясения основ — впереди. Преодолевая все ловушки и соблазны не стойкой и угодливой памяти, мы оставляем будущим поколениям чистоту и честность сердечных перебоев пережитых событий и свидетельств очевидцев.

После сказанного легче объяснить и понять, почему Клуб закрывается. Россия явно завершает постсоветский период своего перехода в новую стадию исторического развития. После горбачевского и ельцинского сотрясения основ и устоев мы, как ни странно, вновь оказались перед выбором своего будущего, не только ближайшего (условно — 2020 г.), что нам сегодня изо дня в день внушают, но и самого дальнего, поистине судьбоносного, еще не ясного и нами несколько не продуманного. Когда на первый план осмысления выйдут не достаточно заболтанные очевидности, вроде самовнушений насчет инновационного прорыва, эффективности и конкурентоспособности, где от слов давно пора бы перейти к делу, а то, что еще предстоит осознать, осмыслить и признать, имея в виду нынешнее состояние страны и общества, как бы трудно и неприятно это ни было.

Я имею в виду цивилизационный выбор, который России еще предстоит сделать. Ибо сегодня она представляет собой странный гибрид вчерашнего казарменного «социализма» с теперешним олигархически-бюрократическим «капитализмом». Во всяком случае, никто из разумных людей не скажет, что именно о такой России и таком ходе событий он думал и мечтал. Страна бездумно заимствует и варварски усваивает чуждые ей формы хозяйственной, политической и духовной жизни, даже не задумываясь над тем, что те в конечном счете окажутся нежизненными и недолговечными. На базисе рыночного общества — не эко-

номики, а именно общества, где буквально всё продается и всё покупается, — далеко не продвинуешься, разве что удивись растущим числом миллиардеров и долларовых миллионеров.

Так что России еще предстоит найти и обрести оптимальную форму своего общественного бытия и социальной организации. Адекватную её природно-климатическим условиям, историческим и культурным традициям, особенностям национального характера. Для того, чтобы это произошло, не надо изобретать доктрины, клясться классиками (любыми!), кого-то догонять и перегонять. Достаточно, сохраняя присущую нам отзывчивость к всемирным веяниям и новациям, самокритично оценить свой исторический опыт (не более срамной, чем у других народов и стран), осмысленно использовать опыт других цивилизаций и культур, перенимая лучшее, а не худшее, как мы это, увы, сегодня делаем, и что самое необходимое — сосредоточиться на себе. Короче, научиться жить своим умом, не «обезьянничать», перенимая и хватая всё, что попало под руку, чтобы однажды не очнуться, недоумевая и спрашивая себя — в каком это обществе мы очутились и живем? В том, которое сами построили.

Для реализации такой установки и воспитания такого ума нужен новый Клуб — с новой повесткой дня, с другой методологией анализа проблем и методикой их обсуждения, с обновленным составом, прежде всего, за счет пополнения талантливыми и граждански развитыми молодыми людьми. Буду рад, если такой Клуб вскоре появится в Институте философии, и с удовольствием передал бы новому сообществу наше имя — знак «Свободное слово».

Все сказанное выше — это лишь вступление к главному. Я хочу поблагодарить всех, кто так или иначе помогал Клубу создать и содержать в том виде, в каком он существовал и успешно работал целых двадцать лет — как все знают, не простых и не легких.

Благодарю членов Клуба, без которых его вообще бы не было — за бескорыстие и труд в поисках правды и истины, и прошу прощения за стеснение и зажим свободы слова, если таковое я допускал в интересах организации и дисциплины обсуждения. Помню и благодарю всех без исключения, и надеюсь, мы никого не забыли в именном списке членов клуба — и живых, и ушедших от нас.

Благодарю и многочисленных гостей Клуба — за их внимание и интерес к проблемам, которые мы вместе обсуждали.

Высоко ценю и признателен Ирине Курдиной, Марине Бургете и Александре Смирновой — Смоляниновой за организационно-техническую подготовку заседаний и клубных изданий, которую они вели на протяжении многих лет.

Особая заслуга принадлежит организациям и лицам, ставшим соучредителями «Свободного слова» со дня его рождения: Институту философии РАН (В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов), Конфедерации союзов кинематографистов СССР (Рустам Ибрагимбеков), Школе культурной политики Петра Щедровицкого.

Бесперебойная работа Клуба была бы невозможна, если бы он не получал весомую материальную поддержку, «подпитку»: в первом десятилетии своей деятельности со стороны «Киноцентра», а во втором — Российского государственного научного фонда (РГНФ), которым я выражаю глубокую признательность и благодарность. В целом ряде случаев всегда выручал, оказывая финансовую помощь, Петр Георгиевич Щедровицкий.

Мы высоко ценим сотрудничество и внимательное отношение к нам издательств, которые готовили к выпуску в свет альманахи «Свободное слово. Интеллектуальная хроника» — ИФРАН (Института философии — Л.С. Давыдова), «Прогресс-Традиция» (Б.В. Орешин), «Русский путь» (В.А. Москвин).

Благодарны за внимание и публикацию клубных материалов «Литературной газете», «Независимая Газета — Сценарии», «Родной газете», журналам «Искусство кино», «Родина», «Знание-сила» и др.

**Валентин Толстых,
президент Клуба**

1988 год

31 октябрь

Массовое сознание и кинематограф

Ведущие – *Алексей Герман и Борис Грушин*

4 ноября

Встреча с Анджеем Вайдой

Ведущий – *Валентин Толстых*

26 ноября

Художник и власть

Ведущий – *Валентин Толстых*

Толстых В.И. Художник и власть // Правдаю 22 мая, 1989.

27 декабря

Историческое сознание художника

Ведущий – *Валентин Толстых*

1989 год

16 января

Советско-венгерский симпозиум – «Европа – наш общий дом: противоречия социализма в контексте новейшей истории»

Ведущий – *В.И. Толстых*

29 января

Свидание с Бонапартом. Обсуждение общих вопросов, связанных с замыслом фильма Сергея Соловьева

Ведущий – *В.И. Толстых*

20 февраля

Искусство и рынок

Ведущий – *В.И. Толстых*

25 марта

Какая демократия нам нужна, какая демократия у нас возможна?

Ведущие – *А.В. Бузгалин, А.А. Гусейнов*

7 МАЯ

Образование и общество

Ведущие — *Г.Р.Иваницкий, В.И.Толстых*

Головная боль общества // Учительская газета. 1990. № 11.

4 ИЮЛЯ

Кинематограф и новое мышление. XVI Международный Московский кинофестиваль

Ведущий — *В.И.Толстых*

15 ИЮЛЯ

Художник и власть. Встреча Клуба с участниками XVI МКФ

20 ОКТЯБРЯ

Интеллигенция и народ

Ведущий — *В.М.Межуев*

Интеллигенция и народ // Филос. науки. 1990. № 7.

17 НОЯБРЯ

Культура и перестройка

Ведущие — *В.А.Глазычев, В.М.Межуев*

1990 год

19 ЯНВАРЯ

Умер ли марксизм?

Ведущие — *В.П.Лебедев, В.Э.Матизен*

Марксизм вчера, сегодня, завтра // Латинская Америка. 1990. № 5–6; Studies in East European Thought. Dordrecht–Bost.–L., 1993. Vol. 45. № 1–2. June.

26 МАРТА

Кинематограф и современное общество

Ведущий — *В.И.Толстых*

24 АПРЕЛЯ

Духовные ценности и социальные перемены в мире. Встреча с гостями СК — иностранными участниками и газетой «Московские новости»

Ведущий — *В.И.Толстых*

12 НОЯБРЯ

Обсуждение статьи-эссе А.И.Солженицына «Как нам обустроить Россию?»

Ведущие – *В.М.Межуев, Е.М.Цымбал*

30 НОЯБРЯ

Религия и духовное возрождение общества

Ведущий – *Л.Н.Митрохин*

26 ДЕКАБРЯ

Правда и неправда документального кино

Ведущие – *А.А.Гусейнов, В.И.Толстых*

Правда и неправда документального кино // Искусство кино. 1991. № 7.

1991 год

5 ЯНВАРЯ

Есть ли у России будущее?

Пушино, Биологический Центр РАН

Ведущие – *Г.Р.Иваницкий, В.И.Толстых*

Есть ли будущее у России? // Сов. культура. 1991. 26 нояб.

8 ФЕВРАЛЯ

Телевидение и власть, телевидение как власть

Ведущий – *В.И.Толстых*

«Свободное слово» о несвободном телевидении // Экран и сцена. 1991.

№ 8. 21 февр.

15 МАРТА

О памяти и патриотизме

Ведущий – *С.С.Говорухин*

Память, патриотизм, интеллигенция // Столица. 1991. Сент.

3 МАЯ

Апрель 85-го – апрель 91-го. Что это было?

Ведущие – *Б.А.Грушин, А.В.Бузгалин*

11–14 ОКТЯБРЯ

Искусство жизни: советско-американская встреча. Место проведения – Санаторий «Отрадное»

Ведущие – *В.С.Стёпин, В.И.Толстых*

26 ОКТЯБРЯ

После августа 1991-го: возможный ход событий

Ведущие — *М.Н.Ромадин, В.И.Толстых*

После августа 1991: возможный ход событий // Кино: Информ. бюл. 1991. № 7.

16 НОЯБРЯ

Россия и Запад: взаимодействие культур

Ведущие — *В.С.Стёпин, К.М.Кантор*

Россия и Запад: взаимодействие культур // Вопр. философии. 1992. № 6.

17 ДЕКАБРЯ

Национализм как он есть

Ведущие — *А.М.Салмин, В.М.Межуев*

Национализм: болезнь души или спасение плоти? // Знание — сила. 1992. № 9.

1992 год

20 ЯНВАРЯ

Новые голоса и лица России: кто кого представляет? Опыт построения политической типологии

Ведущие — *В.И.Толстых, В.М.Межуев*

24 ФЕВРАЛЯ

Интеллигенция и власть

Ведущий — *Г.С.Померанц*

Интеллигенция и власть // Полис. 1992. № 3.

10 МАРТА

Демократия или автократия? Совместно с Горбачев-Фондом

Ведущий — *В.И.Толстых*

24 МАРТА

Нравственность и наш путь к свободному рынку

Ведущие — *А.А.Гусейнов, А.Ф.Зотов*

Нравственность и рынок // Российская провинция. 1994. № 4.

9 АПРЕЛЯ

Шестидесятники и восьмидесятники: существует ли такая проблема?

Ведущие — *Лев Аннинский, Дмитрий Галковский*

Шестидесятники-восьмидесятники // Знание – сила. 1993. № 4.

25 АПРЕЛЯ

Пути России. Клуб «Свободное слово» в редакции журнала «Искусство кино». Обсуждение фильма Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли»

«Искусство кино». 1992. № 5.

18 МАЯ

Национальное государство: что это такое?

Ведущие – *В.М.Межуев, И.К.Пантин*

10 ОКТЯБРЯ

Ценности американизма и российский выбор.

Ведущие – *Г.Д.Гачев, Д.Е.Фурман*

Мы открываем Америку // Искусство кино. 1993. № 4; Ценности американизма и российский выбор // Знание – сила. 1993. № 5.

18 СЕНТЯБРЯ

Пять лет Клубу «Свободное слово»: мнение, оценки, предложения

Ведущий – *В.И.Толстых*

28 ОКТЯБРЯ

Дело КПСС в Конституционном суде – моральный и правовой аспекты: опыт морально-этической и правовой оценки общественного явления

Ведущие – *А.А.Гусейнов, В.И.Толстых*

Необычное дело. Конституционный суд и судьба КПСС // Свободная мысль. 1993. № 2.

27 НОЯБРЯ

Советское искусство как феномен культуры

Ведущие – *Л.И.Сараскина, К.М.Кантор*

Яд идеологии в крови культур // Родина. 1993. № 11.

17 ДЕКАБРЯ

Современная деревня в сознании крестьян и горожан

Ведущие – *С.Никольский, В.Данилов, В.Филиппов*

Две стороны ограды // Родина. 1993. № 5–6.

1993 год**29 ЯНВАРЯ****Встреча с Александром Зиновьевым**Ведущий — *В.И.Толстых***5 ФЕВРАЛЯ****«Свободное слово» о свободе слова**Ведущие — *Т.А.Алексеева, Ю.М.Батулин*

Мы застряли между разрешением говорить свободно и свободой говорить без разрешения // Новая газета. 17 сент. 1993.

5 МАРТА**Самозванство и самозванцы на Руси: прошлое и настоящее**Ведущие — *Ю.Л.Болдырев, Е.А.Никифоров*

Исход ближайших выборов в России ясен: победит Григорий Отрепьев // Новая газета. 13 авг. 1993; Самозванство на Руси // Родина. 1993. № 11.

9 АПРЕЛЯ**Фундаментализм — идеология и реальность**Ведущие — *Андрей Zubov, Шариф Шукуров*

Фундаментализм подлинный и мнимый // Знание — сила. 1994. № 9.

13 АПРЕЛЯ**Встреча с Владимиром Буковским**Ведущий — *В.И.Толстых*

К кому возвращается блудный сын // Знание — сила. 1994. № 9.

24 СЕНТЯБРЯ**Теория этносов — куда ведет?**Ведущий — *Г.С.Померанц***1 ОКТЯБРЯ****Какая демократия нам нужна, какая демократия у нас возможна? После 21-го сентября 1993 г.**Ведущие — *В.М.Межуев, Э.Ю.Соловьев***29 ОКТЯБРЯ****Политика России в сфере образования: цели и действия**Ведущие — *П.Г.Шедровицкий, В.Ю.Царев*

29 НОЯБРЯ

Интеллигенция во времена кризисов и катаклизмов. Логика гражданского и политического поведения

Ведущие – *Л.И.Сараскина, Е.А.Никифоров*

21 ДЕКАБРЯ

Экономика и политика в эпоху диктатуры демократии

Ведущий – *Т.Л.Клячко*

1994 год

24 ЯНВАРЯ

Русский фашизм – миф или реальность?

Ведущие – *А.А.Галкин, В.Т.Логинов*

Русский фашизм – миф или реальность // Лит. газ. 1994. 11 мая;
Бегство от свободы // Обозреватель. 1994. № 10.

18 ФЕВРАЛЯ

Армия и будущее России

Ведущие – *И.А.Акчурин, И.В.Серебряков*

2 МАРТА

Мужчина и женщина как проблема. Он. Она. Оно

Ведущий – *В.Ю.Царев*

Смещение полов и сумерек культуры // Искусство кино. 1994. № 9.

28 АПРЕЛЯ

Российская элита. От Александра II до Горбачева и Ельцина

Ведущие – *В.Г.Сироткин, В.Ю.Милитарев*

Российская элита от Александра II до Ельцина // Родина. 1995. № 1.

23 СЕНТЯБРЯ

Новые русские – что нового и что русского?

Ведущие – *В.Г.Сироткин, В.Г.Федотова*

«Новые русские» – что нового? // Неделя. 1994. № 41; *Кононова Л.*
Эти «новые русские» // Культура. 8 окт. 1994.

20 ОКТЯБРЯ

Существует ли в России «еврейский вопрос»?

Ведущие – *В.И.Толстых, Д.Е.Фурман*

Валентин Толстых. А есть ли «еврейский вопрос» в России? // Правда. 19 нояб. 1994.

18 НОЯБРЯ

Есть ли у нас оппозиция?

Ведущие — *А.А.Кара-Мурза, С.Е.Кургиян*

23 ДЕКАБРЯ

Состоится ли «Второй мир»?

Ведущие — *А.С.Панарин, Б.С.Ерасов*

1995 год

20 ЯНВАРЯ

Перестройка. Десять лет спустя. Встреча с М.С. Горбачевым

Ведущий — *В.И.Толстых*

17 ФЕВРАЛЯ

Чем Россия лучше СССР, или Можно ли обмануть историю? Встреча с Г.Э.Бурбулисом

Чем РФ лучше СССР, или можно ли обмануть историю? Геннадий Бурбулис и другие полемизируют о Беловежском соглашении // Родина. 1995. № 9.

24 МАРТА

Столица и провинция: конфликт или согласие?

Ведущие — *В.Б.Чурбанов, В.Л.Цымбурский*

21 АПРЕЛЯ

Кланы. Корпорации. Олигархии. Истэблшмент в России конца XX века. Опыт образования политических элит

Ведущие — *Ю.М.Бородай, В.П.Лукин*

5 МАЯ

Правда и неправда о нашей Победе. 9 Мая. 1945 год

Ведущие — *В.Е.Баскаков, Ю.Н.Озеров*

29 СЕНТЯБРЯ

О чем и почему безмолвствует «молчаливое большинство»?

Ведущие — *В.И.Ядов, Н.И.Бетанели*

20 ОКТЯБРЯ

Православие и российская реформа

Ведущие – *отец Валентин (Асмус), А.Б.Зубов*

24 НОЯБРЯ

Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков

Ведущий – *В.И.Толстых*

25 ДЕКАБРЯ

Кино как явление культуры. К 100-летию кинематографа

Ведущие – *Л.А.Анненский, В.И.Толстых*

Валентин Толстых. Муза Века // Правда. 28 дек. 95.

1996 год

19 ЯНВАРЯ

Бизнес в России как проблема

Ведущие – *В.Г.Сироткин, М.В.Масарский*

1 МАРТА

Местная бюрократия. Проблема социальной и культурной идентификации

Ведущие – *И.Е.Дискин, В.А.Кирпичников*

17 МАЯ

Президенты уходят и приходят... А Россия – остается? Выборы и будущее

Ведущие – *Н.И.Бетанели, А.В.Бузгалин*

13 СЕНТЯБРЯ

Нужна ли России новая идеология, и если нужна – то какая?

Ведущие – *А.А.Кара-Мурза, В.В.Кожин*

Идея для России; почва, корни, плоды: Дискуссия в Московском клубе «Свободное слово» // Российский обозреватель. 1997. № 3.

25 ОКТЯБРЯ

Россия и Украина – диалог культур

Ведущие – *В.И.Толстых, Л.А.Анненский*

Россия и Украина – диалог культур // Дружба народов. 1997. № 8–9.

22 НОЯБРЯ

Либерализм и социализм – вчера, сегодня, завтра (диалог молодых либералов и социалистов)

Ведущий – *В.И.Толстых*

23 ДЕКАБРЯ

Смысл российских реформ. Пять лет спустя. Встреча с главным редактором «Независимой газеты» Виталием Третьяковым

1997 год

17 ЯНВАРЯ

Оппозиция и власть. Встреча с Алексеем Подберезкиным, заместителем Председателя Народно-Патриотического Союза

Ведущий – *В.И.Толстых*

21 ФЕВРАЛЯ

Профессиональны ли российские реформы?

Ведущие – *Т.Л.Клячко, В.И.Данилов-Данильян*

21 МАРТА

Телевидение и общественная мораль

Ведущие – *В.В.Познер, А.А.Гусейнов*

Ягункова Л. Зритель в самообороне // Правда. 1997. № 13; Может ли телевидение быть свободным от морали? // НГ – Сценарии. 1997. № 5. 29 апр.

22 АПРЕЛЯ

Модерн. Авангард. Постмодерн. Вехи русской культуры XX века

Ведущие – *В.Л.Рабинович, Г.С.Померанци*

13 МАЯ

Драма идеи интеграции. К вопросу о союзе России и Белоруссии

Ведущий – *В.И.Толстых*

Народы. Культуры. Религии // Евразия. 1997. № 1.

Заседания Куба, проходившие в Институте Философии, Волхонка 14

1998 год

18 НОЯБРЯ

Нужна ли Россия Русским? Парадоксы Российского сознания и поведения

Ведущие – *В.Л.Махнач, Г.Г.Водолазов*

16 ДЕКАРЯ

Интеллектуальный потенциал России: проблема востребованности и самореализации

Ведущие – *С.П.Курдюмов, С.В.Егереv*

1999 год

27 ЯНВАРЯ

Россия и Восток

Ведущие – *М.Л.Титаренко, Б.С.Ерасов*

24 МАРТА

1985–1999 гг. Пути-перепутья русской интеллигенции. К 90-летию со дня выхода сборника «Вехи»

Ведущие – *М.А.Маслин, В.Г.Федотова*

28 СЕНТЯБРЯ

Императивы и искусства российского консерватизма

Ведущие – *А.А.Кара-Мурза, А.Е.Городецкий*

3 НОЯБРЯ

Реформы в России и Китае – кто оказался мудрее

Ведущие – *В.Ж.Келле, Б.С.Ерасов*

8 ДЕКАБРЯ

Выход России из кризиса: Возможные сценарии развития. 1-е заседание

Ведущие – *С.Глазьев, Д.С.Чернавский*

2000 год**2 ФЕВРАЛЯ****Выход России из кризиса: Возможные сценарии развития. 2-е заседание**
Ведущие — *А.Р.Белоусов, В.С.Стёпин***29 МАРТА****Статус науки в современной культуре**
Ведущий — *В.С.Стёпин***19 АПРЕЛЯ****Перспективы развития социал-демократии в России и социальная база. Встреча с М.С.Горбачевым****17 МАЯ****Что происходит в России с моралью?**
Ведущие — *А.А.Гусейнов, В.Т.Третьяков***7 ИЮНЯ****Социальная база и перспективы развития социал-демократии в России. Встреча с М.С.Горбачевым****27 СЕНТЯБРЯ****Сто сорок дней президента Путина. Куда же идет Россия?**
Ведущие — *А.А.Зиновьев, В.А.Рыжков***15 НОЯБРЯ****Судьба Российского федерализма**
Ведущие — *М.Г.Алиев, П.А.Федосов***13 ДЕКАБРЯ****Российская модернизация в контексте глобализации. Прогноз и перспективы**
Ведущие — *М.Г.Делягин, В.Г.Федотова***2001 год****24 ЯНВАРЯ****Мы и наша история**
Ведущие — *В.Т.Логинов, В.Т.Третьяков*

28 МАРТА

Художник и время. Художник и власть

Ведущие — *В.В.Васильев, В.С.Лановой*

18 АПРЕЛЯ

Алгоритмы российских модернизаций

Ведущие — *М.В.Масарский, О.В.Доброичев*

6 МАЯ

Свобода. Собственность. Мораль. Послесловие к спорам об НТВ

Ведущие — *В.Т.Третьяков, В.М.Межуев*

26 СЕНТЯБРЯ

Произойдет ли смена элиты в России

Ведущие — *В.Ю.Царев, О.В.Гаман-Голутвина*

31 ОКТЯБРЯ

Социальная политика президента Путина

Ведущие — *Н.М.Римашевская, В.М.Межуев*

28 НОЯБРЯ

Россия: часть Запада или самостоятельный центр силы

Ведущий — *А.К.Пушков*

19 ДЕКАБРЯ

Смелый новый мир. Застеколье или зазеркалье

Ведущее — *В.Ю.Царев, О.М.Здравомыслова*

2002 год

23 ЯНВАРЯ

Россия как историософская проблема

Ведущие — *А.Г.Дугин, А.И.Фурсов*

20 ФЕВРАЛЯ

Антиглобализм как он есть

Ведущий — *А.В.Бузгалин*

10 АПРЕЛЯ

Устойчивое развитие: утопия или императив?

Ведущие — *В.И.Данилов-Данильян, А.Б.Вебер*

15 МАЯ

Литература и общество. Куда делись «властители дум» и «инженеры человеческих душ»?

Ведущие — *Л.А.Анненский, А.А.Яковлев*

25 СЕНТЯБРЯ

Российская бюрократия — мотор или тормоз реформ?

Ведущие — *В.Н.Шевченко, П.Г.Щедровицкий*

27 НОЯБРЯ

Что нас объединяет, и что разъединяет?

Ведущие — *Е.Н.Ведута, В.С.Лановой, А.А.Сагратян, А.Л.Эбаноидзе*

18 ДЕКАБРЯ

Международный терроризм или война нового типа?

Ведущий — *А.И.Фурсов*

2003 год

22 ЯНВАРЯ

Нужна ли сегодня философия?

Ведущие — *В.С.Стёпин, В.М.Межуев*

5 МАРТА

Добро и зло массовой культуры

Ведущие — *К.Э.Разлогов, Н.М.Зоркая*

2 АПРЕЛЯ

Национальные интересы и национальный суверенитет в эпоху глобализации

Ведущие — *В.А.Никонов, В.Л.Цымбурский*

14 МАЯ

Пиар и демократия

Ведущие — *А.В.Рябов., М.В.Малютин*

25 ИЮНЯ

О природе российской власти. Встреча с Р.И.Хасбулатовым

24 СЕНТЯБРЯ

Россия в начале XX и в начале XXI в.. К 100-летию «Вишневого сада»

А.П.Чехова

Ведущие – *Л.И.Сараскина, О.М.Здравомыслова*

22 ОКТЯБРЯ

Идеология будущего

Ведущий – *А.А.Зиновьев*

31 ОКТЯБРЯ

15-летие клуба «Свободное слово»

3 ДЕКАБРЯ

Идолы и идеалы современности. К 80-летию Эвальда Васильевича Ильенкова

Ведущие – *В.Г.Арсланов, А.А.Сорокин*

2004 год

21 ЯНВАРЯ

Есть ли альтернатива президенту Путину?

Ведущие – *С.Г.Кара-Мурза, А.А.Кара-Мурза*

18 ФЕВРАЛЯ

Технология мысли: властный и культурный контекст К 75-летию Георгия Петровича Шедровицкого

Ведущие – *В.А.Лекторский, В.М.Розин*

24 МАРТА

Культура и государство

Ведущие – *В.М.Межуев, В.М.Егоров*

29 СЕНТЯБРЯ

Евразия: Миф или реальность

Ведущие – *А.И.Фурсов, П.В.Зарифулин*

25–26 ОКТЯБРЯ

ПЕРЕСТРОЙКА. Двадцать лет спустя

25 октября: День первый. Институт философии РАН

26 октября: День второй. Горбачев-Фонд

24 НОЯБРЯ

Есть ли у России общенациональная цель?

Ведущий — *В.Н.Кузнецов*

22 ДЕКАБРЯ

Чем отличается свода творчества художника от вседозволенности и беспредела

Ведущие — *Л.И.Сараскина, В.Ю.Царев*

2005 год

2 ФЕВРАЛЯ

Россия и США: на пути к взаимопониманию и стратегическому партнерству

Ведущие — *В.И.Толстых, Э.Д.Лозаннский*

2 МАРТА

Какая оппозиция нужна нам в России? Встреча с Ириной Хакамадой

6 АПРЕЛЯ

Социальная политика президента Путина. Ясно кто виноват. Не ясно — что делать

Ведущая — *Н.М.Римашевская*

18 МАЯ

Последний солдат марксизма. К 100-летию М.А.Лифшица

Ведущие — *В.Г.Арсланов, А.К.Фролов*

21 СЕНТЯБРЯ

Служение или бизнес? Тенденции и проблемы современного художественного процесса в России на рубеже XX—XXI вв.

Ведущие — *Д.Б.Дондурей, А.П.Чудаков*

26 ОКТЯБРЯ

Феномен свободомыслящего человека. Памяти Л.Н.Митрохина

Ведущий — *В.И.Гаражда*

2 НОЯБРЯ

Диалог цивилизаций. Повестка дня

Ведущие — *В.И.Толстых, Э.Д.Лозаннский*

23 НОЯБРЯ

Китай сегодня и в предчувствии будущего

Ведущие – *М.Л. Титаренко, В.А. Лекторский*

21 ДЕКАБРЯ

Странный поэт Пушкин

Ведущий – *В.С. Непомнящий*

2006 год

1 ФЕВРАЛЯ

Какую Россию мы уже теряем... Встреча с Саввой Ямшиковым

22 ФЕВРАЛЯ

Общественная собственность – прошлое или будущее человечества?

Ведущие – *Н.И. Алексеев, Б.Ф. Славин*

22 МАРТА

История России: Новое прочтение. Обсуждение книги Валерия Соловья с участием автора

Ведущий – *В.Т. Логинов*

26 АПРЕЛЯ

Мораль и общество. Олег Дробницкий в истории современной этики

Ведущие – *В.М. Межуев, Р. Г. Апресян*

2 СЕНТЯБРЯ

Атомная энергетика России: Состояние, проблемы, перспективы

Встреча с Петром Щедровицким, советником руководителя Федерального агентства по атомной энергии

1 НОЯБРЯ

XX век и мы. Встреча-диалог с Максимом Кантором, художником и писателем, автором «Учебника Рисования» в 2-х томах

Ведущие – *В.В. Ванслов, В.Ю. Царев*

6 ДЕКАБРЯ

Шестидесятники: легенды и реальность

Ведущие – шестидесятники: *И.И. Виноградов, Г.Г. Водолазов*

2007 год**24 ЯНВАРЯ****Глобализация в контексте социальной истории** Конец или начало?Ведущие — *А.Н.Чумаков, В.М.Розин, В.И.Аршинов***21 ФЕВРАЛЯ****Российское кино: возрождение или вырождение?**Ведущие — *Л.А.Анненский, В.Э.Матизен***28 МАРТА****Кого и что выбираем?**Ведущие — *В.Т.Третьяков, Г.А.Сатаров***25 АПРЕЛЯ****Обсуждение статьи Дмитрия Медведева «Национальные проекты — от стабилизации к развитию» (Коммерсантъ. 25 января 2007)**Ведущие — *В.И.Данилов-Данильян, Б.Ф.Славин***23 МАЯ****От знания к пониманию. Посвящается А.А.Зиновьеву**Ведущие — *А.И.Фурсов, Ю.В.Ивлев***7 СЕНТЯБРЯ, ОДЕССА****Россия и Украина: диалог культур в прошлом и настоящем**Ведущие — *В.И.Толстых, И.Я.Матковская***8 СЕНТЯБРЯ, ОДЕССА****Информационные процессы на постсоветском пространстве**Ведущий — *А.А.Роджеро***31 ОКТЯБРЯ****Октябрь Семнадцатого. Что это было?**Ведущий — *В.И.Толстых***2008 год****23 ЯНВАРЯ****Ренессанс и советская культура: общность противоречий**Ведущие — *Л.А.Булавка, В.В.Ванслов*

20 ФЕВРАЛЯ

Истина как проблема. Встреча с Р.И.Косолаповым

Ведущий – *В.И. Толстых*

24 АПРЕЛЯ

**Культура в перспективе социализма. 2-й Форум социалистических партий
(Президент-отель, 24 апреля 2008 г.)**

Ведущий – *В.И. Толстых*

4 МАЯ

Желтый дом на Волхонке. К 80-летию Института философии

Ведущие – *Лев Аннинский и Валентин Толстых*

31 ОКТЯБРЯ

20 лет Клубу «Свободное слово». Торжественное закрытие

Ведущий – *А.А. Гусейнов*

1. Перестройка. «Десять лет спустя» / Ред.-сост. В.И.Толстых М.: Апрель-85, 1995. 13,5 п.л.
2. Свободное слово. Интеллектуальная хроника десятилетия: 1985–1995 / Сост. и ред.: А.А.Гусейнов, В.М.Межуев, В.И.Толстых. М.: Школа культурной политики, 1996. 33 п.л.
3. Марксизм: PRO и CONTRA (на основе дискуссии в Клубе «Свободное слово») / Под ред. В.Толстых. М.: Республика, 1997. 15 п.л.
4. Свободное слово. Интеллектуальная хроника: 1995–1997 / Сост., ред. В.И.Толстых М.: Школа культурной политики, 1997. 29 п.л.
5. Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков (книга-диалог) / Ред.-сост. В.И.Толстых. М.: ИФ РАН, 1997. 13,5 п.л.
6. Россия в глобализующемся мире (совместное заседание Клуба «Свободное слово» и Горбачев-фонда) / Ред.-сост. В.И.Толстых. М.: Апрель-1995, 1997. 6.п.л
7. Свободное слово. Интеллектуальная хроника: 1998–1999 / Ред.-сост. В.И.Толстых. М.: ИФ РАН, 2000. 17,3 п.л.
8. Свободное слово. Интеллектуальная хроника: 2000 / Ред.-сост. В.И.Толстых. М.: ИФ РАН, 2001. 17,3 п.л.
9. Свободное слово. Интеллектуальная хроника: Альманах'2001 / Ред.-сост. В.И.Толстых. М.: Прогресс-традиция, 2002. 27 п.л.
10. Свободное слово. Интеллектуальная хроника: Альманах'2002 / Ред.-сост. В.И.Толстых. М.: Прогресс-традиция, 2003. 23,7 п.л.
11. Свободное слово. Интеллектуальная хроника: Альманах'2003 / Ред.-сост. В.И.Толстых. М.: Прогресс-традиция, 2005. 23,5
12. Перестройка. Двадцать лет спустя / Ред.-сост. В.И.Толстых. М.: Русский путь, 2005. 12.п.л.
13. Свободное слово. Интеллектуальная хроника: Альманах'2004–2005 / Ред.-сост. В.И.Толстых. М.: Русский путь, 2005.
14. Свободное слово. Интеллектуальная хроника: Альманах'2005–2006 / Ред.-сост. В.И.Толстых. М.: Русский путь, 2006.
15. Свободное слово. Интеллектуальная хроника: Альманах'2006–2007 / Ред.-сост. В.И.Толстых. М.: Русский путь, 2007.
16. Свободное слово. Интеллектуальная хроника: Альманах'2007–2008 / Ред.-сост. В.И.Толстых. М.: ИФ РАН, 2008.

1. В поисках «властителей дум» // Лит. газ. № 43. 23–29 сент. 2002.
2. Мы будем рядом с Западом, но как самостоятельный центр // Россия. 27 дек. 2001 – 9 янв. 2002.
3. Добро и зло массовой культуры // Лит. газ. № 19–80. 21–27 мая 2003.
4. Как управлять? // Лит. газ. 2 июля 2003.
5. «Вишневый сад»: рубить или не рубить? // Новая жизнь. 2003. № 1(18). Окт.
6. Есть ли альтернатива президенту Путину? // Родная газ. 30 янв. 2004.
7. Как живется русским в России // Родная газ. 23 июля 2004.
8. Власть и культура // Политжурнал. 2004. № 22(25) 28 июля.
9. К вопросу о том, чем отличается свобода творчества художника от вседозволенности и беспредела // Лит. газ. № 12–13. 30 марта–5 апр. 2005.

Акчурин И.А.
Алексеева Т.А.
Анненский Л.А.
Арсланов В.Г.
Аршинов В.И.

Белелюбский Ф.Б.
Белов Н.Н.
Бетанели Н.И.
Бородай Ю.М.
Буева Л.П.
Бузгалин А.В.
Булавка Л.А.

Ваганов А.Г.
Ванслов В.В.
Водолазов Г.Г.

Гаман О.В.
Гачев Г.Д.
Герасимов А.Н.
Городецкий А.Е.
Грушин Б.А.
Гусейнов А.А.
Гусенков В.С.

Данилов-Данильян В.И.
Дзарасов С.С.
Дискин И.Е.
Доброчеев О.В.

Ерасов Б.С.

Здравомыслова О.М.
Злобин Н.С.

Иваницкий Г.Р.
Иорданский В.Б.

Казютинский В.В.
Калганов А.И.

Кантор К.М.
Капустин Б.Г.
Кара-Мурза А.А.
Келле В.Ж.
Клямкин И.М.
Клячко Т.Л.
Кожин В.В.
Крупнов Ю.В.
Крушанов А.А.
Кузнецов М.И.
Кураев (отец Андрей)
Кургинян С.Е.

Лебедев В.П.
Лепский В.Е.
Лобастов Г.В.
Логинов В.Т.

Магарил С.А.
Макарова Е.К.
Максимов В.Н.
Малютин М.В.
Мамут Л.С.
Масарский М.В.
Матизен В.Э.
Махнач В.Л.
Межуев В.М.
Мигранян А.М.
Милитарев В.Ю.
Михайлов И.А.
Муратов С.А.

Никольский С.А.
Никифоров Е.А.
Никич О.А.

Ожогин В.И.
Осипова Е.В.

Панарин А.С.
Пантин И.К.

Подорога В.А.
Померанц Г.С.

Рабинович В.Л.
Разлогов К.Э.
Розин М.В.
Ромадин М.Н.

Салмин А.М.
Салуцкий А.С.
Сараскина Л.И.
Сейфуллаев Р.С.
Семенов В.С.
Сироткин В.Г.
Славин Б.Ф.
Соловьев Э.Ю.
Степин В.С.

Теличкина В.И.
Терин В.П.
Титаренко М.Л.
Толстых В.И.
Томский В.С.
Третьяков В.Т.

Уткин А.И.

Федотова В.Г.
Фрейдлих С.И.
Фурман Д.Е.
Фурсов А.И..

Холодный В.И.
Хуциев М.М.

Царев В.Ю.
Ципко А.С.
Цимбал Е.В.
Цымбурский В.Л.

Чумаков А.Н.
Чухрай Г.Н.

Шахназаров Г.Х.
Шевченко В.Н.

Щедровицкий П.Г.

Эренгросс Б.А.

Якобсон Л.И.

- Абалкин Л.И.
Алиев М.Г.
Андреева И.А.
Апресян Р.Г.
Асмус (протоирей Валентин)
- Баграмов Э.А.
Бакштанский В.И.
Баскаков В.Е.
Батулин Ю.М.
Белоусов А.Р.
Беляева Л.А.
Беляева-Конеген С.Ю.
Блюхер Ф.Н.
Богомолов Ю.А.
Буданов В.Г.
Бueva Л.П.
Буковский В.К.
Бурбулис Г.Э.
Бурганов А.Г.
Бурув В.Г.
Быков Д.Л.
Быстрицкий А.Г.
- Васильев В.В.
Вильчек Е.М.
Виноградов И.И.
Вите О.Т.
Вишневская И.Л.
Волк Е.С.
- Гайденко П.П.
Галкин А.А.
Галковский
Гараджа В.И.
Гарднер Холл
Гельман А.И.
Гельман М.А.
Гербер А.Е.
Глазычев В.Л.
Глазьев С.Ю.
- Гловелия Г.Д.
Говорухин С.С.
Горбачев М.С.
Горбачева Р.М.
Гордон Л.А.
Горохов В.Г.
Греков Л.И.
Громов М.Н.
Гурофф Грег
Гуселетов Б.П.
- Давыдов Ю.Н.
Дворкин В.З.
Демидова А.С.
Джемаль Г.Д.
Дилигенский Г.Г.
Дондурей Д.Б.
Донец Л.С.
Достоевский Д.А.
Драбкин Я.С.
Драгунский Д.В.
Дубровский Д.И.
Дугин А.Г.
- Жириновский В.В.
Жук В.С.
- Зарифуллин П.В.
Зархи А.Г.
Захаров А.В.
Здравомыслов А.Г.
Земляной С.Н.
Зиновьев А.А.
Зиновьева О.М.
Зинченко В.П.
Зоркая Н.М.
Зотов А.Фю
Зубов А.Б.
- Кабаков А.А.
Казютинский В.В.

Кай Элерс
Калганов А.И.
Кантор М.К.
Капустин Б.Г.
Кара-Мурза С.Г.
Кирпичников В.А.
Колтыпина М.В.
Коэн Стивен
Кувалдин В.Б.
Кузнецова Н.И.
Кузьмина Т.А.
Кулиш С.Я.
Кураев (отец Андрей)
Курдюмов С.П.
Курицын В.П.

Латынина А.Н.
Латынина Ю.Л.
Лекторский В.А.
Леонтьев М.В.
Лисеев И.К.
Лозаннский Э.Д.
Лукин В.П.
Львов А.Л.

Максимов В.Н.
Мамчур Е.А.
Мареева Е.В.
Маслин М.А.
Межуев Б.В.
Меньшов В.В.
Микоша В.В.
Миллер В.И.
Миронов В.Н.
Митрохин Л.Н.
Михайлов Ф.Т.
Мишин А.А.
Муратов С.А.

Назаретян А.П.
Назаров Ю.В.

Неклесса А.И.
Непомнящий В.С.
Никитинский Л.В.
Никифоров Е.А.
Никонов В.А.

Овчинников Н.Ф.
Огурцов А.П.
Ожогин В.И.
Омельяновская Л.М.
Омельяновский Э.М.
Орлов Д.К.
Острецов И.Н.

Палиевский П.В.
Панфилов О.В.
Перевалов В.П.
Петровская Е.В.
Пивоваров О.Н.
Плетников Ю.К.
Подберезкин А.И.
Познер В.В.
Полока Г.И.
Полосин В.С.
Поляков Л.В.
Порус В.Н.
Пушков А.К.

Рац М.В.
Режабек Б.Г.
Римашевская Н.М.
Рубцов А.В.
Руткевич А.М.
Рыжков В.А.
Рябов А.В.

Сагратян А.
Самсонова Т.В.
Сатаров Г.А.
Сачков Ю.В.
Свасьян К.А.

Серебряков С.Д.
Серков И.А.
Скляр Г.И.
Смеляков Л.Я.
Соловей В.Д.
Сорина Г.В.
Сорокин А.А.
Степанянц М.Т.
Стишова Е.М.

Тахо-Годи Е.А.
Тимофеев Т.Т.
Тищенко П.Д.
Толстых А.В.
Туманов В.А.

Уткин А.И.

Фёдоров С.Н.
Фирсова Д.С.
Фролов А.К.

Хакамада И.М.
Хасбулатов Р.И.
Худоназаров Давлат

Чаплин В.
Чернавский Д.С.
Чудаков А.П.
Чурбанов В.Б.

Шевкопляс Е.В.
Шевченко М.Л.
Шемякин А.М.
Шердаков В.Н.
Шестаков В.П.
Штайник Раиса
Шукуров М.М.

Эбаноидзе А.Л.
Этингер Я.Я.

Юдин Б.Г.

Ядов В.А.
Якимович А.К.
Якобсон Л.И.
Яковлев А.Н.
Ямщиков С.В.
Янов А.Л.

Свободное слово. Интеллектуальная хроника Альманах 2007/2008

*Утверждено к печати Дирекцией
Института философии РАН*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *М.Р. Буржете*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 16.09.08.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 21,5. Уч.-изд. л. 19,31. Тираж 500 экз. Заказ № 043.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор

Компьютерная верстка *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

iph.ras.ru

1. Биоэтика и гуманитарная экспертиза: Пробл. геномики, психологии и виртуалистики. Вып. 2 / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. Ф.Г.Майленова. — М.: ИФ РАН, 2008. — 230 с. — Библиогр. в примеч.
2. *Домников С.Д.* Хозяйство и культура: Введение в феноменологию традиционного текста / РАН. Ин-т философии. — М.: ИФ РАН, 2008. — 151 с.
3. Многомерность истины / РАН. Ин-т философии; Редкол.: А.А. Горелов, М.М. Новосёлов. — М.: ИФРАН, 2008. — 215 с.
4. Политико-философский ежегодник. Вып. 1 / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. И.К. Пантин. — М.: ИФРАН, 2008. — 199 с.
5. Понятие истины в социогуманитарном познании / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. А.Л. Никифоров. — М.: ИФРАН, 2008. — 212 с.
6. *Симуш П.И.* Поэтическая мудрость С.А.Есенина / РАН. Ин-т философии. — М.: ИФ РАН, 2008. — 231 с.
7. *Спиридонова В.И.* Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли / РАН. Ин-т философии. — М.: ИФ РАН, 2008. — 186 с.
8. *Старовойтов В.В.* Современный психоанализ: грани развития / РАН. Ин-т философии. — М.: ИФ РАН, 2008. — 127 с.
9. Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. 2 [Текст] / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. М.С. Киселева. — М.: ИФРАН, 2008. — 263 с.
10. *Шкатов Д.П.* Модальная логика и модальные фрагменты классической логики / РАН. Ин-т философии. — М.: ИФРАН, 2008. — 135 с.